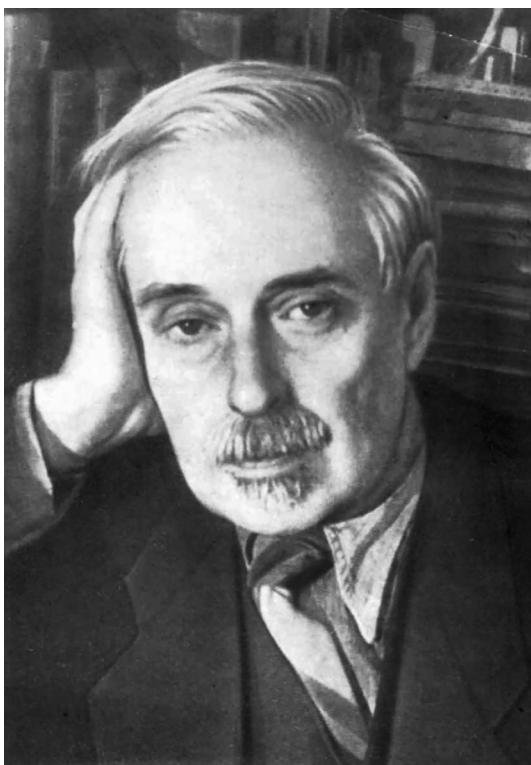

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН

Владимир Яковлевич Пропп
(1895–1970)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОЙ
ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Выпуск 12

*ПАМЯТИ
ВЛАДИМИРА ЯКОВЛЕВИЧА
ПРОППА*

Санкт-Петербург
Арт-Экспресс
2024

УДК 821.0:398

ББК 82

И32

Из истории русской фольклористики. Вып. 12: Памяти Владимира Яковлевича Проппа / сост. и науч. ред. В. И. Еремина; отв. ред. С. А. Жадовская. — СПб.: Арт-Экспресс, 2024. — 324 с., ил.

ISBN 978-5-4391-0989-0

Настоящее издание посвящено памяти выдающегося ученого, филолога-фольклориста Владимира Яковлевича Проппа (1895–1970), труды которого вошли в сокровищницу мировой гуманитарной науки и дали старт новым научным направлениям. В сборник включены как ранее не печатавшиеся статьи и письма, так и уже публиковавшиеся исследования, воспоминания, эпистолярий.

Предлагаемые статьи и материалы предназначены широкому кругу читателей, интересующихся историей русской культуры и гуманитарной науки XX в.

Редакционная коллегия:

А. Н. Власов, В. И. Еремина,

А. Ф. Некрылова, М. В. Рейли, А. Н. Розов

Составитель и научный редактор:

В. И. Еремина

Отв. редактор:

С. А. Жадовская

Рецензенты:

С. Б. Адоньева, д. филол. наук

Т. С. Канева, канд. филол. наук

ISBN 978-5-4391-0989-0

© Коллектив авторов, наследники 2024

© Издательство «Наука» (оформление),
1978 (год основания)

От составителя

Настоящий сборник готовился к 125-летию со дня рождения одного из крупнейших филологов-фольклористов XX в. Владимира Яковлевича Проппа (16(28) апреля 1895–22 августа 1970). Помещенные здесь статьи и материалы — дань памяти и знак глубокого уважения к научным трудам и яркой личности В. Я. Проппа, выдающегося ученого с независимым умом, блестящей эрудицией и самым широким кругом интересов в области художественного творчества. Идеи В. Я. Проппа, возникавшие на почве тщательно изученного материала, сыграли огромную роль в мировой науке и культуре, положив начало новым школам и направлениям в России и далеко за ее пределами.

Материалы, предлагаемые вниманию читателей, — свидетельство неизменной благодарности дорогому Учителю и Наставнику. В сборник вошли как впервые публикуемые статьи, письма, воспоминания об ученом, так и труды, ранее напечатанные в различных изданиях, многие из которых стали сегодня библиографической редкостью. В последнем случае информация о первой публикации дается в сноске. Библиографические ссылки оформлены по современным правилам и также даны в сносках. При необходимости исправлены единичные опечатки первых публикаций.

Впервые для этого сборника подготовлен библиографический список трудов В. Я. Проппа, изданных после 1990 г., и список его публикаций на иностранных языках (составитель Т. Г. Иванова). Отдельного упоминания заслуживают письма, дополняющие представление о личности В. Я. Проппа и его исследовательском методе.

Редакторы выражают искреннюю признательность за помощь в подготовке материалов и иллюстраций Анне Федоровне Некрыловой и сотрудникам Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

I ИССЛЕДОВАНИЯ

Б. Н. ПУТИЛОВ

ОТ СКАЗКИ К ЭПОСУ (ПО СТРАНИЦАМ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ВЛАДИМИРА ЯКОВЛЕВИЧА ПРОППА)¹

В формуле, вынесенное в заглавие статьи, — «от сказки к эпосу» — заключено сразу несколько смыслов. Фактический: завершив фундаментальное исследование волшебных сказок, В. Я. Пропп сразу же обратился к столь же фундаментальной разработке проблем героического эпоса. Методологический: опыт структурного анализа фольклорных текстов, добытый при изучении сказок и базировавшийся на признании определяющего значения структуры для жанровой природы фольклорных явлений, ученый применил к исследованию героического эпоса — с учетом его жанровой специфики. Теоретический: два жанра — две системы: «эпос, сказка <...> имеют различное происхождение, различную историческую судьбу, отличаются по своей идеологии и по своей форме и представляют собой различные образования»². Исходя из такого понимания, ученый сопоставлял и противопоставлял две жанровые системы ради наилучшего их истолкования.

С выходом в 1946 г. монографии «Исторические корни волшебной сказки» завершился двадцатилетний этап творческой деятельности В. Я. Проппа, почти целиком заполненный исследованиями волшебных сказок. Начало было положено первой монографией — «Морфология сказки» (1928), затем все 30-е годы ученый занимался проблемами генезиса и этнографических корней

---

¹ Впервые опубл.: Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1995. Vol. 1, № 3. С. 351–370. Далее библиографические ссылки даны в обычных сносках, примечания автора — в концевых.

² Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд., испр. М., 1958. С. 11.

сказки как целого и ее отдельных мотивов. Эта последняя тема получила отражение в ряде статей: «Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне)»³, «Мотив чудесного рождения»⁴, «Мужской дом в русской сказке»⁵ и др. Две монографии, разделенные временем в 18 лет (разделение, конечно, вынужденное: вторая книга была закончена к 1939 г. и защищена как докторская диссертация), составили, в сущности, дилогию: в первой В. Я. Пропп открыл и описал характерную для жанра волшебной сказки устойчивую структуру, составляющую композиционный стержень всех сказочных сюжетов. Открытие состоялось благодаря блестящему применению разработанного самим ученым структурно-типологического метода. Когда в конце 50-х годов в лингвистике, литературovedении и фольклористике начнет свое победное шествие структурализм, о книге В. Я. Проппа вспомнят и на Западе, и у нас, ее переведут на многие языки, а ее автора объявит основоположником применения нового метода к нарративной словесности⁶. Но это случится нескоро, а на родине «Морфология сказки» по ее выходе будет зачислена в разряд формалистических работ и, естественно, подвергнется острокизму.

Сам В. Я. Пропп обвинений в формализме не принимал, изначально рассматривая структурное исследование сказок как необходимую первую ступень, за которой должна была следовать вторая — исследование историко-генетическое⁷. Оно и было осуществлено в монографии «Исторические корни». Совершенно неправомочно отрывать одну книгу от другой, они составляют две части единого целого. Тем самым В. Я. Пропп первым соединил структурно-типологический подход с историко-типологическим и добился исключительного результата, доказав, что структура волшебной сказки обусловлена генетически и что сказка как явление верbalного фольклора совершенно закономерно выросла на почве ритуально-мифологической, через трансформацию обряда инициации и первобытных представлений о смерти в систему нарративных повествований.

Дилогию Проппа с полным правом можно отнести к числу значительнейших трудов сказковедения XX века.

³ Пропп В. Я. Ритуальный смех в фольклоре (По поводу сказки о Несмеяне) // Ученые записки Ленингр. гос. ун-та. 1939. № 43. Сер. филол. наук. Вып. 3. С. 151–175.

⁴ Пропп В. Я. Мотив чудесного рождения // Ученые записки Ленингр. гос. ун-та. 1941. № 81. Сер. филол. наук. Вып. 12. С. 67–97.

⁵ Пропп В. Я. Мужской дом в русской сказке // Ученые записки Ленингр. гос. ун-та. 1939. № 20. Сер. филол. наук. Вып. 1. С. 174–198.

⁶ Мелетинский Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки // Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969. С. 134–166.

⁷ Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи / сост., ред., предисл. и примеч. Б. Н. Путилова. М., 1976. С. 137–139.

Между тем, и выход второй монографии, подобно первой, радости автору не принес. Появление ее пришлось на начало очередной кампании завинчивания идеологических гаек, оголтелой борьбы против «влияния буржуазной идеологии» за «чистоту марксизма» в культуре и науке.

Как это было принято в советской системе, мишенями для идеологических (а часто — и политических одновременно) расправ избирались имена крупные, труды неординарные, концепции яркие. Книга Проппа первая стала жертвой спровоцированных партийным руководством проработок. Все возможные, с точки зрения охранительной критики, суровые обвинения были ей и ее автору предъявлены: «вопиющий антиисторизм», «формалистические позиции», «отрицание национальной сущности» сказок, «возрождение традиций идеалистической фольклористики». В особую вину Проппу ставилось, что его влекло «не к Добролюбову, Чернышевскому и Горькому <...>, а к идеалистам-позитивистам Фрэзеру, Леви-Брюлю и др.»; «Пропп находится под непосредственным и очень сильным влиянием, с одной стороны, нашего отечественного формализма 20-х годов, с другой стороны — под влиянием идеалистической французской так называемой школы Дюркгейма и Леви-Брюля и так называемой финской школы»⁸ (1).

Любого из этих обвинений было в те времена достаточно, чтобы ученый потерял работу и был изгнан из научной жизни. К счастью, с В. Я. Проппом этого не произошло. С одной стороны, руководство университета, по-видимому, не выразило готовности применять репрессии к своему профессору; с другой, очень скоро главный огонь идеологических атак был перенесен на «бездородных космополитов» из числа театральных критиков и филологов евреев, кампания приняла откровенно антисемитский характер, и В. Я. Проппа оставили в покое.

Разумеется, долгое время он числился «на подозрении» у партийных властей и тогдашних научных «вождей». Между 1946 и 1954 годами он опубликовал две небольшие статьи (в том числе одну — о немецком артикле) и тезисы доклада. Зато все эти годы он напряженно и, не побоюсь этого слова, вдохновенно работал над новой для него темой. Итогом стала третья монография — «Русский героический эпос» (Л.: Изд-во ЛГУ, 1955; 2-е изд. — М.: Гослитиздат, 1958). Книга оказалась неожиданностью даже для специалистов, привыкших связывать имя ее автора со сказкой. В то же время ее появление совпало с большим оживлением инте-

⁸ Соколова В. К. Дискуссии по вопросам фольклористики на заседаниях Сектора фольклора Института этнографии // Советская этнография. 1948. № 3. С. 140; Чичеров В. И. Обсуждение на заседаниях Ученого совета Института этнографии основных недостатков и задач работы советских фольклористов // Советская этнография. 1948. № 3. С. 147.

реса к проблемам народного эпоса, с первыми попытками — в условиях идеологической «оттепели» — пересмотреть установившиеся стереотипы, по-новому подойти к историческому изучению памятников эпического творчества народов СССР. До известной степени книга В. Я. Проппа влилась в этот общий поток, но ей сразу же было уготовано особое место в эпосоведении.

Замечу прежде всего, что дата выхода книги не должна закрывать от нас действительную дату ее завершения. Сохранившиеся в архиве ученого материала свидетельствуют, что монография была закончена в 1952 г., тогда же обсуждалась на кафедре истории русской литературы филфака университета, получила высокую оценку, и ей (в рукописи) была присуждена университетская первая премия.

Теперь есть возможность хотя бы частично восстановить отдельные моменты формирования пропповской концепции героического эпоса, в том числе — русских былин. У истоков ее — небольшая статья 1946 г. «Чукотский миф и гиляцкий эпос». Автор сопоставил миф и эпос двух этносов и пришел к нескольким важным открытиям: во-первых, и там и там он обнаружил одну и ту же композиционную структуру и одни и те же сюжеты; во-вторых, установил шамансскую природу мифов; в-третьих, показал, что в гиляцких нарративах — этой «наиболее примитивной, зародышевой стадии эпоса» — при их кажущемся тождестве с мифами, произошел «решающий сдвиг, ведущий к созданию эпоса» и к «новому пониманию героизма». В итоге В. Я. Пропп посчитал законным поставить вопрос о «первичной шаманской основе эпоса»⁹. В статье было выдвинуто еще одно важное общеметодологическое положение: эпос народов, стоявших «на разных ступенях общественного развития», «может быть сопоставлен по стадиям», и расположение «в историческом порядке вскроет все внутренние процессы становления и развития эпоса в зависимости от их социальной и политической истории»¹⁰.

Эти идеи будут развернуты затем в части первой монографии: «Эпос в период разложения первобытно-общинного строя». Здесь будет дана характеристика эпоса нивхов (гиляков), якутов, шорцев (как древнейшей — в стадиальном смысле — эпической формы), в результате их сопоставления будут установлены сюжетно-тематическая общность и единство выраженных в них идеалов. В. Я. Пропп определит этот первый этап эпического творчества как догосударственный и придет к убеждению, что создается он «при разложении родового строя», «направлен против идеологии родового строя», что «эпос рождается из мифа не путем эволюции, а из отрицания его и всей его идеологии» и что «при некоторой

---

⁹ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. С. 300–302.

¹⁰ Там же. С. 302.

общности сюжетов и композиции, миф и эпос диаметрально противоположны один другому по своей идейной направленности». Такой антагонизм ученый объяснял тем, что в древних мифах сильно выражен «момент подчинения» героев хозяевам стихий, от которых они получают «великое умение», «земные блага», а эпос проникнут героической борьбой общенародного, позднее — общегосударственного характера. К эпосу «ближе» более новые мифы, в которых резче выражен «момент борьбы с природой и ее хозяевами»¹¹.

О роли шаманского мифа в формировании эпоса в книге уже не упоминается: возможно, что изучение материалов мифологии народов Сибири и Крайнего Севера вывело исследователя за рамки собственно шаманской мифологии и показало более широкий ее характер. Так конкретный вопрос, поставленный в ранней статье, остался без ответа и ныне пребывает в подвешенном состоянии.

В 1949 г. В. Я. Пропп обратился к «Калевале». Это был год юбилея поэмы — столетие первого ее издания, в Петрозаводске должны были состояться торжества, и В. Я. Пропп был приглашен участвовать в научной конференции, но доклад его был отвергнут О. Куусиненом, возглавлявшим подготовку и проведение юбилея¹², и был опубликован посмертно¹³. В докладе — на ином материале — высказаны уже знакомые нам мысли: «Эпос, исходя из мифологических корней, преодолевает мифологию и религию. Это — закономерный путь развития эпоса всех народов, но в каждом эпосе этот переход осуществляется по-своему. Содержанием эпоса всегда является борьба», в рунах «Калевалы» это — борьба героя с «хозяевами стихий», они дают «художественное обобщение ранних форм борьбы человека за овладение природой» и в то же время содержат следы борьбы социальной. Здесь же В. Я. Пропп высказал принципиальные соображения о характере циклизации в народном эпосе и о необходимости последовательного ограничения эпоса народного от книжного¹⁴.

Об эпосе русском никаких печатных высказываний до публикации монографии у В. Я. Проппа не было. Тем большую ценность представляют его замечания, высказанные свободно, без оглядки, в письмах к автору этих строк. Так получилось, что в 1947–1948 гг. я, работая тогда над кандидатской диссертацией о русских исторических песнях, почувствовал необходимость поделиться некоторыми мыслями с В. Я. Я послал ему несколько писем, позднее — даже главу, а также просил его почитать мою диссертацию,

¹¹ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 35.

¹² Чистов К. В. Забытый эпизод научной биографии В. М. Жирмунского // Живая старина. 1994. № 1. С. 10.

¹³ Пропп В. Я. Фольклор и действительность.

¹⁴ Там же. С. 311–312.

отосланную в Сектор фольклора Пушкинского Дома. Причина, по которой я решился на все это, была одна: прочитав «Исторические корни», я был буквально покорен не только новаторской концепцией книги, увлекательностью ее сюжета, но и тем, *как* развивал свои идеи автор, логикой анализа, манерой изложения.

К сожалению, мои письма тех лет не сохранились, я помню лишь, что главной темой их были мои рассуждения о соотношении исторических песен и былин, об особенностях отношения к истории тех и других. Вот первый отклик В. Я. на мои письма к нему. Они интересны, конечно же, тем, что передают, так сказать, первую редакцию взглядов В. Я. Пропущено на природу и сущность былинного эпоса. Письмо датировано 3.XII.47 г.

«Моя концепция: Киевская Русь — былины, Московская Русь — историческая песня. Неясен Щелкан (2). Вы совершенно правы, говоря, что в X—XV вв. не могло быть исторической песни. Вы правы также, когда полагаете, что этому препятствует (т. е. «этому» — наличию исторической песни) отсутствие исторического сознания. Но эту мысль надо обосновать. Как? Надо показать, что такое Киевское государство: феодальный строй, сепаратизм князей, усобные войны. В былине феодальные войны не отражены, потому что они не были народны (об этом есть у Белинского). Эпос дает не реальную, а идеальную историю. Владимир знаменует единство Руси как народный идеал. Это единство достигнуто было Москвой при Грозном, и реальный Грозный приходит на смену идеальному Владимиру <...> Вы хотите показать и обосновать *условную* историчность былины. Вам помогут труды исторической школы в лице тех, кто утверждал московское происхождение былин. Помните, Халанский весьма убедительно раскрывает мнимую историчность Киева в эпосе. Ему это нужно, чтобы противопоставить Киев Москве. Вам это нужно для других целей. Второе, на что можно опереться, это летопись. Очень рекомендую книгу Еремина (3). Летописи интересны для Вас своим пониманием *времени*. В фольклоре нет времени, нет пространства. Поэтому для былины все равно, сказать ли Чернигов, Смоленск или Себеж (Соловей-разбойник). В летописи видна борьба двух мировоззрений: времени нет и здесь, но оно все же есть в очень наивных и внешних формах. В летописи прослеживается *пробуждение* исторического сознания. Можно показать, что его здесь еще нет, но что оно одновременно уже есть. Со словом «сознание» надо быть очень осторожным. Может быть «сознанию» надо противопоставить «осознание» (4). Осознание действительности вообще очень поздняя вещь. Его нет во всей древнерусской литературе, как нет и в живописи (икона). Историческое сознание в полном смысле этого слова появляется тогда, когда с единственным государством весь народ втягивается в политическую жизнь страны <...> Война и монархи — вот главнейшие факторы исторической жизни

для народа до революции. Денежная реформа (Алексей Михайлович) или введение картошки не создают исторической песни. С революцией наступает следующий этап: *весь* народ втянут во *всю* жизнь страны.

Вот я немножко пофантазировал. Очень боюсь Вам повредить, оказать на Вас какое-то давление; Вы, купаясь в материале, как в <нрзб.>, понимаете это лучше меня. Но может быть даже мои ошибки Вам пригодятся...». И последняя фраза: «На Вашей диссертации хочу быть оппонентом» (5).

В приведенном письме содержится зерно концепции В. Я. Проппа в той ее части, которая относится к проблеме историзма былин и к связанному с нею вопросу о взаимоотношении былин и исторической песни.

Возвращаясь к монографии, я намерен сосредоточиться на самых главных, наиболее существенных слагаемых общей концепции русского героического эпоса и отчасти на том, как эта концепция была реализована при подробнейшем рассмотрении — сюжет за сюжетом, персонаж за персонажем — всего известного фонда русских былин.

И собирали, и издатели текстов, и исследователи, и авторы популярных книг всякий раз останавливались перед проблемой выделения былин из общей массы эпических нарративов. Попытки определить жанр на основе содержательных или, напротив, формальных признаков неизменно оказывались недостаточными: живой материал просто не укладывался в предлагавшиеся рамки. В. Я. Пропп предложил в качестве определяющих ряд признаков, складывающихся в единый комплекс. Признаки эти — «героический характер содержания», «музыкальное исполнение», связанная с напевом «стихотворная форма песен», «характерный стиль». Описывая эти признаки, автор последовательно отграничивал былины от других песенных эпических жанров — духовных стихов, баллад, исторических песен, а также от прозаических изложений былинных сюжетов. И при всем том автор должен был внести существенное дополнение: «Эпос характеризуется не только приведенными признаками, но всей совокупностью его многогранного содержания, миром созданных им художественных образов, героев, предметом его повествований»¹⁵. Таким образом, предварявшее исследование соображения о былине как художественном феномене должны были наполниться конкретикой, уточниться и обогатиться в ходе самого исследования. Своей книгой В. Я. Пропп раскрыл внутреннее единство русского эпоса.

Принципиально по-новому решал В. Я. Пропп проблему происхождения былин как жанра и создания былин как конкретных произведений устного слова. Здесь его концепция была последова-

¹⁵ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 5–11.

тельно противопоставлена взглядам ученых исторической школы, которые, кстати сказать, оставались общепринятыми в советском эпосоведении. Привычным был литературоведческий подход, согласно которому любая былина создавалась (возникала) в определенный момент в определенном месте творческими усилиями безвестных певцов, а затем становилась предметом дальнейшей творческой разработки поколений. Именно так понимался (да и сейчас многими понимается) коллективный характер фольклорного творчества. Между тем, еще в статье 1946 г. «Специфика фольклора» В. Я. Пропп заявил о своем несогласии с этими взглядами. «Воспитанные в школе литературоведческих традиций, мы часто еще не можем себе представить, чтобы поэтическое произведение могло возникнуть иначе, чем возникает литературное произведение при индивидуальном творчестве. Нам все кажется, что кто-то его должен был сочинить или сложить первый. Между тем возможны совершенно иные способы возникновения поэтических произведений, и изучение их составляет одну из основных и весьма сложных проблем фольклористики <...> Генетически фольклор должен быть сближаем не с литературой, а с языком, который также никем не выдуман и не имеет ни автора, ни авторов. Он возникает и изменяется совершенно закономерно и независимо от воли людей, везде там, где для этого в историческом развитии народов создались соответствующие условия»¹⁶. Вот эту общую концепцию В. Я. Проппа перенес на былины: «То, что старая наука представляла себе как однократный *акт* создания, мы представляем себе как длительный *процесс*. «Любая былина относится не к одному году и не к одному десятилетию, а ко всем тем столетиям, в течение которых она создавалась, жила, шлифовалась, совершенствовалась или отмирала»¹⁷.

Позволю себе развить эту идею В. Я. Проппа, прежде чем продолжить рассмотрение его труда. В основе творческого фольклорного процесса в его классических формах лежит принцип трансформации предшествующей традиции в сферах жанровой специфики, сюжетики, структуры, поэтики и т. д. Трансформация совершается закономерно, а не по воле отдельных авторов, процесс носит бессознательный и безличный характер. Фольклорное творчество обладает особым механизмом самовоспроизведения, обновления, создания нового из недр традиции. Очевидно, что такой творческий процесс не поддается эмпирическому наблюдению, но его существование и его результаты могут быть установлены путем анализа реальных текстов. Великая заслуга В. Я. Проппа состояла в том, что, опираясь на свое понимание эпосотворческого процесса, он проник в глубину содержания русского эпоса, объяснил его характер и заново прочитал его сюжеты. Другими словами,

---

¹⁶ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. С. 21–22.

¹⁷ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 26.

полученный уникальный результат подтвердил правильность теоретической посылки. В то же время теория индивидуально-коллективного творчества оказалась неспособной решить эти задачи и завела историю эпоса в тупик.

Исходя из содержания и реалий русского эпоса, исследователи с давних пор относили возникновение былин к эпохе Киевской Руси. Представители исторической школы прямо связывали их с конкретными событиями той эпохи, а героев их возводили к реальным историческим прототипам — князьям, воеводам и т. п. Разительное несоответствие содержания былин реальной истории, преобладание фантастики, необычайного либо просто игнорировалось, либо относилось на счет позднейших искажений и переработок. Эволюция былин представлялась как превращение песен исторических, близких своим содержанием к летописям, в песни эпические, в которых летописное начало сохранялось лишь в виде следов.

Из процитированного выше письма В. Я. Проппа очевидно его отношение к концепции исторической школы. В книге это неприятие теории первичности исторических песен и вторичности былин получило развернутое обоснование. «Былина весьма близка к исторической песне, но тем не менее между ними имеется глубокая и принципиальная разница <...> Мнение некоторых ученых, утверждавших, что эпос возникает первоначально как историческая песня, которая с веками забывается и искажается, постепенно превращаясь в былину, должно быть совершенно оставлено <...> Былина *древнее* исторической песни. Былина и историческая песня выражают сознание народа на разных ступенях его исторического развития в разных формах»¹⁸.

Итак, былина, по мнению В. Я. Проппа, возникает не из исторической песни и не как одноразовый отклик на конкретные события. Как же?

Ответ на этот вопрос составляет одно из самых значительных открытий ученого. Былинам — в тех формах, в каких мы их знаем — предшествует героический эпос иного характера, былины возникли из эпоса исторически предшествующей стадии. Этой стадией был эпос догосударственный, развившийся на ступени первобытно-общинного строя. Но этот эпос в его живых формах в русском фольклоре не сохранился, он был «поглощен» новым, «государственным» эпосом, т. е. былинным, как бы растворился в нем, оставив свои многочисленные следы. Былины с их содержанием, характерными мотивами, героями, фантастическими реалиями, своеобразной поэтикой невозможно понять, не учитывая роли традиций догосударственного эпоса и специфических связей с ним. Восстановить картину догосударственного эпоса, предста-

¹⁸ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 9.

вить его существенные качества можно, привлекая соответствующий материал из фольклора других народов, сохранивших живую традицию архаического эпоса. Отсюда — обширный экскурс в область эпического творчества народов Сибири. Здесь В. Я. Пропп широко применяет принципы историко-типологического подхода, вскрывая черты сходства и даже общности и объясняя их не заимствованием (которое было просто невозможно), а действием общих закономерностей. Разумеется, он учитывает национальную и историческую специфику эпоса отдельных этносов. Русский эпос догосударственной стадии обладал своими особенностями. Но анализ былин позволяет ему вскрыть существенные параллели, совпадения, аналогии и тем самым вполне обоснованно объяснить многие загадки былин зависимостью их от традиций догосударственного эпоса. Таким образом, мифология, фантастика, устойчивые мотивы, пронизывающие основную массу былин, есть не результат позднейшей эволюции (как полагала историческая школа), а след архаической традиции.

Теперь мы подходим к, может быть, главной идее книги Проппа, касающейся принципиального истолкования отношений былин как эпоса государственного с эпосом архаическим, догосударственным. С его точки зрения, это — отношения вовсе не благополучные, порядка преемственности и творческой эволюции, но конфликтные по самой сути. В былинах мы обнаруживаем не «непосредственное продолжение», не «остатки старого в новом», но «конфликт старого с новым». За этим стоит конфликт эпох, исторических стадий, сознаний: «Идеалы Киевского государства сталкиваются с идеологией родового строя, и этот конфликт есть основной конфликт наименее ранних, древнейших русских былин»¹⁹. «Старые сюжеты сохраняются, наполняются новым содержанием. С другой стороны, создаются произведения новые, не связанные с традицией <...> Традиционны в этих песнях только их былинная форма и способ исполнения»²⁰. Идеологический разрыв с прошлым приводит к тому, что традиция подвергается «отрицанию».

Выраженные в некоторых местах книги с резкой прямолинейностью, отдельные положения общего порядка вызвали несогласие со стороны эпосоведов, занимавшихся древнейшими формами героического эпоса. Так, В. Я. Пропп подчеркивал противостояние архаического эпоса роду и его идеологии. Его оппоненты указывали на мотивы идеализации родовых отношений; герои догосударственного эпоса нередко следовали традиционным родовым нормам (мотивы кровной мести, почитания предков и др.)²¹. Точно так

¹⁹ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 60.

²⁰ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. С. 60–61.

²¹ Мелетинский Е. М. Народный эпос // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. М., 1964. С. 71.

же отмечалось, что мифология в былинах выступала не обязательно с отрицательным знаком, но нередко включалась в позитивные характеристики героев. Скажем здесь, что в конкретных разборах былинных сюжетов В. Я. Пропп не сводил следы мифологии в былинах к мотивам «отрицания», находя здесь элементы творческого развития и обогащения. И само понятие «конфликта» в книге трактуется достаточно широко, в многообразии оттенков.

Новое понимание «истоков» былин и трактовка проблемы создания их вели к принципиально новой постановке вопроса о том, что же представляют собою те былины, которые известны нам во множестве вариантов, в разнообразии версий и редакций, в характерных сюжетных противоречиях, неясностях, часто — с подтекстом и т. д. Концепция В. Я. Проппа предполагала возможность увидеть все это как проявления длительного творческого процесса, у которого может быть засвидетельствован относительный финал, но нет «начала» в традиционном для науки смысле. Можно углубляться в прошлое эпического сюжета или героя, обнаруживать нестершиеся следы его, но безосновательно пытаться восстановить «первоначальный» вид былины, ибо за каждой реконструкцией будет видеться еще более давний слой.

Основная направленность монографии — не в этом, хотя автор не упускает из виду ни одной архаической детали, ни одной сколько-нибудь важной связи былин с традицией. Главное внимание его сосредоточено на том, чтобы, привлекая все многообразие вариантов, «установить все звенья повествования, уяснить ход действия, определить его начало (заязку), развитие, конец (развязку)», то есть «раскрыть “народный замысел” во всей совокупности его проявлений» и «художественной цельности». Такая работа, с выявлением и изучением версий сюжетов, «продвигает нас в понимании тенденций развития эпоса в связи с историческим развитием народа»²². Сам эпический замысел предстает не как нечто однажды заданное, раз навсегда застывшее, но как движущееся вместе с историей и сознанием народа, опирающееся на архаические истоки и перемалывающее традицию. Опыт работы над «Историческими корнями» сказался и в этой книге: автор ее проявил замечательное искусство видеть и «проявлять» архаику сквозь густой слой обновлений, трансформаций, наслонений. Вспоминаю, что В. Я. любил повторять в беседах и устных выступлениях: фольклорист должен обладать чутьем на архаику и умением извлекать ее, без этого он недалеко уйдет. В годы, когда догматическая критика всячески настраивала на отыскание всюду в первую очередь проявлений реализма, бытовых и психологических реалий, В. Я. Пропп последовательно и настойчиво занимался поисками архаических пластов — но не ради архаи-

²² Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 22–24.

зации эпоса, а ради проникновения в его сущность, в законы его возникновения и истории. Не сама архаика, а ее трансформированные элементы и их идеино-художественная функция, мифология — не как пережиток, но как материал идеологической перекодировки, сюжетные традиции в конфликтном переосмыслении — таков внутренний пафос книги. Этим темам посвящены 2-й–5-й разделы первой части: «Древнейшие герои и песни», «Былины о сватовстве», «Герой в борьбе с чудовищами», «Былины сказочного характера».

Бот блестящий пример прочтения былины о Волхе Всеславьевиче с ее органическим сплавом архаики и истории, с ее глубинным конфликтом «нового» и «старого», с трудно объяснимыми сюжетными и семантическими «швами» и противоречиями. Былина о Волхе «как целое сложилась задолго до образования Киевского государства <...> Вместе с тем она по своему замыслу чужда новой киевской эпохе. Можно проследить весьма интересные попытки ее переработки»²³. Былина «сохраняет древнейшие тотемические представления о животных как о предках человека и о возможности рождения великого охотника и волхва непосредственно от отца-животного». «Древнейшая основа песни» воспевает «хищнический поход», и успех его обеспечивает волшебное искусство предводителя. «В описании похода Волх мы видим остатки тех варварских времен, когда совершались жестокие набеги одних племен на другие»²⁴. В условиях Киевской Руси «была сделана попытка приурочить этот поход к своим позднейшим историческим интересам», она «осталась незавершенной и поэтому неудачной», и песня о Волхе была вытеснена «подлинно героическими песнями об отражении русскими татарами»²⁵.

Столкновение двух стадий эпического творчества обнаруживается в былинах о Святогоре. Этот богатырь, воплощающий непомерную, но и спящую, не находящую применения силу, принадлежит *прошлому* и обречен на гибель. Ему на смену приходит Илья Муромец как герой *нового* типа и новой эпической стадии. «Самый замысел, сюжет должен был сложиться в эпоху, когда герои-исполины еще не были забыты, но когда они переставали удовлетворять новым идеалам, требовавшим новых героев»²⁶.

В. Я. Пропп впервые объяснил феномен значительного пласта былин о сватовстве в русском эпосе. Он показал, что и тема поисков суженой, и основной комплекс мотивов борьбы за невесту унаследованы былинами от догосударственного (архаического) эпоса, но не просто усвоены и переосмыслены, «приспособлены»

²³ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 70.

²⁴ Там же. С. 71–72.

²⁵ Там же. С. 75.

²⁶ Там же. С. 87.

к новой эпической стадии, но подвергнуты «отрицанию», трансформированы в конфликтном духе. Синтез архаической эпики о сватовстве с идеями «исторического» поиска Киевской Руси привел к возникновению сюжетов, в которых на первый план выступили драматические коллизии, неприятие новым сознанием идеи брака героя с существом из иного мира, перенесение свадебных происшествий на почву эпической истории Киева. Исходя из принципа конфликтности, автор раскрыл и объяснил трагические развязки в ряде былин о сватовстве («Михаило Потык», «Иван Годинович», «Дунай»).

Аналогичный подход позволил В. Я. Проппу показать несостоятельность «летописных» трактовок таких сюжетов, как «Добрыня и Змей», «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Илья Муромец и Идолище», «Алеша Попович и Тугарин» и обнаружить в них характерное «историческое» переосмысление мифологических образов чудовищ, то есть показательный для русского эпоса процесс сплава «киевской» истории с архаикой.

Историзм — ключевая проблема эпосоведения, любая общая теория эпоса, любое конкретное исследование так или иначе решают эту проблему, исходят из определенного понимания ее либо ищут ее решения. По крайней мере три принципиальных положения выделяют концепцию историзма былин, разрабатываемую в книге В. Я. Проппа, из массы эпосоведческих трудов, ей предшествовавших или современных. Первое: историзм былин обусловлен их жанровой природой и спецификой, к нему неприменимы мерки летописи, исторической песни или воинской повести. Второе: историзм былин — их органическое внутреннее качество, пронизывающее все их элементы и не сводимое к реалиям и различным внешним проявлениям. Третье: историзм — категория развивавшаяся и менявшаяся в былинах вместе с развитием эпоса, поэтому — наряду с общими признаками — в былинах мы видим разные уровни и разные степени эпического историзма.

В отстаивании этих принципов историзма В. Я. Пропп был бескомпромиссным, реализации их, в сущности, посвятил всю книгу, на доказательство правильности их был направлен анализ сюжетов, героев, художественных особенностей. Отсюда — непримиримое отношение к исторической школе, непризнание за нею каких бы то ни было позитивных заслуг, отказ от критического рассмотрения многочисленных трактовок былинных сюжетов и персонажей, предлагавшихся ее сторонниками. Такая позиция вызвала нарекания, упреки в нигилистическом отношении к научному наследию, к трудам предшественников. Я не видел раньше и не вижу сейчас ошибки со стороны автора книги. Во-первых, ему не нужно было разворачивать критику исторической школы уже по той причине, что такая критика, по-своему беспощадная, убий-

ственная, была дана задолго до него²⁷, и можно лишь поражаться тому, что последователи этой школы все еще продолжали в том же духе, а некоторые идеи ее по-прежнему разделялись многими советскими фольклористами. Во-вторых, В. Я. Пропп исходил из убеждения, что исторической школе и ее современным последователям надо противопоставить не критику, а позитивную, обоснованную, опирающуюся на тщательный анализ теорию.

Дифференцированный подход к историзму былин отчетливо сказался в главах, посвященных различным этапам эпического творчества. Мы уже видели, как расценивал В. Я. Пропп историзм былин о древнейших героях, о сватовстве и борьбе с чудовищами. Принципиально иной уровень историзма он обнаруживает в былинках о борьбе с татаро-монгольским нашествием. Начинает он с противопоставления своей точки зрения взглядам исторической школы. Попытки ее «хронологически определить или приурочить изображаемые в эпосе боевые схватки историческим битвам, например к Калкской или Куликовской, потерпели неудачу». «При всей исторической конкретности, при изумительной исторической точности эпоса мы все же тщетно будем искать в нем изображения отдельных исторических событий или исторических лиц»²⁸. Слова об «исторической конкретности» и «изумительной точности» могут показаться неожиданными и расцениваться как преувеличение. Анализ мотивов соответствующих былин позволяет В. Я. Проппу утверждать, что «появление татар <...> всегда описывается <...> в основном исторически верно», что в описании приезда татарского посла эпос сохранил «древнейшую форму» «отношений между русскими и татарами», что угрозы посла «отражают трагический опыт русской истории» и что изображаемая в былинках ситуация в киевском лагере соответствует в принципе исторической обстановке — пропасти, лежавшей между Владимиром и боярами, с одной стороны, и народом — с другой²⁹. Разумеется, автор видит во всех этих мотивах элементы фантастики и вымысла, а в эпизодах, описывающих борьбу богатырей, их победу и т. д. не находит, разумеется, «конкретности» и «точности». Поэтому известное преувеличение «реалистического» начала в былинках об отбитом татарском нашествии у В. Я. Проппа есть. Но оно не имеет ничего общего с позицией исторической школы. Он решительно отказывается искать в летописях события, аналогичные былинным, и находить прототипов былинных героев среди исторических лиц. «Победная» часть былин отражает не какую-то реальную битву, а «волю, суд и приговор» народа: «Песня выражала не отдельные факты побед или поражений; в дни бедствий песня

²⁷ Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин: Очерки. М., Саратов, 1924.

²⁸ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 287.

²⁹ Там же. С. 308–320.

выражала несокрушимую *волю* народа к победе и тем ее подготовляла и способствовала ей»³⁰.

Вполне разделяя эту позицию ученого и сегодня, я все же заметил бы два упущения в его анализе былин о борьбе с татарами. Первое — это недостаточное внимание к *условности* изображения всей обстановки и всех обстоятельств татарского нашествия и его разгрома. В конечном счете былины изображают не события Киевской Руси, связанные с нашествием татар, но события в некоем эпическом мире, куда перенесены впечатления народа от нашествия и его борьба и воля к победе. Чтобы быть последовательным, надо признать, что в былинах изображается не Киев начала XIII века и не княжение одного из Владимиров, и не нашествие Батыя или Мамая, но Киев и Владимир эпической эпохи, эпохи богатырей, то есть условного эпического времени, которое вбирает исторический опыт народа, перемалывает его, трактует реальные события совсем по-иному.

Второе — связанное с первым: В. Я. Пропп, на мой взгляд, преувеличил новаторский характер былин о татарском нашествии, отказав им связь с догосударственным или иным эпосом, как бы лишив его эпических традиций. Для меня очевидно, что былины эти не могли сложиться в их данном виде как бы заново. Они, подобно другим эпическим циклам, должны были «вырасти», «родиться» из традиции, трансформировав ее. Поиски этой традиции и путь трансформаций остаются актуальной задачей нашего эпосоведения.

Возвращаясь к пониманию В. Я. Проппом историзма эпоса, стоит подчеркнуть, что для него этот историзм не был сосредоточен в событийной части, в персонажах или реалиях, но буквально пронизывал весь эпос, был разлит в нем. Эту сторону концепции ученого, пожалуй, лучше рассмотреть в связи с его полемикой с Б. А. Рыбаковым.

Неожиданно историческая школа, не раз подвергшаяся в своих теоретических и методических основах многосторонней критике и в послевоенное время прозябавшая на окраинах фольклористики, восстала из пепла благодаря Б. А. Рыбакову. Именно он заново обратился к героическим былинам, чтобы «вернуть» им их первоначальное конкретное историческое содержание, вновь взвести их сюжеты к летописным фактам и назвать имена исторических деятелей, стоящих за былинными персонажами. Надо отдать должное ученому: историю Киевской Руси он знал досконально, так сказать, из первых рук, гораздо полнее и глубже, чем его предшественники по школе. Все эти знания были мобилизованы на доказательство того, что былины — это «народная летопись», что большинство былин разносятся по соответствующим этапам

---

³⁰ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 288.

летописной истории X–XII веков и т. д.³¹. Одновременно Б. А. Рыбаков выступил с критикой труда В. Я. Проппа. К сожалению, ма-стистый ученый не стал углубляться во все тонкости концепции Проппа, в сущности, предельно упростил и исказил ее, и прежде всего — понимание его былинного историзма: «В. Я. Пропп высту-пает против историзма былин вообще»³² (6).

В. Я. Пропп ответил Б. А. Рыбакову двумя статьями³³. Приве-ду некоторые цитаты, лучше всего разъясняющие позицию уче-нного. Объективно Б. А. Рыбаковым «историческая основа фоль-клора понимается в том смысле, что в фольклоре изображаются исторические события и исторические лица». «Такое узкое пони-мание истории недостаточно». «Все, что происходит с народом во все эпохи его жизни, так или иначе относится к области исто-рии <...>. При широком понимании истории под исторической основой подразумевается вся совокупность реальной жизни на-рода в процессе его развития во все эпохи его существования». Есть жанры, которые могут быть изучены «с точки зрения бо-лее узкого понимания истории и историзма». Здесь В. Я. Пропп подчеркивает важность жанровой дифференциации. В отличие от преданий или исторических песен «былина не принадлежит к тем жанрам, где ставилась сознательная цель — изображение фактической истории». К коренным недостаткам исторической школы относятся непонимание «жанровой природы и специфи-ки эпоса», стирание разницы между былинной и исторической песней, а в методическом плане — определение историчности «не по сюжету в его историческом значении, а по различным частно-стям». Как пример В. Я. Пропп ссылается на трактовку историче-ской школой былины о Садко, историчность которой доказыва-ется на основании одного факта — постройки им церкви. «Герой объявляется тождественным летописному персонажу, и в этом будто бы и состоит весь историзм былины. Сюжет в целом, кон-фликт между Садко и Новгородом, погружение его в воду, фигу-ра морского царя и т. д. представителями так называемой историче-ской школы не изучаются; это все явный вымысел и потому их не интересует» (7). Между тем «самое главное в былине — это ее сюжет, сюжет в целом <...> Он всегда выражает известную идею, и эту идею надо суметь понять и определить <...> Историческое

³¹ Рыбаков Б. А.: 1) Исторический взгляд на русские былины // История СССР. 1961. № 5. С. 141–166; № 6. С. 80–96; 2) Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

³² Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 43.

³³ Пропп В. Я.: 1) Об историзме русского эпоса: (Ответ академику Б. А. Ры-бакову) // Русская литература. 1962. № 2. С. 87–91; 2) Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Ученые записки Ленингр. гос. ун-та. 1968. № 339. Сер. филол. наук. Вып. 72. С. 5–25 (в сокращ.: Пропп В. Я. Русский ге-роический эпос. С. 116–131).

изучение былины состоит в установлении того, в какую эпоху могла зародиться идея, воплощенная в данной художественной форме. В большинстве случаев в былинах можно проследить отложения нескольких эпох или периодов, идеи которых могут сталкиваться. Наличие таких столкновений и коллизий — одно из интереснейших, но и сложнейших явлений былинного эпоса. В определении исторического смысла и значения идейного содержания былины, в установлении того, когда такое сложное образование могло создаться, и состоит задача исторического исследования»³⁴.

К этим общетеоретическим и общеметодологическим рассуждениям В. Я. Пропп добавил детальный, «под микроскопом», разбор одного из «исторических» анализов былины, осуществленных Б. А. Рыбаковым. Он обнаруживает фактическую несостоятельность аргументов, которые ведут к выводам относительно хронологии и приуроченности былины. Датировка былины рушится, попытка подставить исторические имена под имена героев былины оказывается несостоятельной. И так — со всеми другими интерпретациями(8).

Спор Б. А. Рыбакова с В. Я. Проппом и его последователями был продолжен на конференции по историзму фольклора в 1964 г. в Москве. Ряд откликов на дискуссию появился в свое время³⁵. Одним из итогов обсуждения было, несомненно, так или иначе выраженное согласие с концепцией В. Я. Проппа в тех ее частях, которые относились к требованию учета жанровой специфики эпоса и его стадиального состояния, к пониманию характера историзма эпоса, создающего обобщенные картины исторической действительности, к отрицанию изначальной фактической основы эпических сюжетов и наличия прототипов, к утверждению определяющего значения для эпоса свойственной ему логики закономерностей, наконец, к призыву всегда учитывать и раскрывать эпос как специфический художественный мир с присущим ему эпическим же языком.

Дальнейшее развитие эпосоведения в нашей стране подтвердило правильность и продуктивность основных положений концепции В. Я. Проппа, хотя в различных частностях остались и несогласия. Так или иначе, опыт Проппа-эпосоведа, в соединении с опытом других признанных специалистов в области народного эпоса — В. М. Жирмунского и А. М. Астаховой — составил основу развития отечественного эпосоведения последних десятилетий.

³⁴ Пропп В. Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения. С. 19.

³⁵ Астахова А. М. Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 67–78; Подходы, сохраняющие актуальность: Из выступлений на конференции по историзму фольклора в 1964 г. / публ. А. И. Алиевой // Фольклор: Проблемы историзма. М., 1988. С. 244–271.

Во многом благодаря этому наше эпосоведение достигло весьма значительных результатов и, можно смело сказать, заново открыло эпическое творчество многих народов и самый феномен эпоса в его исторических корнях, генезисе, историческом развитии и великих художественных ценностях.

Примечания

⁽¹⁾ Как мог ученый находиться под влиянием одновременно трех совершенно разных направлений? Догматическая критика тех лет отличалась полной безответственностью в обвинениях и проявляла на каждом шагу невежество. Приведенные цитаты взяты из отчетов с обсуждений работ В. Я. Проппа и П. Г. Богатырева весной 1984 г. Сейчас невозможно без чувства стыда читать о «критических» выступлениях маститых ученых, старавшихся перещеголять друг друга в шельмовании В. Я. Проппа.

⁽²⁾ Имеется в виду песня о Щелкане Дудентьевиче, содержание которой было связано с восстанием тверичей против татар в 1327 г.³⁶

⁽³⁾ В. Я. Пропп имеет в виду: Еремин И. П. «Повесть временных лет»: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1947. Эта замечательная книга оказала в те годы безусловное и, уверен, самое плодотворное влияние на формирование моих взглядов на фольклор и литературу Древней Руси.

⁽⁴⁾ В. Я. Пропп в книге о русском эпосе пользовался обоими терминами, но все-таки предпочитал говорить о «сознании».

⁽⁵⁾ В письме от 20.IV.48 В. Я., в частности, писал мне о первой моей диссертации, рукопись которой я отоспал в Пушкинский Дом: «Только на днях я ее получил, начал ее читать и спешу Вам выразить чувства полного удовлетворения Вашей работой. Местами я ее читал с восхищением». Двумя месяцами позднее: «Не ждите от меня «благожелательного отзыва» и вообще не ждите отзыва. Некоторые отдельные замечания я писал на листках и вкладывал их в рукопись. Когда Вы возьмете рукопись, Вы их прочитаете. Их очень немного. Ваша работа современна в полном смысле этого слова, т. е. она выражает то, что сейчас думают те, кто сколько-нибудь в этой области мыслил. Во всяком случае мне казалось, что Вы сумели сказать то, что я сказать не сумел, но смутно всегда ощущал. Ваша работа мне настолько близка, что я не могу судить о ней, как не смог бы судить и о своей работе <...> Когда Ваша работа будет готова целиком, я надеюсь прочесть ее всю и вынести из нее очень многое для себя и для своей работы над эпосом. Ваша книга является как бы естественным продолжением моей будущей работы об эпосе, которая кончится перспективой на историческую песнь».

---

³⁶ Путников Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI вв. М.; Л., 1960. С. 116–131.

И наконец, письмо от 8.XI.48: «Я все ждал случая поздравить Вас лично, но этот случай так и не представился. <Зашита состоялась 14 сент. 1948 г. в Пушкинском Доме>. Поздравляю Вас от души и желаю Вам дальнейших успехов. Я очень жалею, что не смог быть на защите Вашей диссертации. Но, с другой стороны, оно, может быть, и лучше. Я бы выступил с похвалами и тем, не желая этого, мог бы Вам повредить. Здесь утверждают, что похвала М. К. Вам повредила <М. К. Азадовский выступал как первый официальный оппонент. Поскольку голосование было единогласным, В. Я. имел в виду не саму защиту, а последующую историю с неудавшимся моим переходом тогда в Пушкинский Дом: нашлись люди, которые использовали оценку меня как ученого Марком Константиновичем в клеветнических целях>. Вот и разберите, что хуже — когда Тебя ругают или когда Тебя хвалят. Но Вы не огорчайтесь: достоинства Вашей работы очевидны для всех. Если Вы имеете возможность напечатать хоть главу, хоть часть где бы то ни было — печатайте смело. Своим аспирантам, занимающимся эпосом, я вменяю в обязанность прочесть историографическую часть Вашего труда. Крепко жму Вашу руку и желаю Вам сил и здоровья для дальнейшей успешной работы. Ваш В. Пропп».

Чтобы больше уже не возвращаться к этой теме, приведу еще письмо В. Я. от 28 мая 1952 г. «Сердечно благодарю Вас за Ваше внимание и за присланные статьи. Может быть Вас интересует, что в истекшем учебном году я вел спецсеминар по исторической песне. Я заставил студентов прежде всего произвести библиографическую работу по учету существующих материалов. Тут пришлось столкнуться и с Вашими работами. Хотя я знал их уже раньше, но настоящую проверку эти работы получают только тогда, когда начинаешь с ними работать, а не просто читать их. Я по-настоящему оценил все научные достоинства Ваших обзоров, они нам не только пригодились, но часто были нужны как хлеб. Ваши работы всегда вызывают абсолютное доверие. Такова же и присланная Вами статья по истор<ическим> песням на Тереке. Здесь уже не только обзор, но и соображения более общего характера, важные для исследователей».

Статья, о которой идет речь, была напечатана в «Известиях Грозненского обл. ин-та и музея краеведения» (1950. Вып. 2/3).

⁽⁶⁾ Б. А. Рыбаков здесь добавлял: «Опасность взглядов В. Я. Проппа состоит в том, что они нашли последователей. Так, например, Б. Н. Путилов повторяет вслед за ним, что будто бы “былины — это произведения, сюжеты которых являются результатом художественного вымысла <...> идеалы эпоса получали конкретное художественное выражение в вымышленных формах (вымышленные сюжеты, ситуации, герои)»³⁷. Цитаты — из:

³⁷ Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 43.

Путилов Б. Н. Русский историко-песенный эпос XIII–XVI вв. М.; Л., 1960. С. 23, 25). Я и сейчас готов повторить эту характеристику былин, вызвавшую негодование у Б. А. Рыбакова. Тогда же я занял позицию активного и последовательного сторонника В. Я. Проппа и противника Б. А. Рыбакова. Вскоре после выхода статей Б. А. Рыбакова³⁸ по моей инициативе в Пушкинском Доме состоялось широкое обсуждение проблем, на котором был дан настоящий бой попытке Б. А. Рыбакова реанимировать теории и методику исторической школы. Мой доклад на этом заседании в слегка переработанном виде был напечатан в журнале «Вопросы литературы» (1962, № 11) под заглавием «Концепция, с которой нельзя согласиться».

(⁷) Именно так «разобрал» Б. А. Рыбаков былину о Садко в своей книге: «былина “Садко”, быть может, действительно восходит к эпохе Садка Сытница, построившего церковь Бориса и Глеба внутри новгородского кремля <...> Сказочный элемент заслоняет в этой былине реальную основу»³⁹.

(⁸) Б. А. Рыбаков, разумеется, имел полное право остаться на своих теоретических и методологических позициях. Однако никак не отреагировать на критический разбор его этюдов, посвященных отдельным сюжетам, разбор, в котором указывались многочисленные ошибки, натяжки, неточности и некорректное обращение с вариантами, — мне до сих пор непонятно, как уважающий себя исследователь мог просто не обратить внимание на эту реальную критику и спокойно переиздавать свой труд и повторять свои опыты разбора былин в других книгах. Видимо, мы имеем здесь дело с феноменом, возможным лишь в советской системе, когда ученый, наделенный авторитетом и властью, мог позволить себе все что угодно.

---

³⁸ Рыбаков Б. А. Исторический взгляд на русские былины.

³⁹ Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 150.

М. В. ИВАНОВ

ЖИЗНЕННЫЙ СЮЖЕТ ВЛАДИМИРА ЯКОВЛЕВИЧА ПРОППА

В настоящее время имя Владимира Яковлевича Проппа не нуждается в апологетике. Он признан мировой наукой как выдающийся фольклорист, принесший славу филологии России. Но при знакомстве с его жизнью возникает чувство недоумения: как замечательный человек, выдающийся исследователь фольклора, талантливый педагог, крупный мыслитель сочетал свою деятельность с тяжелейшими бытовыми условиями, с угрозой быть репрессированым, с долгим служебным и профессиональным непризнанием? В книге А. Н. Мартыновой¹ мы обнаружим «параллельное», очень добросовестное повествование о Проппе-ученом и Проппе-человеке, написанное рукой компетентного фольклориста и благодарной ученицы, но ответа на поставленный вопрос не найдем. Иначе предложила осмыслить образ Проппа С. Б. Адоньева: «Причина, вследствие которой слово ученого становится авторитетным <...>, лежит в области личностных характеристик»².

Исследование личности ученого в целостности его житейского пути и творчества требует применения методов исторической психобиографии. Жизненный сюжет Проппа располагает к изучению того, как Владимир Яковлевич в осмыслении фольклора искал ответ на вопросы смысла своего персонального бытия. Психобио-

¹ Мартынова А. Н. Владимир Яковлевич Пропп. Жизненный путь. Научная деятельность. СПб., 2006.

² Адоньева С. Б. Книга Э. Э. Уорнер о Владимире Яковлевиче Проппе в русском издании // Уорнер Э. Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. СПб., 2005. С. 3.

графическое исследование ориентировано прежде всего на психологию личности³ и на культурно-психологический контекст⁴. Наиболее полно структурная концепция современной личности разработана в рамках гуманистической психологии (А. Маслоу⁵). Динамический аспект самореализации на различных возрастных этапах представлен в эпигенетической теории Э. Эриксона⁶. В рамках этих направлений используются достижения многих психологических школ (психоанализа, гештальт-психологии, символического интеракционизма, необихевиоризма)⁷.

А. Маслоу понимал самоактуализацию как «стремление человека к самовоплощению, к актуализации заложенных в нем потенций. Это стремление можно назвать стремлением к идиосинкразии, к идентичности»⁸. Владимир Яковлевич Пропп достиг в данных ему исторических условиях максимально возможного уровня самоактуализации. Хотелось бы выделить два важнейших момента. Первый — это деятельное и свободное стремление к предельному совершенству в творчестве. Пропп писал о себе: «Моя система: делать прежде всего то, что хочется и что только один я могу»⁹. Второй момент — это готовность отвечать за свою судьбу, не ссылаясь на враждебные обстоятельства. Пропп высказал важную мысль, что препятствия не просто объясняют неудачи, но и служат мерилом стойкости, смелости и целеустремленности — мерилом масштаба личности: «Во многих комедиях человек вынужден поступать вопреки своей воле потому, что обстоятельства оказываются сильнее его. Но сила обстоятельств одновременно свидетельствует о слабости и неустойчивости тех, кто этими обстоятельствами бывает побежден»¹⁰.

Детство и отчество Проппа прошло в сравнительно благополучных условиях — как у ребенка из состоятельной семьи среднего класса. «Я прожил хорошо, у меня было счастливое детство», — так

---

³ Логинова Н. А. Психобиографический метод исследований и коррекции человека. Алматы, 2001.

⁴ Иванов М. В. Историческая психология личности. СПб., 2006.

⁵ Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997.

⁶ Эрикson Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

⁷ В монографии «Университетские филологи» я посвятил творческому пути В. Я. Проппа главу, где попытался сочетать указанные психобиографические подходы, не акцентируя внимания на психолого-теоретической аргументации (Иванов М. В. Поднявший перчатку // Иванов М. В. Университетские филологи. СПб., 2009. С. 5–63).

⁸ Маслоу А. Г. Мотивация и личность. СПб., 2001. С. 90.

⁹ Неизвестный В. Я. Пропп. Древо жизни. Дневник старости / предисл., сост. А. Н. Мартыновой; подгот. текста, comment. А. Н. Мартыновой, Н. А. Прозоровой. СПб., 2002. С. 295.

¹⁰ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976. С. 75.

писал 70-летний Пропп¹¹. Он был убежден: «Наша оценка человека, пока мы его еще не узнали, непроизвольно положительна»¹². Но такое может утверждать только человек, у которого в первый год жизни сформировалось «базовое доверие к жизни», обеспечивающее оптимистическую установку на мир и людей. Активные детские игры формировали у мальчика инициативность и воображение; общение в семье на двух языках (немецком и русском) стимулировало интеллектуальное развитие. Немецкую гимназию, где давали солидное классическое образование, Владимир воспринимал как тюрьму, но не был подавлен «казенной» дисциплиной и укрепил свою стойкость характера и самостоятельность. Национальное самоопределение юноши Проппа проходило через отвержение прусской гимназической педагогики и неудовлетворенность семейными отношениями в немецко-протестантских традициях. Владимир принял православное крещение и стал считать себя русским. Поступив в 1913 г. в Петербургский университет на германо-романское отделение, Пропп затем перевелся на русское отделение и обратился к изучению русского фольклора. Так завершился этап осознания своей личностной тождественности.

Студенческие годы Проппа (1913–1918) пришлись на первую мировую войну, которая перетекла в гражданскую войну в России. В это время всеобщей неустроенности в жизни Проппа происходит важнейшее событие: он открывает в себе талант. 27 января 1969 г. Пропп записал: «У меня проклятый дар: во всем сразу же, с первого взгляда видеть форму. Помню, как, окончив университет, в Павловске, на даче, репетитором в еврейской семье, я взял Афанасьева. Открыл № 50 и стал читать этот номер и следующие. И сразу открылось: композиция всех сюжетов одна и та же»¹³. Десять лет Пропп будет тщательно исследовать структуру русской волшебной сказки и в 1928 г. опубликует книгу «Морфология сказки», которая через 30 лет принесет ему мировую славу. Как было жить эти тридцать лет этому «затененному» гению в условиях ощущимой бытовой стесненности, преследований со стороны власти и, что самое главное, с его острым пониманием слишком большого несовершенства национальной жизни, в которой люди становятся все хуже? Ответ мы найдем в его творчестве.

Структурный анализ сказки позволил Проппу описать «ген» жанра, который является наиболее универсальным и всеобъемлющим в мировой культуре. «Универсальность сказки, ее, так сказать, повсюдность, столь же поразительна, как и ее бессмертие. <...> Она беспрепятственно переходит все языковые границы, от одного народа к другому, и сохраняется в живом виде тыся-

¹¹ Неизвестный В. Я. Пропп. С. 249.

¹² Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. С. 147.

¹³ Неизвестный В. Я. Пропп. С. 327.

челетиями»¹⁴. Пропп писал свою книгу, имея в идеале биологию, в которой богатство видов проявляется как раскрытие, развитие заложенной в организме структуры в меняющихся условиях жизни (трансформацию). И поэтому прекрасно различал то, что сейчас именуется генотипом и фенотипом. Тематическое и образное разнообразие сказки лежит на поверхности, а основа ее порождения, ее ген, скрыт в глубине. «Ключ к сказке кроется не в ней самой»¹⁵, — утверждает Пропп и раскрывает глубинную жизненную структуру: социализацию человека, вхождение его в мир людей и тем самым — в мир культуры. Обряд инициации начинается с действия, а уже действие семантизируется, обретает смысл. И главный смысл в том, что каждый человек должен из потребителя-ребенка превратиться в добытчика, труженика, созидателя, на котором и держится наша жизнь. Человек должен состояться. Этот общечеловеческий ген присутствует в любой волшебной сказке — но трансформируется в соответствии с историческими условиями. Стать полноценным человеком — вот жизненный содержательный момент, который лег в грамматику, а не в лексику волшебной сказки и который может не осознаваться прямо ее сказителем и слушателем, но восприниматься на бессознательном уровне, как мы в детстве осваиваем грамматику родного языка. «Внешность героя никогда не описывается, но слушатель представляет себе его прекрасным. Это идеализированный герой. Его основное качество — бескорыстие. Он действует не для себя, не в свою пользу и не от своего имени. Он всегда кого-то освобождает, выручает. <...> Эти качества нигде прямо не высказываются словами. Они вытекают из действий»¹⁶. Но Пропп далек от того, чтобы считать план выражения бессодержательным, не имеющим отношения к реальности. Поэтому безосновательны и критика работ ученого в духе формализма, и попытки французских структуралистов свести описанные им структуры повествования к чисто конвенциональной природе языка¹⁷. Пропп всегда стоял на земле.

В ситуации, когда реализм воспринимался как прямое тематическое, бытовое и «фотографическое» изображение жизни с назидательным уклоном, позиция Проппа была вызовом официальной науке. Говоря о литературе, он так в целом определял функцию искусства и фольклора в частности: «Литература никогда не имеет ни малейшего влияния на жизнь, и те, кто думают, будто это влияние

¹⁴ Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 26–27.

¹⁵ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 225.

¹⁶ Пропп В. Я. Русская сказка. С. 185.

¹⁷ В трудах постмодернистов труды В. Я. Проппа и М. М. Бахтина принимаются только при условии годности предложенных ими конструкций для любых интерпретаций, что превращает процесс понимания «дискурса» в анархическую игру конвенций. См.: Иванов М. В. Метатекст эпохи взрыва // Психология образования в поликультурном пространстве. 2015. № 2. С. 26–31.

есть и возможно, жестоко ошибаются. «Ревизор» не действовал на взяточников. <...> Литература сильна тем, что вызывает острое чувство счастья. И Гоголь велик не тем, что осмеивал Хлестакова и Чичикова, а тем, как он это делал, так, что мы до сих пор дышим счастьем, читая его. В этом все дело, не в том, что, а в том, как. А счастье облагораживает, и в этом значение литературы, которая делает нас счастливыми и тем подымает нас»¹⁸. И тогда понятно, как учёный объясняет парадоксальность своего осмысления волшебной сказки. С одной стороны, «по сказкам восстановить жизнь русской деревни нельзя»¹⁹, С другой — «в герое волшебных сказок есть самое важное: душевная красота и моральная сила»²⁰. На фабульной поверхности — выдумка, интересные приключения, красивая предметная и природная среда, завлекательные задачи. Но мудрость лежит в «форме», которая в нужном направлении структурирует поверхностный слой повествования. «Сказка — создание древнейших времен, но она содержит некоторую бессознательную жизненную философию народа, представленного рассказчиком»²¹.

Однако «форма» волшебной сказки определяет не только порядок функций. В понимании фольклора Пропп выдвигает идеи, которые созвучны теории хронотопа М. М. Бахтина. Для фольклорной сказки необходима своеобразная «упрощенность», «неперегруженность» построения пространства, времени, образа героя, логической обработки информации. «И пространство и время не знают перерывов, так как это не требуется повествованием. <...> Раз начавшись, действие стремительно будет развиваться до конца. Общего представления о времени нет, <...> есть только эмпирическое пространство, есть только эмпирическое время, измеряемое не числами, днями и годами, а действиями героев. <...> Легко заметить, что они определяются ранними, частично очень архаическими формами мышления. <...> Мышление это в основе своей не причинно-следственное. <...> в фольклоре не требуется указания на причины этих действий или, говоря языком поэтики, не требуется мотивировок»²². «Первично действие, а не его причина. <...> В повествовательном фольклоре все действующие лица делятся на положительных и отрицательных»²³. Художественная ткань сказки соткана в соответствии с характеристиками архаического сознания²⁴. Но в идее Проппа заложена еще одна потенция,

¹⁸ Неизвестный В. Я. Пропп. С. 316.

¹⁹ Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976. С. 106.

²⁰ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. С. 90.

²¹ Пропп В. Я. Русская сказка. С. 184.

²² Пропп В. Я. Фольклор и действительность. С. 95–96.

²³ Там же. С. 98–100.

²⁴ В 1920-е гг. отечественная культурно-психологическая школа параллельно с фольклористами изучала характеристики архаического мышления. См.:

которую он скорее обозначил. Речь идет о месте сказки в становлении детской культуры. Эту идею попытались подхватить фольклористы и психологи. Например, ученица Проппа О. Н. Гречина и ее дочь М. В. Осорина (специалист в области психологии) стали исследовать психотерапевтическую функцию детских страшилок²⁵. Но фольклорная волшебная сказка получила свою укорененность в современной культуре не только через трансформацию в литературных жанрах. Есть основания считать, что сказка в своей первозданности легла в фундамент любой культуры в качестве обязательного первого возрастного этапа освоения мира, так как структура сказки соответствует типу мышления в раннем возрасте любого ребенка. «Культурно-психологическая рекапитуляция обеспечивает проверенное тысячелетиями наиболее щадящее приобщение ребенка к социальным ценностям»²⁶.

Исследование волшебной сказки Проппом осуществлялось в 1920-е гг., когда, в его представлении, проходила неясная, но уродливая трансформация жизненных устоев. Истинная же трансформация исходных структур подчинена законам красоты и справедливости — как в волшебной сказке. Неустранимое ее присутствие во всех современных культурах укрепляло веру в добрую основу человека и надежду на лучшее будущее. Настоящее же требовало от ученого безопасной самоизоляции, терпения и поисков радости в работе. 1930–1940-е гг. принесли Проппу немало бед. В 1932 г. он был арестован и девять месяцев провел под следствием по нелепому поводу. И незадолго до смерти Пропп записал: «Юбилей ГПУ с музыкой и спектаклями, а те, кто видел наши застенки (я видел и кое-что знаю), только могут, что сидеть по углам и быть незаметными»²⁷. Но быть незаметным Проппу не дали. В 1946 г. началось государственное погромное преследование «бездонных космополитов», к каковым был причислен и Пропп²⁸. Итог проработок он подвел так в письме от 2 декабря 1953 г.: «У меня был инфаркт, сердце надорвано, и я полуинвалид, но духом и умом пока бодр»²⁹. Вместо попытки уйти в тень Пропп выехал в «чисто поле».

Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1931.

²⁵ Гречина О. Н., Осорина М. В. Современная фольклорная проза детей // Русский фольклор. Л., 1981. Т. 20: Фольклор и историческая действительность. С. 96–106; Осорина М. В. «Черная пропыльня летит по городу», или Зачем дети рассказывают страшные истории // Знание — сила. 1986. № 10. С. 43–45.

²⁶ Иванов М. В. Волшебная сказка в контексте психологии и культурологии // Психология образования в поликультурном пространстве. 2014. № 2. С. 123.

²⁷ Неизвестный В. Я. Пропп. С. 316.

²⁸ Методичность угрожающего давления властей с большой полнотой описана в издании: Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-годы. Документальное исследование: в 2-х т. М., 2012. Т. 2. С. 96–105.

²⁹ Неизвестный В. Я. Пропп. С. 175.

В 1955 г. он опубликовал книгу «Русский героический эпос», которая до сих пор является наиболее полным исследованием русских былин. Пропп последовательно проводит идею: народный социальный идеал мужественного свободного труженика особенно запечатлелся в структуре сказаний об Илье Муромце и Микуле Селяниновиче, что и придает красоту и убедительность образам далеких от бытового правдоподобия гиперболизированных героев, делает их символом бессмертия. «Крестьянский труд, крестьянская сущность <...> неразрывно связаны со всем существом Ильи»³⁰. «В лице Микулы воспевается, однако, не только величие крестьянского труда. Труд совершается в известных социальных условиях, и об этих условиях народ также имеет свое мнение. <...> Микула пашет на общинной земле <...> былина рисует то положение, которое крестьянин считает для себя идеалом»³¹. «Основной смысл песни состоит в противопоставлении крестьянина князю, в посрамлении князя и возвеличении крестьянина»³². Значит, здоровый исторический ген русской нации сохранен, несмотря на социальную реальность, изуродованную многовековой диктатурой власти. Автор трудов о волшебной сказке находил в себе силы жить и надеяться, видя вечное и неустранимое общечеловеческое стремление к самореализации и справедливости. Автор книги о русских былинах помещает уже свой национальный идеал в эпохальное, историческое измерение. В нем этнический тип русского человека не искажен попытками превратить свободную личность в раба.

Последние 15 лет своей жизни Пропп видит, как растет признание его трудов и в отечественной, и в мировой науке. Прекращено преследование по идеологическим мотивам, несколько улучшилось его материальное положение. Но окружающая ученого жизнь вызывала у него грустные мысли. «Не все равно, как ты входишь в дверь, как садишься на скамейку в вагоне, как держишь руки, как смотришь и говоришь. А у нас? Вместо радости труда — изнурительная многочасовая работа, от которой люди тупеют и звереют»³³. Однако мысль обращается к глубинной национальной традиции: «Поражает древнерусское умение жить в высоком, что вовсе не исключает житейского, а придает ему тот особый склад и ритм, который отличал старую русскую жизнь»³⁴. И Пропп в 1963 г. издает книгу «Русские аграрные праздники», синтезируя поведенческий (ритуальный) и фольклористический аспекты исследования. Контраст тяжелой бытовой жизни крестьян и их иде-

³⁰ Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 242.

³¹ Там же. С. 381.

³² Там же. С. 387.

³³ Неизвестный В. Я. Пропп. С. 317.

³⁴ Там же. С. 225.

альных стремлений преодолевается бытием культуры праздника. Лучшие, светлые потребности простых людей не подавлены, а закреплены в реальном поведении, пусть и ограниченном кратким временем свободы от тягот обыденности. (Параллель с исследованием карнавализации у М. М. Бахтина налицо. Но Пропп шел своим независимым путем и еще в 1939 г. опубликовал статью «Ритуальный смех в фольклоре»³⁵). «Вторая часть русских колядок — величание. Хотя детали этого величания — серебряный тын, солнце, месяц и звезды, богатые подарки не имеют непосредственного магического значения, самый акт величания его имеет. Вместо реальной крестьянской бедности — фантастическое богатство; крестьянская рабская зависимость заменена описанием власти, могущества и свободы»³⁶. Вера крестьян в возможность богатой жизни сочеталась с верой в ее бессмертие. «Семя — растение — семя составляют извечный кругооборот, который свидетельствует о нескончаемости жизни. Путем еды к этому процессу приобщаются люди»³⁷.

Пропп сосредоточен на идее бессмертия природы, которое продолжается в животворном начале и бессмертии культуры — общечеловеческой по корню и национальной по историческим формам. «Дневник старости» Владимира Яковлевича становится удивительным дневником мудрости, которая несет в себе заряд оптимизма. Поэтому в книге о русских аграрных праздниках Пропп уделяет большое внимание ритуальному смеху. «Смех возможен только там, где есть жизнь. Радость смеха есть радость жизни»³⁸. И последняя подготовленная Проппом книга, изданная уже посмертно, называется «Проблемы комизма и смеха». В ней Пропп показал опимистическое слияние природы и культуры в смехе: «В насмешливом смехе нас радует победа морального характера, в радостном смехе — победа жизненных сил и радости жизни. Чаще всего оба вида смеха сливаются в один. Смеется всегда только победитель, побежденный никогда не смеется. Моральный, т. е. обычный здоровый смех нормального человека есть знак победы того, что он считает правдой»³⁹.

4 февраля 1965 г., на пороге семидесятилетия, Владимир Яковлевич Пропп написал в своем дневнике: «Пока есть природа, невозможно быть абсолютно несчастливым»⁴⁰.

³⁵ Пропп В. Я. Ритуальный смех в фольклоре // Ученые записки Ленингр. гос. ун-та. 1939. № 46. Сер. филол. наук. Вып. 3. С. 151–175.

³⁶ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: (опыт историко-этнографического исследования). СПб., 1995. С. 53.

³⁷ Там же. С. 26.

³⁸ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995. С. 111.

³⁹ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976. С. 152.

⁴⁰ Неизвестный В. Я. Пропп. С. 306.

И. И. ЗЕМЦОВСКИЙ

СЛЕДУЯ ПРОППУ¹

Помню, как году в 1966-м или 1967-м В. Я. Пропп рассказывал мне о том, как его имя помогло академическому трудоустройству российской девушки в Италии. Представив себя студенткой Проппа — причем на самом деле даже не учившейся в его семинаре, но лишь прослушавшей его общий курс русского фольклориста, — она получила полную университетскую позицию вне конкурса². Впечатляющая история. Но когда я спустя 30 лет, в 1996 г., попал в США, ситуация была радикально иная: я был не девушка, мне было 60 лет, США не Италия, в которой к 1960-м гг. были уже переведены все основные книги Проппа, и рассчитывать на университетское трудоустройство мне, естественно, не приходилось. И тем не менее именно имя Проппа помогло мне единственный раз за всю мою американскую жизнь получить приглашение поработать в течение полного учебного года, причем не где-нибудь, а в знаменитом «берклианском» университете.

Расскажу, как это было. В 1997 г. меня пригласили туда в качестве почетного Блох-профессора³ на один семестр в музыкальный

---

¹ Настоящий текст — значительно переработанный и расширенный вариант статьи автора «Do it with Propp!», опубликованной в: Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2015. № 5 (50). Сер. общественных и гуманитарных наук. С. 70–72.

² Анна Федоровна Некрылова, ознакомившись с моими воспоминаниями, прислала мне существенное уточнение, которое я с благодарностью здесь воспроизвожу: «Я уверена, что эта девушка — Татьяна Петровна Пудова с моего курса, которая вышла замуж за итальянца, став Татьяной Лазаретти, и которая действительно попала в университет Павии в качестве преподавателя, доказав, что учились у Проппа, посещала семинар Владимира Яковлевича, писала у него курсовую и дипломную работы».

³ Visiting Ernest Bloch Professor of Music, University of California, Berkeley. Эрнест Блох (1880–1959) — композитор и в свое время профессор этого университета, важная личность в мире американской музыки. Приглашенные профессора по стипендии его имени избираются на весенний семестр один раз в два года.

департамент — оказалось, там знали мои книги и ссылались на них. Но денег на второй семестр у музыкантов для меня не было. Тогда они обратились за помощью к университетским антропологам, где преподавал блистательный Алан Дандес (1934–2005), автор 12 книг — тот самый Дандес, который инициировал второе, исправленное, англоязычное издание «Морфологии сказки» 1968 г. и написал к нему принципиально важное введение⁴. Эта книга неоднократно переиздавалась: ко времени моей работы в Беркли она вышло уже в 19-й раз. Узнав, что я один из прямых учеников самого Владимира Проппа, Дандес (светлая ему память!) сделал все возможное, чтобы позиция на 1997/1998 учебный год была мне обеспечена. В результате, помимо шести блоховских, как правило, открытых лекций и дополнительного цикла лекций-демонстраций «Звуки Евразии» (также открытых для горожан), я объявил и провел два специальных университетских семинара — «Россия как музыки мира в миниатюре» (для музыкантов) и «Теория фольклора в русской фольклористике» (для филологов).

И вот я преподаю в США — читаю американским студентам лекции по истории и теории российской фольклористики, веду семинары по Веселовскому и Потебне, Проппу и Путилову. И однажды... Но все по порядку.

В мою бытность в США имя Владимира Яковлевича возникло неоднократно. Так случилось (уж не символически ли?), что первой американской книгой, купленной мною в США, оказался сборник статей Проппа по теории и истории фольклора, подготовленный А. С. Либерманом⁵. Книга вышла в 1984 г., но мне досталось ее переиздание 1985 г. — единственный экземпляр, словно ожидавший меня в Бостоне до ноября 1994 г. и более ни разу и нигде не встретившийся. Оказывается, по утверждению Либермана, «книга достигла статуса академического бестселлера и получила главную премию года по фольклору»⁶. В том же интервью Либерман справедливо заметил, оценивая ситуацию в зарубежной науке: «На Проппа, как и на Бахтина, положено ссыльаться. Ссылка — это валюта, и ее задаром не раздают». Мне же, признаюсь, эта книга была важна особенно по причине имеющегося в ней перевода двух небольших глав «Исторических корней волшебной сказки» — первой («Предпосылки») и последней, десятой («Сказка как целое»),

⁴ *Prop V. Morphology of the Folktale. Second edition. New introduction by Alan Dundes. Austin & London: University of Texas Press, 1968.* См.: *Дандес А. Фольклор: семиотика и / или психоанализ. Сб. статей / пер. с англ. М., 2003. С. 7–13.*

⁵ *Prop V. Theory and history of folklore / transl. by Ariadna Y. Martin and Richard P. Martin et al., with an introduction and notes by Anatoly Liberman. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. (Theory and history of literature; V. 5).*

⁶ *Цейтлин Е. «Я сам по себе»: Беседа с Анатолием Либерманом // Крещатик, 2017. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/kreschatik/2017/4/ya-sam-po-sebe.html> (дата обращения: 11.11.2024).*

а также подробного оглавления всей книги. Мечтая провести когдато-либо университетский семинар по истории и теории русской фольклористики, я нуждался именно в английском переводе монографии Проппа, до сих пор, как известно, не существующего. Правда, до меня доходили интригующие легенды о наличии рукописного (?) перевода всей (!) книги Проппа — перевода, принадлежащего некоему мифическому голландцу из южной Африки. Но как было идентифицировать этого человека и как найти его? Как убедиться в том, легенда это или была? Я спрашивал многих, но помог мне лишь один Джеймс Бэйли (James Bailey, 1929–2020), профессор Висконсинского университета в Мэдисоне, мой незабвенный коллега и друг. Благодаря его подсказке в сентябре 2000 г. мне удалось наконец найти переводчика Проппа (разумеется, по интернету) и впоследствии даже встретиться с ним все в том же Мэдисоне. Он действительно оказался голландцем по происхождению, одно время — около трех лет (1998–2001) — работавшем в университете Южной Африки в качестве профессора русского языка. Его зовут Берт Бейнен (полное голландское имя Gijs Koolemans Beynen). Хотя мой семинар по русской фольклористике был уже позади (я преподавал его в Беркли осенью 1997 г.), но судьба перевода книги Проппа не могла не волновать меня. И я обратился к профессору Бейнену с письмом. В своем электронном ответе от 11 сентября 2000 г., написанном по-английски, Берт подтвердил, что он действительно завершил работу над переводом «Исторических корней», но потенциальное издательство (the University of Texas Press) вернуло ему его манускрипт с просьбой найти носителя английского языка в качестве опытного стилистического редактора, чтобы перевод «легче читался». Берт был озабочен поиском возможного фонда для оплаты работы такого редактора, но тем временем предложил мне стать автором вступительной статьи к будущей книге. (И явно с улыбкой добавил: «Мы не разбогатеем от перевода, только станем знаменитыми»). При этом он, к сожалению, не знал, когда конкретно обстоятельства позволят ему вернуться к работе над переводом. Ситуация зависла в неопределенности...

Как мне стало известно совсем недавно, другой переводчик «Исторических корней», Мириам Шрагер, лектор индианского университета в Блумингтоне, обращалась к Г. А. Левинтону с просьбой написать предисловие для американского читателя. Георгий Ахиллович не мог этого сделать, по своему напряженному рабочему графику, и, насколько я понял, текста Шрагер не видел. Так что и этот опыт подготовки к изданию английского перевода книги Проппа остался на сегодняшний день незавершенным.

Мой 1997/1998 учебный год в Беркли пролетел быстро и, оставшись снова без работы, я дважды обращался в фонд Гуггенхайма (The Guggenheim Memorial Foundation) за грантами для написания книги о Проппе, но мне дважды отказывали. Однако

сама подготовка к неполученным грантам оказалась чрезвычайно полезной: именно тогда я узнал многое из того, о чем сейчас здесь кратко поведаю.

Начну с одного эпизода, особенно меня порадовавшего. Судьба свела меня с Викторией Нельсон, оригинальной американской писательницей, сценаристкой, критиком, автором мемуаров. Будучи у нее в гостях в городе Беркли, я как-то рассказывал о своих годах учебы в университетском семинаре Проппа и о нем вообще. И немудрено: в моей жизни было много хорошего и светлого, но ярчайшим из лучшего было 15-летнее (1955–1970) общение с Владимиром Яковлевичем Проппом.

Владимир Яковлевич был не только моим университетским профессором, учителем, научным руководителем, позже официальным оппонентом, редактором, коллегой (причем не только в фольклористике, но и, представьте себе, в филателии), неоднократно даже участником фортепианного дуэта, — мне, осиротевшему в 5 лет, он стал по сути вторым отцом. Он никогда не отказывал мне во встрече. Увидеться с ним было моим лучшим лекарством от всех невзгод. Никогда не забуду, как в середине 1960-х гг., когда после моей первой защиты (мне было тогда 28 лет) некоторые коллеги вдруг перестали со мной общаться и стали распространять про меня какие-то небылицы, я приехал к Владимиру Яковлевичу с единственным вопросом: пожалуйста, объясните, что происходит? Я ведь ни на йоту не изменился! И тогда он, чуть ли не торжественно усадив меня в кресло, с нарочитой четкостью медленно произнес: «Запомните: есть такое длинное иностранное слово — кон-ку-рен-ци-я». И все сразу стало просто и легко, и мы оба весело расхохотались. Жизнь продолжалась...

И вдруг Нельсон перебила меня неожиданной фразой: «А вы знаете, если бы Пропп был жив, он давно бы стал миллионером!» И тут же разрешила мое недоумение: «У нас в Голливуде есть популярная и безотказно спасительная формула — «Do it with Propp!» (буквально «Делай это с Проппом!» или «Поступай согласно Проппу!»). И добавила: «Когда нужно в одной фразе изложить суть будущего фильма, особенно в случае хитрого комбинирования, например, двух сюжетов, опытные мастера-сценаристы советуют: «Follow Propp!» (т. е. буквально «Следуй Проппу!»). Выведенные им законы построения сказки работают и в кинематографии. Его книга «Морфология сказки» — имею в виду второе американское издание 1968 г. — перепечатывалась в США уже не менее 20 раз. Все сценаристы ее имеют. Это их рабочая Библия... Так что я серьезно говорю вам, — повторила Нельсон, — Пропп разбогател бы в Голливуде».

Отчасти я был подготовлен к этой реплике — правда, не к ее по-американски бойкой финансовой части, а скорее по существу. Дело в том, что за несколько лет до того Лучано Берио (1925–2003),

известный итальянский композитор-экспериментатор и, как оказалось, феноменальный эрудит, рассказывал мне о своей работе в оперном театре и о своей лекции на тему «Владимир Пропп и анализ оперы», где, в частности, говорил о том, что Пропп якобы в действительности имел в виду, но будто бы не решался опубликовать. Беррио ратовал за развитие своеобразной полифонии между тремя относительно самодостаточными театральными дискурсами — музыкальным, сценическим и вербальным (либретто), — то есть между тремя нарративами в их уникальном едином. Как именно эта идея соотносилась с «Морфологией сказки», композитор не прояснил. Узнав о моей учебе у Владимира Яковлевича, маэстро Беррио — это было в одном из петербургских ресторанов, куда он пригласил нас с женой для беседы, — невероятно сказать — порывисто стал передо мной на колени... Такое не забывается — такое и вообразить трудно. Я оробел, но все же попросил его рассказать о значении Проппа в его творчестве. Оказывается, он прочел все книги Проппа, переведенные к тому времени на итальянский, французский и английский языки, дискутировал о них со своим другом, писателем и философом Умберто Эко (1932–2016), а одна из опер Беррио — *Un re in ascolto* (Король слушает, 1984), которую он сам называл «музыкальным действием», — написана им на его собственное итальянское либретто, задуманное и сделанное, как он не без торжественности сказал мне, «исключительно по Проппу, в духе его «Морфологии»»⁷.

Янина Казимировна Маркулан (1920–1978), известный киновед (и моя уважаемая коллега по ЛГИТМиК), одна из первых обратила внимание на «очевидное сходство воздействия и восприятия сказки и детектива, которые не только производят похожую работу, но и совершают ее во многом одинаковыми средствами»⁸. Ссылаясь на две взаимосвязанные книги В. Я. Проппа — «Морфология сказки» (1928) и «Исторические корни волшебной сказки» (1946), — Маркулан утверждает: «Обе они содержат множество положений, которые оказываются как нельзя лучше приложимыми и к детективу», — и останавливается на рассмотрении некоторых из них. Согласно киноведческому анализу, предложенная Проппом схема конструкции сказки с точностью накладывается на схему конструкции детектива. Для этого достаточно «вредительство» и «недостачу» заменить терминами «убийство» или «похищение», а в развязку поставить не «свадьбу», а торжество справедливости через «ликвидацию беды». И в детективе каждое новое вредительство-преступление рождает новый ход (в терминологии Проппа),

⁷ Позже, в письме ко мне от 10 февраля 1998 г., Беррио подтвердил это: «Пропп скрыт в моей опере...».

⁸ Маркулан Я. К. Зарубежный кинодетектив: опыт изучения одного из жанров буржуазной массовой культуры. Л., 1975.

меняющий течение действия-следствия. Совпадают и названные Проппом пять элементов-разрядов — функции действующих лиц (в детективе они обозначены еще четче, чем в сказке: Великий Детектив, его помощник или окружение, группа подозреваемых, убийца — все они имеют предопределенные жанром функции; здесь вариабельность сведена до минимума), связующие элементы (их роль в детективе выполняют ситуации, возникающие в ходе следствия, порождающие в свою очередь новые ситуации), мотивировки (выяснение обстоятельств преступления, семейных и других связей, отношений между персонажами; этот элемент в детективе значительно усилен по сравнению со сказкой), формы появления действующих лиц, атрибуты и аксессуары (их роль огромна и многообразна). И в сказке, и в детективе щедро использованы загадочность, таинственность и один из главных ее элементов — образ Великого Детектива, поразительно напоминающий героя сказки. Он — человек и в то же время мифическое существо, наделенное особым даром, почти магическими способностями. Он «ликвидирует беду», устраниет опасность, совершает акт торжества справедливости, выигрывает поединок со злом. Он — всесилен, всеведущ, непобедим, как сказочный герой, и так же, как он, не стареет и не меняется, выходит сухим из воды и даже воскресает из мертвых. И реализм современного Великого Детектива типа комиссара Мегрэ по сути кажущийся: это лишь способ вызвать доверие читателя к его чудесному дару нечеловеческого прорицания.

В. Я. Пропп, говоря о волшебной сказке, отмечал ее поразительное многообразие, ее пестроту и красочность, с одной стороны, а с другой — ее не менее поразительное однообразие, ее повторяемость. И это, согласно Маркулан, с полным правом может быть отнесено к детективу, который при однообразии своих композиционно-фабульных схем, окостенелости приемов, стереотипности персонажей умудряется быть многообразным и красочным.

Маркулан задается вопросом: что же следует из этого сходства? Какие выводы можно сделать из сравнения детектива и сказки? И отвечает: детектив неизмеримо беднее сказки, он лишен ее демократизма. Детектив популярен, но не демократичен. Сказка из элементов мифа и действительности формирует свой мир, в котором волшебно совершается то, что в жизни не происходит совсем или же дается с великим трудом. То же и в детективе. В обоих действует чудо, с той только разницей, что функции доброй феи выполняет обладающий чудодейственной силой Великий Детектив. Короче, детектив, по утверждению Маркулан, — один из современных вариантов сказочного повествования, тесно связанный с эпохой рационализма, капитала, буржуазной массовой культуры. Сказочность детектива особенно четко проступает в зарубежном кинематографе, который нередко тяготеет к эскапистской

иллюзорности, к «философии счастливых концов», к условным героям. Массовая культура лишь усилила эти очевидные признаки кинодетектива.

Однако вернемся в США. После той памятной беседы с Викторией Нельсон я решил поближе ознакомиться с американскими публикациями по теории кино, и вот что я вскоре обнаружил. Имя Проппа занимает достойное место и в энциклопедии кино (Film Encyclopedia), и даже в учебниках по созданию и анализу фильмов (film textbooks). И не только в США. Даже в британском путеводителе по фильмам и кинематографии (фактически, в ведущем киноведческом учебнике) есть глава о Проппе⁹. Присутствует Пропп и в итальянской монографии о музыке в кино¹⁰. Хронологически первыми оказались такие публикации, как исследование Питером Уолленом фильма Альфреда Хичкока 1959 г. «North by North-West», демонстрирующее «морфологический анализ» в духе Проппа¹¹, французские лекции того же года¹² и яркая американская статья Джона Л. Фелла (1927–2008) с вызывающим заголовком: «Владимир Пропп в Голливуде» (1977). Профессор Сан-Францисского университета, Фелл известен своей монографией по теории кино¹³, а также работами по истории джаза.

Аналитический текст Фелла открывается эпиграфом из Алана Дандеса: «Анализ Проппа должен быть полезен при анализе структуры литературных форм (таких, как романы и пьесы), юмористических рассказов в картинках (комиксов), фильмов и телевизионных сюжетов и тому подобного». «Морфология сказки» Проппа, по словам Фелла, «обладает особой привлекательностью для исследователей кино по причине параллелей, которые могут быть усмотрены между пропповскими функциями и элементами повествовательного материала, не имеющего прямой связи ни с Россией, ни с волшебной сказкой»¹⁴. Цитируя фрагмент из начала восьмой главы книги Проппа, Фелл напоминает своему читателю, что и в сказке один персонаж, под влиянием реального опыта общества, легко заменяется другим, вытесняющим сказочных персонажей. К тому же Пропп определяет нечто очень похожее на подсказки детектива, отмечая, что «недостающий объект может невольно обнаружить себя, выдавая некоторые новости о себе

⁹ Johnston S. Film Narrative and the structuralist controversy: Propp // The cinema book. London, 1985. (2nd ed. — 1999, 3^d revised ed. — 2007).

¹⁰ Miceli S. Musica e cinema nellacultura del Novecento. Milano, 2000.

¹¹ Wollen P. «North by North-West»: A morphological analysis // Film form. 1976. Vol.1, № 1.

¹² Simon J.-P. Lectures du film. Paris, 1976.

¹³ Fell J. L. Film and the narrative tradition. University of Oklahoma Press, 1974; переизд.: University of California Press, 1986.

¹⁴ Fell J. L. Vladimir Propp in Hollywood // Film Quarterly. 1977. Vol. 30, № 3. P. 20.

или оставляя за собой четкий след»¹⁵. После структурного анализа конкретных голливудских фильмов Фелл предлагает свои выводы о целесообразности более гибкого применения идей Проппа к голливудской кинопродукции и заключает: «Наш вывод предостерегающий. Прежде чем подгонять некое измерение к фильму, мы должны (перевожу буквально) быть внимательны как к тому, что мы измеряем, так и к тому, почему мы измеряем это... Необходимо поставить вопрос о том, могут ли столь разные фильмы быть измерены одной стандартной мерной рейкой»¹⁶.

На академическом уровне написаны труды Дэвида Бордуэла, видного американского теоретика фильма, — по сути о том, как Пропп стал «Аристотелем кинематографической нарратологии». Бордуэл — автор фундаментальной книги «Narration in the fiction film», уже с десяток раз переиздававшейся¹⁷. Имя Проппа появляется в ней буквально с первой страницы. Но это не значит, что он безоговорочно принимает морфологию сказки как ключ к морфологии голливудского фильма. Наиболее скептична его статья 1988 г., что очевидно уже из ее заглавия с нарочитой игрой слов, использующих корневое имя 'Propp'¹⁸. Он рассматривает Проппа как адвоката формалистической поэтики и предостерегает против применения любой теории к анализу фильма.

Заслуживают упоминания и такие аналитические (в том числе диссертационные) тексты, как исследование Эми Шерр девяти диснеевских фильмов¹⁹ и Терезы Байрос — структуры волшебной сказки в классическом голливудском кино²⁰.

Киноведческое обращение к «Морфологии сказки» наблюдается в разных исследовательских жанрах и в разных местах — например, в Турции (см. исследование А. Ф. Парса 2004 г.²¹: анализ фильма «Титаник», который выполнен им, кстати отметить, на основе турецкого перевода книги Проппа, увидевшего свет в 1985 г.²²).

Кинематографический интерес к методике Проппа не угасает и в 2000-е гг., начиная с изданной в Великобритании книги

¹⁵ Fell J. L. Vladimir Propp in Hollywood. P. 22.

¹⁶ Op. cit. P. 27.

¹⁷ Bordwell D. Narration in the fiction film. Madison, 1985.

¹⁸ Bordwell D. ApPropriations and ImProprieties: Problems in the morphology of film narrative // Cinema Journal. 1988. Vol. 27, № 3. P. 5–20 (перевод заголовка: «Присвоения и неуместности: Трудные вопросы морфологии киноповествования»). См. также: Bordwell D. Classical Hollywood cinema: narrational principles and procedures. New York, 1986. P. 17–34.

¹⁹ Sherr A. Running head: Disney's animated features in comparison to Propp's literary theory: Thesis. Danbury, 1996.

²⁰ Bairros T. In and out of worlds: fairy tale structures in classic Hollywood film. [Lisboa].

²¹ Parsa A. A. Narrative analysis of the film «Titanic». Loretto, 2004. P. 207–215.

²² Propp V. Masalın Biçimbilimi. İstanbul, 1985.

Арии Хилтунена²³. Обращу внимание еще на две характерные публикации: “Policing Propp: Toward a Textualist Definition of the Procedural Drama” Чандлера Харриса (Chandler Harriss)²⁴, применившего метод Проппа к анализу одного телевизионного жанра (так называемой процедурной драмы²⁵) и “Applications of Vladimir Propp’s formalist paradigm in the production of cinematic narrative” Яниса Лесинскиса (Janis Lesinskis)²⁶. Лесинскис показывает разные возможности творческого применения «Морфологии сказки» Проппа в киноведении, включая методологический, теоретический и педагогический аспекты. Авторы Jukola Art Community²⁷ предлагают описывать голливудские фильмы с двойной сюжетной структурой, комбинируя метод Проппа с методом Леви-Стросса (примеры подобных публикаций могут быть умножены).

Привлекла мое внимание и мультимедийная итalo-канадская инициатива, использующая метод Проппа под броским названием MUST (MUltimedia STorytelling), рассчитанная на детей от 7 до 12 лет. В ней предложен инструмент для интерактивного рассказывания и, в частности, для превращения сказки в драму²⁸.

Одновременно продолжают разрабатываться университетские курсы лекций и семинары, построенные на развитии идей «Морфологии сказки» и их применения к анализу фильмов. Например, в Висконсинском университете в Мэдисоне: «Введение в медийный анализ. Классический нарратив Голливуда. Три ключевые фигуры в изучении киноповествования: Владимир Пропп, Цветан

---

²³ Hiltunen A. Aristotle in Hollywood: The anatomy of successful storytelling. Bristol, 2002.

См. также полезную книгу Стивена Бенсона “Cycles of influence: fiction, folktale, theory” (Detroit, 2003) и вышедший под его редакцией том “Contemporary fiction and the fairy tale” (Detroit, 2008).

²⁴ Harriss C. Policing Propp: toward a textualist definition of the procedural drama // Journal of film and video. 2008. Vol. 60, № 1. P. 43–59.

²⁵ Процедурная драма — наиболее популярный вид телесериалов, обычно о какой-либо профессиональной сфере. Эпизоды процедурных драм построены вокруг автономных для каждой серии конфликтов. Поэтому зритель может начинать смотреть такой сериал с любой серии в любом сезоне.

²⁶ Lesinskis J. Applications of Vladimir Propp’s formalist paradigm in the production of cinematic narrative: Thesis. Royal Melbourne Institute of Technology (RMIT), 2010.

²⁷ Elsaesser T., Buckland W. Classical/post-classical narrative (Die Hard) // Elsaesser T., Buckland W. Studying contemporary American film: A guide to movie analysis. [New York, 2002]. P. 26–79.

²⁸ Garzotto F., Rizzo F. The MUST tool: Exploiting Propp’s theory // Proceedings of ED-MEDIA 2005—World conference on educational multimedia, hypermedia and telecommunications. Montreal, Canada: Association for the advancement of computing in education (AACE). P. 3887–3893. URL: <https://www.learntechlib.org/primary/p/20687> (дата обращения: 11.11.2024).

Тодоров и Клод Леви-Стросс» (2001). Другой и более свежий пример — Вестминстерский университет в Лондоне, где в курсе «Кино- и ТВ-производство» пишутся курсовые работы на тему «Изучение пропповского анализа в применении к фильму». На конкретных киноанализах студенты должны ответить на главный вопрос (цитирую): «как анализ волшебных сказок, предложенный Владимиром Проппом, помогает понять устройство киноповествования». Например, студент из Индии (Ashwin Arvind)²⁹, отвечая на этот вопрос, подробно и убедительно демонстрирует, как вестерн, детективное кино, научная и чистая (ненаучная) фантастика имеют в основе истории, которые могут стать предметом морфологического анализа, разработанного Проппом.

Параллельно с учебными и популярными разработками вот уже третьим исправленным изданием выходит крупная монография Грэма Тернера о кино как социальной практике³⁰. Теория фильма рассматривается в ней с культурологической точки зрения, отличаясь этим от большинства учебных пособий. Значительное место занимает в книге и морфологическая позиция Проппа, особенно в таких разделах, как киноповествование, универсальность рассказа, его функция, структуралистская критика киножанров и т. п. И не случайно: по словам автора, множество популярных фильмов и ТВ-передач структурированы согласно принципам, раскрытым Проппом. Ссылаясь на таких исследователей, как уже известные нам Уоллен (1976), Фелл (1977) и Фиске (1987)³¹, Тернер заключает: ими обнаружен экстраординарный уровень корреляций между функциями Проппа и повествовательной структурой телевизионных серий.

Наконец, обратимся к сравнительно недавней и очень характерной для сегодняшней Америки дискуссии, имевшей место в популярном киноведческом еженедельнике³².

Дискуссию открыла Рэйчел Сэмпсон — молодой кинокритик, активно выступающий в печати, сценарист, писатель, поэт. Кино- зрители больше всего любят характеры, считает Рэйчел, — а характеры (герои, злодеи, сообщники, девицы в беде) повторяются из фильма в фильм, и мы просто принимаем это, так как все истории следуют одной и той же структуре, согласно русскому теоретику Проппу. Но спрашивается, хороша ли такая зависимость от теории характеров для самих фильмов? Не подавляет ли она творческую свободу? Более того, не наносит ли модель Проппа

²⁹ Arvind A. Study of Proppian analysis as applied to film. London, 2014.

³⁰ Turner G. Film as social practice. 3^d revised edition. London and New York, 2002.

³¹ Fiske J. Television culture. London; New York, 1987.

³² Sampson R. Debate: Propp's character conventions in modern film // Film inquiry. February 15, 2015. URL: <https://www.filminquiry.com/character-conventions-prop> (дата обращения: 11.11.2024).

вред кинопублике? Для ответа на эти свои вопросы Рэйчел обращается к рассмотрению книги Проппа, к его «теории характеров и функций», и отмечает: весь Голливуд, от его классической эпохи до новейших дорогостоящих блокбастеров, основан на теории Проппа. Но, вновь вопрошают Рэйчел, хорошо это или плохо? Ее вопрос подхватывает Сэм Келли (Sam Kelly), и начинается их дискуссия (аналитические ссылки обоих на конкретные фильмы я опускаю).

Кинопублика действительно любит знакомое, подтверждает Сэм. Может быть, это не лучшим образом характеризует ее, но тренд очевиден, и он объясняет преобладание теории Проппа в популярной кинопродукции. Однако следование модели Проппа во все не лишает режиссеров свободы творчества.

Я не отрицаю тот факт, что модель Проппа любима и успешна, — отвечает Рэйчел, — но это не значит, что она безобидна. Возьмем в качестве примера 31-ю, последнюю функцию в перечне Проппа («Герой вступает в брак и воцаряется») и назовем ее для краткости «Принцесса/Приз». Она низводит женщину до награды герою-мужчине, победившему в поединке. Представляя сексуально привлекательную женщину в функции премии мужчины, низводя женщину до такой функции, мы посылаем опасный месседж молодому поколению кинозрителей. Мы возвращаемся к стереотипу, унижающему достоинство женщины, — к одному из стереотипов старого Голливуда. Нам следует поддерживать фильмы, в которых женщина находится в центре внимания. Оставаясь верными «пропповской идеологии» (sic!), наши кинорежиссеры тем самым наводят мужчин на мысль о том, что они должны быть исключительно борцами и вообще доминирующими фигурами. На что Сэм, несколько опешив от столь откровенной феминистской атаки Рэйчел, все же возражает.

Да, искажение роли женщины в фильмах — безусловно, серьезный вопрос, но разве мы вправе винить в этом сказочные характеры, выявленные Проппом? Это, если угодно, проблема русских волшебных сказок, и она вовсе не должна стать проблемой современного кино. Воплощение женщин в кино, продолжает Сэм, идет все же, по-моему, не от концепции Проппа, не от ее «врожденного сексизма», а скорее от теории Лоры Малви³³. Я думаю, что, если бы Пропп разрабатывал свою теорию сегодня, он изменил бы «имя» на «приз», избежав гендерной однозначности. Современные кинорежиссеры должны обновить названия его ролей-функций, с тем чтобы они отражали изменяющиеся отношения в обществе.

---

³³ Лора Малви (Laura Mulvey) — британская феминистка, теоретик кино, еще в 1975 г. предложившая так называемую Male Gaze theory, кинематографическую концепцию «мужского (гетеросексуального) пристального взгляда», который доминирует в кино и ТВ, где операторами работает только 16% женщин.

Так что сегодня это задача именно кинорежиссеров — научиться использовать «характеры» Проппа по-новому, «прогрессивным и интегральным образом».

Рэйчел подтвердила, что в последнее время — и это отрадно — появляются фильмы, в которых героями выступают именно женщины, но это, к сожалению, единичные случаи. Продолжает доминировать Male Gaze theory. Прокомментировав ее, Рэйчел предлагает свое заключение дискуссии. Привожу его в сокращении.

Ясно, что большинство нарративов рассказывается в очень предсказуемой манере и будет исполнено в таком ключе еще многие годы. И постольку, поскольку фильмы, реклама и пропаганда суть сильнейшие, если не самые сильные, средства воздействия на идеологию, теория Проппа останется исключительно актуальной силой в мире кино. Считаете вы или не считаете эту теорию вредной, она полностью открыта для интерпретации и может быть предметом дискуссии, однако (как мы полагаем) общество некоторым образом переформулирует, преобразует эту теорию путем перестановки стереотипных гендерных ролей в фильме.

Конец диспута. Читателям журнала предлагается задуматься над вопросом: могут ли они назвать хоть один фильм, который бы оспаривал теорию Владимира Проппа?

Когда эти воспоминания-заметки близились уже к завершению, я позвонил Виктории Нельсон, чтобы рассказать ей о них с благодарностью за ту памятную беседу, а в ответ получил неожиданный и ценный подарок — выпуск американского ежеквартального журнала «Раритан» с ее статьей о ежегодном европейском международном кинофестивале, с 1967 г. регулярно проходящем в испанском средиземноморском городе Сиджес (Festival internacional de cinema fantàstic de Catalunya, Sitges) (позже эта статья вошла отдельной главой в ее книгу «Готика»³⁴). Нельсон сформулировала там одно из непременных, по ее убеждению, правил популярного кинематографа: «Жанровый фильм строится как фольклорная сказка». Черты этих фильмов, которые на поверхностный взгляд представляются клише или копированием, на более глубоком уровне оказываются фольклорной закономерностью, отвечающей запросам широкой публики, с детства знакомой с традицией устного рассказа. Готические фильмы ужаса не только структурированы как волшебная сказка, но и черпают из нее целый ряд универсальных мотивов и образов. Даже то, подчеркивает Нельсон, что на поверхностный взгляд выглядит как «коммерческая формула», на более глубоком уровне представляет собой апробированную многовековой традицией фольклорную форму. Перед нами не что иное, как трансформация открытых Проппом сказочных функций,

---

³⁴ Nelson V. Gothic: vampire heroes, human gods, and the new supernatural. Cambridge, 2012.

в определенной последовательности лежащих в основе целостной нарративной структуры. То же, согласно Нельсон, справедливо и по отношению к так называемым жанровым фильмам, чья форма регулируется частично законами фольклора, частично правилами корпоративного маркетинга. Разумеется, в них сказывается и сложное взаимодействие могучих рыночных тенденций с индивидуальным авторством, но обойти открытие Проппа при создании жанров популярной развлекательной индустрии представляется сегодня невозможным. Наряду с прямым обращением к структуралистским идеям Проппа, кинематографисты обращаются и к его западным последователям, к которым Нельсон причисляет, в частности, американского фольклориста Джозефа Кэмпбелла (Joseph John Campbell, 1904–1987), чьи многочисленные книги, начиная с «Тысячелетнего героя», известны и в русских переводах последней четверти века. Тут же Нельсон афористично формулирует свою хорошо продуманную мысль о том, что «старые голливудские фильмы были, разумеется, абсолютным Проппом»³⁵, и голливудские боссы, добавляя ет она, вполне отдавали себе отчет в том, что именно американцы хотели смотреть. (Это же она повторила в своей книге «Готика»).

Но пропповская теория сказки актуальна не только для старых фильмов. Оказывается, напоминает Нельсон, по сути именно открытие Проппа в области структуры рассказывания широко распространяется последние годы среди сценаристов и писателей мира через феноменально популярные семинары и мастер-классы Роберта МакКи³⁶, «последнего (по ее выражению) русского формалиста, замаскированного в популярную спортивную одежду фирмы Ральф Лорен», — автора «Библии сценаристов», по сей день регулярно переиздающейся. Начиная с 1984 г. свыше 50 тысяч студентов прошли через курсы профессора МакКи. Харизматический лектор, МакКи увлекает своих слушателей чрезвычайно сложными схемами развития сюжета, в которых, по мнению Нельсон, подчеркивается не что иное, как его формалистический акцент на структуре, просвечиваемой сквозь все сюжетослагаемые элементы. В книге Нельсон показано, как конкретно пропповские функции модифицируются в лекциях МакКи: например, «недостача или беда» превращаются в «побудительный случай», ведущий к «поиску», и т. д.³⁷

³⁵ Nelson V. The Ten Rules of Sitges // Raritan: A Quarterly Review. Vol. 26, № 2. Rutgers, 2006. P. 12.

³⁶ McKee R. Story: style, structure, substance, and the principles of screenwriting. New York, 1997; 1999; 2005; 2010.

³⁷ См. также вебсайт МакКи «Storylogue»: <https://www.storylogue.com>. Не могу отказать себе в удовольствии закончить настоящий обзор указанием на московское онлайн-издание: Бухтеев М. Н. Как писать сценарии для кино по методу В. Я. Проппа: Практическое пособие. М., 2020. URL: <https://www.litres.ru/maksim-buhteev/kak-pisat-scenarii-dlya-kino-po-metodu-proppa-prakticheskoe/chitat-onlayn>.

Ограничимся сказанным. Несомненно одно: имя Проппа не сходит со страниц киноведческой литературы по обе стороны Атлантического океана и в XXI в.

Мне же часто вспоминается один из последних визитов к Владимиру Яковлевичу, когда он был уже в больнице, прикованный к постели. Я принес ему хорошую весть о японском переводе его «Русских аграрных праздников». Никогда не забуду его реакцию на эту новость: «Надо же, я лежу и ничего не делаю, а слава моя растет».

Воображаю, как бы он ответил на известие о публикациях вроде «Пропп в Голливуде»...

В. Б. ШКОЛОВСКИЙ

ФУНКЦИИ ГЕРОЕВ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ¹

I

Первая работа В. Я. Проппа в последнее десятилетие прославилась; работа эта замечательна.

К главе II «Метод и материал» дан эпиграф из Гёте: «Я был совершенно убежден, что общий, основанный на трансформациях тип проходит через все органические существа и что его хорошо можно наблюдать во всех частях на некотором среднем разрезе»².

Исполнилось предсказание Гёте.

Эпиграф обычно указывает на направление книги. В данном случае эпиграф ко II главе дает точную разгадку темы книги.

Основная идея статьи Гёте 1790 г. состоит в том, что все органы листостебельных растений построены по одному образцу. Образец — это лист. Гёте подтверждал теорию, рассматривая и семядоли зародыша, и части цветка — тычинки и пестики. Во всем лежал принцип единства строения растения.

Гёте пытался найти модель общего, выраженного в частном. Такое моделирование не только объясняло бы части целого, но и давало бы путь к раскрытию пути происхождения целого.

В. Я. Пропп исследование сюжета на основании функции героев создал на разборе сказок. Опыт новый, он может быть осложнен, использован и распространен.

Идея создания морфологии сказки чрезвычайно важна, так как исследователи гибнут в материале.

В трехтомном труде И. Больте и Ю. Поливка, скромно названном “Anmerkungen zu den Kinder und Hausmärchen der Brüder Grimm”, дана 1200 названий, причем трехтомный сборник сказок Афанасьева, содержащий 400 сказок, в библиографическом сбор-

¹ Впервые опубл.: Шкловский В. Б. Избранное: в 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 165–184.

² Пропп В. Я. Морфология сказки. Л., 1928. С. 28.

нике занимает только один номер. «Тысяча и одна ночь» в указателе занимает столько же места.

Сейчас вскрыты материалы Южной Америки, Африки, островов Тихого океана.

Вопрос затоплен вторым океаном информации.

Научная мысль сейчас более заинтересована не ковшами элеваторов, которые бы черпали новый материал, а ситами, которые помогали бы его прощедить и объяснить.

Давно делались попытки мифологического объяснения происхождения сказок. В «мифологической школе» предполагалось, что в основном миф отражает первобытную космогонию человека и первоначальные космографические наблюдения; если сказка говорит, что герой рос не по дням, а по часам, то это изображает быстрый рост солнца, всходящего на горизонте.

Непонятным только оказывалось одно: почему нет выражения «герой уменьшался не по дням, а по часам».

Борясь с океаном материала и произволом толкований, А. Веселовский расчленил строение сказок на мотивы и сюжеты.

Мотивы, по Веселовскому, это были простейшие повествовательные единицы, которые могли создаваться в процессе развития человеческого сознания в разных местах самостоятельно.

Под сюжетом Веселовский подразумевал «тему, в которой снуются разные положения-мотивы»³.

«Снуются» здесь, очевидно, значит — вступают во взаимоотношения, как части ткани.

А. Н. Веселовский полагал, что не только мотивы, но и сюжеты переходят от народа к народу путем заимствования. Основанием было то, что математически можно вычислить, что случайное повторение мотивов, сохраняющих свою последовательность, при большом количестве элементов повторяемого материала невозможно.

Если повторяются двенадцать стилистических мотивов, то такое совпадение нельзя объяснить ни случайностью, ни совпадением законов психики: «вероятность самостоятельного сложения сводится к отношению как 1:479001599»⁴.

В книге «О теории прозы» в главе «Об этнографической школе» я писал в 1925 г.: «Кроме того, совершенно непонятно, почему при заимствовании должна сохраняться *случайная* последовательность мотивов. При свидетельских показаниях именно последовательность событий сильнее всего искажается»⁵.

На это В. Я. Пропп в «Морфологии сказки» возразил: «Эта ссылка на свидетельские показания неудачна. Если свидетели искажают

---

³ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 500.

⁴ Там же. С. 495.

⁵ Шкловский В. Б. О теории прозы. М.; Л., 1925. С. 23.

последовательность, то их рассказ бестолков, но последовательность событий имеет свои законы, и подобные же законы имеют и художественный рассказ, и органические образования. Воровство не может произойти раньше взлома двери»⁶.

Таким образом, мы видим, что В. Пропп считает, что художественное произведение отражает и самую последовательность событий. Это мнение противоречит таким обычным явлениям, как воспоминание, рассказ в рассказе, веющие сны, и вообще мне кажется, что это мнение отрицает искусство как систему, имеющую свое направление, свои законы, освещдающие действительность, но не отражающие их непосредственно, а дающие их отражение — исследование. Попробуем доказать ошибку.

В детективном рассказе очень часто предметом расследования является именно установление последовательности событий — этим занимается Честертон.

У Честертона в детективных новеллах патер Браун прежде всего старается установить истинную последовательность моментов преступления, которая искажается свидетелями невольно, а преступниками сознательно.

Тысячи лет существуют рассказы, которые основаны на теме воровства, произведенного без взлома двери.

Геродот записал следующую новеллу: «По словам жрецов, Рампсинит был так богат и имел столько денег, что ни один из последующих царей не только не мог превзойти его в этом отношении, но даже приблизиться к нему. Для сохранения своих сокровищ в безопасности он велел построить каменную кладовую, одна стена которой примыкала к наружной стороне его дворца. Однако архитектор с злым умыслом устроил так, что один из камней можно было легко вынимать из стен двум человекам или даже одному. По сооружении кладовой царь поместил в ней свои сокровища. По прошествии некоторого времени строивший кладовую архитектор незадолго перед смертью подозвал к себе сыновей — у него их было два — и рассказал им, что он сделал при постройке царской сокровищницы в заботливости о том, чтобы они жили богато. При этом отец в точности объяснил все касательно выемки камня, дал им мерку его и в заключение добавил, что, если они сохранят ее, будут казначеями царской сокровищницы. По смерти архитектора дети его не замедлили приступить к делу: ночью отправились в царский дворец, нашли в стене камень, который вынули без труда, и унесли с собою много сокровищ. Отворивши кладовую, царь с изумлением заметил, что в сосудах недоставало сокровищ, и не знал, кого обвинять в краже, так как печати на дверях были целы, а кладовая оставалась запертой»⁷.

⁶ Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 31.

⁷ Геродот. История в девяти книгах. М., 1888. Т. 1, кн. 1–4. С. 178–179.

Если бы не то, что воровство из кладовой происходило без взлома двери, то оно и не было бы предметом рассказа. Нарушение обычной, предполагаемой последовательности и правдоподобия более чем обычно в литературе.

Замечание В. Проппа наивно.

В китайском сборнике «Проделки Праздного Дракона» — «Шестнадцать повестей из сборника XVII века» — вор по прозвищу «Праздный Дракон» крадет на пари, не взломав дверей и окон, чайник со стола предупрежденного им хозяина. Хозяин сидит перед столом, вор спускает, раздвинув черепицу, сверху свиной пузырь, привязанный к тонкой бамбуковой трубке; всовывает пузырь в чайник, надувает его и вытаскивает чайник через крышу⁸.

Препятствия, которые испытывают и преодолевают герои сказки, тоже могут переставляться отдельными сказителями.

Но это не главное; главное — интереснейшие предложения профессора в анализе сказок.

В. Я. Пропп предложил и обосновал свою систему анализа: метод выделения основных действий героев и их функций.

Классификация по действиям оказывается в основном интересной.

Что такое функция?

В. Я. Пропп говорит: «Под функцией понимается поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия»⁹.

Слово «функция» в применении к литературным произведениям, насколько мне известно, появилось в 1927 г. в статье Ю. Тынянова «О литературной эволюции». Термин подробно разбирался в лекциях в Институте истории искусств; статья была напечатана в книге Ю. Тынянова «Архаисты и новаторы» много лет спустя.

Сформулировано это было так: «Соотнесенность каждого элемента литературного произведения, как системы, с другими и, стало быть, со всей системой я называю конструктивной *функцией* данного элемента.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что такая функция — понятие сложное. Элемент соотносится сразу: с одной стороны, по ряду подобных элементов других произведений-систем, и даже и других рядов, с другой стороны, с другими элементами данной системы (автофункция и синфункция).

В дальнейшем, приведя много примеров изменений функций в разных системах, Тынянов формулирует: «Вырывать из системы отдельные элементы и соотносить их вне системы, т. е. без их

---

⁸ Пер. с китайского Д. Воскресенского. М., 1966. С. 222.

⁹ Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 30–31.

конструктивной функции, с подобным рядом других систем не-правильно»¹⁰.

В. Пропп в своей книге рассматривает функции героев в одной системе, притом в ряду сказок, до него отобранных, — в группе «волшебных сказок».

Но существуют два явления: функция действия героев внутри замкнутой сказки; это функция самого героя. Но существует и другое явление: действие героя как часть сказки, взятой как художественное произведение.

Кроме того, надо отличать героев и обоснование их действий. Помощь может быть оказана из благодарности или в ответ на какой-нибудь поступок героя. Помощь может быть оказана наемным слугой. В этом случае функция героя другая.

Но помощь слуги может быть героичной и идущей во вред этому слуге: ему было запрещено оказывать эту помощь. Он наказан за помощь, и потом герой выкупает своего помощника подвигом.

Это не просто раздел одного и того же явления — это изменение художественной цели внутри самого художественного произведения. И с этой точки зрения жалко, что В. Пропп, во многом следя за Ю. Тыняновым, упростил функцию, сделал понятие однозначным. Например, может быть описано какое-нибудь действие как результат выполнения обычая.

То же действие может быть объяснено как хитрость.

Действие не меняется, но функция его изменяется.

Непонимание этого вело к ошибкам. Одну из таких ошибок, цитируя мою критику описания, дает Пропп, не обобщая моего наблюдения.

Мотивы старались объяснить исторически, считая их следом прошлого. Существует, например, сказка о хитрости Диони. Хитрость царицы состояла в том, что она договорилась купить земли столько, сколько можно охватить бычьей шкурой. Хитрая царица разрезала шкуру на тончайшие ремни, обвила ими большой участок, построила город Карфаген со стенами, а потом расширила свои владения.

Эту легенду разобрал В. Ф. Миллер (Русская мысль. 1894. С. 207–229: «Всемирная сказка в культурно-историческом освещении»).

Приведу большую цитату из своей книги «О теории прозы»:

«Сюжет об овладении землей при помощи коровьей шкуры, разрезанной на ремни для того, чтобы охватить ею возможно больший участок, В. Ф. Миллер находит в классическом греческом предании о Дионе, использованном Вергилием, в трех местных индийских преданиях, в одном индокитайском предании,

¹⁰ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 272, 273.

в византийском XV века и турецком, приуроченных к постройке крепости на берегу Босфора, в сербском предании, в исландской саге о сыне Рагнара Лодброка Иваре, в датской истории Саксона — грамматика XII века, в хронике Готфрида в XII же веке, в одной шведской хронике, в предании об основании Риги, записанном Дионисием Фабрицием, в предании об основании Кирилло-Белозерского монастыря (трагическая развязка), в псковском народном сказании о постройке стен Печерского монастыря при Иване Грозном, в черниговской малорусской сказке о Петре Великом, в зырянском сказании об основании Москвы, в кабардинском предании об основании Куденетова аула (герой — еврей) и, наконец, в рассказах североамериканских племен об обманном захвате земли европейскими колонистами. Проследив, таким образом, с исчerpывающей полнотой за всеми обработками этого сюжета, В. Ф. Миллер обращает внимание на ту особенность, что обманутая сторона не протестует против насильственного захвата земли другой стороной, что вызвано, конечно, условностью, лежащей в основе всякого произведения, состоящей в том, что положения освобождаются от их реального взаимоотношения и влияют друг на друга по законам данного художественного сплетения. В рассказе, — утверждает В. Ф. Миллер, — «чувствуется *убеждение*, что путем обведения участка земли ремнем совершился юридический акт, имеющий законную силу» (с. 227). О смысле этого акта дает представление ведийская легенда, занесенная в древнейшее индийское религиозное сочинение *“Catapatha Brahmana”*. По этой легенде, враждебные богам духи Асуры вымеряют землю кожей быка и делят ее между собой. В соответствии с этой легендой в древнеиндийском языке слово *go* имело значение «земля», «корова»; слово *gosartan* («коровья кожа») обозначало определенное пространство земли. «В параллель с древнеиндийским названием меры земли (*gosartan*) можно поставить, — говорит В. Ф. Миллер, — англосаксонское *hyd*, английское *hide*, обозначающее первоначально кожу (немецкое *Haut*), а затем известный участок земли, равняющийся 46 моргенам. Отсюда становится весьма вероятным, что индийское *gosartan* обозначало первоначально такой участок земли, который можно охватить разрезанной на ремни коровьей шкурой. И только впоследствии, когда древнее значение было забыто, это слово стало обозначать такое пространство, на котором могут вплотную поместиться сто коров с их телятами и бык»¹¹.

Как видим, в цитированном труде работа по выяснению «бытовой основы» доведена не только до конца, но и до абсурда. Оказывается, что обманутая сторона — а во всех вариантах сказки дело идет об обмане — потому не протестовала против захвата земли, что земля вообще мерилась этим способом. Получается

¹¹ Шкловский В. Б. О теории прозы. С. 24–25.

нелепость. Если в момент предполагаемого совершения действия сказки обычай мерить землю «сколько можно обвести ремнем» существовал и был известен и продавцам, и покупателям, то нет не только никакого обмана, но и сюжета, потому что продавец сам знал, на что шел!

Произведения искусства, в том числе и искусства фольклорного, имеют свои законы, при помощи которых они моделируют мир и исследуют его. Повторение этих приемов — иллюзия, подобная тому, как иллюзией является неизмененное существование догматов христианства или формы римского права.

В. Пропп это понимает, но в то же время, рассмотрев очень определенные явления искусства, считает эти явления универсальными и функции их неизменными.

А. Н. Веселовский, создавая на необозримом материале «Историческую поэтику», в то же время видел искусство как явление неизменяющимся, внеисторичным.

В книге В. Проппа «Морфология сказки» исследователь, цитируя и пересказывая мой анализ, говорит: «Таким образом, возведение рассказа к исторической действительности без рассмотрения особенностей рассказа, как такового, приводит к ложным заключениям, несмотря на огромную эрудицию исследователей»¹².

Дальше В. Пропп цитирует А. Веселовского: «...явления схематизма и повторяемости водворятся на всем протяжении».

«Все протяжение» Веселовского включает в себя именно «все».

А. Н. Веселовский считает, что в будущем «Современная повествовательная литература с ее сложной сюжетностью и фотографическим воспроизведением действительности» в далекой перспективе для нас изменится.

Здесь неясно, что же изменяется в этом «всем протяжении», не ясно и то, рождается ли в искусстве новое, или оно живет только перестановками.

Явления искусства оказываются однократно рожденными, действительность, очевидно, вторгается только как «фотографическое воспроизведение».

Это неверно хотя бы потому, что искусство воспринимается только в «синтезе времени, этого великого упростителя»¹³.

Это схематично и, вероятно, именно поэтому и не было довершено А. Веселовским.

Частично пересмотру таких схем посвящена моя работа, которая, конечно, не претендует на окончательное решение вопроса. Но я пытаюсь показать, что повторяемость явлений искусства мнимая.

Я не буду шаг за шагом следить за всей интересной работой, частично используя совет автора, который говорит в примечании

¹² Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 24.

¹³ Там же. С. 127–128.

к III главе «Функции действующих лиц»: «Рекомендуется, прежде чем приступить к чтению этой главы, прочесть подряд все перечисленные функции, не входя в детали, а прочитывая лишь то, что напечатано жирным шрифтом»¹⁴.

Не будем перечислять все функции: их оказывается тридцать одна. Число это произвольно: восьмая функция уточняется девятнадцатью подразделениями, двенадцатая и тринадцатая — десятью.

Можно выбрать наиболее простой случай. Исходная ситуация общая: перечисляются члены семьи, иногда герой просто вводится путем приведения его имени или упоминания его положения.

В. Я. Пропп замечает: «Хотя эта ситуация не является функцией, она все же представляет собою важный морфологический элемент. <...> Мы определяем этот элемент как исходную ситуацию» (с. 36).

Пересмотрим несколько схем.

Вот схема IX: одному из членов семьи чего-либо не хватает, ему хочется иметь что-нибудь. Дальше следует: «Беда или недостача сообщается, к герою обращаются с просьбой или приказанием, отсылают или отпускают его» (с. 46).

Схема X: «Искатель соглашается или решается на противодействие» (с. 48).

Схема XI: «Герой покидает дом» (с. 48).

Схема XII: «Герой испытывается, выспрашивается, подвергается нападению и пр., чем подготавливается, получение им волшебного средства или помощника» (с. 49).

Схема XIII: «Герой реагирует на действие будущего дарителя» (с. 52). «В распоряжение героя попадает волшебное средство» (с. 53). На 55-й странице дано указание: «Нередко случается, что различные волшебные существа без всякой подготовки, вдруг являются, встречаются на пути, предлагают свою помощь и принимаются в помощники».

Разбивка на функции сама по себе интересна. Для применения ее не обязателен анализ происхождения функций, их генезис, но надо было бы следить за их изменением.

В конце книги идет восемь страниц таблиц с изобилием подобозначениями. Чтение этих таблиц мне почти недоступно вследствие их сложности.

Но книга интересна, потому что в ней намечен путь анализа разнообразных сюжетов, именно разнообразных сюжетов, а не только сюжетов волшебных сказок.

Как мне кажется, предложенный способ анализа не совпадает с предметом анализа — он шире его, не связан с генезисом волшебной сказки.

---

¹⁴ Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 35.

Вторая большая книга В. Я. Проппа, «Исторические корни волшебной сказки», имеет 340 страниц. В ней все явления сказки возводятся, как к своему источнику, к обряду инициации, к обряду принятия юноши в племя; принятие сопровождалось обрядами, новичок испытывается на выносливость к боли, к бессоннице, и все это, по мнению Проппа, должно было производить такое впечатление на нашего далекого предка (который жил в период, когда на месте пирамид был только песок, на месте Вавилона болото, а острова Тихого океана только еще заселялись), что он все это сохранил в сказке до нашего времени.

Вот отсюда, по мнению профессора Проппа, происходит «композиционное единство сказки», «оно кроется в исторической реальности прошлого»¹⁵.

Искусство пользуется старыми, созданными построениями, но придает им новые функции. Старое не только сменяется новым, но и переделывается новым.

Мы перепонимаем свою историю и переиначиваем привычное.

Между тем часто у исследователей обряд как бы является истоком быта, так как обряд — это воспоминание, а быт переживает воспоминание, но он переживает, изменяя. Иногда происходят странные вещи у очень образованных и самостоятельно мыслящих людей. Например, в книге «Исторические корни волшебной сказки» в главе «Завязка» рассказывается, что герой в дорогу с собой берет палицу железную, еду и коня.

Пропп утверждает, что эта железная палица не палица — это клюка или копье. Это продолжено так: все предметы, попадающие в могилу, по мнению В. Проппа, пришли в могилу, а потом в сказку из обряда погребения.

В «Бенгалии мертвцевов «снабжают так, как будто бы им предстоит долгий путь». У египтян умершему дают крепкий посох и сандалии. Глава 125-я Книги Мертвых в одном из вариантов озаглавлена так: «Эта глава должна быть сказана (умершим) после того, как он был очищен и мыт, и когда он одет в одежду и обут в белые кожаные сандалии...» В иератическом папирусе об Астарте говорится (Астарта находится в преисподней): «Куда ты идешь, дочь Птаха, богиня яростная и страшная? Разве не износились сандалии, которые на твоих ногах? Разве не разорвались одеяния, которые на тебе, при твоем уходе и приходе, которые ты совершила по небу и земле?» Эти реальные, хотя и прочные сандалии постепенно сменяются символическими. В погребениях древней Греции находили глиняную обувь, иногда — две пары обуви»¹⁶.

Но в сказке все эти предметы даются живому (в сказке) человеку для преодоления сказочного пути, но такого пути, в котором

¹⁵ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 330.

¹⁶ Там же. С. 38.

смерть появляется только как остановка; причем после чудесного воскрешения героя упоминания этих предметов не встречается.

Мне кажется, что загробный мир строится по подобию нашего мира. Не покойники учат нас есть хлеб и носить обувь, а мы пытаемся продолжить для мертвого жизнь живых. Мы и сейчас обуваем мертвое тело для того, чтобы положить его в гроб. Это инерция отношения к мертвому человеку — как будто он живет.

Люди, кладущие обувь в могилу, сами были обуты. Люди, кладущие в могилу оружие, были вооружены.

Вещи могут быть заменены знаками вещей. Например, в Китае существовали деньги, которые специально печатали для покойников. В России для покойников выкраивали специальную обувь — «босовики», они упоминаются в сказках Толстого.

Дело не в том, что сказка повторяет древние обряды, — дело в том, что сказка выражает те отношения, которые и сейчас понятны живым людям, которые сказку слушают.

Мне постоянно приходилось встречаться в кино с вопросом о том, как выразить в кинокартине время и пространство. И в конце концов мы давали эти понятия через вещи и другого пути не находили.

В. Я. Пропп считает, что железная просфора, железные сапоги, обозначающие сказочное время, пришли из обряда и держатся как пережиток.

Вопросы генерации — происхождения выясняются очень трудно, потому что надо выяснить причину подновления древнего обряда.

Основная установка В. Проппа — это древность сказки. Но сказка ежедневно возрождается, она современна в своей фантастике: железо, чугун совсем молоды, они моложе письменности.

Сказка не столько пережиток, сколько выражение новых понятий по старой структуре. Время создания мифов, вероятно, дало меньше сюжетов, чем столкновение мифов. Сюжеты используют противоречия эпох, вкладывая в них потом новые противоречия, но используя старые структуры. Мы живем в сосуществовании разных времен. Настоящее преодолевает прошлое, съедает прошлое, как хлеб.

II

Функции изменяются, надо уточнять понятие функции, сопрягая ее с понятием эволюции. Вот что писал об этом в 1927 году Юрий Тынянов в статье «О литературной эволюции»: «Резюмирую: изучение эволюции литературы возможно только при отношении к литературе как к ряду, системе, соотнесенной с другими рядами, системами, ими обусловленной. Рассмотрение должно идти от конструктивной функции к функции литературной, от литературной к речевой. Оно должно выяснить эволюционное

взаимодействие функций и форм. Эволюционное изучение должно идти от литературного ряда к ближайшим соотнесенным рядам, а не дальнейшим, пусть и главным. Доминирующее значение главных социальных факторов этим не только не отвергается, но должно выясниться в полном объеме, именно в вопросе об эволюции литературы, тогда как непосредственное установление «влияния» главных социальных факторов подменяет изучение эволюции литературы изучением *модификации* литературных произведений, их деформации»¹⁷.

На самом деле функции изменяются вместе с изменением отношения автора, или сказителя, к действительности.

Прежде всего рассказчик сочувствует своему герою и желает, чтобы он преодолел препятствия. Если участник инициации, обычно юноша, стремился вынести муки для того, чтобы стать полноправным членом племени, то герой сказки хочет убежать от бабы-яги; из подземного царства он уходит в свой мир. Преодолев препятствия, герой женится, а его соперник — царь — погибает. Это сохранилось даже в «Коньке-Горбунке» Ершова.

Сказка сама по себе, так же как и эпос, говорит не только о ста-рине и не только о необходимости, но и о преодолении природы, которое происходит как бы сейчас.

Герой переживает необычную жизнь, жизнь, часто предсказанную, осложненную рассказыванием о препятствиях. Это жизнь повторяющаяся, действующая замедленно, как бы преувеличивающая важность своих событий.

Смерть должна быть побеждена, должна быть побеждена и обыденность; все умирают, но герой должен победить смерть. Для этого надо сделать нарушение обычного — не спать, не цевовать того, кого любишь, не бить того, кого ненавидишь, не глядеть на жену. Но обыденное непобедимо. В сказке, как в романе, человек борется с обыденным, он борется также с невозможным: переплывает реки, влезает на крутые горы. Он защищает себя от страха, обращая предметы в их подобие: полотенце в реку, гребень в частый лес.

Сказитель не знает, откуда пришли эти превращения, но он не продолжатель жизни сказки; он новый творец, он рассказывает, удивляя. Преодоление невозможностей, выход из трудных положений — перипетии сказки.

Сказка имеет раму традиционного вступления, ее формы привычны, в сочетании их — напряжение привычного преодоления невозможного. Сказка, как явление искусства, должна быть занимательна.

Вопрос о генезисе сказочных мотивов не надо соединять с вопросом о построении сказки.

---

¹⁷ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 281.

Сказка имеет свои задачи, и с этими задачами связан выбор элементов повествования и их соединение.

Меняется время, увеличиваются паруса, удлиняются тропы, уходит горизонт, земля круглеет, на ней появляются меридианы и параллельные круги; из-за дальних океанов притягивают сведения об островах и материках, сведения о людях другого цвета, других повадок; товары с новыми запахами, с новым вкусом и новые ткани с новыми узорами.

Строится новые сюжеты о преодолении препятствий на пути к этим диковинкам, о борьбе за них.

Появляется приключенческий роман. Узнается ближайшее прошлое с восстаниями, свержениями королей, появлением новых героев.

Возникает исторический роман; по крайней мере, определяется место его в сознании.

Формы повествования изменяются; остаются некоторые функции. Если бы функции, свойственные героям сказки, зависели только от своего происхождения, от преодоления старых страхов, если бы они были только воспоминаниями об исчезнувших обрядах, то они не перешли бы в новый роман.

Между тем если пересказать романы, упрощая их содержание, то схемы их будут похожи на схемы сказок, потому что и там, и здесь есть совпадение и изменение совпадающего — совпадение функций. Аналогичная функция нужна для показа борьбы за жизнь, за ту жизнь, за которую боролся Гильгамеш несколько тысяч лет тому назад.

В сказке герой борется, преодолевая фантастические препятствия волшебными средствами. В романе он преодолевает препятствия возможные, но обычно традиционные подвигом, хитростью или случайной удачей, например, подслушиванием разговора, получением наследства или находкой потерянного документа. Все это уже отмечал как условность Теккерей.

Казалось бы, что в приключенческих романах функции героев чрезвычайно определены, и можно даже сказать, что они повторяют функции героев волшебной сказки. Мы уже цитировали, что «все волшебные сказки однотипны по своему строению», Пропп делает несколько набросков сказки; один из набросков таков: «Одному из членов семьи чего-либо не хватает, ему хочется иметь что-либо»¹⁸. Это объясняется как недостача.

Беда или недостача сообщается, герой покидает дом, потом он получает волшебное средство или помощника, герой попадает к месту нахождения недостачи, ему мешает вредитель, вредитель побеждается, герой возвращается, ложный герой предъявляет необоснованные притязания, вредитель наказывается, герой вступает в брак.

---

¹⁸ Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 33, 45.

Посмотрим построение романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта»: «Двадцать шестого июля 1864 года по Северному каналу мчалась великолепная яхта». Яхта носит название «Дункан» — она принадлежит лорду Гленарвану. Экипаж яхты случайно вылавливает акулу. Акулу вскрывают и в ее утробе находят какой-то странный предмет — предмет оказывается бутылкой. Бутылку вскрывают: в ней находят три документа, попорченных водой. Один документ написан по-английски, другой — по-французски, третий — по-немецки. Все три документа по-разному испорчены. Сводят сохранившиеся слова и получают один документ с пропусками. Узнают, что погиб трехмачтовый бриг «Британия», на котором был капитан «Гр» и два матроса. Они просят о помощи и указывают, где они находятся: это $37^{\circ} 11'$ широты.

Надо кого-то спасти. Получается сказочная ситуация: «Пойти туда, не зная куда, принести то, не зная что».

Появляются дети капитана Гранта, выясняется, что погиб их отец — мужественный шотландец. Лорд тоже шотландец. Капитана Гранта надо спасти, но не хватает указания долготы.

Задача задана так, что она предсказывает кругосветное путешествие.

Отмечаем, что такая же задача ставится в романе «Вокруг света в 80 дней».

Там мотивировкой путешествия будет пари, которое заключает эксцентрический англичанин Филиас Фогг.

Вернемся на «Дункан». На «Дункане» оказывается помощный герой — географ Паганель, который, обладая географической терминологией и географическими знаниями, в продолжение романа по-разному прочитывает таинственный документ. Это подкрепляет необходимость кругосветного путешествия. Случайные ошибки Паганеля помогают спасению путешественников.

В Австралии путешественники встречаются с таинственным георем Айртоном. Айртон выдает себя за человека, спасшегося с корабля капитана Гранта. На самом деле он хочет захватить корабль.

Айртон разоблачен, случайность помогает найти капитана Гранта. Паганель не учел разнообразий названия одного острова. Дело кончается свадьбой. Как курьез могу отметить, что герой Паганель оказывается отмеченным в Новой Зеландии — его татуировали. Все кончается двумя свадьбами.

В романе «Вокруг света в 80 дней» помощником героя является его слуга Паспарту. Вредителем — сыщик, который считает путешественника бежавшим вором и чуть ли не срывает выигрыши пари. Дело кончается браком.

Функции действующих лиц похожи на функции героев волшебной сказки.

Но в этом романе, как и в других романах этого автора, — другая цель.

Действия героев должны привести читателя к необходимости увидеть разные страны и пережить с героями разные препятствия, мешающие путешествию.

Функция героя — освещение географического поля.

Так в «Кавказском пленнике» Пушкина главная функция героя — это показ, «описание нравов черкесских»¹⁹.

Перейдем к анализу «Капитанской дочки».

Живет семья Гриневых — семья благополучна, но «батюшка у окна читал Придворный Календарь, ежегодно им получаемый».

Он повторяет вполголоса: «Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер!.. А давно ли мы...»

Старику Гриневу понадобилось, чтобы сын служил: это можно определить как «недостачу» — не хватает чинов и орденов. Младший Гринев отправлен в армию в сопровождении слуги. По дороге он спасает путника и награждает его заячим тулуником. Таким образом он получает помощника. Вредителем оказывается Швабрин, но Пугачев помогает герою, и все кончается свадьбой.

Какое отличие от сказки? То, что целью повести является показ народного бунта и народных характеров. Герои имеют свои характеры, совершают действия, но в то же время они помогают нам увидеть русский бунт во всей его красоте и противоречивости.

Отличие повести Пушкина от романов Вальтера Скотта в том, что подсобный герой имеет функцию главного героя; он раскрывает эпоху, он главное действующее лицо. У Вальтера Скотта благодарный разбойник или случайно облагодетельствованный цыган в своих функциях ограничиваются только помощью герою.

В. Пропп специально оговаривает, что он, просмотрев очень большой контрольный материал, ограничивает его: «Мы берем Афанасьевский сборник, начинаем изучение сказок с 50-го номе-ра (это по плану Афанасьева первая волшебная сказка сборника) и доводим его до № 151-го»²⁰.

Исследователь считает такое строгое ограничение материала оправданным.

Но исследованной оказывается только русская сказка. Волшебные сказки книги «Тысяча и одной ночи» организованы иначе, и функции героев в них иные. Арабская сказка включает в себя некоторый и познавательный материал. «Сказка о Синдбаде-мореходе» включает в себя некоторые сведения, идущие от реальных путешествий. Побудительные причины к путешествию и действия путешественников (функции) в арабских сказках иные, чем в русской волшебной сказке.

¹⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.; Л. 1951. Т. 10: Письма. С. 647.

²⁰ Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 33.

Насколько сложен вопрос об отношении волшебной сказки к повести и роману, показывает анализ, который я сейчас приведу.

В книге академика И. И. Толстого «Статьи о фольклоре» есть сказочный материал, похожий тоже на подарок «заячьего тулупчика», который сделал Гринев Пугачеву, предопределив тем самым свою судьбу.

И. И. Толстой выясняет происхождение девятой новеллы десятого дня «Декамерона» Боккаччо. Приводится материал немецкой повести Цезария Гейстербахского начала XIII столетия: «В повести Цезария действуют два лица: солдат и дьявол. В немецкой деревушке, носящей название Голленбах, проживает солдат Герард, человек несокрушимого благочестия, ревностный почитатель памяти апостола Фомы. Ни один нищий, во имя Фомы просящий о подаянии, не получает от Герарда отказа. Но вот под видом бедного странника приходит однажды к Герарду дьявол и просит у него приюта. Герард принимает странника и, так как на дворе стоит стужа, дает ему на ночь свой теплый меховой капюшон. Наутро обнаруживается исчезновение странника, а вместе с тем и пропажа одолженной ему вещи»²¹. Впоследствии воин идет в Индию поклониться гробу апостола и просит жену ждать его возвращения пять лет. В Индии воин задержался и спохватился в самом конце срока. В этот момент он увидел на прохожем свой капюшон. Узнает он и странника. Странник-дьявол благодарит воина и переносит его из Индии в Германию как раз к сроку.

Оставим вопрос о чудесном перелете.

Но сказка целиком попала в русский фольклор и записана под Пермью.

В русском фольклоре она называется «Лешок».

История о дьяволе, так блестательно отблагодарившем за то, что его спасли теплой одеждой, похожа на историю Пугачева. Но мы знаем исторический источник эпизода: в бумагах Пушкина сохранилась выписка «Реестр Буткевича». Дворянин Буткевич подал правительству список вещей, отобранных у него Пугачевым. Реестр очень длинен, в нем есть и образ Казанской Богоматери в окладе с жемчугом — расценено это в 330 рублей, есть 38 стогов сена, и 65 кобыл, и три пары суконных онучей, и пять пар шерстяных чулок — все по неимоверным ценам. Среди всех этих драгоценностей значится: «Два тулупа, один мерлущетой, второй из беличьего меху 60 руб.»²²

Список этот использован для того счета, который подал Савельич во время взятия Белогорской крепости Пугачевым. Цены Савельича божеские. Реестр подробный — там есть и мундиры,

²¹ Толстой И. И. Статьи о фольклоре. М., 1966. С. 60.

²² Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Саратов, 1959. С. 94–95.

и одеяла, и «еще заячий тулупчик, пожалованный твоей милости на постоялом дворе, 15 рублей».

Источником оказалась не очень распространенная сказка, а переосмысленный документ; функция героя в произведении потребовала иного материала.

История дворянина Шванвича, перешедшего на сторону Пугачева, и документ; стоимость тулупчика максимально снижена: он на заячьем, самом дешевом и непрочном, меху. Пугачев помнит не подарок, а ласку и угощение.

Юрий Тынянов в статье «О литературной эволюции» и в статье «Литературный факт» говорил об изменении функции художественного произведения. Дружеское письмо Державина — это бытовой факт, письмо Пушкина — литературный факт. Автор к нему иначе относился, читатель письмо иначе читал.

Мало указать, что персонаж сказки делает то-то и то-то: надо еще учесть, как он это делает, на какое восприятие он рассчитывает. Помощные герои, умеющие переносить любой мороз или жару в печи, интересуют читателя как диковинка. Помощные звери — кот и собака, которые вместе крадут для героя волшебное кольцо, но по дороге все время ссорятся, выполняют ту же функцию, как и первый герой, но они *характеры*; они исследуются в отношении друг с другом, а не только в отношении выполнения поручения. Это и та, и не та функция.

В любой работе важно, когда что-нибудь не выходит. За кажущейся ошибкой иногда лежит новая закономерность. Об этом хорошо говорил Тынянов. Интересная морфологическая работа Проппа слишком обобщает и не ищет случаев, когда схема не совпадает с исследуемым материалом.

Но, вероятно, смелая по своему значению книга, «Морфология сказки» поможет в анализе формологии сюжета.

Книга «Исторические корни волшебной сказки» — отдельная работа, которая, по-моему, говорит о другом, не служа обоснованием первой книги.

Выясняя историю явления, мы не всегда объясняем роль явления.

Я не утверждаю, что приключенческий роман *не* построен по архетипу волшебной сказки, хотя часто и кончается свадьбой. Во времена создания предполагаемого архетипа волшебной сказки, возможно, свадьбы как сложного обряда и не существовало. Путешествия и приключения своим сознательно нарушенным рассказчиком ходом в основе имеют представление обычного пути, который может оказаться в разное время по-разному трудным.

Разные цели ставили перед собою сказочник и автор романа приключения.

Читатель в основном не знает корней искусства и в основном ими не интересуется. Более того, он не хочет предвидеть событие,

он хочет исследовать событие, задержаться на событии, переживать событие. Поэтому счастливые браки, так иронически описанные Гегелем в его «Лекциях по эстетике», история благополучных богатств, так восторженно описанная в биографиях американских миллионеров, не становятся основным материалом для искусства. Говоря в общем и целом, корабли приходят туда, куда они назначены, и привозят свой фрахт. Приключения — нарушение обычного. «Похождения» в самом названии содержат отзвук поиска, розыска, сменяющейся судьбы; все это становится элементом искусства. Искусство имеет свою направленность, и направленность эта не сводится к занятности произведения, а к задержанности рассказа. Поэтому не надо считать путь Одиссея домой обычным рейсом парусного корабля во времена Троянской войны. Это не обычный путь, это история затруднений.

Теоретически говоря, разговор сводится к тому, что искусство выборочно и искусство продолжается все время, все время анализируются разные приключения в меняющемся мире.

Опыт старых структур остается, но они не повторяются, а используются, и используются сталкиваясь, отрицая друг друга.

Странно было бы думать, что именно обряд посвящения мальчика в жизнь племени, признание его мужчиной, муки, которые при этом он испытывает, пережили не только тысячелетия, но и времена создания племени, ряд смен социальных формаций.

В самой жизни есть повторяемость, так как сам мир основан не на бесконечном количестве законов, и эти законы по-разному соответствуют друг другу. Электрические колебания могут соответствовать колебаниям моста, через который проходит поезд, но мост колеблется не потому, что он вспоминает об электричестве; это единство законов, а не память о законах.

Закономерности мира осуществляются в искусстве как закономерность искусства, связанного с законами сознания.

Ю. И. ЮДИН

ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА В. Я. ПРОППА
(РУССКАЯ СКАЗКА. Л., 1984)¹

Работы В. Я. Проппа никого не оставляли и не оставляют равнодушными с момента их появления и до сегодняшнего дня. Своеобразие и неповторимость исследований ученого не только в обращении к глубоким истокам и слоям современной культуры, в определенно выраженному оригинальному и точно выверенном методе, но и в предельно ясно проявляющейся незаурядной личности самого ученого, в разнообразном спектре эмоциональных и аналитических оценок, выводов и наблюдений.

Данная книга представляет собою переработанный для печати спецкурс, который читался для студентов и преподавателей филологического факультета Ленинградского университета. Цель этого курса прежде всего педагогическая. С первых же страниц книги заметно горячее желание автора заразить слушателя любовью к народной сказке, заставить понять, как мало мы о ней знаем. Поэтому то тут, то там мы сталкиваемся с вопросами, не имеющими решения, с загадками, к которым наука пока не умеет подступиться. Видно, как автор настойчиво пытается вызвать своих слушателей на размышления, заронить в них зерно сомнения и раздумья, которому, возможно, суждено прорасти. Почему у большинства народов нет специального слова для обозначения сказки, как у русских и немцев? (с. 36). Относительно классификации сказки делается замечание о том, что «не найден тот основной признак, который мог бы дать начало делению» (с. 103). Им могла бы быть внутренняя структура, или композиция, но «пока композиция сказки не изучена» (с. 104). Отмечается, что «мотив трудной задачи не совместим с мотивом змееборства», так что

---

¹ Впервые опубл.: Русский фольклор. Л., 1987. Т. 24: Этнографические истории фольклорных явлений. С. 166–170.

сам собою возникает вопрос о причине (с. 195). Автор не берется объяснять калиновый мост в сюжете о змееборстве (с. 203), мотив трех купленных ночных в сказке о Финисте ясном соколе (с. 224) и т. п., предоставляя судить о них читателю и слушателю. Хотя кумуляция является главным признаком композиционной системы кумулятивных сказок, она тем не менее не лежит в одной плоскости, на одном историческом и поэтическом уровне со структурной схемой волшебной сказки. В этом ее необычность, малопонятная для нашего современного уровня знаний. «Кумуляция как явление свойственна не только кумулятивным сказкам. Она входит в состав других сказок, например, сказки о рыбаке и рыбке, где нарастающие желания старухи представляют собой чистую кумуляцию (тип 555)², или сказки о Несмеяне, где царевну смешат последовательно прилипающие друг к другу люди (тип 559)» (с. 297). Таким образом, кумуляция в фольклоре должна быть изучена как самостоятельное явление, что осветит новым светом и самое сказку (с. 298). Насколько интересно это явление по отношению к сказке, видно хотя бы из того частного факта, что сказка о рыбаке и рыбке, например, включает не только кумулятивную цепочку событий, но и является редкой среди волшебных сказок в силу необычного конца, не счастливого, но приводящего героев к полному крушению всех надежд и стремлений. На с. 313–314 высказываются соображения как против признания прямой связи анималистических сказок с тотемизмом, так и в пользу такой связи и зависимости. Подобная проблематичность, пронизывающая работу, будит мысль и воображение. Все, кому приходилось слышать В. Я. Проппа, легко узнают здесь характерную черту его преподавательской манеры: умение просто и неназойливо ввести в неосвоенную область, захватить мысль увлекательностью самостоятельного поиска.

В примерах, приведенных выше, видна и другая существенная черта педагогической манеры автора. Это строго научный подход к материалу, недоверие ко всякого рода поверхностным суждениям, беглой оценке фольклорных явлений, без разносторонней и исчерпывающей на данный момент проработки их. Чем иным, как не строгим научным подходом, можно объяснить тот факт, что исследователь многократно подчеркивает слабую изученность сказочной поэтики, в частности, композиции, хотя его собственные работы в этой области являются классическими. Особенно нетерпим автор книги к красивой фразе, несущей в себе скучный, а иногда и явно превратный смысл. Вот одно из характерных замечаний: «В сказке, по Аникину, сознательно изображается действительность. “Через сказку перед нами раскрывается тысячелетняя самобытная история”. Однако достаточно взять любой учебник

² Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.

истории, чтобы увидеть, что это не так» (с. 41). По поводу работы И. П. Сахарова он пишет: «Как мы уже знаем, собрание Сахарова состоит не из подлинных сказок, а из пересказов различных текстов XVIII века <...>. В предисловии к этому собранию Сахаров и высказывает свои взгляды, причем уловить их сущность очень трудно, так как они являются не столько трезвыми взглядами, сколько эмоциональными выкриками, сущность которых остается неясной и которые противоречат друг другу» (с. 94). Ценность подлинной науки как явления человеческой культуры и как ответственного рода деятельности, далеко не безразличной историческому процессу, — вот одно из основных доминирующих представлений, постоянно сопровождающих и изыскания самого автора, и обзор работ его предшественников и коллег. «Наука, — любил повторять В. Я. Пропп, — имеет дело исключительно с двумя вещами: с фактами и методом их осмыслиения». Понятна поэтому уверенность автора в неиссякаемости подлинно научной традиции, культуры вообще и, в частности, культуры самого исследовательского труда. «Исследовательская работа, — пишет он, — у нас сильно отстает от собирателей. Но не всегда так будет. Сказка во всем ее объеме не может быть изучена одним человеком. Для этого требуется работа хорошо подготовленных научных коллективов, для этого требуется длительный срок» (с. 88). Все вместе взятое — акцент на ответственности науки и не декларативно, а на деле применяемый принцип проблемного обучения — сообщают книге большую педагогическую ценность.

Другая педагогическая задача, решаемая в книге, состоит в обрисовке контуров современного научного метода изучения сказки и фольклора вообще. Эта задача решается не совсем обычным путем. Автор нигде не формулирует ее прямо, но, например, рассказывая историю изучения сказки, он показывает логику развития науки и результаты, которых достигла она в своем теперешнем состоянии. Выводы предшественников не отмечиваются, но критически осмысливаются в поисках объективно достоверных наблюдений, как бы незначительны они ни были. Выводы самого автора комментируются с точки зрения методов изучения, которые к ним привели. В результате через всю работу протягивается цепочка замечаний и наблюдений, относящихся в своей совокупности к характеристике современных методов исследования фольклора. Приведем лишь несколько примеров подобных замечаний: «Самый плохой, отрывочный, нескладный текст, даже если он содержит архаические прослойки, многое дает для изучения сказки в целом, сюжетов, мотивов, образов» (с. 86); «Что сумма частностей не приводит к определению и пониманию органической целостности сказки, видно по работе И. Вольте “Название и признаки сказки”» (с. 100); «Описательное и историческое изучение не исключают друг друга, а взаимно обусловливают»

(с. 102); «Сказка в прошлом есть миф, и этот миф должен и может быть восстановлен путем сравнительного изучения» (с. 116) (это сказано по поводу взглядов Ф. И. Буслаева); «Социальные и материальные условия жизни народов, их традиционные мировоззрения — вот на чем основывается разнообразие сюжетов при общем их сходстве» (с. 138); «С нашей точки зрения, правильность выводов определяется не только полнотой материалов (к которой мы всегда будем стремиться), а прежде всего правильностью методов»; «Может оказаться, что архаические формы встречаются не наиболее часто, а наиболее редко и что они вытесняются более поздними формами» (с. 149); «Закономерность начинается там, где есть повторяемость» (с. 174); «Посюжетное изучение (волшебной сказки. — Ю. Ю.) возможно только на базе межсюжетного изучения» (с. 196); «Вопрос о стиле есть вопрос об отношении к действительности и к рассказываемому» (с. 200); «Художественность сказки не определяется логикой, скорее наоборот: строгая логика ее портит» (с. 203); «Первично — действие, сюжет; вторичны — (хотя все же далеко не случайны) действующие лица» (с. 300).

Даже по приведенным цитатам можно судить о простоте и ясности языка книги, которые представляют собой немаловажную заслугу автора-педагога. Этой простоте соответствует яркая и тщательно продуманная система иллюстраций. Изящество иллюстративного материала, как нам представляется, связано с постоянной заботой автора выводить доказательства из наглядного, общеизвестного, даже банального факта через всю последовательность звеньев доказательства, совершающего как бы на глазах читателя.

Убедительность доказательств в работе В. Я. Проппа делает особенно привлекательными характеристики различных научных школ сказковедения. Когда, например, метод изучения былин В. В. Стасовым определяется как дилетантский (с. 133), а об А. Н. Афанасьеве говорится, что он «стоит собственно не на исторической, а на психологической точке зрения» (с. 126), эти выводы основываются на фактах, достаточное количество которых приведено в книге, а не на эмоциях и вкусовых оценках. Если В. Я. Пропп говорит: «Гениальная простота мысли Веселовского состоит в том, что “форма” и “идея” (или “содержание”) им никогда не разъединяются и не противопоставляются. Наоборот, сама форма есть выражение идеи»³ (с. 98), — это не преувеличение.

---

³ Названная и другие идеи А. Н. Веселовского намного превзошли уровень, достигнутый отечественной и зарубежной фольклористикой его времени. В. Я. Пропп оказался блестящим продолжателем его идей. О нем как о ближайшем последователе А. Н. Веселовского говорит во вступительной статье к рецензируемой книге К. В. Чистов. Эта глубоко содержательная и яркая статья, на наш взгляд, представляет собой новый шаг вперед в оценке научного наследия В. Я. Проппа.

Несмотря на преимущественно педагогические установки, книга В. Я. Проппа имеет большой самостоятельный научный интерес. Прежде всего следует сказать о том, что в книге, посвященной русской сказке в целом, а не какому-то отдельному вопросу ее изучения, яснее, чем в других работах автора, обозначился своеобразный подход к исследованию. В. Я. Пропп четко разграничивает и никогда не смешивает важнейшие аспекты изучения сказки: поэтику, генезис и эволюцию, интерпретацию художественного содержания и ее социологию. Подобное разграничение необходимо не только фольклористике, но и литературоведению, для того чтобы анализ мог стать тем, чем он должен быть, — разделением и изучением путем такого разделения. Мы знаем на практике много примеров, когда изучение содержания подменяется исследованием генезиса, а на месте поэтики оказывается публицистика по поводу содержания. Наука страдает от такого смешения, метафорические подмены хороши в искусстве, но не в науке о нем. В музыказнании никому не пришло бы в голову гармонический анализ выдавать за исследование музыкального содержания как такового или, наоборот, говорить о содержании музыки, не имея представления о ее гармонии, в литературоведении и фольклористике подобное, к сожалению, возможно.

Сам В. Я. Пропп в сказковедении известен прежде всего своими трудами в области поэтики и генезиса волшебной сказки. Тем более интересно, хотя бы вскользь, указать на примеры его обращений к области интерпретации сказочного содержания и социологии сказки. В сюжете о Финисте ясном соколе, например, у автора вызывает интерес исходная ситуация: у старика три дочери, старшие — щеголихи, «а меньшая только о хозяйстве радела». «Эта деталь, — пишет исследователь, — интересна тем, что в дальнейшем младшая дочь получает дары без испытания. Она изначально совсем другая, чем ее сестры» (с. 220). На ее долгом и трудном пути к мужу она набредает на избушку. Здесь «старушка ее выспрашивает и без всякого испытания награждает» (с. 221). В связи с этим находится и ее особое, тайное знание, недоступное другим. «Откуда она знает о Финисте? Это вопрос общесказочной иррациональной поэтики» (с. 220). Интерпретация сюжета опирается на сказочную поэтику, генезис, социологию. Но сама к ним не сводится. Здесь возникают самостоятельные задачи, решение которых бывает не всегда просто. «Чем, например, объяснить, что герой ее (сказки. — Ю. Ю.), Финист, не только покидает ни в чем не повинную девушку, но еще и женится на другой...», — задает вопрос автор (с. 223). Между тем в сказке невиновность геройни сомнительна. Беда случилась из-за ее неосторожности, она дала заметить свое счастье, не сдержала радости и накликала беду. Сходно повел себя и герой «Царевны-лягушки», сжегши лягушечью кожу. Героиня «Финиста» выдержала испытание горем, но не

выдержала испытание радостью. Она терпела насмешки старших сестер, не упрекала отца, когда он возвращался без заветного пепышка, но, заполучив заветную коробочку, «меньшая дочь чуть не прыгнула от радости, взяла коробочку, стала ее целовать-миловать, крепко к сердцу прижимать»⁴.

Социология сказки, в свою очередь, опирается на исследование сюжета с других сторон. По поводу тотемических истоков сказки о Финисте В. Я. Пропп пишет: «Эти остатки тотемизма не могли бы сохраниться, если бы не соответствовали мировоззрению или миросознанию сказочника, согласно которому видимый нами будничный мир есть оболочка чего-то прекрасного, что хоть в сказке может себя обнаружить. Так, исторически и философски, может быть разрешена одна из загадок, задаваемых нам сказкой о Финисте ясном соколе» (с. 223). Вообще «философия ее (сказки. – Ю. Ю.) обычно вытекает из сюжета и характера действующих лиц, но никогда прямо не высказывается» (с. 227). «Сказка заключает в себе бессознательную жизненную философию народа» (с. 184). В ней все предусмотрено, но нет фатализма: герой испытывается и может не выдержать испытания (с. 184–185). «Его основное качество – бескорыстие» (с. 185), он обнаруживает способность сострадать (с. 187–188). Но эта философия не изначальна, она является в сказке исторически становящейся (с. 188).

Работа В. Я. Проппа подводит вплотную к новому пониманию бытовой сказки в отличие от сказки новеллистической. Правда, номинально эти виды не различаются, говорится о сказках новеллистических, реалистических или бытовых (с. 245). Но анализ в книге показывает их неоднородность. С одной стороны, выделяются анекдоты «в более широком смысле», это «особый вид сказок, обладающих специфической структурой», «область народного юмора» (с. 56). В этих сказках действительность выворачивается наизнанку, «преобладающее большинство сюжетов состоит в каком-нибудь одурачивании...» (с. 250); «...бытовая сказка появляется тогда, когда земледелие выходит из примитивной стадии, а родовой строй сменяется рабовладельческим государством» (с. 251). С другой стороны, есть переходный от волшебного к новеллистическому тип, это не юмористические сказки по существу (например, трудная задача в них и в волшебной сказке). Такие сказки можно назвать новеллистическими, как это и делает для многих сюжетов А. Аарне (с. 254 и далее). В этих замечательных наблюдениях содержится целая программа раздельного изучения двух сказочных видов. Научная осторожность не позволяет автору говорить об изученности композиции анималистической и бытовой (как мы бы называли) сказок, но при этом делается инте-

⁴ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1957. Т. 2. № 234.

речнейшее наблюдение, что «обман, одурачивание составляет их главный сюжетный стержень» (с. 188).

Очень интересно сопоставление Змея в волшебной сказке и былинне. Змей выступает как «хозяин водяной стихии» в представлениях раннеземледельческих народов. В обоих жанрах – это один фольклорный образ (с. 236–237). Здесь намечается путь изучения этого образа в былине и сказке из одного источника, чего, к сожалению, не было сделано в «Русском героическом эпосе». Подробнее на эту тему говорится во вступительной статье К. В. Чистова (с. 17–18). Перед нами вырисовывается путь изучения эпоса из глубин его этнографических мифологических истоков на стыке их с реальной историей.

Не все наблюдения и выводы В. Я. Проппа одинаково доказательны и убедительны. Некоторые из них представляют собою предварительные соображения, высказанные в ходе незавершенной работы. Так, например, едва ли можно сказать о кумулятивных сказках, что «весь интерес их – это интерес к слову как та-ковому» (с. 296). Дело в том, что детей в этих сказках привлекает не только искусная словесная вязь, но и обида медведя, который увидел, что ему не поместиться в тереме мухи, и разогнал обитателей терема; наказанное хвастовство Колобка и смешная победа мышки, которая справилась с неподатливой репкой, и т. д. Слишком категорично утверждение В. Я. Проппа, что в русских анималистических сказках животные не живут звериным государством (с. 309)⁵. Экспедиционная работа не подтверждает мысли о том, что быличка может быть названа вымирающим жанром (с. 48).

Книга, без всякого сомнения, потребует переиздания. Перед нами работа, богатое научное содержание которой не может быть полностью освоено в одном поколении учащихся, сказковедов и просто любителей сказки. Книге суждена долгая жизнь. К ней неоднократно станут обращаться в поисках ответов на вопросы, которые на современном уровне наших знаний мы не можем пока предвидеть.

---

⁵ Ср.: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка (например, сюжетные типы 220, 220А, 221*, 221В*).

С. А. ЖАДОВСКАЯ

НА ПУТИ К МОРФОЛОГИИ РУССКИХ АГРАРНЫХ ПРАЗДНИКОВ¹

«Венец всякой науки есть раскрытие закономерностей», — писал В. Я. Пропп² и каждой своей работой, статьей или монографией, подтверждал эти слова.

Современники ученого и исследователи его метода неоднократно отмечали, что книга «Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования)» (1963) в научной биографии В. Я. Проппа стоит несколько особняком. Ее название (в особенности подзаголовок) и объект изучения для многих поставили ее в ряд трудов «этнографических»³ и таким образом отдалили от анализа повествовательных структур. «Неожиданным, концептуальным и дискуссионным трудом» спустя несколько десятилетий назвала эту работу А. Н. Мартынова⁴.

Между тем в ответе К. Леви-Страссу на его отзыв об англоязычном издании первой монографии В. Я. Пропп в 1966 г. писал прямо: «В книге “Русские аграрные праздники” (1963)

¹ Выражаю искреннюю благодарность В. И. Ереминой, которой принадлежит идея этой статьи, и А. Ф. Некрыловой за помощь в ее подготовке.

² Пропп В. Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки // Пропп В. Я. Поэтика [фольклора] (Собрание трудов В. Я. Проппа) / сост., предисл. и comment. А. Н. Мартыновой. М., 1998. С. 210.

³ Сегодня, когда институциональные рамки фольклористики, этнографии, этнологии и культурной антропологии размыты, такое разграничение уже не кажется существенным. Примечательно, однако, что именно за отсутствие этнографического контекста критиковал «Морфологию сказки» К. Леви-Страсс в знаменитой статье, увидевшей свет в 1960 г. (на французском языке): *Lévi-Strauss C. La structure et la forme. Réflexions sur un ouvrage de Vladimir Propp // Cahiers de l'Institut de Science économique appliquée. Série M. 1960. № 7 (mars). P. 1–36.*

⁴ Мартынова А. Н. Предисловие // Пропп В. Я. Поэтика [фольклора] (Собрание трудов В. Я. Проппа). С. 14.

я применил как раз тот самый метод, что и в “Морфологии”. Оказалось, что все большие основные аграрные праздники состоят из одинаковых элементов, различно оформленных⁵. В той же статье автор подчеркивал, что морфологический метод будет плодотворно работать там, где есть повторяемость в больших масштабах⁶.

Трудно не согласиться с Б. Н. Путиловым, который во вступлении к подготовленному им сборнику статей ученого (1975) писал: «Научная деятельность В. Я. Проппа была исключительно цельной. Если “Морфология сказки” может быть по-настоящему понята лишь в органическом единстве с “Историческими корнями волшебной сказки”, то и все его монографические работы и статьи обретают истинный смысл как этапы и конкретные – разных масштабов – реализации большого и единого замысла, осуществлению которого ученый посвятил, в сущности, всю жизнь»⁷. Позже более подробно мысль о связи двух монографий Проппа была раскрыта С. Б. Адоныевой в предисловии ко второму изданию «Аграрных праздников»⁸.

Действительно, в обеих книгах автор, отходя в сторону от проторенного, «традиционного» пути изучения выбранных им объектов, ставит в первую очередь вопрос о том, как эти объекты устроены. Постановкой этого вопроса В. Я. Пропп в конце 1920-х гг. и позже был автоматически сближен с русской формальной школой, принципиальное отличие его метода от которой состоит в раскрытии диахронической перспективы, генетической истории исследуемого материала⁹. Заметив, что русская волшебная сказка при всем своем многообразии может быть описана как набор функций, составляющих единственный сюжет-инвариант, автор предполагал углубиться (что и сделал позднее в «Исторических корнях») в поиски причин его существования. Несмотря на это, «Морфология сказки» долгое время воспринималась обособленно. И хотя книга,

⁵ Статья опубликована в 1966 г. на итальянском языке в издании «Морфологии сказки» вместе со статьей-отзывом К. Леви-Страсса. На русском языке впервые издана в 1975 г. в сборнике статей В. Я. Проппа: *Пропп В. Я. Структурное и типологическое изучение волшебной сказки* // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избр. ст. / сост., ред., предисл. и примеч. Б. Н. Путилова. М., 1975. С. 137.

⁶ «Методы, предложенные в этой книге, <...> возможны и плодотворны там, где имеется повторяемость в больших масштабах» (*Пропп В. Я. Структурное и типологическое изучение волшебной сказки*. С. 151).

⁷ Путилов Б. Н. Предисловие // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избр. ст. / Сост., ред., предисл. и примеч. Б. Н. Путилова. М., 1975. С. 15.

⁸ Адоныева С. Б. [Предисловие] // Пропп В. Я. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). СПб., 1995. С. 6.

⁹ Подробнее о В. Я. Проппе и формалистах см.: Уорнер Э. Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. СПб., 2005.

как убедительно показал К. В. Чистов в статье «В. Я. Пропп: легенды и факты»¹⁰, была органически связана с достижениями российской гуманитарной науки 1920-х гг., суть структурного изучения сказки (как, впрочем, и другие исследования, направленные на изучение структуры текста) не была понята и тем более принята большинством советских читателей и критиков того времени.

Лишь с конца 1950-х гг. «Морфология сказки» станет мощнейшим стимулом для работы отечественных и зарубежных ученых в области нарратологии, а спустя еще десятилетие и в более широком контексте — для исследований по математической и структурной лингвистике, теоретической поэтике, а также теории ЭВМ, детской психологии, теории коммуникации, киноискусству.

Именно на этом фоне — по выражению Б. Н. Путилова, «триумфального шествия по странам Европы и Америки»¹¹ первой книги ученого, получившей «второе рождение», широкую известность и мировое признание после выхода в свет в 1958 г. ее английского перевода¹², — вышла работа Проппа об аграрных праздниках. «Учение о форме» волшебной сказки, т. е. анализ ее нарративной структуры, счастливо соединились в то время, как отмечал и сам В. Я. Пропп, и его последователи, с открытиями в области точных наук, возможностями применения их методов в гуманитарных исследованиях, поисками новых путей в изучении нарратива и потому стали чрезвычайно актуальными в научной проблематике 1960–1980-х гг. Е. М. Мелетинский, размышляя о значении пропповского метода, писал о перспективах, которые открываются в изучении нарративных жанров. Он же кратко и точно сформулировал суть морфологического анализа: «В. Я. Пропп поставил перед собой задачу выявления постоянных элементов (инвариантов), наличествующих в волшебной сказке и не исчезающих из поля зрения исследователя при переходе от сюжета к сюжету. Открытие В. Я. Проппом инварианты и их соотношение в рамках сказочной композиции и составляют структуру волшебной сказки»¹³.

Монографии о русских праздниках предшествовали доклады и большая статья В. Я. Проппа на ту же тему. Один из докладов был сделан в октябре 1961 г. на специальном научном заседании

¹⁰ Чистов К. В. В. Я. Пропп: легенды и факты // Советская этнография. 1981. № 6. С. 52–64.

¹¹ Путилов Б. Н. Второе рождение книги // Вопросы литературы. 1971. № 3. С. 201.

¹² Propp V. Morphology of the folktale / ed. with an introd. by Svatava Pirkova-Jacobson; transl. by Laurence Scott. Bloomington, 1958. Перепеч.: International journal of American linguistics. Vol. 24, № 4, part. 3 (October). P. 1–134; Bibliographical and special series of the American folklore society. 1958. Vol. 9.

¹³ Мелетинский Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки // Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969. С. 134. В этой же статье см. обзор работ русских и зарубежных исследователей, развивающих метод В. Я. Проппа.

Сектора народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР по случаю 70-летия В. М. Жирмунского. Если судить по краткой аннотации, в нем В. Я. Пропп впервые осветил свои изыскания в области календарных праздников. В том же году был подготовлен доклад «Методы изучения русских аграрных праздников», опубликованный позже на венгерском языке в ежегоднике Дебреценского университета «Культура и традиция». Тогда же, в конце 1961 г., в «Ежегоднике Музея истории религии и атеизма» им была опубликована статья «Исторические основы некоторых русских религиозных празднеств»¹⁴. В соответствии с темой сборника, вынесенной в его подзаголовок — «О преодолении религии в СССР», — Пропп сделал акцент на трудовом, земледельческом характере славянских календарных праздников в противовес религиозному их пониманию. В этой статье — по его выражению, «предварительных наблюдениях» (с. 274), — был проанализирован один, самый явный и, по мысли автора, основной элемент той единой системы, что составляет земледельческие праздники, а именно смерть/умерщвление и воскресение растительного объекта (дерева) или его антропоморфного эквивалента (чучела, куклы, Костромы и т. п.). Ритуальное уничтожение призвано передать растительную силу земле, полям. Всокользь в статье упомянуты и традиционные обрядовые игрища, и ритуальный смех при обрядовом уничтожении/похоронах объекта. Статья по сути представляет собой фрагмент будущей монографии: примеры и система доказательств, касающиеся такой составляющей многих обрядов, как «поминование усопших», перекочевали в будущую книгу практически без изменений. За пределами статьи остались другие «общие места» (структурообразующие элементы) земледельческих обрядов, суть которых будет обстоятельно раскрыта лишь в 1963 г. в монографии.

В связи с выходом «Русских аграрных праздников» было напечатано несколько рецензий в русских и зарубежных изданиях. Большей частью краткие, они носили обзорный характер, за исключением довольно подробного отзыва Г. А. Носовой, опубликованного на русском и немецком языках (немецкий вариант текста сделал сам В. Я. Пропп). Подготовка рецензии на книгу стала поводом для начала переписки между молодой сотрудницей Института этнографии АН СССР и профессором Ленинградского

¹⁴ *Propp V. Ja. Az orosz agrár rítusok tanulmányozásának módszerei* [Методы изучения русских аграрных обрядов] // *Műveltség és hagyomány* [Культура и традиция]. Budapest, 1963. Vol. 5. P. 55–64 (на венг. яз.). См. также автограф и машинопись венгерского доклада в Рукописном отделе Пушкинского Дома (РО ИРЛИ, ф. 721 (Пропп В. Я.), № 21); *Propp V. Я. Исторические основы некоторых русских религиозных празднеств* // Ежегодник музея истории религии и атеизма. Т. 5: О преодолении религии в СССР. М.; Л., 1961. С. 272–296.

университета. «Я Вам очень благодарен за Ваш обстоятельный, обширный и прекрасно написанный реферат, — писал В. Я. Пропп Г. А. Носовой. — Он дает полное и правильное представление о книге, и я очень хорошо понимаю, как трудно это было сделать. В Вашем реферате книга выглядит даже более богатой, чем она есть на самом деле, т. к. материал подан чрезвычайно концентрированно, сжато, но вместе с тем полно»¹⁵.

На русском языке книга «Русские аграрные праздники» к настоящему времени выдержала несколько переизданий (1995, 2000, 2004, 2006). Первое из них, подготовленное С. Б. Адоньевой, содержит научно-справочный аппарат и учитывает правки редакторского характера, сделанные самим автором для предполагавшегося второго издания, во второе включены обширный текстологический комментарий, именной указатель и послесловие И. В. Пешкова. Переводов монографии на иностранные языки вышло (по сравнению с другими трудами В. Я. Проппа) немного, и не все из них полные: она была переведена на японский, французский и итальянский языки (см. Приложение к наст. статье).

Как мы знаем, ни в одном из своих трудов, будь то изучение русской сказки, эпоса, обрядовых праздников или церковной архитектуры (задуманное, но не осуществленное исследование¹⁶), В. Я. Пропп не считал большой массив фактического материала препятствием. Кажется, напротив: значительный объем накопленного знания (сведений, записей, текстов) понуждал его проникнуть в глубь предмета и увидеть организующую его форму, тот самый «скелет» — структурную основу, на которой этот материал существует, и выработать принципы его классификации. Стремясь как можно полнее охватить известный ему материал и не ограничивая его географическими рамками, исследователь тем не менее полагал, что нельзя отказываться от упорядочивания накопленной информации и до достижения ее максимальной полноты. В «Исторических корнях волшебной сказки» он писал о своей принципиальной позиции: «фольклорист может не учитывать решительно всего океана материала, и если закон верен, то он будет верен на всяком материале, а не только на том, который включен»¹⁷. При анализе всего

¹⁵ Восемь писем В. Я. Проппа к Г. А. Носовой (вступит. слово и публ. Г. А. Носовой) // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 140. Несколько писем Г. А. Носовой к В. Я. Проппу хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (РО ИРЛИ. Ф. 721, № 400).

¹⁶ О замысле работы см.: Мартынова А. Н. Личный фонд В. Я. Проппа в рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН // Живая старина. 1995. № 3. С. 8. Об интересе В. Я. Проппа к русской храмовой архитектуре и некоторые высказывания о ней см.: Некрылова А. Ф. Из воспоминаний о В. Я. Проппе // Живая старина. 1995. № 3. С. 20–21.

¹⁷ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / отв. ред. В. И. Еремина, Н. М. Герасимова. Л., 1986. С. 33–34.

богатства эмпирических данных исследовательский интерес ученого был направлен в первую очередь на их систематизацию, поиск внутренних законов их организации. Достаточно вспомнить, как, резюмируя доклады специального совещания Сказочной комиссии (Sagen-Kommission) Международного общества по изучению повествовательного фольклора, прошедшего в Будапеште в октябре 1963 г., он резко высказался о мнении одного из коллег, что «поскольку фольклор алогичен, постольку логика к нему неприменима»: этот тезис, по мысли Проппа, должен быть отвергнут «самым решительным образом»¹⁸. «В классификациях наук о природе, — писал он далее, — нет и не может быть логических ошибок. К этому должны стремиться и мы, хотя наш материал существенно иной»¹⁹.

По мысли Б. Н. Путилова, одно из теоретико-методологических открытий В. Я. Проппа в трудах о сказке состояло в том, что он показал: «фольклорные сюжеты и целевые жанры возникают путем своеобразной трансформации, художественного переосмыслинения и “отрицания” определенных этнографических явлений — обрядов, бытовых институтов, представлений»²⁰. Соотношение и взаимодействие фольклора и этнографической действительности стало основополагающей научной проблемой в 1960–1970-е гг., определившей направления развития фольклористики, этнографии, этнологии/антропологии, этномузыкологии, этнолингвистики. В 1968 г. состоялась первая конференция «Фольклор и этнография» (организаторами ее стали К. В. Чистов и Б. Н. Путилов), спустя два года вышел одноименный сборник под редакцией Б. Н. Путилова, положивший начало трудам по этнографическим аспектам фольклорных фактов и фольклорному «контексту» этнологии. По справедливому замечанию С. Ю. Неклюдова, «это было плодотворное направление, разрушавшее междисциплинарные перегородки между фольклористикой и этнологией <...> Книга В. Я. Проппа здесь также сыграла свою роль. Конечно, сопоставления “этнографических фактов” и фольклорных мотивов или сюжетов, как и соответствующие историко-генетические реконструкции, были до Проппа и продолжались помимо “пропповского направления”, но мало в какой другой российской/советской работе выявление этнографических параллелей к сказочному сюжету было сделано

¹⁸ Пропп В. Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Советская этнография. 1964. № 4. С. 150.

¹⁹ Там же. С. 154. Ср. высказывание Я. Э. Голосовкера, датированное 1956 г.: «Логика по отношению к творческому мышлению не есть взятые в бетон берега реки, а само движение воды — ее течение. <...> все имеет свою структуру: и атом, и течение, и вихрь, и мышление» (Голосовкер Я. Э. Логика античного мифа // Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 2010. С. 99).

²⁰ Путилов Б. Н. Второе рождение книги // Вопросы литературы. 1971. № 3. С. 204.

с такой полнотой, глубиной и последовательностью»²¹. В то же время группой ученых Института славяноведения РАН под руководством Н. И. Толстого велась работа над этнолингвистическим словарем «Славянские древности», широко разворачивались исследования в области языка и культуры, формировалось новое направление.

На этнографическом материале ученый решал ту же задачу, что и раньше: стремился понять внутреннюю логику организации значительного по объему материала, в данном случае – годового цикла земледельческих праздников, и выделить универсальную схему, которая объясняла бы его внутреннее единство. Выявляя, из каких постоянных элементов состоит земледельческий год, как связаны между собой праздники в годовом круге и чем объясняется определенный набор «приемов», В. Я. Пропп рассматривал народный календарь как целостную знаковую (эстетическую) систему.

«Гениальность Проппа, – отмечал К. Бремон, – сказалась не в том, что во всех случаях ему удалось прийти к правильным решениям, а в том, что он с самого начала сумел нащупать все наиболее существенные проблемы»²². Одной из таких «проблем», а точнее – точек опоры для развертывания будущих исследований, являются, согласно Бремону, принципы организации последовательности функций сказочных героев. По Проппу, напомним, последовательность функций персонажей в русской волшебной сказке *линейна*, а их корреляция определяется лишь хронологически (*сначала – потом*). Между тем возможность распределения функций по парам (бинарно) или по «кругам действий» (триадам) – возможность, описанная в «Морфологии сказки», – предполагает, согласно Мелетинскому, вариативность сочетаний и, соответственно, вариативность сюжетных схем. Отмеченная вариативность в распределении элементов (сказочного) сюжета и их последовательности окажется, как мы покажем ниже, важным свойством не только для повествовательной структуры фольклорного текста, но и для других подсистем традиционной культуры.

Принципиальной исходной посылкой для автора, напомним, было изучение всего цикла календарной обрядности. Высоко оценивая новаторскую для того времени монографию В. И. Чичерова о зимнем периоде народного календаря, В. Я. Пропп выразил сожаление, что исследователь не включил в круг своих интересов весь годовой цикл, так как «каждый праздник в отдельности

²¹ Неклюдов С. Ю. Владимир Пропп: от «морфологии» к «истории» (К 75-летию опубликования «Исторических корней волшебной сказки») // Новый филологический вестник. 2021. № 2 (57). С. 100–132.

²² Бремон К. Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа // Семиотика / сост., вст. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 430.

может быть понят только тогда, когда будет изучен весь годовой цикл их»²³. Изучая отдельные структурные элементы, обнаруживая их повторяемость в разных праздниках, автор предполагает, что такое исследование не только не нарушит цельность картины, но, напротив, станет глубокой основой для изучения каждого праздника. На это обратила внимание В. К. Соколова, поддержав в своей работе «Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX века» (1979) идею В. Я. Проппа рассматривать календарные праздники в годовом цикле, но при этом анализируя весенние и летние обрядовые комплексы в их специфике²⁴.

Чтобы выявить закономерности и открыть действующие законы, по которым организован народный календарь, следует, по Проппу, рассмотреть земледельческие обряды и праздники в единстве годового круга (в более поздней формулировке — как единый текст). Не считая обязательным привлекать весь массив обрядов, автор сосредоточился на главных праздниках, образующих год русского крестьянина-земледельца. Таковы святки, масленица, встреча весны, троицко-семицкий цикл с примыкающей к нему русальной неделей, день Ивана Купала и осенний цикл обрядов, связанных с окончанием жатвы и уборкой урожая. Для составления композиционной схемы исследователь выделил повторяемые компоненты, которые можно назвать ритуальными или культурными кодами: поминование умерших, особая обрядовая/ритуальная еда как способ приобщения к продуктирующим силам природы, заклинательные (в том числе величальные) песни (веснянки, колядки/овсени/таусени, пасхальные волочебные песни, «окликание» молодоженов), использование растений в обрядах, ритуальное умерщвление/похороны, сопровождающиеся ритуальным смехом и увеселениями (в том числе с эротическим подтекстом). Все они направлены на реализацию главного смысла аграрных обрядов — стремления обеспечить плодородие земли и умножение всего живого. По Проппу, как известно, аграрные праздники носят магически-продуцирующий характер.

Обратим внимание на одно любопытное схождение. Почти одновременно с Проппом идея применить морфологический (структурный) метод к анализу невербальных жанров народной культуры была реализована известным американским антропологом и фольклористом, последовательным сторонником пропповского метода Аланом Дандесом. Напомним, что именно А. Дандес стал автором

²³ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. С. 12. Ранее В. Я. Пропп написал рецензию на эту книгу В. И. Чичерова 1957 г. в: Deutsches Jahrbuch für Volkskunde. Berlin, 1958. Bd. 4, т. 2. S. 570–572.

²⁴ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX века. М., 1979. С. 8–9.

предисловия ко второму, более точно отражающему идеи автора изданию «Морфологии сказки» на английском языке²⁵. В 1968 г., вдохновленный возможностями структурного анализа, которые открыла первая монография Проппа, Дандес писал: “Clearly, structural analysis is not an end in itself! Rather it is a beginning, not an end. It is a powerful technique of descriptive ethnography inasmuch as it lays bare the essential form of the folkloristic text. But the form must ultimately be related to the culture or cultures in which it is found. In this sense, Propp's study is only a first step, albeit a giant one”²⁶.

А. Дандес вряд ли был знаком с текстом «Русских аграрных праздников»: перевода книги на английский язык нет и сегодня²⁷. Тем не менее в 1964 г. он опубликовал небольшую статью «О морфологии игры: исследование структуры невербального фольклора»²⁸. И название, и содержание ее указывает на развитие идеи пропповской книги о сказке на ином, невербальном, материале. Последовательно сопоставляя функции сказочных персонажей (в его терминологии — мотилемы) и действия участников детских игр, Дандес обнаружил абсолютную совместимость метода анализа *повествовательной* структуры и структуры *неповествовательной*. Последовательность функций-мотилем в рассмотренных им играх соблюдается; в играх, как и в сказках, есть персонажи, выполняющие функцию дарителя, и объекты, служащие волшеб-

²⁵ Propp V. Morphology of the Folktale. 2nd ed. / revised and edited with a preface by Louis A. Wagner; new introd. by Alan Dundes, Austin; London, [1968, 1970].

²⁶ «Очевидно, что структурный анализ не является самоцелью! Это скорее начало, а не конец. Это мощный метод описательной этнографии, поскольку он раскрывает саму форму фольклорного текста. Но форма в конечном итоге должна быть связана с культурой или культурами, в которых она встречается. В этом смысле исследование Проппа — только первый шаг, хотя и гигантский» (Пер. мой. — С. Ж.) // Dundes A. Introduction to the second edition // Propp V. Morphology of the Folktale. Austin, [1968]. P. XI–XVII. P. XIII.

²⁷ Однако такая попытка, вероятно, была предпринята в Вашингтонском университете, см.: Christensen M. Translation of Russian Agrarian Holidays: An Experiment of Historical-Ethnographic Investigation by Vladimir Jakovlevich Propp (Honors Thesis, 1994). URL: <https://slavic.washington.edu/research/undergraduate-translation-russian-agrarian-holidays-experiment-historical-ethnographic> (дата обращения: 12.11.2021).

²⁸ Dundes A. On game morphology: A study of the structure of non-verbal folklore // New York Folklore Quarterly. 1964. № 20. P. 276–288. На русском языке в переводе А. С. Архиповой см.: Дандес А. О морфологии игры: исследование невербального фольклора // Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ: Сб. ст. / пер. с англ. А. С. Архиповой, А. И. Давлетшина, А. В. Козьмина, М. С. Неклюдовой, А. А. Панченко. Комм. А. С. Архиповой, А. И. Давлетшина, А. В. Козьмина, А. А. Панченко, С. Грэхема. М., 2003. С. 30–42. Библиографию А. Дандеса на английском языке см.: Meaning of Folklore: The Analytical Essays of Alan Dundes / ed. and introd. by Simon J. Bronner. Logan: Utah State University Press, 2007; Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ. С. 269–278.

ными предметами. Существенное отличие игры состоит в том, что во многих случаях (особенно если речь идет об играх состязательных) ее результат непредсказуем (в отличие от сказки), но на структурные элементы и их взаимоотношения это не влияет.

Главную оппозицию, образующую, по Проппу, сказочный сюжет (недостача/ликвидация недостачи), Дандес выявил и в других невербальных фольклорных жанрах — например, в танце: «Во многих танцах пара разъединяется, или, с точки зрения мужчины, он теряет свою партнершу (недостача). Оставшиеся танцовы воссоединяют разъединенных партнеров (ликвидация недостачи). Кроме того, уход из дома и возвращение домой происходит в сказках, играх, танцах и фольклорной музыке. Выражаясь структурно, не важно, является ли “дом” реальным домом, деревом, позицией в танце или нотой»²⁹. Таким образом, проверка структурного метода на исследовании этнографического материала была осуществлена учеными независимо друг от друга почти одновременно.

Доказанное автором наличие в аграрных праздниках повторяемых составляющих не стало основой для развертывания их в полноценный «сюжет», единую композицию. Несмотря на то что в каждой главе своей небольшой монографии В. Я. Пропп убедительно и наглядно показал последовательность обрядовых действий (того или иного ритуального кода), разворачивающихся в течение года, годовой земледельческий цикл представляет перед читателем как некий набор элементов, разнесенных по уровням. Иными словами, единого «сюжета» календарного года автор не выстраивает. Однако можно, думается, говорить о том, что В. Я. Пропп увидел в основе календарного года русского крестьянина единую композиционную схему, данную имплицитно и реализующуюся во множестве конкретных форм — обрядов и праздников. Если придерживаться идеи о календарном году как мировоззренческой системе русского крестьянина и рассматривать его как единое смысловое целое, то мы увидим, что годовой аграрный цикл может быть описан в тех же параметрах, что и инвариатный сюжет волшебной сказки.

Это тем более просто себе представить, что обряд или праздник сами по себе состоят из *действий*, и каждое из обрядовых действий регламентировано и имеет значение для хода дальнейшего времени до конца года. Череда будней и праздников составляет полный годовой круг, где один элемент определяет качество следующих за ним. Такое отношение к значимости трудовых

---

²⁹ Дандес А. О морфологии игры. С. 38. Отметим, кстати, что некоторые детские игры строятся по принципу парности, характерному для описываемых А. Дандесом танцев: изначальная недостача (партнера) — отправление в путь для устранения недостачи (перебегание с места на место в целях поиска партнера) — ликвидация недостачи и новая недостача у другого игрока.

дней и праздников зафиксировано в пословицах и поговорках: «К празднику готовься, а будни не срами», «Хорош праздник после трудов праведных». «Правильное» (закрепленное в традиции) ритуальное поведение в традиционной культуре обеспечивало хороший урожай, а значит — отсутствие голода (=ситуации недостачи) до следующего урожая. А. К. Байбурин и Г. А. Левинтон, говоря о единстве фольклорно-этнографической традиции, отмечают, что «в основе ее лежит единая семантическая система, единая парадигматика смысловых элементов <...>. Она реализуется в виде текстов, фольклорных, с одной стороны, и этнографических — с другой (в этом смысле и поведение, и вещи, и изображения являются текстами). Эти две системы выражения выступают как два подъязыка, реализующих одну и ту же смысловую структуру, которая, как она ни эволюционирует от древнейших времен до современности, вплоть до полного разложения традиции, сохраняет свои основные особенности»³⁰.

Главным героем в «сюжете» земледельческих обрядов должно выступать, исходя из выявленных Проппом компонентов, зерно — квинтэссенция жизни и воспроизведения: «Зерно обладает свойством надолго сохранять и вновь воссоздавать жизнь, умножая ее. Семя — растение — семя составляют извечный кругооборот, который свидетельствует о нескончаемости жизни»³¹. Именно зерно в его модификациях (злаки, хлеб, сноп, солома, каша) является и основной целью производящих магических обрядов, и основным их «действующим лицом», что закреплено как в обрядовой традиции, так и, например, в растительном орнаменте, причем не только у восточных славян³². «Зерно, — пишет А. К. Байбурин, — один из тех символов, которые пронизывают всю толщу обрядового универсума. Зерном гадают, им осыпают (“осевают”) молодых, новый дом; “кормят” могилу, послед; “очищают” роженицу. К этому следует добавить многочисленные обряды, связанные с севом, жатвой, первым и последним снопом, изделиями из муки, кашей и т. п. Столь высокая символическая нагрузка объясняется, видимо, тем, что зерно — идеальная метафора любого циклического процесса, который может быть описан в терминах “жизни”, “смерти”, “воздрждения” в применении к основным объектам бытия — человеку, социуму, дому, году и шире — культуре и природе. От-

³⁰ Байбурин А. К., Левинтон Г. А. О соотношении фольклорных и этнографических фактов // *Acta Historiae Artium (Academiae Scientiarum Hungaricae)*. 1983. № 32 (1–4). Р. 26–27.

³¹ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. С. 16.

³² Подробнее см.: Некропова А. Ф. Традиционный русский календарь // Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. СПб., 2009. С. 5–22; Бесчастнов Н. П. Художественный язык орнамента. М., 2010; Басангова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста, 2007.

сюда — возможность многочисленных перекодировок и главной из них — уподобления жизни зерна жизни человека и наоборот»³³. Отметим, кстати, часто встречающиеся в фольклорных текстах антропоморфные характеристики зерна, злаков, например:

И говорило	В поле стояти,
Аржаное жито,	Колосом махати.
В чистом поле стоя,	
В чистом поле стоя:	
«Не хочу я,	А хочу я,
Аржаное жито,	Аржаное жито,
Да в поле стояти,	Бо пучок взвязаться,
Да в поле стояти.	В засенку ложиться.
Не хочу я,	А чтоб меня,
Аржаное жито,	Аржаное жито,
	Бо пучок взвязали,
	З меня рожь выбиравли» ³⁴ .

Попробуем схематично обозначить инвариантный сюжет годового земледельческого цикла, связав его с функциональным анализом сказки.

Начальная ситуация года может быть символически охарактеризована как недостача, выраженная в засыпании/временном умирании природных (прежде всего растительных) сил. Урожай зерновых культур, полученный в результате предыдущего земледельческого кругооборота, в зимний период не прибавляется, а лишь расходуется, а производительные силы земли спят под снежным покровом. Ситуация недостачи напрямую не связана с действиями вредителя/антагониста (хотя в реальности возможна и такая ситуация — в случае порчи части урожая). В это время все обрядовые действия направлены на символическое увеличение плодовитости земли и умножение будущего урожая («посевание», поедание кутии из цельного зерна и пр.). Функция «отправление героя в путь» — начало движения сказочного действия и фактическое начало земледельческого года — соответствует ситуации пахоты и сева: зерно отправляется в «иной» (подземный) мир, где ему предстоит пройти ряд «испытаний» и трансформаций. Примечательно, что перед буквальным отправлением зерна

³³ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 214. Важен для нас также тезис о субъектно-объектной природе главного персонажа в обрядах перехода — например, жениха и невесты в свадебном обряде и т. д. (Там же. С. 196–198). Зерно в аграрных обрядах представлено одновременно как субъект (оно действует) и как объект (действие совершается с ним и над ним).

³⁴ Русские народные песни Смоленской области: В записях 1930–1940-х годов / сост., расшифр., comment. Ф. А. Рубцова. Л., 1991. С. 38. № 35.

происходит отправление символическое (обряд символического засева поля при выходе на пашню). В «ином» мире зерну предстоит преодолеть ряд трудностей: прорости, избежать встречи с вредителями или победить их и вернуться в «свой» мир. В этом обрядовому персонажу помогает «даритель» (силы природы) и его «волшебные средства» (солнечный свет, тепло, дождевая влага). Герой претерпевает ряд изменений внешнего облика (зерно — росток) и перемещается в пространстве (рост).

Такое буквальное, связанное с природой понимание функций и персонажей в цикле календарных обрядов возвращает нас и к «биологическим» эпиграфам из трудов И. В. Гете, предпосланым каждой главе «Морфологии сказки», и к терминологии книги, которая в определенной степени тоже была заимствована из области наук о природе. Вспомним, например, что о персонаже-антагонисте говорилось: «Итак, в ход действия вступил вредитель. Он *пришел, подкрался, прилетел* и пр. и начинает действовать»³⁵, — эти слова с легкостью могут быть отнесены к грызунам, насекомым и другим вредителям злаковых. Сельскохозяйственные вредители (мыши, насекомые) побеждаются с помощью сил природы и человека, и зерно возвращается в «свой» мир в трансформированном виде (колос). В ходе жатвы и обмолота происходит обретение исконного облика героя (упомянем здесь и о частотном фольклорном образе «жатва как битва»), при этом традиционный праздник урожая (зажинки, дожинки и др.) может пониматься как свадебный пир. Так победоносно завершается сюжет истекшего календарного года и начинается подготовка к следующему.

Базовой для календарного круга становится оппозиция «смерть — возрождение»³⁶, общая и для волшебной сказки, и для обрядов переходного цикла — как сезонных, так и связанных с жизненным циклом человека. Ср.: «Кутяя, как правило, варила из целых, нераздолбленных семян. <...> Зерно обладает свойством надолго сохранять и воссоздавать жизнь. <...> К кутье обычно примешивались ягоды. <...> Ягоды представляют тоже семя, облеченнное плодом. Всем этим объясняется, почему кутью употребляли при свадьбах, рождении детей и смерти. Она знаменует постоянство возрождения жизни, невзирая на смерть»³⁷.

³⁵ Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 38. Курсив мой. — С. Ж. Интересные наблюдения за модификацией термина «вредитель» в следующих изданиях книги см.: Неклюдов С. Ю. Владимир Пропп: от «морфологии» к «истории» (к 75-летию опубликования «Исторических корней волшебной сказки»). С. 104–105.

³⁶ Ср.: Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М., 1984. С. 12–14.

³⁷ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. С. 16. Отметим, что такое понимание тем не менее не сводится автором к теории «умирающего и воскресающего божества». См. также: Иванов М. В. Поднявший перчатку // Иванов М. В. Университетские филологи. СПб., 2009. С. 5–63.

Любопытно, что в несколько сокращенном виде распределение функций сказочных персонажей может быть применено и к обрядам, связанным с животноводством: типологические схождения между аграрными и животноводческими обрядовыми комплексами неоднократно отмечались. Инициальная ситуация недостачи выражена имплицитно (как *ожидание плодовитости, потенциального* прибавления поголовья или как минимум отсутствия убыли); первый выгон скота на подножный корм может быть представлен как отправление в «иной» мир, о чем свидетельствуют ритуалы, совершаемые хозяйкой и/или пастухом перед первым выгоном скота, и пастушеские «отпуски». Комплекс обрядовых действий призван сберечь скот, обеспечить его возвращение домой каждый день или в конце сезона. Исследователи пастушеских ритуалов отмечают, что особые магические действия направлены на создание целостности стада, что и позволяет в дальнейшем рассматривать его как некоего единого «персонажа»³⁸. В самом начале пути «герой» (стадо) встречается с «дарителем» — пастухом, у которого есть и волшебное средство («отпуск»), и волшебные предметы (батог, труба и другие «инструменты» пастуха). С их помощью обеспечивается сохранение и каждой отдельной головы в стаде, и стада как целого.

Функции боя с антагонистом и победы героя в животноводческом обрядовом комплексе сливаются в одно целое: если под антагонистом понимать буквальных вредителей скота (дикого зверя, молнию, болезнь), то бой будет выигран в том случае, если встреча не состоится. Возвращение стада в село и каждой коровы в свой двор равно возвращению героя в «свой» мир. Интересно, что, в отличие от восточнославянской традиции, в странах Западной Европы, расположенных в альпийском регионе (Швейцария, Австрия, Германия), и сегодня широко отмечается праздник возвращения (отгона) скота с летних пастбищ (фестиваль Альмабриб), который стал привлекательным для туристов зрелищем. Праздник выгона скота в этих регионах сегодня не празднуется.

А. Ф. Некрылова, анализируя народный календарь как систему народных представлений, пишет: «Синхронизация природных ритмов и хозяйственной деятельности человека привела к особой

³⁸ Ипполитова А. Б. Пастушеский отпуск начала XX века (Из полевых материалов Н. И. Рождественской) // Славянская традиционная культура и современный мир: Стратегия и практика полевых исследований. М., 2012. Вып. 15. С. 156–173; Дурасов Г. П. Обряды, связанные с обиходом скота в сельской общине Каргополья в XIX — начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 265–282.; Мороз А. Б. Севернорусские пастушеские отпуска и магия первого выгона скота у славян // Восточнославянский этнолингвистический сборник. М., 2001. С. 232–258; специальный раздел о пастушестве см. также: Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л. 1986.

отмеченности начальных и завершающих моментов природных циклов, обрядовых комплексов, ритуалов, возрастных этапов и т. п. Магия начала и окончания ярко прослеживается в существовавших в народном сознании и актуализируемых в культурной деятельности «кругов» с относительно замкнутым пространством и временем. Круги эти имели разные масштабы — от годового круга до обыденного обряда, того, которыйправлялся в течение одного дня. <...> Здесь каждый день и цикл наполнены своим содержанием (богатым или скромным) и всегда подготовлены предшествующими циклами или отрезками времени и всегда были проецированы на следующие»³⁹. Очевидно, что в годовом цикле существуют и парные праздники и обряды (зимние святки — летние/зеленые святки, сев — жатва, первый сноп — последний сноп, завивание венков в семик — завивание «бороды» и т. д.)⁴⁰, и целостная смысловая цепочка (отправка героя — испытание — трансформация и перемещение в пространстве — возвращение — узнавание — пир).

Все сказанное выше требует, безусловно, проверки на более широком и, возможно, не только восточнославянском материале. О том, что исследование календарных праздников открывает новую страницу в изучении прежде всего обрядовых песен, В. Я. Пропп писал, завершая книгу: «Историко-этнографическое изучение аграрных праздников создает основу для лучшего понимания русской календарной песенной поэзии и ее красоты»⁴¹. Довольно скоро структурный метод был применен его учеником, И. И. Земцовским, к анализу музыкальной стороны обрядовых песен⁴². Отметим, однако, что выявление структуры земледельческого годового круга позволяет выйти за пределы системы фольклорных жанров и наглядно представить народный календарь как единую систему, являющуюся частью универсума традиционной культуры с ее специфической логикой и смыслом. Эта идея была продолжена и развита в более поздних работах по календарной обрядности. Так, В. К. Соколова в уже упомянутой монографии, сосредоточившись в основном (но не исключительно) на весенне-летнем цикле, расширила географический диапазон материала, включив в исследование русские, украинские и белорусские традиции. Е. С. Новик в работе «Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур» (1984), во многом

³⁹ Некрылова А. Ф. Народный календарь как явление традиционной культуры // Проект «Звуковая энциклопедия». URL: <http://window.edu.ru/resource/494/38494> (дата обращения: 25.11.2024).

⁴⁰ Это закреплено и в текстах: «Какой день в Миколу Зимнего, такой и в Миколу Летнего».

⁴¹ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. С. 136.

⁴² Земцовский И. И. Мелодика календарных песен. Л., 1975.

опираясь на исследования В. Я. Проппа в области и волшебной сказки, и обрядов, развертывает его принципы применительно к анализу сибирского материала — в частности, шаманских мистерий. В монографии «Мифопоэтические основы славянского народного календаря» (2002)⁴³ Т. А. Агапкина, отказавшись вслед за В. Я. Проппом от традиционно хронологического принципа в анализе сезонных праздников, обратила внимание на мифопоэтические доминанты («содержательные схождения»), лежащие в основе весенне-летнего цикла славянского календаря. При этом в ее концепции выделено два существенных отличия от пропповского подхода: во-первых, основной единицей, предметом исследования автора являются не только обряды (ритуал), но все элементы фольклорно-этнокультурного дискурса (тексты, песни, обряды, верования и пр.); во-вторых, весенне-летний цикл представляется законченным и обособленным фрагментом годового круга. Второе расхождение, впрочем, не является субстанциальным, а, напротив, подкрепляет слова В. Я. Проппа о том, что впоследствии, после анализа структурной схемы календаря, отдельные праздники (а также их циклы) можно анализировать на новом уровне. Этот далеко не полный список показывает, что закрывать вопрос о структурно-типологическом изучении традиционного календаря пока еще рано.

Приложение

Рецензии на «Русские аграрные праздники»

*Halstsonen S. // Virittäjäm. Helsinki, 1963. № 2. P. 283–284*⁴⁴.

*Турбин В. Репортаж со святочок // Молодая гвардия. 1964. № 1 (янв.). С. 289–299*⁴⁵.

Носова Г. В. Я. Пропп. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования) // Советская этнография. 1964. № 1. С. 176–178. Пер.: Nosova G. V. J. Propp. Die russischen Agrarfeste (Versuch einer historisch-ethnographischen Untersuchung) // Deutsches Jahrbuch für Volkskunde. Berlin, 1964. Bd. 10, vol. 1. P. 196–199.

Putilov B. V. J. Propp: Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования // Demos: Ethnographische und folkloristische Informationen. 1964. № 1. P. 80–81 (№ 149).

⁴³ Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

⁴⁴ См. автограф: РО ИРЛИ, ф. 721, № 203.

⁴⁵ Эта статья, как и ряд работ того же рецензента по другим поводам, была впоследствии подвергнута жесткой критике М. А. Лобановым. См.: Лобанов М. О «веселых эскападах» на критической арене // Литературная газета. 1964, 20 авг. № 99 (4841). С. 2.

Переводы монографии «Русские аграрные праздники»

Propp V. Ja. Roshia No Matsuri [Русские праздники] / Shin'ichi Ooki. Tokyo, 1966 (на япон. яз., без гл. 7).

Propp V. [Русские аграрные праздники] / Shin'ichi Ooki. Tokyo, 1973 (на япон. яз.).

Propp V. Feste agrarie russe: Una ricerca storico-etnografica / introduzione di Maria Solimini; [traduzione di Rita Bruzzese]. Bari, 1978 (на итал. яз.).

Propp V. Les fêtes agraires russes, traduit du russe [et présenté] par Lise Gruel-Apert. Paris, 1987 (на франц. яз.).

Propp V. Ja. Roshia No Matsuri [Русские праздники] / Shin'ichi Ooki. Tokyo, 1988 (на япон. яз.).

В. Е. ВЕТЛОВСКАЯ

НАРОДНЫЕ ИДЕАЛЫ У Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И ИХ ФОЛЬКЛОРНАЯ ОСНОВА¹

Владимир Яковлевич Пропп, говоря о специфике фольклора и его отношении к литературе, напоминал: «Фольклор — это лоно литературы, она рождается из фольклора»². Исследователь подчеркнул это обстоятельство применительно к отдельным видам словесного искусства — прежде всего, к повествовательным жанрам: «... новая светская повествовательная литература реалистического характера (имеются в виду страны Европы. — В. В.) вырастает на почве сказочного фольклора»³. Это справедливо и для других регионов. Однако в сравнении с фольклором индивидуальное художественное творчество в известном отношении всегда проигрывает. Ученый пишет: «Универсальность сказки, ее, так сказать, повсюдность, столь же поразительна, как и ее бессмертие. Все виды литературы когда-нибудь отмирают. Греки, например, создали великое драматическое искусство. Но греческий театр как живое явление умер <...> Сейчас для чтения Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана требуется некоторая подготовка. То же можно сказать о литературе любой эпохи»⁴.

Явившись на фольклорной почве, литература не теряет с ней связь. «Для многих писателей, — объясняет В. Я. Пропп, — народное творчество — источник вдохновения <...>. Но при этом забывают одно: писатель, черпающий из сокровищницы фольклора, должен не только воспринять народную традицию, он должен ее преодолеть»⁵. Так, сказочный сюжет, перешедший в литературное

¹ Опубл.: VII–VIII летние чтения в Даровом. Коломна, 2024. С. 78–121.

² Пропп В. Я. Специфика фольклора // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 31.

³ Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 28.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Там же. С. 29.

произведение, преобразуется по чуждым сказке законам. «Сказка — в основе своей небывальщина», а в литературе сказки «приобретают характер новелл, т. е. таких повествований, которым приписывается некоторая достоверность. Они обретают точное хронологическое и топографическое приурочение, их персонажи — личные имена, типы превращаются в характеры, подробно описывается обстановка, события излагаются как причинная цепь»⁶. На главное место постепенно выдвигается психологизм, которому авторы нередко побуждают служить пейзаж, описание среды, обстановки, логику развития действия (его внутренние связи), т. е. побуждают служить все — и общее положение, и мелкие подробности рассказа. Ничего этого нет в повествовательном фольклоре, поскольку единственный и сравнительно поздний фольклорный жанр, баллада, который имеет дело с переживаниями любовного и семейного свойства, влекущими за собой трагические события, больше озабочен этими событиями, чем их психологической мотивировкой. Она, как правило, обозначается с грубоватым схематизмом, без конкретизации и особой разработки⁷.

Со временем сложный психологизм, внимание к посторонним для действия предметам так далеко уводят литературу от народного творчества, что, если бы не было сознательного обращения писателя к фольклору, его вообще нельзя было бы разглядеть в индивидуальном словесном искусстве. Однако, начиная с эпохи романтизма, интерес к фольклору только нарастал. В середине и особенно второй половине XIX в. этому способствовало широкое изучение народной жизни и публикация посвященных ей научных трудов. «Периодом расцвета русской фольклористики, — писал М. К. Азадовский, — являются 60-е—70-е годы. Именно в эти годы создался золотой фонд русской науки о фольклоре: труды А. Н. Пыпина, А. Н. Веселовского, Н. С. Тихонравова, Л. Н. Майкова, А. А. Котляревского, А. А. Потебни, П. Н. Рыбникова, Е. В. Барсова, И. А. Худякова, А. Ф. Гильфердинга, Д. Н. Садовникова и многих других»⁸. И далее: «Огромное накопление материалов в эти годы, несомненно, содействовало теоретической разработке науки, а с другой стороны, теоретические изучения стимулировали дальнейший рост и качество собирания»⁹. Было бы странным, если бы писатели оказались равнодушными к такому богатству первоклассных публикаций. Достоевский, еще на каторге (да впрочем, и ранее, в молодые

⁶ Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 29.

⁷ См. об этом: Пропп В. Я. Фольклор и действительность // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976. С. 103–104, а также: Пропп В. Я. Жанровый состав русского фольклора // Там же. С. 57 и др.

⁸ Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1. С. 36.

⁹ Там же. Т. 2. С. 209.

годы) записывавший народные слова и словечки, прислушивавшийся к народным рассказам, присматривавшийся к народному театру (см. так называемую «Сибирскую тетрадь» 1850-х гг.; «Записки из Мертвого дома», 1860–1861), естественно был захвачен общим движением. Возможно, откликаясь на призыв Е. И. Якушкина (см. письмо к нему от 15 апреля 1855 г.¹⁰), он даже отдал дань собирательству. Так, внеся в текст последнего романа («Братья Карамазовы», 1879–1880) среди других фольклорных мотивов легенду о луковке, Достоевский писал Н. А. Любимову (одному из редакторов «Русского вестника») 16 сентября 1879 г.: «...особенно прошу хорошенко прокорректировать легенду о *луковке*. Это драгоценность, записана мною со слов одной крестьянки и, уж конечно, *записана в первый раз*. Я по крайней мере до сих пор никогда не слыхал» (15; 572, коммент.). Писатель ошибался: в сборнике легенд А. Н. Афанасьева напечатана легенда «Христов братец» со сходным сюжетом и в приложении приведен ее малороссийский вариант, почти совпадающий с тем, который излагает Достоевский¹¹. По мнению Л. М. Лотман, Достоевский сознательно опустил в письме Н. А. Любимову упоминание о сборнике А. Н. Афанасьева из опасений цензурного вмешательства и запрета. Справедливо возражая на это мнение, М. М. Громыко ссылается на обстоятельства сибирской жизни писателя: «Нам представляется, что Достоевский написал Любимову правду о собственной записи легенды. В семипалатинский период писатель много общался с сибирским крестьянством и казачеством <...>. Кроме того, по свидетельству А. Е. Врангеля, Федор Михайлович беседовал с крестьянами во время своих поездок на Алтай. Наконец, двухмесячное пребывание в форпосте Озерном тоже означало жизнь среди крестьянства. В 1855–1859 гг. он сделал, по-видимому, ряд фольклорных записей»¹². Но и помимо этих косвенных сведений кажется невероятным, что, объясняясь с Любимовым, Достоевский лукавил, вдруг испугавшись неблагонадежности народной легенды, включенной в роман, где герои беспретенно произносят богохульные и бунтарские речи.

В легенде говорится о злой бабе, добродетели которой сводились к тому, что за всю жизнь она лишь однажды подала нищенке луковку. Когда баба померла, черти бросили ее в огненное озеро. Ангел-хранитель, жалея несчастную, вспомнил о добром ее

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1988. Т. 28 кн. 1. С. 184. В дальнейшем ссылки на это издание (т. 1–30, 1972–1990) даются в скобках в тексте статьи. Первая цифра — том, вторая — страница. Курсив во всех случаях авторский.

¹¹ См.: Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. М., 1859. С. 30–32; 130–131. См. также: Пиксанов Н. К. Достоевский и фольклор // Советская этнография. 1934. № 1/2. С. 162.

¹² Громыко М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. Новосибирск, 1985. С. 129 и др.

поступке и рассказал о нем Богу. Господь приказал ангелу, держась за луковку, попытаться вытащить бабу из ада, и тому это почти удалось. Но в последний момент в нее вцепились другие грешники, чтобы выскочить наружу вместе с ней. Баба начала от них отбиваться: « «Меня тянут, а не вас, моя луковка, а не ваша». Только она это выговорила, луковка-то и порвалась. И упала баба в озеро и горит по сей день. А ангел заплакал и отошел» (14; 319). В приступе самообвинения и покаяния уподобляя себя злой бабе, Грушенька и рассказывает Алеше Карамазову ее историю. Тема греха и покаяния, греха и возмездия в народных представлениях — одна из тех, что привлекали особое внимание Достоевского. Не случайно в конце 1860-х гг. у него возник грандиозный замысел романа, или серии романов, обозначенных как «Житие великого грешника». С этим замыслом, предвосхищающим его или следуя за ним, связаны все крупные произведения Достоевского, написанные им по возвращении из Сибири. Главный нерв произведения — борьба добра и зла в разных проявлениях на разных этапах человеческой жизни с конечной победой добра (самоотвержения) над злом (гордостью и эгоизмом). По планам писателя, осуществление этого замысла должно было служить изображению русского национального характера и его исторической судьбы (9; 511, comment.).

Показательным наброском, сделанным Достоевским в этом направлении, была одна из глав «Дневника писателя» за 1873 г. под названием «Влас», отсылающая к стихотворению Н. А. Некрасова 1855 г. с тем же заглавием и на ту же тему. В стихотворении речь идет о великом грешнике, покаяние которого в бесчисленных грехах после случившегося с ним нравственного переворота было не меньшей силы, чем неистовство в прежних злодействах:

Роздал Влас свое имение,
Сам остался бос и гол
И сбираять на построение
Храма Божьего пошел <...>.
Сила вся души великая
В дело Божие ушла,
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...¹³

Год за годом, в зной и стужу, обремененный железными веригами и безутешной скорбью о своих грехах, Влас ходит по городам и весям, исполняя когда-то данный обет. На собираемое им подаяние поднимаются по родной земле Божьи храмы.

Стихотворение Некрасова — поэтическая обработка народной легенды о великом грешнике (или иногда о великих грешниках), услышанной поэтом из крестьянских уст и в новом виде позднее

¹³ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. 1. С. 153–154.

воспроизведенной еще раз в поэме «Кому на Руси жить хорошо» (1866–1877)¹⁴. Несколько славянских вариантов сюжета под № 28 были напечатаны А. Н. Афанасьевым¹⁵. О фольклорной легенде и ее литературных обработках писал В. Я. Пропп: «Человек совершил какой-нибудь тяжкий грех. Грешник – в большинстве случаев разбойник, но есть и другие трактовки. В отдельных случаях этот сюжет перекликается с мифом об Эдипе: не зная, что он делает, грешник убивает отца и женится на своей матери. Есть и такой случай (использованный Достоевским и известный по другим сюжетам): причащаясь, грешник не глотает просфору, а выплевывает ее и стреляет в нее. Из просфоры течет кровь»¹⁶. Пропп имеет в виду «фантастический рассказ» (по исключительности события) «про другого Власа, даже про двух» (21; 33), переданный Достоевским с чьих-то слов вслед за рассуждениями о стихотворении Некрасова, которое писатель одобряет не без оговорок.

Для Достоевского его собственное повествование не легенда: «Происшествие это истинное и уже по одной своей необыкновенности замечательное» (21; 33). Писатель повторяет это не один раз (21; 35; 41).

Суть истории в споре деревенских парней о том, кто кого сможет превзойти в дерзости. Один из спорщиков, воспользовавшись похвалой другого, предложил ему совершить страшное святотатство. Во время причастия надо было не проглотить святые Дары (кусочек освященного хлеба, знаменующего тело Христово), а незаметно вынести из церкви. Далее под водительством искусителя и его присмотром в уединенном месте, в огороде (т. е. в стороне от лишних глаз), выстрелить в причастие. «Я поднял руку, – рассказывал позднее святотатец, – и наметился. И вот только бы выстрелить, вдруг предо мною как есть крест, а на нем Распятый. Тут я и упал с ружьем в бесчувствии» (21; 34). Пораженный внезапным видением и тяжкой виной грешник, спустя несколько лет, даже не пришел, а буквально приполз на коленях в монашескую обитель, к кому-то спасавшемуся там старцу с криками о своем преступлении и сердечной муке. Выслушав исповедь, старец, «должно быть, обременил душу страшным трудом, даже не по силам человеческим, рассуждая, что чем большие, тем тут и лучше: “Сам за страданием приполз”» (21; 34).

¹⁴ См.: Там же. С. 627–628, comment.

¹⁵ См.: Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. Новосибирск: Наука, 1990. С. 141–147; а также: Костомаров Н. Из могильных преданий. Легенда о кровосмесителе // Современник. 1860. Т. 80. Отд. 1. С. 209–228. Костомаров публикует несколько вариантов сюжета.

¹⁶ Пропп В. Я. Русская сказка. С. 50. О фольклорной основе сюжета Достоевского с отсылкой к другим исследователям см.: Пиксанов Н. К. Достоевский и фольклор. С. 164–165.

Относительно мнений насчет того, легенда рассказ Достоевского или реальность, заметим, что при видимой несовместимости они оба могут быть справедливы. Характерно, что в академическом комментарии к рассказу упоминаются (как некая параллель), с одной стороны, народные легенды, а с другой, — реальные судебные процессы над крестьянами, обвиняемыми в подобном кощунстве (21; 397–398). Думается, что источник противоречивых утверждений (легенда или реальность) общий. Это поверье, согласно которому кощунственные манипуляции с причастием делают человека удачливым охотником. Такое поверье встречаем в одном из сборников народной прозы («Про охотника»): «Один стрелец ходил с ружьем и много настреливал, а другой мужик из того же села ходит, ходит, а приносит самую малость. Вот он встретил первого стрельца и спрашивает: “Что это ты всегда с дичью, а я нет? Научи меня!” — “Изволь, — говорит, — штука простая: когда причащаешься будешь, так не глотай его, а принеси домой за щекой”. Тот пошел к причастью и принес. “Ну, теперь что?” — “А вот, — говорит, — что!” Взял бурав, просверлил дыру, положил в нее кусочек причаства и сказал: “Возьми ружье и выстрели в это место!” Стрелец взял ружье, приложился; только что хотел выпалить и видит: стоит перед ним сама Мать Пресвятая Богородица и говорит: “Сын мой, что ты делаешь? Неужели же ты в Меня стрелять будешь?” У того руки и ноги затряслись, и ружье из рук выпало. Пошел он после того в монастырь грех свой замаливать»¹⁷.

Существование отраженного в рассказе поверья означает, что его действенность если не всем, то некоторым людям кажется несомненной. Отсюда реальные факты судебной хроники. На основе таких фактов и иногда сопровождающих видений, тоже возможных, и возникают легенды, варьирующиеся, как видим, в отдельных подробностях.

В приведенном охотничьем рассказе (и сходных с ним) главное заключено в цели кощунственных действий — в удачной охоте. Но ведь эта цель может быть иной. Ничего не стоит при известном настрое чувств и игре воображения перенести внимание с практической задачи в виде удачной охоты на сами действия, т. е. на само кощунство, и посмотреть на его результат без всякой связи с практической пользой. В этом случае человеком движет не выгода, но гордня и чрезмерное, греховное любопытство. А вместе с тем, уж конечно, и желание острых ощущений, испытываемых, если повезет, с чужой помощью или за чужой счет. Так обстоит дело в рассказе Достоевского. Кстати, уточним. По поводу двух его героев в академическом комментарии сказано: «...обращает на себя внимание, что ни в одном из известных нам фольклорных вариантов легенды

---

¹⁷ Народная проза / сост., вступ. ст., подгот. текстов и comment. С. Н. Азбелева. М., 1992. (Б-ка русского фольклора; 1. 12). С. 520.

нет образа товарища героя — толкнувшего его на грех искусителя (вместо него в фольклорных версиях часто появляется образ второго грешника, которого убивает раскаявшийся герой легенды, после чего получает отпущение грехов)¹⁸. В замысле Достоевского образ искусителя сложился, по-видимому, <...> не сразу, но затем приобрел первостепенное значение, ибо подобный характер всегда интересовал писателя» (21; 398). Однако товарищ героя, невольно или вольно склоняющий его на грех, в фольклорных сюжетах рассматриваемого типа, как видим, все-таки возникает. Ведь между учителем и учеником, искусствителем и его жертвой здесь нет принципиальной разницы. То, что действительно отличает рассказ Достоевского от фольклорного варианта, так это сложный психологический анализ происшествия и занятых в нем лиц.

В объяснении Достоевского искусствитель, обозначивший идею и оставивший другому ее исполнять, разумеется, не меньший грешник, чем его жртва, и сам это сознает. Надругаться над «народной святыней», какой является Христос в чувствах и убеждении простого человека, «разорвать тем со всею землей, разрушить себя самого во веки веков для одной лишь минуты торжества отрицаньем и гордостью — ничего не мог выдумать русский Мефистофель дерзостнее! Возможность такого напряжения страсти, возможность таких мрачных и сложных ощущений в душе простолюдина поражает!» (21; 38). Но писатель допускает и иные побуждения: «...что если и впрямь настоящий нигилист деревенский, доморощенный отрицатель и мыслитель, не верующий, с высокомерно насыщенной выбравший предмет состязания, не страдавший, не трепетавший вместе со своею жртвою, как предположили мы в нашем этюде, а с холодным любопытством следивший за ее трепетаниями и корчами, из одной лишь потребности чужого страдания, человеческого унижения, — черт знает, может быть, из ученого наблюдения? Если уж есть и такие черты даже в народном характере (а в настоящее время всё возможно предположить), да еще в нашей деревне, то это уже новое открытие, несколько даже и неожиданное. Что-то не слыхано было прежде о подобных чертах» (21; 40–41).

В заключение пространного психологического «этюда» Достоевский возвращается к его началу, настаивая на истинности рассказанной истории (21; 41). Писатель настаивает на этом потому, что реальный факт в данном случае важнее для серьезных размышлений и выводов, чем художественная фикция. Ведь «фантастический рассказ», в истолковании писателя, объективно рисует состояние души (исконное и сиюминутное) русского человека из низших сословий, а «заглядывать в душу современного Власа иногда дело не лишнее» (21; 41).

---

¹⁸ Важно подчеркнуть, что этот второй грешник — просто более лютый, не ведающий ни жалости, ни мук стыда, злодей, чем тот, кто его убивает.

В необычной бытовой истории «являются перед нами два народные типа, в высшей степени изображающие нам весь русский народ в его целом. Это прежде всего забвение всякой мерки во всем <...>. Это потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и — в частных случаях, но весьма нередких — броситься в нее как ошалелому вниз головой». Попав в «круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения, так свойственный русскому народному характеру в иные роковые минуты его жизни», русский человек «готов порвать всё, отречься от всего, от семьи, обычая, Бога». «Но зато, — продолжает Достоевский, — с такою же силою, с такою же стремительностью, с такою же жаждою самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, и спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдет до последней черты, то есть когда уже идти больше некуда. Но особенно характерно то, что обратный толчок, толчок восстановления и самоспасения, всегда бывает серьезнее прежнего порыва — порыва отрицания и саморазрушения» (21; 35). Это вселяло надежду. Писатель был уверен, что, каким бы ни было глубоким падение и омерзительным грех, «в последний момент вся ложь <...> выскочит из сердца народного и станет перед ним с неимоверною силою обличения. Очнется Влас и возьмется за дело Божие. Во всяком случае спасет себя сам, если бы и впрямь дошло до беды. Себя и нас спасет, ибо опять-таки — свет и спасение воссияют снизу», но никак не от лиц высших сословий, этих самонадеянных и близоруких «птенцов гнезда Петрова» (21; 41).

Спасительная способность к восстановлению, считал Достоевский, прямо связана с тем, что русский человек, как бы он на людях ни куражился и что бы о себе ни заявлял, в глубине души никогда не оправдывает своих дурных чувств и поступков, тем более — преступлений. В этом убеждал его и каторжный опыт: «Самый крупный безобразник <...> все-таки слышит каким-то чутьем, в тайниках безобразной души своей, что в конце концов он лишь негодяй и только» (21; 36). И в этом все дело. Горькое сознание собственной греховности и непрестанная скорбь (обычно до поры до времени подавляемая) двигала, надо думать, и автором славянской вставки, помещенной в начале славянского перевода греческого апокрифа «Хождение апостола Павла по мукам» (в рукописях именуемого также «Видением апостола Павла», «Павловым видением» и т. д.)¹⁹, широко распространенного на Западе (он упомянут Данте в «Божественной Комедии») и известного у нас

¹⁹ См.: Порфириев И. Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890. С. 108; Тихонравов Н. С. Сочинения. М., 1898. Т. 1. Древняя русская литература / предисл. А. Н. Пыпина. С. 204 и др.

с XIV в. Апокриф перепечатывался в русских изданиях с конца 1850-х гг.²⁰

В славянской вставке сказано, что все творение Божие повинуется Богу и только человек, не переставая, множит свои грехи. Избыток этих грехов порождает возмущение природы. Солнце, месяц и звезды, море и реки, земля взывают к Богу с просьбой, чтобы Он позволил им наказать беззаконников. Отвечая на просьбу, Бог говорит, что видит все, но ждет от людей покаяния. Если же они не покоятся, то Сам накажет их в Судный день²¹. Вставка заканчивается призывом к покаянию и исправлению: «Останем, братие, злоб наших и на всякий час благодарим Бога» (пока для этого еще есть время)²².

Если учесть, что вставка предваряет рассказ о страшных загробных муках, которые видит апостол Павел, то ясно, что ее автор (помимо благочестивого призыва) хотел бы уравновесить будущее наказание с человеческой виной ради мысли о милосердии и справедливости Творца. Однако в славянских рукописях вставка встречается и отдельно, независимо от «Хождения апостола Павла»²³. В любом случае, в составе апокрифа или вне его, как заметили уже первые публикаторы сказания, она отразилась в народных духовных стихах и песнях. Действительно, в одной из малорусских (карпатских) песен, о которых пишет Н. И. Костомаров, говорится о том, как солнце жалуется Богу на грехи людей, грозит тем, что перестанет светить и проч. Бог отвечает: «Свети, солнышко, так, как светило. Я буду знать, как покарать их на том свете, на Страшном суде»²⁴.

Гораздо чаще, однако, встречается жалоба земли. В одной из своих статей Ф. И. Буслаев цитирует духовный стих о матери сырой земле, «изукрашенной» церквами, но «изнаполненной» беззакониями (нередкое противопоставление в стихах на эту тему), и говорит, что страдания прекрасной земли, обремененной и оскверненной погрязшими во зле людьми, выливаются в плач в поэзии разных народов:

²⁰ См., например: Православный собеседник, 1859 (август); Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Ложные и отреченные книги русской старинны, собранные А. Н. Пыпиным. СПб., 1862. Вып. 3.; Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2; Русский архив: Историко-литературный сборник. М., 1864. Стб. 15–18 и др.

²¹ См.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860. Вып. 3. С. 132.

²² Там же.

²³ См.: Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. С. 108.

²⁴ Костомаров Н. Историческое значение южнорусского народного песенного творчества // Беседа. 1872. № 4. С. 34.

Растужилась, расплакалась матушка сыра земля
Перед Господом Богом:

Тяжел-то мне, тяжел, Господи, вольный свет!.. и т. д.²⁵

«Плач земли» опубликован собирателями во многих вариантах. Об этом и других духовных стихах, восходящих к «Павлову видению», из богатого собрания П. В. Киреевского писал И. Я. Порфириев²⁶. «Плач земли» угадывается в словах Мити Карамазова, сокрушающегося о своих грехах и готового покончить с собой, чтобы не отягощать ими землю: «Вот ракита, платок есть, рубашка есть, веревку сейчас можно свить, помочи в придачу и — не бременить уж более землю, не бесчестить низким своим присутствием!» (14; 142). Убеждение в святости земли и вине людей перед нею звучит также в речах других героев последнего романа Достоевского. И не только в нем, но, в частности, в заключительных сценах «Преступления и наказания», первого романа знаменитого пятикнижия (1866) и последовавших за ним крупных сочинениях: «Он (Раскольников. — *B. B.*) вдруг вспомнил слова Сони: “Поди на перекресток (туда, где сходятся все части света. — *B. B.*), поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и перед ней согрешил, и скажи всему миру вслух: «Я убийца!»». Он весь задрожал, припомнив это <...>. Всё разом в нем размягчилось, и хлынули слезы. Как стоял, так и упал он на землю...

Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю, с наслаждением и счастием. Он встал и поклонился в другой раз.

— Ишь нахлестался! — заметил подле него один парень <...>.

— Это он в Иерусалим идет, братцы, с детьми, с родиной прощается, всему миру поклоняется, столичный город Санкт-Петербург и его грунт лобызает, — прибавил какой-то пьянецкий из мещан» (6, 405).²⁷

Убеждение в святости земли (как и всего творения Божьего) вызвало к жизни обряд исповеди перед нею (иногда и всем сотворенным миром) в некоторых раскольничих толках и даже у православных (там, где мало священников или их нет вовсе). Такая исповедь может предшествовать исповеди церковной. С. И. Смирнов пишет: «После прощения с родными старушка, бывшая рас-

²⁵ Буслав Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии // Русский вестник. 1873. № 4. С. 614.

²⁶ См.: Порфириев И. Народные духовные стихи и легенды // Православный собеседник. Казань, 1869. Ч. 3. С. 54–92; 134–174. Стихи из собрания Киреевского: № 20–24, 27, 28, 30, 38, 39.

²⁷ О теме земли у автора пятикнижия см.: Плетнев Р. В. Земля (Из работы «Природа в творчестве Достоевского») // О Достоевском: Сб. статей / под ред. А. Л. Бема. Прага, 1929, 1933, 1936, а также: М., 2007; Зандер Л. А. Тайна добра (Проблема добра в творчестве Достоевского). Frankfurt am Main, 1960. С. 20, 31 и след.

кольница (Владим. губ.), кратко просит прощения у красного солнышка, у светлого месяца, частых звезд, зари утренней, ночей темных, дробно дождичка, ветра буйного и, наконец, с особой обстоятельностью — у земли:

Возоплю я к тебе, матушка сыра земля,
Сыра земля, моя кормилушка поилица,
Возоплю грешная, окаянная, паскудная, неразумная,
Что топтали тяя походчивы мои ноженъки,
Что бросали тяя резвы руценъки,
Что глазели на тяя мои зенки,
Что плевали на тяя скорлупенъки.
Прости, мать питомная, меня грешную, неурядливу
Ради Спаса Христа, честной Матери,
Пресвятой да Богородицы...»²⁸

Предваряя и дополнняя церковную исповедь, старушка просит у земли прощение за грехи, о которых не спросит священник²⁹.

Судя по народной поэзии и обрядам, слова Господа о том, что Он ждет от грешников покаяния, как видим, находят отклик. Мысль о покаянии, требующем за многие беззакония соответствующего возмездия с бескомпромиссной, даже устрашающей прямотой выражена в апокрифических сказаниях об Аврааме. Согласно этим сказаниям, Авраам (а он представляет здесь каждого человека) был восхищен на небо. Оттуда он видит грехи людей, и когда Бог позволил ему согрешивших судить, судит их без всякого снисхождения: одних сжигает огнем, других приказывает земле поглотить и т. д. и т. п. «Авраам судил так строго, что Бог повелел архангелу Михаилу поскорее возвратить его на землю», иначе тот, увидев слишком многих, творящих возмутительные злодеяния, «погубит землю всю». Бог отнимает у Авраама право суда: «Не милует бо никого же, не сотворил бо их есть»³⁰. Мнение о том, что Бог милосерднее к грешнику, чем иной грешник к себе, своеобразно передано и в нередко цитируемом афоризме, восходящем к рассуждению Исаака Сирина (VII в.) («Слова подвижнические», Слово № 90): «Не говорите, что Бог справедлив. Потому что если Бог справедлив — я погиб». Имеется в виду, что Бог не только справедлив, но и милосерден³¹. Идея Божьего сострадания

²⁸ Смирнов С. Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1914. С. 281.

²⁹ Там же. С. 282.

³⁰ Петров Н. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога (иноязычные источники). Киев, 1875. С. 135; Порфириев И. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1873. С. 255.

³¹ «Слова подвижнические» упомянуты в «Братьях Карамазовых» (14; 89 и 15; 61). Одно из изданий книги имелось в библиотеке Достоевского. См.: Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции. Научное описание. СПб., 2005. С. 122–123.

и отеческой любви заключена в притче Христа о блудном сыне, многократно отраженной в лубочных картинках³².

Надежда на Божие милосердие спасает грешника от отчаяния и заставляет искать искупления, чтобы, страданием очистив душу, примириться с собой, людьми и миром, а затем начать новую жизнь. Так происходит с Митей Карамазовым. Не будучи виновным в смерти отца, но сознавая на себе грех возможности такого злодейства, он говорит своим «истязателям» в конце предварительного следствия: «Господа, все мы жестоки, все мы изверги, все плакать заставляем людей, матерей и грудных детей, но из всех — пусть уж так будет решено теперь — из всех я самый подлый гад! Пусть! <...> Принимаю муку обвинения и всенародного позора моего, пострадать хочу и страданием очищуся!» (14; 458). Восклицания Мити и чувства, которые он испытывает, по мысли Достоевского, естественны русскому человеку, ведь именно этот герой (в отличие от его братьев), по словам прокурора уже на суде «как бы изображает собою Россию непосредственную» (15; 128). Своим простодушием, открытостью и прямотой, слишком частым «забвением всякой мерки» он ближе всех стоит к народу. Отсюда понимание и снисходительность, с которыми кучер Андрей относится к Мите (14; 372).

Народ — главный предмет тревожных размышлений Достоевского в поздние годы его жизни. Тревогу, собственно, вызывал не столько сам народ (хотя и он тоже), сколько его предводители — ориентированная на Запад либеральная интеллигенция, подозрительно и с неодобрением глядящая на традиционные народные начала и любые их проявления. Готовя первый номер «Дневника писателя» за 1881 г., оказавшийся ввиду смерти автора и последним, Достоевский в черновых набросках заметил: «Иdeal красоты человеческой — русский народ. Непременно выставить эту красоту, аристократический тип и проч. Чувствуешь равенство невольно: немного спустя почувствуете, что он выше вас» (27; 59). Понятие «аристократический тип» по отношению к крестьянину указывает на авторскую характеристику «истинного крестьянина», Ивана Ермоловича, в одном из очерков Г. И. Успенского из цикла «Крестьянин и крестьянский труд» (1880). Связанный с землей от рождения и до смерти, этот герой признает над собой лишь «власть земли»³³ и глубоко презирает поклонение новому

³² См.: Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 3: Притчи и листы духовные. Картины на ту же тему с немецкими стихами под каждой из них украшали в повести Пушкина «обитель» станичного смотрителя. См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 8, кн. 1: Романы и повести. Путешествия. С. 99.

³³ «Власть земли» — название следующего цикла крестьянских очерков Г. И. Успенского (1881–1882).

кумиру — деньгам, чья развратающая сила ненавистна «аристократически-крестьянской» душе Ивана Ермолаевича³⁴.

Соглашаясь с самим понятием, характеризующим крестьянина («аристократический тип»), Достоевский собирался, по-видимому, наполнить его иным содержанием, несущим, скорее всего, полемический смысл³⁵. Ведь, по мнению Г. И. Успенского, прямо высказанному в очерке «Власть земли» из одноименного цикла, тайна характера русского крестьянина (как и все его существование, в чем бы оно ни проявлялось) целиком и полностью определена землей и «заключается в том, что огромнейшая масса русского народа до тех пор и терпелива и могучая в несчастьях, до тех пор молода душою, мужественно сильна и детски кротка <...>, до тех пор сохраняет свой могучий и кроткий тип, покуда над ним царит *власть земли*, покуда в самом корне его существования лежит *невозможность* ослушания ее *повелений*, покуда они властвуют над его умом, совестью, покуда они наполняют все его существование»³⁶. Но, по убеждению Достоевского (как ясно из его публицистических работ), духовная сторона народной жизни — т. е. миро-созерцание народа, представления о красоте, добре и зле, общие чаяния и идеалы — гораздо тоньше, сложнее, многоразличнее, чем это кажется интеллигентному (пусть даже сочувствующему) наблюдателю крестьянского быта. Она не сводится к ответам на запросы «земледельческого календаря» и одной — двум идеям, которые Г. И. Успенский усмотрел в былине о Святогоре и Микуле Селяниновиче с его сумочкой, таящей в себе тягу матери сырой земли³⁷. При всем уважении к народу автор крестьянских очерков невольно и бессознательно все-таки возвышался над ним, тогда

³⁴ Успенский Г. И. Полн. собр. соч.: В 14 т. [М.; Л.], 1950. Т. 7: Крестьянин и крестьянский труд. Без определенных занятий и другие произведения. 1880–1882. С. 10.

³⁵ Полемика могла быть вызвана непоследовательной и неоднозначной реакцией Г. И. Успенского на речь Достоевского о Пушкине в связи с открытием памятника поэту в Москве (8 июня 1880 г.). Речь была напечатана в специальном выпуске «Дневника писателя» 12 августа 1880 г. В. А. Туниманов пишет: «Достоевский даже не заметил (или, может быть, постарался не заметить) непосредственно его касавшегося очерка (Г. И. Успенского. — В. В.) “Пушкинский праздник”» (Туниманов В. А. Достоевский и Глеб Успенский // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 31). Думается, заметил слова об «аристократическом типе» это подтверждают.

³⁶ Успенский Г. И. Полн. собр. соч. Т. 8: Власть земли. Очерки и рассказы. 1882–1883. С. 25.

³⁷ Там же. С. 26–27. Полемику с Г. И. Успенским по поводу былины см.: Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955. С. 78. Об этой былине у Достоевского см.: Ветловская В. Е. Фольклорные источники произведений Ф. М. Достоевского: «Мужик Марей» // Русский фольклор. СПб., 2018. Т. 37: Фольклоризм в литературе и культуре: Границы понятия и сущность явления (Сб. ст. и материалов памяти А. А. Горелова). С. 275–280.

как в глазах Достоевского превосходство народа безусловно. В одной из глав «Дневника писателя» за 1876 г., предваряющей рассказ «Мужик Марей», он не без иронии по поводу возможного оппонента заявил: «“Что лучше — мы или народ? Народу ли за нами или нам за народом?” — вот что теперь все говорят <...>. А потому и я отвечу искренно: напротив, это мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли и образа; преклониться перед правдой народной и признать ее за правду, даже и в том ужасном случае, если она вышла бы отчасти и из Четыи-Минеи» (22; 44–45). В дальнейшем Достоевский только укреплялся в этом мнении, не желая уступать и признавать обоснованность притязаний интеллигентного меньшинства на ведущую и непременно будто бы благую роль в народных судьбах. В «Дневнике писателя» за 1877 г. по поводу гибели унтер-офицера Фомы Данилова, попавшего в плен к кипчакам и замученного ими за отказ изменить своей вере и принять ислам, Достоевский писал: «...народ наш считают до сих пор хоть и добродушным и даже очень умственно способным, но всё же темной стихийной массой, без сознания, преданной поголовно порокам и предрассудкам, и почти сплошь безобразником. Но <...> я осмелиюсь высказать одну даже, так сказать, аксиому, а именно: что судить о нравственной силе народа и о том, к чему он способен в будущем, надо брать в соображение не ту степень безобразия, до которого он временно и даже хотя бы и в большинстве своем может унизиться, а надо брать в соображение лишь ту высоту духа, на которую он может подняться, когда придет тому срок» (25; 14). Все дурное, что искажает исконное благородство русского человека, Достоевский считал следствием внешних воздействий, чужого вмешательства в естественный ход вещей: «В русском человеке из простонарода нужно уметь отвлекать красоту его от наносного варварства. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа» (22; 43). Эти и подобные им суждения писатель не уставал повторять в публицистических статьях и не только в них.

Как бы то ни было, но и право, и способность народа самостоятельно решать свою судьбу Достоевский никогда не ставил под сомнение. Для этого у народа вполне достаточно духовных сил и духовного богатства — направляющих, руководящих идеей и связанных идеалов. «Вглядитесь и увидите, — разъяснял он, — что у нас прежде всего вера в идею, в идеал, а личные, земные блага лишь потом» (22; 41). И хотя приверженцев таких благ немало и, к сожалению, становится больше и больше, но ни теперь, ни в будущем, надеялся писатель, они не смогут снискать среди русских общего признания (22; 41).

Что же касается народных идеалов, то они «сильны и святы, <...> они срослись с душой» народа, наградив его великодушием и «широким всеоткрытым умом...» (22; 43). Они же лежат в основе замечательных произведений русской литературы, начиная с Пушкина. И, отражая представление народа о наилучшем, прекрасном и правильном, указывают ему путь в будущее. В одной из полемических заметок («Дневник писателя» за 1876 г., март) Достоевский писал: «...без идеалов, то есть без определенных хоть сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности. <...> при ясно сознаваемом желании стать лучшими (то есть при идеалах лучшего) можно действительно когда-нибудь собраться и стать лучшими» (22; 75).

Разумеется, чтобы передаваться из поколения в поколение, не теряя притягательной силы, близкие народной душе идеи и идеалы должны были обладать непреходящим смыслом. Такой смысл писатель видел в религии, у русского народа — в православии: «...в сущности, все народные начала у нас сплошь вышли из православия» (22; 114). И в первую очередь — нравственные нормы и почитаемые всеми образцы³⁸. Именно в религии народ находит «идеалы и начертание. Не зная догматов, он <...> знает (в большинстве) святых своих жития (я не розню от народа 12 миллионов раскольников). Там, где кончается религия, начинаются лишь мечтанья», т. е. фантазии, ни на чем прочном не основанные и ни для кого не обязательные (24; 191).

Говоря о незнании догматов, Достоевский возражал тем, кто в этом аргументом видел доказательство невежества русского народа в отношении собственной религии, да и всякой религиозности вообще: «...в том-то и дело, что эти люди (из поклоняющейся Западу русской интеллигенции, «потерявшейся на обожании» европейских форм (22; 107). — В. В.) ровно ничего не понимают в православии, а потому ровно ничего не поймут никогда и в народе нашем» (22; 113). Между тем «идеал народа — Христос» (26; 152). За многие века своей исторической жизни русский народ усвоил «суть христианства, <...> дух и правду его», которые «сохранились и укрепились в нем так, как, может быть, ни в одном из народов мира сего, несмотря даже на пороки его» (25; 69). Для постижения христианских истин ему не нужно было изучать догматику и вникать в подробности церковной службы; довольно было песнопений и молитв, которые он слышал в храме, довольно было и одной молитвы, которую Великим постом читает священник: «Господи и Владыко живота моего...» (кстати сказать, особо отмеченной и переложенной Пушкиным в стихотворении «Отцы пустынники и жены непорочны...», 1836). В этой молитве,

---

³⁸ Ср.: «Всякая нравственность выходит из религии, ибо религия есть только формула нравственности» (24; 168).

утверждает Достоевский, «вся суть христианства, весь его катехизис, а народ знает эту молитву наизусть <...>. Главная же школа христианства, которую прошел он, это — века бесчисленных и бесконечных страданий, им вынесенных в свою историю, когда он, оставленный всеми, попранный всеми, работающий на всех и на вся, оставился лишь с одним Христом-утешителем, которого и принял тогда в свою душу навеки», а вместе «с Христом, уж конечно, принял и истинное просвещение» (26; 150–151).

Оно складывается в некую систему взглядов, объединяющую народ одной иерархией ценностей и отделяющую его от других народов с другим строем нравственных понятий, которым сочувствуют или которые отвергают. Это просвещение в русском народе строится на убеждении, признаваемом умом и чувством, что высшей ценностью и одновременно — единственным прочным фундаментом общего блага является самоотверженная любовь — в соответствии с учением Христа, говорившего своим ученикам накануне крестного страдания и смерти: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас; нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам...»; «Сие заповедую вам, да любите друг друга» (Ин. 15: 12–14, 17). Заповедь бескорыстной любви, заключенную в словах Христа и подтвержденную Его крестной смертью, как самую важную из Его наставлений и воспринял всем сердцем православный народ. Именно поэтому, несмотря на пороки и отступления, ему в высшей степени присущи «обоготворение любви, кротости и смирения», готовность жертвовать собой и служить людям без меры и оглядки, до полного самозабвения (24; 192). Из жертвенного подвига и добровольного служения другим и выйдет, наконец, как надеялся Достоевский, не в фантазиях только, а уже на деле «свобода, равенство и братство для всех» (24; 192). Причем начинать надо с конца, с братства, а не так, как в лозунгах Великой французской революции (Свобода, равенство, братство, иногда — общее счастье!), поскольку истинное братство не потерпит неравенства и даст истинную свободу никому не в ущерб, напротив, — во благо всем и каждому. «Были бы братья, — часто повторял Достоевский, — будет и братство» (26; 167 и др.)³⁹.

---

³⁹ Ср.: «Я говорю <...> о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю «в рабском виде исходил благословляя» Христос (цитата из Ф. И. Тютчева. — *B. B.*)» (26; 148). А Он призывал к любви. «Почему же нам не вместить последнего слова Его?» (26; 172). И еще: «Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской люб-

Свои заключения о народе и его убеждениях Достоевский выводил не из умозрительных построений, а из личного знакомства с народной средой и из произведений народного творчества. Писатель видел, что далеко не все здесь однозначно и привлекательно, что некоторые упреки представителей образованного общества по-видимому не лишены оснований. Полемизируя с либералом А. Д. Градовским, он писал: «Да, народ наш груб, хотя и далеко не весь <...> в этом я клянусь уже как свидетель, потому что я видел народ наш и знаю его, жил с ним довольно лет, ел с ним, спал с ним и сам к “злодеям был причтен”, работал с ним настоящей мозольной работой, в то время когда другие <...>, либеральничая и подхихикивая над народом, решали на лекциях и в отделении журнальных фельетонов, что народ наш “образа звериного и печати его”» (26; 152). И хотя этот образ сказывался иногда в какой-нибудь народной песне или припеве ее, вроде «Сын на матери ехал, молода жена на пристяжечке», но эта грубость исторически объяснима и свойственна не только русским: «Боже мой, а на Западе, где хотите и в каком угодно народе <...> не такое же разве зверство, и при этом ожесточение (чего нет в нашем народе)». И даже хуже, ибо многое там уже не считается грехом, а «стало считаться правдой», с чем «в своем целом» никогда не согласится русский народ, всегда называющий грех грехом без всякой для себя поблажки (26; 152). Именно поэтому, признавался писатель, не от кого-нибудь, а от народа, причем в самом мрачном и «зверином», казалось бы, его виде (на каторге), он «и принял вновь» в свою душу «Христа, которого узнал <...> еще ребенком и которого утратил было, когда преобразился в свою очередь в “европейского либерала”» (26; 152).

Отражая подобные нападки на народ, Ф. И. Буслаев, с работами которого Достоевский был знаком⁴⁰, привел еще один довод, обвиняющий в темноте и невежестве отнюдь не народ, а, напротив, его образованных критиков: «Безусловно осуждать народные

ви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь *нравственная* черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском» (26; 131).

⁴⁰ В записной книжке Достоевского 1860–1862 гг. сохранилась заметка: «Чернышевскому. — А ведь перед г<осподином>-то Буслаевым вы были не правы» (20; 158). Достоевский, по-видимому, собирался возразить Н. Г. Чернышевскому, который вслед за А. Н. Пыпином в уничтожительной манере (статья «Полемические красоты. Коллекция вторая») выступил против крупнейшего ученого и его оценки русского фольклора и древнерусской литературы (20; 355, коммент.). Чернышевскому с его единомышленниками из лагеря «Современника» импонировали «революционные» элементы народного творчества, но не его религиозность. Полемика с Чернышевским не состоялась, возможно, из-за ареста Чернышевского и временного закрытия журнала (1862).

вымыслы в грубости и нелепости очень легко с высоты наших мнимых просвещенных взглядов и с точки зрения чопорных условий приличий. Для такого бездоказательного осуждения нужно только как можно меньше знать убеждения и верований простого народа и древнерусскую литературу. Оттого-то мнимопросвещенное невежество так и падко на осуждения, оскорбительные для русской народности. Но когда будет указано, что эти народные вымыслы коренятся на многовековых преданиях русской жизни и что в них выражается не только влияние нашей древней письменности, но и сама духовная жизнь народа, со всеми ее светлыми и темными сторонами; тогда эти вымыслы должны будут обратить на себя более серьезное внимание всякого благомыслящего человека»⁴¹.

Для Достоевского светлые стороны были сутью духовной народной жизни, поскольку заключали в себе идеи и идеалы, влекущие в будущее, тогда как темные стороны — маргинальная, периферийная часть широкой и пестрой низовой культуры, не отражающая ни главных черт характера народа, ни основ его мирапонимания. Эти основы, по мнению писателя, хотя и удерживали в себе элементы языческой предыстории, но формировались по преимуществу под сильнейшим воздействием христианства⁴². В восприятии Достоевского, как и Ф. И. Буслаева (и не только их), народная культура во всех ее, иногда противоречивых, составляющих представляет собой сложное целое, в котором народная поэзия и древнерусская литература (каноническая и апокрифическая) выступают в органичном единстве. М. К. Азадовский писал о том, что, будучи создателем университетской науки о фольклоре, Буслаев все-таки «еще не выделяет проблем фольклора в самостоятельную область изучения: народная поэзия изучается им в неразделимом единении с языком и со всей древнерусской литературой и даже древнерусским искусством. Все это для него проявления народности, которую он понимает <...> как “старину”, употребляя иногда эти термины как синонимические и сходясь в этом отношении со <...> славянофилами»⁴³. Однако то, что М. К. Азадовскому представлялось недостатком, в действительности было достоинством. Ф. И. Буслаев учитывал особенности изучаемого материала. Ведь фольклорные произведения, сочинения

⁴¹ Буслаев Ф. И. Русский народный эпос // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 453.

⁴² М. Д. Никифоровский писал: «Наше славяно-русское язычество не успело еще достигнуть последней степени развития, как застигнуто было христианской религией. Оно остановилось на переходной ступени от непосредственного поклонения природе и ее силам к поклонению божествам более или менее личным» (*Никифоровский М.* Русское язычество. Опыт популярного изложения научных сведений о языческой религии русских славян. СПб., 1875. С. 11–12).

⁴³ Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1. С. 27–28.

древнерусской литературы, иконописные сюжеты одновременно и более или менее мирно уживались в сознании народа и питали его мысль и воображение. Исследователь народного творчества не может с этим не считаться. Поэтому В. Я. Пропп, задумав статью о змееборстве св. Георгия⁴⁴, писал своему другу В. С. Шабунину (22 июля 1969 г.): «Я начал работу, о которой расскажу Тебе лично. Она охватывает иконопись, жития и духовные стихи на один и тот же сюжет. Я очень увлечен». И далее ему же (5 августа 1969 г.): «Я исследую сюжет змееборства в духовных стихах и иконах <...>. Работа будет небольшая. Про себя я должен знать весь материал, а в работе можно сослаться на отдельные типичные образцы»⁴⁵.

Иван Карамазов в «литературном предисловии» к своей поэме «Великий инквизитор», говоря о средневековых произведениях, в один ряд с которыми он ставит свою поэму, называет сочинения и разных народов, и разных жанров — «Божественную Комедию» Данте, во Франции представления «судейских клерков» и монахов по монастырям, даровые зрелища на городских площадях. «У нас в Москве, — продолжает он, — в допетровскую старину, такие же почти драматические представления, из Ветхого завета особенно, тоже совершались по временам; но, кроме драматических представлений, по всему миру ходило тогда много повестей и «стихов» (т. е. духовных стихов. — *B. B.*), в которых действовали по надобности святые, ангелы и вся сила небесная. У нас по монастырям занимались тоже переводами, списыванием и даже сочинением таких поэм <...>. Есть, например, одна монастырская поэмка (конечно, с греческого): «Хождение Богородицы по мукам» с картинами и со смелостью не ниже дантовских» (14; 225). «Поэмка», далее пересказанная Иваном, — знаменитый апокриф греческого происхождения, получивший особое признание в славянских странах и на Руси (ранний список XII в.) и многими мотивами отозвавшийся в духовных стихах⁴⁶.

Совершенно очевидно, что некоторые фольклорные произведения (и, в частности, духовные стихи) невозможно изучать без

⁴⁴ Под названием «Змееборство Георгия в свете фольклора» статья вышла в свет после смерти ученого в кн.: Фольклор и этнография русского Севера. Л., 1973. С. 190–208.

⁴⁵ Неизвестный В. Я. Пропп. Древо жизни. Дневник старости. Переписка. СПб. 2002. С. 271, 273.

⁴⁶ См.: Тихонравов Н. С. Сочинения: [В 3 т.]. М., 1898. Т. 1: Древняя русская литература. С. 204–206. Ученый ошибался, полагая, что на Западе этот апокриф вообще не был известен. Но, правда, несопоставимо большее распространение там получило «Хождение апостола Павла по мукам», у которого с «Хождением Богородицы...» много общего, особенно в изображении адских мук (Там же. С. 207). Высокая характеристика апокрифа, данная Иваном (с которой, как ясно, согласен Достоевский), противопоставлена сдержанному мнению Ф. И. Буслаева на этот счет. См.: Буслаев Ф. И. Русский народный эпос. С. 496.

обращения к их литературным источникам, как бывает невозмож-но, с другой стороны, изучать литературные произведения (те же апокрифы) без обращения к фольклору. Но апокрифы со временем их многочисленных публикаций в середине XIX в. всегда вызы-вали заметный интерес. Может быть, потому, что они, как казалось, принадлежали перу, так сказать, средневековых диссидентов, «ис-правлявших» церковное учение сообразно с собственным вкусом и понятиями. По словам М. Д. Никифоровского, апокрифы обна-руживают «самостоятельное, активное отношение народа к хри-стианской религии...».⁴⁷ Однако ситуация сложнее. Дело в том, что Библия в полном составе не была распространена на Руси по крайней мере до XVI в. Вместо Библии авторитетом пользовалась Палея — группа древнеболгарских и древнерусских памятников, обычно переведенных с греческого оригинала. В них пересказы-вался Ветхий завет и события всемирной истории, иногда с тол-кованиями. Палея вместе с каноническими включала и апокри-фические тексты. Большая часть апокрифов, опубликованных Н. С. Тихонравовым и А. Н. Пыпином, взяты из разных списков Палеи⁴⁸. Все они, как и тексты Библии, считались священными: «Хранилище апокрифических сказаний <...> — «Палея» — всег-да считалась книгой истинной и отождествлялась с Святым писанием»⁴⁹. Отношение народа к таким сказаниям было соотв-етственным. Они естественно ложились в основу духовных стихов.

Духовным стихам (произведениям на темы из Ветхого и Нового заветов, Житий святых, церковных песнопений, легенд и апокри-фических рассказов) не повезло. Долгие годы «исследовательской» работы были посвящены исключительно выяснению сюжетного материала стихов и их книжных источников. Религиозное содер-жание их, как, впрочем, и чисто художественный анализ — остава-лись вне поля зрения русской историко-литературной школы»⁵⁰. И это несмотря на постоянный спрос и оборот стихов в народной среде (у старообрядцев и раскольников, на русском Севере и в Си-бири, судя по новейшим записям, они курсируют до сих пор) и ча-сто их яркое художественное достоинство⁵¹. Буслав писал: «Ду-ховный стих, или старческая песня, и сказка — две главнейшие формы, в которых наша народная поэзия нашла себе дальнейшее развитие. Обе эти формы по изложению и тону, бессспорно, носят

⁴⁷ Никифоровский М. Русское язычество. С. 122.

⁴⁸ См.: Порфириев И. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и со-бытиях. С.134.

⁴⁹ См.: Тихонравов Н. С. Сочинения. Т. 1. С. 152–153, 156.

⁵⁰ Федотов Г. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным сти-хам). М., 1991. С. 16–17. Первое издание книги — Париж, 1935.

⁵¹ Согласно Г. П. Федотову, «по сравнению с былинным эпосом, духовный стих проявляет гораздо большую жизненность и “бытует” не только в северной глуши, но почти на всем протяжении русской земли» (Там же. С. 14).

на себе характер эпический <...>, широко, в общих очерках, представляющий жизнь и природу, без всякого ограничения общенародных понятий и убеждений со стороны личных воззрений или ощущений отдельного певца или сочинителя»⁵².

Содержание духовных стихов, по мнению ученого, вполне выражает христианское мировоззрение, в отличие от западных произведений такого рода, «в которых к чисто христианскому элементу нечувствительно присоединялась греко-римская, древнеклассическая закваска...»⁵³. Эта «закваска» дает о себе знать и в их внешней форме. Так, не в одной «Италии, но и в прочих европейских странах в Средние века поэтический образ Мадонны украсился, в воображении поэтов-художников, не только сиянием благочестия и святости, но и красоты» (имеется в виду красоты исключительно внешней, никак не связанной с благочестием и святостью)⁵⁴. Высказывания авторитетного ученого укрепляли Достоевского в его суждениях о том же предмете. Но исследователи более позднего времени не могли без серьезных оговорок с Буслаевым согласиться.

Описывая духовные стихи в ряду других жанров эпической народной поэзии, В. Я. Пропп объяснял: «В этих стихах народ выразил некоторые свои религиозные представления. Может быть, по этой причине советская наука мало интересовалась этими произведениями. Между тем мировоззрение, выраженное в них, не всегда совпадает с церковно-религиозным мировоззрением, а иногда и противоположно ему <...>. Они отличаются значительными художественными красотами. В то время как памятники архитектуры и религиозной живописи древней Руси давно признаны как памятники великого искусства, хранятся в музеях, изучаются, реставрируются и издаются в репродукциях, соответствующие им произведения словесного искусства до сих пор оставались вне поля зрения наших ученых. Мы не можем пока заполнить этот пробел...»⁵⁵.

Лишь отчасти (и не бесспорно) этот пробел был заполнен небольшой монографией Г. П. Федотова 1935 г., не утратившей, однако, своего значения и поныне, и немногими работами, которые за нее последовали⁵⁶.

---

⁵² Буслаев Ф. И. Русский народный эпос. С. 597.

⁵³ Там же. С. 601.

⁵⁴ Буслаев Ф. И. Русский народный эпос. С. 601.

⁵⁵ Пропп В. Я. Жанровый состав русского фольклора // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. С. 57.

⁵⁶ О монографии Г. П. Федотова и других работах см. комментарий А. Л. Топоркова ко второму изданию книги Г. П. Федотова 1991 г. (с. 156–157) и в сборнике: Купина Неопалимая. Русские духовные стихи. М., 1991. См. также Послесловие С. Е. Никитиной к книге Г. П. Федотова 1991 г.: Никитина С. «Стихи духовные» Г. Федотова и русские духовные стихи (с. 137–153). Автор

Если изучение духовных стихов со стороны их религиозного содержания не слишком далеко подвинулось вперед, то со стороны их формы оно подвинулось еще меньше. А между тем только через осмысление формы (связи и функционального назначения ее элементов) и можно вникнуть в реальный смысл чего бы то ни было. Таким путем (если судить о фольклорных отражениях в его творчестве) шел Достоевский, поскольку для него, проницательного читателя, гениального мастера слова этот путь был самым естественным и верным.

Остановимся на немногих сюжетах, которые для писателя имели характер фактического доказательства, подтверждающего справедливость его слов о «святых» для народа идеалах.

Духовный стих «О Лазаре» (или «О богатом и Лазаре», или «О двух Лазарях» и т.д.) всегда был особенно популярен⁵⁷. Он восходит к одной из притч, рассказанной Христом (Лк. 16: 19–31) и рекомендованной в «Братьях Карамазовых» старцем Зосимой (среди других благочестивых рассказов) для чтения неграмотному простонародью (14; 267). Герои притчи — богач (его имя не названо), ведущий праздную жизнь и изо дня в день пирующий в роскошных одеждах, и нищий, недужный Лазарь, лежащий у ворот его палат и мечтающий напитаться падающими вниз крохами праздничного застолья. Лазаря никто не замечает, кроме псов, которые, подбегая к нему, лижут его раны (это значит, что Лазарь едва прикрыт, его одежды — жалкие лохмотья). Когда умер нищий, он был отнесен ангелами на лоно Авраама (в рай). Когда умер богач, он оказался в аду. Оттуда он видит Лазаря и, мучаясь в адском пламени, просит Авраама послать к нему Лазаря, чтобы тот каплей воды мог прохладить его язык и облегчить его муку. Авраам объясняет: «Чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь». Кроме того, между раем и адом великая пропасть, которую ни с той, ни с другой стороны нельзя перейти. То, что богач не вовсе окоченел от эгоизма, не ведая сострадания и добрых чувств, доказывает продолжение. Услышав ответ Авраама, он сказал: «...так прошу тебя, отче, пошли его в дом отца моего, ибо у меня пять братьев; пусть он засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения». Но Авраам отказывает ему и в этом, напомнив о Моисее (т. е. заповедях) и пророках, которых братья

Послесловия напоминает также о двух капитальных работах, предшествовавших исследованию Г. П. Федотова: А. В. Рыстенко о св. Георгии и драконе (1909) и В. П. Адриановой-Перетц о св. Алексее человеке Божием в житиях и народной словесности (1917) (с. 138–139). Важно отметить, что статья С. Е. Никитиной включает сдержанную, но убедительную полемику с некоторыми положениями книги Г. П. Федотова.

⁵⁷ См.: Порфирьев И. Народные духовные стихи и легенды. С. 50.

должны слушать, чтобы получать наставления для праведной жизни на этом свете и утешения — на том, а если братья им не верят, то они и Лазарю, воскресшему из мертвых и вразумляющему их, не поверят.

Духовный стих о Лазаре, отразившийся несколькими характерными мотивами в «Братьях Карамазовых»⁵⁸, варьирует темы евангельской притчи. В притче главный персонаж — богач, в стихе — нищий. Но ни там, ни тут нет того, о чем пишет Г. П. Федотов, — «прославления нищенства»⁵⁹. И в притче, и в стихе речь идет не о богатом и убогом самих по себе, а об отношениях между ними. В притче богач не видит в Лазаре брата, хотя, обращаясь к Аврааму, он называет его отцом, который является отцом не только богатой, но, конечно, и нищей братии. Так же, как Господь Бог — общий Отец их всех, включая Авраама. Богач относится к Лазарю не как к ровне, а как к слуге или рабу на посылках даже тогда, когда сам крайне унижен, а Лазарь Господом вознесен. Если бы богач мог увидеть в Лазаре брата, то (ср. его отношение к родным братьям, о которых он заботится и в адской муке) Лазарь не был бы нищим. Вывод из ситуации, изображенной в притче, один: Лазарь — чужой, и только потому он нищий.

Духовный стих подхватывает главную тему евангельской притчи — тему равенства и родства. Она часто встречается и в других духовных стихах, а также в других фольклорных жанрах — в сказке, легенде и т. д. Но в стихе о Лазаре она выражена наиболее концентрированно и остро.

В стихе нищий и богатый (в отличие от притчи) — родные братья (как правило, у них одно имя — Лазарь). В ответ на кроткую просьбу нищего накормить и напоить его богатый кричит:

Ах ты смердин, смердин, смердящий ты сын,
Да как же ты смеешься к окну подходить?
Да как же ты смеешься братом называть?
У меня брата Лазаря в роду не было...
Есть у меня братия получше тебя:
У кого много злата, больше серебра,
Те — и моя братия возлюбленная⁶⁰.

⁵⁸ См.: 14; 23 и 15; 30, а также: 15; 525, 589, comment.

⁵⁹ Ср. «Бродячие певцы, живущие подаянием, принадлежат к классу убогой, нищенствующей Руси <...>. Высокая оценка нищенства и бедности, конечно, является общенародным и даже общехристианским достоянием, но особое ударение, особо любовная трактовка этой темы в стихах объясняется, может быть, социальным происхождением сказителей. Два самых излюбленных стиха служат прославлению нищенства: стих о Лазаре и о Вознесении» (Федотов Г. Стихи духовные. С. 15). Нет «прославления нищенства» и в стихе о Вознесении. См., например, вариант, приведенный в книге самого Г. П. Федотова (Там же. С. 130–131).

⁶⁰ Якушкин П. Русские песни. СПб., 1860. С. 45.

На это убогий напоминает богатому:
Напрасно, мой братец, отперся меня,
Напрасно, родимый, от рода своего;
Одна нас с тобою матушка на свет родила,
Один-то нас батюшко вспоил, воскормил,
Неравною долею Господь наделил:
Тебя наделил всё богачеством,
Меня наделил всё убожеством,
Спохватишься, братец, да не в бремя,
Вспокаешься, родимый, — возврату не быть⁶¹.

Но богача это предупреждение (впоследствии сбывающееся) не трогает. Его братья — такие же, как он, богачи и (в некоторых вариантах) «купцы да бояре» или «князья да бояра, да торговые люди», тогда как у нищего в братьях — только подстольные псы:

У меня ли братьев таких (как убогий. — В. В.) в роду нет,
А твои братья — подстольные псы...⁶²

Иногда эти псы, более сострадательные, чем их хозяин-богач, кормят убогого Лазаря, лечат его раны⁶³. В одном из вариантов стиха, напечатанного Г. П. Федотовым, ответ богатого брата на просьбу нищего еще более жестокий: он его

Толкает, пинает, с крыльца провожает,
С крыльца провожает, кобелей натравляет:
Усть-е, возмите, борзы кобелье!
Пусть его лютые псы разорвут,
По чистому полю моци (кости. — В. В.) разнесут⁶⁴.

Нищий Лазарь, таким способом обласканный родным братом, доведен до полного отчаяния. Из глубины безысходной скорби он обращается к Богу:

Как я жил убогий на вольном свете,
То-то моя душенька намучилася;
И голода, холода всего приняла:
Всякой она скверности навиделася,
Создай мне, Владыко, горче того!⁶⁵

В качестве естественного завершения мученической жизни нищий просит у Бога последней милости — самой горькой смерти, чтобы Господь послал ему грозных, безжалостных ангелов и чтобы они вынули его «душеньку сквозь ребер <...> / Железными крючьями» и т. д.

Но Бог, забирая убогого Лазаря к себе в рай, посыпает ему тихих ангелов, которые вынимают его душу «и хвально, и честно

⁶¹ Якушкин П. Русские песни. СПб., 1860. С. 45.

⁶² Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 67, 71, 73.

⁶³ Там же. С. 73.

⁶⁴ Федотов Г. Стихи духовные. С. 80.

⁶⁵ Якушкин П. Русские песни. С. 46.

(т. е. с честью. — В. В.) / В сахарные уста». Горькая смерть (такая, какую просил себе нищий Лазарь) постигает его брата, богатого Лазаря, и именно тогда, когда тот, с избытком обеспеченный и благополучный, просит у Бога долгой жизни:

Послал ему Господи грозных ангелов, —
Грозных, немилостивых;
Вынули душеньку сквозь ребра его
Железными крючьями;
Понесли душеньку во ад к сатане,
Положили душеньку на огненный костер⁶⁶.

Только в аду богатый Лазарь раскаялся. Но поздно.

Суровое наказание, которое Господь определил богачу, тот заслужил за жестокосердие по отношению к нищему брату. И заметим: если в евангельской притче Лазарь чужой, и только потому он нищий, то в духовном стихе, напротив: он нищий, и только потому — чужой. В нищете, как показывает стих, не спасает никакая степень родства. Нищета страшнее греха, страшнее преступления. Богатый Лазарь поступает с нищим не как родня и ровня, а как враг. Ведь он не только не помогает обездоленному брату в этой жизни, но отнимает у него и будущую, ибо отчаяние бедняка и его обращение к Богу — свидетельство полного неверия в милосердие и справедливость Творца. Убедившись в том, что у него нет брата, бедняк решил, что у него не может быть и сострадающего Отца. Ведь такая степень безнадежности, неверия и предпочтения адских мук земной жизни равносильны отречению, а следовательно, — безвозвратной гибели души. Финал, уготованный нищему Лазарю богатым братом, мог придумать если не сам дьявол, то, уж конечно, один из больших его приятелей. Ибо сказано: «...не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. 10: 28; Лк. 12: 4–5).

И еще деталь, наделенная важным смыслом. У богатого Лазаря и убогого Лазаря одно имя. Между родными братьями нет решительно никакой разницы, кроме убожества и богатства. Но если убожество прилипчиво и часто бывает неизбывным, то богатство неверно. В любой момент волею Бога оно способно исчезнуть (как это происходит в некоторых вариантах стиха о Лазарях). Во всяком случае, раньше или позже, смерть лишает человека всех земных благ, и богач уходит из этого мира в другой таким же нищим, как и последний бедняк. Это означает только то, что между двумя Лазарями духовного стиха не просто сходство, не просто близость родства и братства, а в каком-то смысле полное тождество. Иначе говоря, для богатого Лазаря убогий Лазарь, в сущности, не кто

⁶⁶ Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. С. 7–72; Бессонов П. Калики перехожие. М., 1861. Вып. 1. С. 77–80, 84–87 (сводный вариант № 27).

иной, как он сам. Поэтому, будучи злейшим врагом своему брату, богатый оказывается злейшим врагом самому себе. Отсюда его страшная смерть и сурое наказание (каких просил себе его брат, нищий Лазарь). Но эту смерть и наказание богатый выбирает сам. Свободу, дарованную ему (как и любому человеку) Богом, богатый использует другому и себе во вред. В конце концов, несчастны оба — один Лазарь в этой, другой в иной жизни. А могли бы быть оба счастливы, если бы богач увидел в нищем равного себе человека, родню и брата, каким тот и был на самом деле.

Необходимость правильно направленной свободной воли, истинного братства и равенства для общего счастья как одобренного, даже предписанного Богом (следовательно, «святого») идеала в этом духовном стихе, как часто в произведениях народного творчества, доказывается от противного. Герои стиха (и притчи): с одной стороны, богач (владеющий чрезмерным достатком и возможностями), а с другой стороны — нищий (настолько бедный, что даже лохмотья его не прикрывают), знаменуют крайности, между которыми умещаются все. Это значит, что социальная тема, тема социального неравенства (и общего счастья в этом веке и в будущем) в духовном стихе и его источнике наделены самым широким, исчерпывающим смыслом. Этот смысл и сообщил, конечно, популярность духовному стиху, актуальному до тех пор, пока существует обозначенная в нем проблема. В этом отношении героическая былина может ему уступать.

Из главных персонажей русского богатырского эпоса Достоевский называет только Илью Муромца. Об этом герое В. Я. Пропп писал: «Основная черта Ильи — беззаботная, не знающая пределов любовь к родине <...>. У него нет никакой “личной” жизни» вне того поприща, которое он избрал. Он «смел и удачен», как «его младшие собратья, Добрый и Алеша», но его отличает еще «опытность и зрелость». Он обладает «могучей духовной и физической силой». Врагам он страшен, но «когда дело идет не о врагах, он всегда великодушен и добр. Он честен до мелочей и прям». Все это делает его «наиболее любимым героем народа, который <...> в лице трех героев во главе с Ильей изобразил и отразил самого себя»⁶⁷.

Для Достоевского Илья — и представитель народа, воплотивший наиболее привлекательные его черты, и один из народных идеалов, не исключающих, разумеется, их христианских корней: «Идеал его (народа. — В. В.), тип великорусса — Илья Муромец» (24; 309). По поводу народного движения в пользу балканских славян, восставших против иноземного ига, и горячего сочувствия народа угнетенным единоверцам (1876 г.) Достоевский опять-таки вспоминал Илью Муромца и разъяснял: это движение «почти

⁶⁷ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 215.

беспримечательное <...> по своему самоотвержению и бескорыстию, по благоговейной религиозной *жажде пострадать за правое дело*. Русский народ, по убеждению писателя, в данном случае, как и всегда, — «любитель жертв и ищущий правды и знающий, где она, народ кроткий, но сильный, честный и чистый сердцем», именно такой, «как один из высоких идеалов его — богатырь Илья Муромец, читимый им за святого» (23; 150). И позднее (1877 г.) в той же связи: «...народ наш любит <...> смиренного и юродивого: во всех преданиях и сказаниях своих он сохраняет веру, что слабый и приниженный, несправедливо и напрасно Христа ради терпящий будет вознесен превыше знатных и сильных...». Поэтому, в частности, «народ наш любит <...> рассказывать <...> житие своего великого, целомудренного и смиренного христианского богатыря Ильи Муромца, подвижника за правду, освободителя бедных и слабых, смиренного и непревозносящегося, верного и сердцем чистого» и т.д. (25; 69)⁶⁸.

Те же свойства Ильи Достоевский видит и в народном эпосе. Везде, где писатель упоминает богатыря, он говорит о нем с восхищением. Но из былин, в которых действует герой, он выделяет одну — «Илья Муромец и Идолище». Эта былина относится к числу «самых популярных <...>, связанных с именем главного героя русского эпоса — Ильи Муромца»⁶⁹. Она сложна по происхождению и составу, разнообразна по мотивам и их разработке, но известна во всех районах бытования былин и записана во многих вариантах⁷⁰. Как показывает ученый, эти варианты сводятся к двум версиям сюжета. Одна, исконная, представляет собой героическую былину; другая, развившаяся на основе первой, — скорее духовный стих, чем былина, сочиненный в среде паломников, «переходящих калик»⁷¹. По мнению В. Я. Проппа, вторая версия, выражая церковные симпатии и интересы, во всех отношениях уступает первой⁷².

Однако вторая версия показалась весьма примечательной Достоевскому. Он увидел в ней идеи, которые, будучи высказанными в художественной (т. е. прикровенной) форме, не сразу бросаются в глаза. Если иметь в виду обычные приемы работы писателя с такого рода материалом, он знал былину (и вторую ее версию) в разных

⁶⁸ Смирение, о котором говорит Достоевский, не означает готовности отступать; оно означает лишь отсутствие самолюбования, похвальбы, гордыни. Подчеркивание христианского элемента в характеристике Ильи и некоторые другие детали сближают трактовку Достоевского с трактовкой К. С. Аксакова. См.: Аксаков К. С. Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1981. С. 134 и др.

⁶⁹ Протт В. Я. Русский героический эпос. С. 216.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 219 и след.

⁷² Там же. С. 223 — 227.

вариантах. Один из таких вариантов напечатан в издании, указанном среди книг библиотеки Достоевского⁷³. Писатель собирался использовать былину в очередном выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. для разъяснения своей мысли, одобряющей участие русских добровольцев в той же освободительной войне на Балканах.

В записной тетради 1875–1876 гг. среди разнородных заметок читаем: «*Война* иногда лучше *мира*: ввернуть встречу Ильи со каликою Иванищем» (24; 157); ранее: «О калике Иванище» (22; 163), «Если хотите, Иванище» (22; 163) и т. д. Рабочая тетрадь 1875–1876 гг. и подготовительные материалы к «Дневнику писателя» 1876 г. пестрят повторяющимися именами Ильи и Иванища. Судя по такому повтору, столько же многочисленному, сколько и содержательно скромному, и той логике, которую можно за ним разглядеть, былина, где появляются эти герои, должна была бы называться не «Илья Муромец и Идолище», а «Илья Муромец и Иванище». При этом Илья остается в круге привычных для него положительных ассоциаций, а Иванище может явиться в самом неожиданном контексте, например: «Вот уж подлинно идея, попавшаяся Иванищу» (24; 168). Или: «О спиритизме. Калика Иванище, О войне. И за кончить Европой слегка» (24; 169). Или: «(Полунаука, Россия, полунаука.) Калика Иванище есть середина, полуобразование. Калика Иванище ученый, литератор, — он пишет о чем угодно» (24; 168). В связи с темой «лучших людей»: «*Люди лучшие*: и неужто таков закон, чтоб всегда были Иванищи — среда» (т. е. посредственность) (24; 157). По мнению Достоевского, «на всяющую новую, светлую идею, прежде неслыханную», непременно находится тупой противовес — «тут свирепствует *Иванище*» (24; 171). Поэтому «*Иванища вредны*» (24; 101). Особенно там, где у них власть: «То-то и есть, что Иванища-то, кажется, и управляют, а не Ильи Муромцы» (24; 172). И не только в России. В целом, в набросках писателя, Иванище выступает как замена, как знак тупой посредственности, не способной ни породить, ни воспринять новую мысль. Ни совершить энергичный и смелый шаг: «Иванище решает грубо — материально, ввиду первых потребностей <...>. Иванище заботится (было: боится), что-нибудь носит же его в Ерусалим ходить, но если принять великое решение, то он забеспокоится и устранился» (22; 161) — в отличие от Ильи, берущего на себя все заботы и всю ответственность. Герои резко противопоставлены, а следовательно, не Илья и Иванище, а «Иванище или Илья» (22; 161), иначе: или Илья, или Иванище.

⁷³ См.: Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции. Научное описание. СПб., 2005. С. 23. Вероятно, как предположила И. Д. Якубович, одна из авторов описания, книга была приобретена Достоевским для чтения детям. См.: Книга о Киевских богатырях. Свод 24 избранных былин древнекиевского эпоса / сост. В. П. Авенариус. СПб., 1876. С. 146 и след. № 15.

Несмотря на решительную модернизацию фольклорного текста, слишком лаконичный и разнородный характер его применений, можно понять, какой общий смысл и связь идей Достоевский усмотрел в заинтересовавшей его былине (духовном стихе). Писатель выделил и соединил два момента (думается, он сделал это, точно следуя замыслу певца и составителя этой былинной версии). Один, начальный, — паломничество калики Иванища в Иерусалим:

Нунь сильнее могучее Иванище
А шел как ён во Иерусолим-град
А Господу ён Богу помолиться ведь,
К Господнему как гробу приложитися,
В Иордан ён речке окреститися⁷⁴.

Пройдя долгий и трудный путь (и днем, и осенней ночью), калика наконец добирается до Иерусалима и совершает все то, ради чего сюда шел. И, надо заметить, все то, что совершают идущие сюда с той же целью остальные. Иванище, таким образом, становится в конец и затем пропадает, стирается в длинной череде благочестивых богомольцев. Путь калики ко гробу Господню, как и любого паломника к Святым местам, — путь покаяния в собственных грехах, очищения собственной души и личного спасения.

На обратной дороге, увидев у Киева огромную рать, приведенную туда поганым Идолищем, и узнав, что само Идолище (не то чудовище, не то богатырь непомерной высоты, толщины и наглости) забралось в княжеские палаты и пиรует там в свое удовольствие, издаваясь над князем Владимиром, Иванище, при всей своей физической мощи, испугался и решил обойти Киев стороной. Тут и происходит встреча калики с Ильей Муромцем, направляющимся в Киев. Эта встреча — второй момент былинного рассказа. Илья видит перед собой «старую калику-переходящую» (далее в одном из вариантов выясняется, что они одного возраста с Ильей и вместе учились в Муроме грамоте):

Не идет каличище — шатается,
Костылем-клюкою подпирается,
Под каликою мать-земля да подгибается...⁷⁵

На расспросы Ильи калика рассказывает о беде, постигшей Киев, об Идолище, который в «княженецких палатах» ест-пьет, над князем похваляется:

Как святые образа-то все поколоты,
Во черной грязи да все потоптаны,
Во церквах во Божьих кони кормятся...

⁷⁴ Былины / вступит. ст., подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. 2-е изд. Л., 1957. С. 84 (Б-ка поэта. Б. с.).

⁷⁵ Книга о Киевских богатырях. С. 146.

Илья спрашивает, почему Иванище не убил Идолище, и калика признается, что «устрашился», «не посмел идти на поганое»⁷⁶. Илья стыдит «сильное, могучее Иванище», затем надевает его плаТЬе⁷⁷. Иногда, услышав о беде, Илья без дальнейших вопросов и объяснений говорит:

Ай да сильнее могучее Иванище,
Скидывай-ка платье ты каличье,
Одевай-ка мои платья богатырские,
А давай-ка ты мне шляпу во сорок пуд,
А давай-ка ты мне посох о девяносто пуд,
Пойду я ведь каликой перехожею
Во славный я ль во Киев-град,
К тому князю я ко Владимёру;
А на-ка ты, держки-ка моёго коня,
А держки-ка ты коня да ведь до меня⁷⁸.

После насмешливой перебранки с Идолищем, его похвальбы и враждебных действий Илья, орудуя каличным посохом, побивает поганое Идолище и всю его несметную рать. Он освобождает народ, князя и возвращается к своему богатырскому коню и «к сильному могучему Иванищу, а

Иванице стоит как да и весь в слезах,
Не может ён держать коня доброго.
Старый казак ведь Илья Муромец,
Говорил как ён могучему Иванищу:
«Ай же сильный ты, могучий ведь Иванище,
Ай, силы у тебя да с два меня,
А ухватки у тебя и половинки нет».
А тут богатыри перекружилися,
А тут ёны да ведь переодилися.
Илья-то ведь поехал на добром кони,
Иванище пошел да ведь пехотою⁷⁹.

В варианте из библиотеки Достоевского Илья, убив Идолище и вернувшись к Иванищу, говорит:

А теперь прощай, могучее Иванище <...>,
Впредь, смотри, ты больше так не делай-ка,
Выручай крещеных от поганых...⁸⁰

События, о которых повествует былинный певец, представляют собой два разных подвига, два способа спасения души, сопоставленных и здесь противопоставленных один другому. Иванища, как и многих таких же, «носит» в Иерусалим мысль

⁷⁶ Книга о Киевских богатырях. С. 148.

⁷⁷ Там же. С. 149.

⁷⁸ Былины. С. 85–86.

⁷⁹ Былины. С. 88.

⁸⁰ Книга о Киевских богатырях. С. 155.

о благополучии своей души. Его забота имеет индивидуальный, личный и, в сущности (хотя так бывает не всегда, ср.: 25; 215–216), эгоистический характер. Это начало «особняка». Недаром в черновых набросках Достоевского Иванище многократно возникает в увязке с темой «обослебения», насквозь проевшего общество: «Одним словом, хоть и старо сравнение, но наше русское интеллигентное общество всего более напоминает собою тот древний пучок прутьев, который только и крепок, пока прутья связаны вместе (фольклорный мотив. — *B. B.*), но чуть лишь расторгнута связь, то весь пучок разлетится на множество слабых былинок, которые разнесет первый ветер. Так вот этот-то пук у нас теперь и рассыпался» (22; 83)⁸¹.

В поступках Ильи, напротив, нет никаких эгоистических побуждений. Он освобождает единокровный и единоверный ему киевский люд без личных выгод и себялюбивых надежд. Его героический подвиг, как всегда, служит избавлению от гибельной беды других и многих, т.е. служит общему благу и общему спасению. Это не только уравнивается с паломничеством к Святым местам, но, согласно логике былинного рассказа, его превосходит, как превосходит всякую обосбленнуюю, одинокую молитву и всякий одинокий труд во имя пусть даже и духовной, но частной цели. Ведь закон Христа — «закон любви» не только к Богу, но и к ближнему, любви жертвенной и бескорыстной (Мф. 22: 37–40; Мр. 12: 30–31 и др.). Поэтому высший подвиг есть спасение других; по возможности, спасение многих; в идеале — спасение всех (подвиг Христа)⁸². Былина прославляет Илью. Отсюда мотивы, возвеличивающие богатыря и уничижающие Иванища. Они переданы, в частности, переодеванием, безусловно несущим символический смысл.

Илья переодевается перед боем не только для того, чтобы быть неузнанным Иделищем (который, кстати сказать, его никогда не видел). Надев каличье платье, взяв как оружие каличий посох, Илья усваивает чужую сущность и обращается каликою. Идея такого оборота (и перевоплощения) заложена в любом переодева-

⁸¹ Ср.: 22; 161 и след. (наброски к мартовскому выпуску «Дневника писателя» за 1876 г. Гл. 1, III. «Обослебление»).

⁸² Это мысль многих произведений народного творчества. Так, В. Я. Пропп заметил, например, что св. Георгий Победоносец крайне редко изображается на иконах в спокойном состоянии со спасенной им девицей, а не в борьбе с чудовищным змеем, т.е. не «в героическом и народном облике». «Преобладание получил <...> тип иконы, в которой змей побеждается силой оружия и не во имя одной женщины, а во имя борьбы со злом (т. е. для блага всех. — *B. B.*). В противоположность чрезвычайно редкой иконе об освобождении девушки икона, изображающая только боевую схватку героя со змеем без всяких других персонажей, представлена большим количеством экземпляров начиная с XII в.» (Пропп В. Я. Змееборство Георгия в свете фольклора. С. 204.).

ний в чужую одежду. Это общекультурная универсалия, известная фольклору и магическим практикам разных мифо-ритуальных систем. Поэтому ряженые и окрутничество (обращивание), ряженый и окрутник в русских говорах и, соответственно, научных работах — синонимы⁸³. Оборот сам по себе содержит вероятность радикальной перемены. Ср.: Грянул оземь и обернулся... тем-то, тем-то, тем-то; ср. также: пре — вращение (одного в другое), т. е. оборот и внутренняя перемена. В одном из цитируемых здесь вариантов былины это происходит дважды. Сначала Илья, идя на бой, обращивается каликою, а после боя, обернувшись еще раз, становится самим собой:

А тут богатыри перекружилися,
А тут ёны да ведь переодилися.

Идущие друг за другом мотивы изображают одновременное действие, они являются собой семантическое тождество. Далее Илья, как положено богатырю, едет на добром (боевом, богатырском) коне, а Иванище, как положено калике, идет «пехотою».

В бою с поганым Идолищем Илья предстает каликой. Помимо свойственных ему достоинств он наделен особой благодатью — духовной силой и Божиим благословением, т. е. всем тем, ради чего стремится в Иерусалим и к гробу Господню благочестивый паломник. Герой служит людям и Богу одновременно. Его победа — знак высшей заслуги и Божьего одобрения. Она сообщает герою ореол святости.

Но Иванище богатырские доспехи и платье не помогают. Он плачет, едва удерживая доброго коня, поскольку даже конь противится ему и не признает в нем богатырских качеств. Герои снова противопоставлены друг другу, и если Илья прославлен, то Иванище окончательно посрамлен.

Забвение о себе и забота об общем счастье в ином виде, но отличает и Алексея человека Божия. Достоевский называет его так же, как Илью Муромца, среди наиболее почитаемых народом святых: «Лучшие люди <...>. У него (народа. — В. В.) Алексеи — люди Божии» (24; 285; ср.: 23; 193). В черновой тетради 1880–1881 гг. запись: «О лучших людях <...>. Лучшие пойдут от народа и должны пойти <...>. Правда, народ еще безмолвствует, хоть и называет кроме Алексея человека Божия — Суворова, например, Кутузова, Гаса» (27; 53). И еще: «Я скажу: Алексей человек Божий — идеал народа...» (27; 55). В «Братьях Карамазовых» старец Зосима советует читать народу разные занимательные и поучительные рассказы и «из Четыи Миней хотя бы житие Алексея человека Божия...» (14; 267). Этот святой, герой жития и духовного стиха, не раз упомянутый в последнем рома-

⁸³ См.: Ивлева Л. М. Ряженые в русской традиционной культуре. СПб., 1994. С. 18 и след.

не, стал прототипом Алеши Карамазова, на что прямо указывает его имя⁸⁴.

Повествования об Алексее человеке Божием в житии и духовном стихе, необычайно распространенном и записываемом собирателями во множестве вариантов, не вполне совпадают⁸⁵. Зная житие св. Алексея в разных редакциях, Достоевский, как часто, когда у него был подобный выбор, предпочел народную версию, духовный стих. Писатель увидел в нем и повторил в «Братьях Карамазовых» (и не только в них) оригинальную, в высшей степени глубокую и важную идею, выраженную (как часто в фольклорных текстах) с художественным блеском — парадоксально и удивительно лаконично.

Алексей человек Божий (время его жизни относят к концу IV — началу V в.) родился в семье богатого и знатного римлянина. В день собственной свадьбы он, оставил родных, уходит из дома, снимает с себя роскошную одежду, облачается в нищенские лохмотья и в таком виде появляется в Эдесском (Иерусалимском) храме Богородицы, сначала на паперти или в притворе, а затем (по распоряжению Богородицы) и в самом храме. Здесь он предается молитвенным подвигам ради собственного спасения и (иногда) спасения своих близких:

...я пошел в иншую землю,
За батюшкин грех помолиться,
За матушкин грех потрудиться!⁸⁶

По прошествии долгого времени, постоянных молитв и духовного совершенствования, по воле Божией (житие), по велению Богородицы (духовный стих) святой возвращается в свой дом — к отцу, матери и супруге. При этом Богородица, напутствуя его, иногда говорит:

Лексеюшка Божий человечек!
Полно тебе Богу молиться,
Пора у свой дом подъявиться...⁸⁷

И здесь, как видим, ценность однокого спасения отодвинута на второй план. Важнее оказывается жизнь Алексея среди своих в родном доме. Иногда Богородица то ли предсказывает святыму ближайшее будущее, то ли предупреждает, как следует себя вести:

⁸⁴ Хотя мне приходилось подробно писать на эту тему (см., например: *Ветловская В. Е.* Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб., 2007. С. 200–229), здесь нельзя обойти вниманием указанный сюжет. Постараемся ограничиться необходимым.

⁸⁵ Подробный анализ и сопоставление жития и стиха о св. Алексее см. в исследовании: *Адрианова В. П.* Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917.

⁸⁶ *Бессонов П.* Калики перехожие. Вып. 1. № 28; см. также № 29, 30.

⁸⁷ Там же. № 32.

Поезжай ты во свой славен Рим-град,
Отец тебя мать в доме не спознают,
Ни младая обручная княгина⁸⁸.

Так и происходит. Святого никто не узнает. Как нищего побиушку, его ссылают куда-то на задворки, он ест какие-то обьедки, пьет какие-то опивки. Рабы и слуги отца (да и его самого, поскольку он в действительности все-таки господин и наследник) смеются и издеваются над ним. Только после смерти святого обнаруживается, кем он был на самом деле. Заключительная часть жития и стиха о св. Алексее передает плач отца, матери и супруги, узнавших в умершем праведнике сына и мужа. Именно в этой части, как заметила В. П. Адрианова-Перетц, духовный стих резко отличается от житийного текста: «Основная нота, которая звучит во всех плачах жития, — это горькие упреки по адресу Алексея, который не смягчился зреющим безысходного горя своих родных и не открылся им при жизни. В стихе центр тяжести переносится на позднее сожаление родных о том, что претерпел в их доме святой. Здесь плач становится как бы покаянным»⁸⁹.

Ср. слова отца:

Алексей, Божий свет, человече!
Какое терпел ты терпение!
От раб своих ты укорение!..
Чего ты мне тогда не явился?
Зачем ты пришел во град не сказался?
Построил бы я келью (для тебя. — В. В.) не такую,
Еще бы не в этаком месте:
В своем бы в княженецком подворье
Возле бы своей каменной палаты...
Поил бы, кормил бы я тебя своим кусом!
Не дал бы рабам на поруганье⁹⁰.

С некоторыми вариациями примерно то же говорят мать и супруга.

По мнению В. П. Адриановой-Перетц, в сравнении с житием автор стиха, передавая плачи родных, сменил настроение и психологические акценты. Думается, однако, что дело не в психологии, дело в идее. И это главное. В стихе поведению св. Алексея в родном доме дано принципиально новое и неожиданное объяснение. Оно подготовлено мотивами, также отличающимися от жития, как и плачи.

Так, в житии приход Алексея в родной дом по возвращении толкуется как нежелание его обременять кого бы то ни было.

---

⁸⁸ Бессонов П. Калики перехожие. Вып. 1. № 33, см. также № 34.

⁸⁹ Адрианова В. П. Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. С. 336.

⁹⁰ Бессонов П. Калики перехожие. № 28.

В стихе этот мотив опущен. Святой, встретив отца, просит принять его, убогого странника, ради спасения своей души и ради сына Алексея. На вопрос отца, откуда он знает о пропавшем сыне, святой отвечает:

Богатый князь Ефимьяне!
Остроиши убогому келью
Ближе своей каменной палаты,
Обрящешь любезного сына
В своей белокаменной палаты,
В одной стороны с ним пребывали,
В единой пустыне проживали,
Со единых трапезы воскушали,
Едину одежду с ним носили⁹¹.

Предлагая отцу принять его вместо ушедшего из дома сына, святой, в сущности, предлагает родным выход из страдания и безутешной скорби. Ведь всякая скорбь прекратится, если родные признают в чужом, жалком и нищем страннике любимого сына, обрадуются ему как своему. И если бы родные согласились с Алексеем, они бы не ошиблись, поскольку не узнанный ими странник и был их сыном. Благодаря возможности парадоксального оборота ситуации оказывается, что испытанию в этом случае подвергаются обе стороны: Алексею достаточно назвать себя, и он будет жить в другой, лучшей «келье», пытаться другим, лучшим «кусом». Мучения же его родных прекратятся. Но точно так же изменилась бы к лучшему его жизнь и обратилась в радость скорбь его близких, если бы эти близкие смогли, как предлагает им святой, в чужом разглядеть родного человека.

В результате твердость святого, не смягчившегося страданиями родных и не называвшего им себя, получает высокое оправдание, ибо служит призывом к величайшей (не ограниченной избирательным чувством) любви. В стихе Алексей выдерживает трудный искус и остается верен Богу не потому, что, любя Бога, забыл родных и родные стали ему чужими, а потому, что чужие для него — те же родные. Вот почему святой является своим близким как чужой и как родной одновременно и просит принять в нем, чужом, участие, которое вызвал бы у них родной сын. Начав с мысли о собственном спасении (или иногда и ближайших родных), Алексей человек Божий кончает мыслью о спасении (земном и небесном) всех вообще.

Надо думать, что эта идея и вызвала особый интерес Достоевского к житию Алексея человека Божия и его гениальным фольклорным обработкам. Автор «Братьев Карамазовых» воспользовался фольклорным истолкованием жития, распространив понятие родственной любви на «всё и вся», на весь мир Божий. Такая любовь

⁹¹ Бессонов П. Калики перехожие. № 33.

рождается в душе Алеша Карамазова, когда он, преодолев искушение избирательной, исключительной привязанности к духовному отцу, старцу Зосиме, повергается на землю в восторженном исступлении, обнимает, целует ее и клянется любить «во веки веков». И далее: «Простить хотелось ему всех и за всё и просить прощения, о! не себе, а за всех, за всё и за вся, а “за меня и другие просят”. <...> он чувствовал явно <...>, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его <...>. “Кто-то посетил мою душу в тот час”, — говорил он потом с твердою верой в слова свои...» (14; 328).

Идея, которая «воцарялась» в уме Алеши вслед за чувством, повергшем его на землю, была, конечно, идея неизбирательной, безграничной и не смущающейся никаким грехом любви⁹². А та, которая, сойдя свыше, посетила душу юного героя «в тот час», была, конечно, Богородица, играющая главную роль в стихе о св. Алексее. Именно с Ней, прежде всего, и соединяется в народе представление о неизбирательной и всепрощающей любви. Важно, что под Ее святой покровом, поручая Ей сына, в свое время протягивала маленького Алешу его мать (14; 18). Важно также, что Богородица посетила Алешу тогда, когда тот, упав на землю, обнимал и целовал ее. В народных понятиях (об этом, в частности, говорят многочисленные духовные стихи) Богородица тесно связана с землей. Общее материнское начало сближает родную мать, мать-землю и Богородицу. Однако, как пишет Г. П. Федотов, «их близость не означает еще их тождественности. Певец не доходит до отождествления Богородицы с матерью-землей и с кровной матерью человека. Но он недвусмысленно указывает на их сродство:

Первая мать — Пресвятая Богородица,
Вторая мать — сыра земля,
Третья мать — кая скорбь (т. е. муки рождения. — В. В.)
приняла⁹³.

От матери-земли зависит любая жизнь, поскольку жизнь — только результат созидающей матери земли. Противостоя раздлению, распаду, разложению и смерти, она все связывает и одушевляет. Она беспрерывно производит новые, все более прекрасные формы. Начиная с каких-нибудь «насекомых» (14; 99), она кончает столь идеальной, просветленно-чистой и одухотворенной плотью, что эта плоть становится достойной заключить в себе Господа Бога. На вершине упорядоченной лестницы живых существ, творимых матерью землей, оказывается Божия Матерь. В своем человеческом благородстве, в безупречной красоте души и тела Она

⁹² Ср. слова Исаака Сириня: «Кто всех равно любит, по состраданию и безразлично (т. е. не различая лиц. — В. В.), — тот достиг совершенства» (*Исаак Сирин, преп. Слова подвижнические*. М., 1858. С. 60).

⁹³ *Федотов Г. П. Стихи духовные*. С. 78.

возносится не только над каждым земным созданием, освящая их всех своим явлением в мир, но и над сонмом горных сил, уступающих Ей первое место перед престолом Бога. Она — «Царица неба и земли», «всего мира Владычица», неусыпная «Заступница рода человеческого», как Ее именуют в обращенных к Ней молитвах⁹⁴. И если мать-земля в неистощимо деятельной любви производит все живое и хлопочет о бессмертии и продолжении жизни в ее материальных, ограниченных временем формах, то Богородица освящает земную жизнь, благословляет и защищает ее, а затем материински печется о ней в горных сферах. Она беспокоится о детях земли и здесь, и в жизни вечной⁹⁵. Ведь эти дети земли, согласно предсмертной воле Христа, — и Ее дети (Ин. 19: 26–27).

Заступничество Божией Матери за род человеческий — тема апокрифа «Хождение Богородицы по мукам». Существующий в большом количестве русских списков, он отразился в фольклоре, прежде всего — в стихах о Страшном суде. В конце 1850-х — начале 1860-х гг. апокриф был опубликован в разных редакциях, иногда вместе с источником — греческим текстом. Нельзя сказать, на какую из этих редакций опирался Достоевский, поручивший Ивану кратко пересказать апокриф. Скорее всего, писатель знал все. Но отличаются они лишь незначительными разноточениями и большей или меньшей полнотой приводимых мотивов⁹⁶.

Богородица в сопровождении архистратига Михаила посещает ад. Она просит показать Ей все муки. Переходя от одного разряда грешников к другому, горько плачет вместе с ними и вместе с ними и за них молит Бога: «...слыша плач и крик грешников, сама зарыдала, причитая и говоря: “Господи, помилуй нас”»⁹⁷. Справедливость Божьего наказания у Нее не вызывает сомнения: «По делом их буди тако»⁹⁸. Богородица просит не о справедливости, которая присуща Богу раз и навсегда, но о милости. Ради этого Она готова разделить с «несчастными, окаянными, недостойными» (по Ее же словам)⁹⁹ их страшную муку. Она говорит архистратигу: «Об одном молю тебя,

⁹⁴ См., например: Акафистник. М., 1995. С. 66, 67, 80, 70 и др.

⁹⁵ Об этом см.: Антоний Сурожский, митр. Любовь всепобеждающая. Проповеди, произнесенные в России. М.; Клин, 2003. С. 40–41. О теме Богоматери в «Братьях Карамазовых» подробно см.: Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». С. 361–392.

⁹⁶ Новейшую публикацию апокрифа с переводом на современный русский язык см.: Памятники литературы Древней Руси. XII век / подгот. текста, пер., коммент. М. В. Рождественской. М., 1980. С. 166–183. Публикация воспроизводит самый полный текст апокрифа, ранее напечатанный в издании: Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3. С. 118–124.

⁹⁷ Памятники литературы Древней Руси. XII век. С. 177.

⁹⁸ Там же. С. 176.

⁹⁹ Там же. С. 168.

да сойду и Я к ним, чтобы мучиться с христианами, потому что они назвались чадами Сына Моего»¹⁰⁰. Когда архистратиг отказал Ей в этом, Она приказывает ему позвать все воинство ангелов: «...пусть услышит нас Господь Бог и помилует их»¹⁰¹. Архистратиг отвечает, что и ночью, и днем ангельское воинство просит об этом Бога, «но нисколько нас не слышит Владыка». Тогда Богородица продолжает: «...вели ангельскому воинству вознести Меня на небесную высоту и поставить перед невидимым Отцом»¹⁰². Далее в апокрифе Бог Отец и Бог Сын или совмещаются, или заменяют один другого (иногда к такой замене подключена Богородица).

Когда ангелы поставили Богородицу у престола невидимого Отца, Она «воздела руки к благодатному Сыну Своему и сказала: “Помилуй грешников, Владыка, так как Я видела и не могу переносить их мучений, да буду и Я мучиться вместе с христианами”. И раздался голос, Ей говоривший: “Как Я помилую их? Вижу гвозди в дланях Сына Моего и не знаю, как можно их помиловать”»¹⁰³. На это Богородица отвечает, что просит не за «неверных» и мучителей, а только за христиан, и слышит, что их тоже нельзя помиловать, поскольку они сами никого не миловали.

Божия Матерь снова и снова просит за грешников, призывая присоединиться к Ее мольбе все небесные силы, пророков, апостолов, святых отцов и праведников. Когда же Господь и их не послушал и все, не смея Ему противоречить, отступились, Она взывает к чинам бесплотных и сонму святых, чтобы они вместе с Нею пали ниц перед Божиим престолом и не двинулись до тех пор, пока Бог не помилует грешников. Тогда Бог посыпает к ним Сына, и Сын, напомнив о Своих благодеяниях людям и их черной неблагодарности, возвещает, что ради милосердия Своего Отца, заслуг святых, молитв и слез Своей Матери, неотступно просящей о грешниках, дает им избавление от мук от Великого четверга до Троицына дня. «И все отвечали: “Слава милосердию Твоему”»¹⁰⁴.

Так заканчивается хождение Богородицы по мукам и Ее разговор с Богом, который, по мнению Ивана (и, конечно, самого Достоевского), «колossalно интересен». В самом деле: поразительно упорство и дерзновение Богоматери в Ее заступничестве за грешников. Правда, когда Бог напоминает Ей о крестной муке Ее безгрешного Сына, Она уступает, говоря, что просит не за всех, томящихся в адской бездне, но только за христиан. В духовном стихе о Страшном суде с Богородицей объясняется сам Христос, и этот разговор выглядит несколько иначе:

---

¹⁰⁰ Памятники литературы Древней Руси. XII век. С. 178, 179.

¹⁰¹ Там же. С. 179.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. С. 179–183.

Притечет Мати Всепетая
Ко престолу ко Божьему.
Проглаголет Мати Всепетая,
Госпожа Владычица и Богородица:
«Иисус Христос, пресладкий Сын,
На престоле Судья праведный!
Моги ради Мене грешных рабов помиловать
От злых муки вечныя <...>».
«Да можешь ли, Мати, Меня видети
Во вторые на Христове на распятия?»¹⁰⁵

Идея второго распятия возникает потому, что спасенные однажды люди продолжают грешить. Их новое избавление от мук требует новой искупительной жертвы¹⁰⁶. Услышав о распятии, Богородица, как и в апокрифе, тоже уступает, и здесь Она готова отказаться от защиты грешников вообще:

Не могу Я Тебя видети
Во вторые на Христове на распятия,
Не могу забыть Твое прежнее помучение,
Не могу Я ту чару выпити,
Горькими слезами плачуши.
Не жаль Мне такового народа многогрешного,
А жаль Мне Своего Сына родимаго,
Христа Царя Богонебеснаго!¹⁰⁷

После этого Господь отправляет грешников в ад. Ситуация, однако, не такая простая, как кажется. В стихе говорится, что, как только Господь возвестит Свой суд, —

Понесет <...> река огненная
Человека многогрешного
По мукам по разноличным <...>.
Повелит Господь всем ангелам, архангелам,
Брега с места содвигнути,
Повелит Господи перстем засыпти,
Святым духам замуравити,
Чтоб от грешных было не слышати
Низыку, ни крику, ни рыдания
Госпоже Богородице¹⁰⁸.

Предполагается, что любой «зык», «крик» и «рыдание» (в другом варианте — «писк», «визг» и «вереск»¹⁰⁹) заставит Богородицу немедленно принять свои меры. Настойчивость Царицы неба и земли в заступничестве за грешников выражена завуалировано,

¹⁰⁵ Бессонов П. Калики перехожие. М., 1863. Вып. 5. С. 132–133; спр. с. 131–132.

¹⁰⁶ См.: Федотов Г. П. Стихи духовные. С. 112.

¹⁰⁷ Бессонов П. Калики перехожие. Вып. 5. С. 133, спр. с. 132.

¹⁰⁸ Там же. С. 133–134; спр. с. 134–135.

¹⁰⁹ Там же. С. 135.

но благодаря неожиданной концовке с особой художественной силой. Иногда эта мысль звучит открыто:

Матушка Владычица просит:
«О Сыне Мой, Сыне возлюбленный!
Прости эти души грешных <...>».
«О Матушка, Пресвятая Богородица!
Хочешь ли Меня за грешных
Видети на вторым на распятии?»
«О Сыне Мой, Сыне возлюбленный!
Не токма что видети на распятии,
Не хочу это и слышати!»
Опять просит Матушка,
Владычица Богородица:
«Прости <...>.
Сыне Мой, Сыне возлюбленный!»
«О Матушка, Пресвятая Богородица!
Прощу <...>
По Твоему по прошенью!»¹¹⁰

Как ведомо Господу и в духовном стихе, и в апокрифе, никакие оговорки Божией Матери в защите грешников на самом деле ничего не значат. Ее сострадание душам, упавшим с дарованной им высоты в глубину адской бездны, поистине беспредельно. Для Ее сочувствия и живого отклика материнской любви достаточно любого несчастья или любого несчастного, где бы он ни обретался. Иван Карамазов прав: перед престолом Божиим «пораженная и плачущая» Богоматерь апокрифа «просит всем во аде помилования, всем <...> без различия», всем «без разбора» (14; 225). Ведь едва Она сказала, что просит у Бога милосердия только для христиан, как в эту категорию тотчас вошли и все остальные, включая тех, кто, согласно объяснению архангела Михаила, «не верил в Отца и Сына и Святого Духа, и в Тебя, Святая Богородица».¹¹¹ Для Царицы неба и земли род христианский и род человеческий в своих границах совпадают. Уже отказавшись молиться за мучителей Сына, «снова сказала Пресвятая: «Помилуй, Владыка, грешников, помилуй, Господи, сотворенных Твоими руками, потому что они по всей земле произносят Твое имя, и в мучениях, и во всех местах по всей земле, говоря: «Пресвятая Госпожа Богородица, помогай нам» и когда человек рождается, он говорит: «Святая Богородица, помоги мне»»¹¹².

Любое обращение к Богу, по убеждению Богородицы, означает мольбу и к Ней и любое обращение к Ней — мольбу к Господу Богу. Число людей, нуждающихся в Ее заступничестве и имеющих

¹¹⁰ Там же. С. 135–136.

¹¹¹ Памятники литературы Древней Руси. XII век. С. 169.

¹¹² Там же. С. 179.

право на него, для Богородицы, как и для Бога, не знает предела. Это все, сотворенные рукой Господней. Но ведь других нет.

Этот же мотив благодатного покрова, простирающегося на всех людей без изъятия, повторен и даже усилен в удивительных словах Богоматери: «...когда человек рождается, он говорит: “Святая Богородица, помоги мне”». Однако когда человек рождается, он, как известно, ничего не говорит, он кричит. Выходит, первый нечленораздельный крик ребенка, извещающий, казалось бы, только о том, что новый человек явился в мир и отныне сопричен всем земнородным, Богородица воспринимает, как ясно выговренный и именно к Ней обращенный призыв о помощи. И далее – во всякое время и на всяком месте любое страдание, выражается оно словами или нет, для Нее звучит тем же призывом и, следовательно, той же необходимостью помочь и защитить и малое, и большое «дитё» (ср. в «Братьях Карамазовых»: «...есть малые дети и большие дети. Все – дитё» (15; 31)). Вдумавшись в этот мотив апокрифа, составитель стиха о Страшном суде с полным правом мог поместить (как он и сделал) этот «писк» и «вереск» за грань земной жизни, заставив его звучать из адской бездны, из преисподней земли. Ведь скорбь человеческой души отзывается в сердце Богоматери на всем пространстве этого и иного мира, в этом веке и в будущем.

В гейслеровской версии «Хождения Богородицы по мукам»¹¹³ Божия Матерь, выходя из чистилища, выносит «на каждой нити своей одежды по грешной душё»¹¹⁴, разумеется, не сортируя и не задумываясь, какая из них более, а какая менее достойна Ее сочувствия.

Известен апокрифический рассказ (или легенда), по-видимому, косвенно связанный с «Хождением Богородицы по мукам». В нем говорится о том, как апостол Петр, стерегущий врата рая и пропускающий через них лишь чистые души, пришел к Господу, чтобы сказать, что в раю появляются люди, которых он не пропускал. Господь, объясняя появление неизвестно откуда взявшимся наследников рая, вызвавших недоумение апостола, повел его в самый дальний уголок райского сада, и тот увидел, как Богородица, проливая слезы, спускала в ад веревку, по которой карабкались грешники, непрестанно «молившие Ее об избавлении от мук...»¹¹⁵ И здесь Она тоже, конечно, не разбирает, не сортирует тех, кому

¹¹³ Гейслеры – немецкая секта бичующихся XIII–XIV вв., вроде французских флагеллантов того же времени и наших, более поздних, хлыстов (XVII в.).

¹¹⁴ Веселовский А. Н. Опыт по истории развития христианской легенды. II. Берта, Анастасия и Пятница. В. Неделя Анастасия (Domenica-Anastasia) и Пятница-Параскева // Журн. Мин-ва нар. пр-я. СПб., 1877 (февр.). С. 233.

¹¹⁵ См.: Рубцова И. Ходатаица спасения рода нашего // Православный Санкт-Петербург. 2020. № 9 (345). URL: <http://www.pravpiter.ru/pspb/n345/ta008.htm> (дата обращения: 11.11.2023).

посчастливилось уцепиться за спасительную возможность, и никого не отвергает¹¹⁶.

В «Хождении Богородицы по мукам», оправдывая это свое заступничество за всех без разбора, Богородица говорит Богу, что к Ее помоши люди взывают везде и всюду. Господь соглашается: «...нет того человека, кто не молился бы имени Твоему, и Я не оставляю их ни на небесах, ни на земле»¹¹⁷. Но Богородица, как видим, старается помочь и тем, кто в преисподней. Даже тем, кто виновен в крестной муке Ее родного Сына и, конечно, в крестной

---

¹¹⁶ В этой легенде, кстати сказать, со всею очевидностью обнаруживается несправедливость мнения, основывающегося, будто бы, на народных понятиях и противопоставляющего милосердие Богоматери суровости Христа. Но в легенде (и не только в ней) Господь видит все и всех, а, стало быть, и свою Мать, спрятавшуюся от Его глаз в дальнем уголке райского сада в трогательной надежде, что Он Ее не заметит. Однако, замечая все, Господь не мешает Богородице делать естественное для Нее и святое дело. Ясно, что Его чуткость и милосердие не уступают (да и не могут уступать) таким же свойствам Его Матери. Суровость Христа, преимущественно в духовных стихах о Страшном суде, их безнадежно, казалось бы, «пессимистический» тон, отмеченный Ф. И. Буслаевым, Г. П. Федотовым, К. В. Мочульским и др., как точно толкует С. Е. Никитина, полемизируя с такой мыслью, продиктованной общими положениями народной веры, а только дидактическими требованиями жанра: «Описание адских мук, так детально представленных в стихах <...>, было обращено к живым — с дидактической целью, — и уже поэтому в стихах не может быть безнадежной мрачности» (Никитина С. Е. «Стихи духовные» Г. Федотова и русские духовные стихи // Федотов Г. П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991. С. 143. Подробнее там же: с. 142–146). Страшный суд и адские муки в духовных стихах не безысходная эсхатологическая реальность, а только ее угроза. Этот суд, по сути, действительно страшен лишь закоренелым, не раскаявшимся грешникам, поскольку не оставляет им надежды избегнуть заслуженного наказания.

¹¹⁷ Памятники литературы Древней Руси. XII век. С. 179. Слова Богородицы и Бога мог бы подтвердить рассказ П. И. Мельникова (Андрея Печерского) об общественных жертвоприношениях и языческих обрядах мордвы. Во времена таких обрядов жрец из ветвей священного дерева, обращаясь к остальным участникам торжественного действия, произносил молитву, а те кланялись и называли своих богов, начиная с главного (Чам-Паса) и кончая Богородицей: «Чам-Пас, помилуй нас, Волы-Пас, Назаром-Пас, помилуй нас; Нишки-Пас, Свет Верешки-Велен-Пас, сохрани нас; Анге-Патай-Пас (единственное женское божество этого пантеона. — В. В.), матушка, Пресвятая Богородица, умоли за нас!» (Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы // Мельников П. И. (Андрей Печерский). Полн. собр. соч. СПб.; М., 1898. Т. 12. С. 86 и след.). По ходу жертвоприношения и обряда эти молитвы-воззвания повторялись с тем же заключительным обращением к Богородице. Так происходило при всех общественных требах и праздниках, посвященных любому из языческих божеств, включая и Анге-Патай-Пас: «Чам-Пас, помилуй нас, Анге-Патай-Пас, матушка Пресвятая Богородица, умоли за нас...» и т. д. (Там же. С. 119). Сходное явление (присоединение имени Богородицы к сонму собственных богов) наблюдалось и среди других языческих и новокрещеных жителей разных регионов России.

муке Ее Самой. В безмерности Своей материнской любви Она уравнивает грешных, но тяжко страждущих детей земли со Своим божественно-безгрешным Сыном. Они все для Нее — «дитё».

Напомним примечательную концовку того варианта христианской легенды о стрелке, который собрался, было, стрелять в причастие, но вдруг увидел, что перед ним стоит «сама Мать Пресвятая Богородица и говорит: «Сын мой, что ты делаешь? Неужели же ты в Меня стрелять будешь?» У того и руки и ноги затряслись, и ружье из рук выпало». На месте Христа и распятия здесь оказывается Богородица. Либо Она заслонила Собою родного Сына, либо Он, будучи заключенным в Ее сердце, находится с Ней и здесь же. Как бы то ни было, Богоматерь, без сомнения, готова жертвовать Собой, чтобы защитить Своего ребенка, которому снова угрожает смертельная беда (своего рода новая расправа, «второе распятие»), и одновременно — защитить заблудшего, отпетого грешника, которого, исполни он свое намерение, ждет самое сурьое возмездие и вовеки неискupимая мука, поскольку он заранее отрекся от спасения. Ведь «всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца» (1 Ин. 2: 23). Стало быть, несчастному на этом свете и на том уже не к кому было бы.apеллировать и некого о чем бы то ни было просить. Пока этого не случилось, Богоматерь спешит избавить от мрачного конца «окаянного» и «недостойного», но тоже не чужого Ей сына (ср. Ее обращение: «Сын мой...» и т. д.). И тот, дойдя до края пропасти и уже свесившись в нее, не смог, благодаря усилиям Богородицы, завершить начатое и решиться на самый страшный грех — грех матереубийства и богоубийства.

Безусловно, такая легенда и с такой концовкой могла сложиться лишь на почве глубокой веры в исключительную силу жертвенной и бескорыстной материнской любви, которую народ увязывает с образом Божией Матери. В легенде стрелок видит не просто Пресвятую Богородицу, но именно «саму Мать Пресвятую Богородицу». Ведь в отличие от западного христианства, где Мадонна почитается прежде всего в Своей девственной сущности (Дева Мария), в восточном христианстве, в православии, культ Богородицы, как известно, связан, в первую очередь, с Ее материнской природой (Матушка Пресвятая Богородица, Царица Небесная Матушка). Будучи воплощением идеальной любви (сострадания, самопожертвования, способности к неистощимому терпению и прощению) Богородица в народном восприятии естественно встает рядом с Христом, заповедавшим такую любовь Своим ученикам¹¹⁸: «Не оставайтесь должностными никому ничем,

---

¹¹⁸ Существует даже мнение (иногда оно высказывалось в полемике с Достоевским), что народное православие скорее религия Богоматери, чем Христа. См., например: Самарин Д. Богородица в русском народном православии // Русская мысль. М.; Пг., 1918. Март–июнь. С. 1–38. Однако частое обращение

кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон. Ибо заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лже-свидетельствуй, не пожелай чужого и все другие заключены в сем слове: люби ближнего твоего, как самого себя» (Рим. 13: 8–9).

Идеалы, указанные верой, веками воспитывали народ. Их поддерживали традиции общинного быта — взаимопомощь и поддержка, одни и те же радости и беды, привычка преодолевать любые невзгоды совместными усилиями — «всей землей», «всем миром», «соборне». Это создавало и крепило единство, подчиняющееся неписаному, но непрекаемому закону: «Один за всех и все за одного», создавало тот «пучок», который не так-то просто сломать. В отличие от России, писал и повторял Достоевский, на Западе люди давно «отвергли происшедшую от Бога и откровением возвещенную человеку единственную формулу спасения его: “Возлюби ближнего как самого себя” и заменили ее практическими выводами вроде: “Chacun pour soi et Dieu pour tous” («Каждый за себя, а Бог за всех», франц. — В. В.) — или научными аксиомами вроде “борьбы за существование”» (26; 90), которые в иных словах просто воспроизводят смысл французской поговорки. Будучи руководством к действию, она оправдывает раздробленность и враждебный разлад, подчеркнутый Достоевским его насмешливым переводом: «Всякий за себя, а Бог за остальных» (21; 215).

Ценность братской, родственной связи здесь, на земле, духовного единства и в практической жизни, и церковных молитвах для русского народного сознания несомненны. С. П. Шевырев писал: «Что касается до соборной молитвы народа в церкви, вот что мне случилось слышать от одного простолюдина: “В церкви все должны быть как один человек: каждый должен молиться за всех, а не за себя: тогда и будет Церковь. Если же каждый придет с своим делом и один потянет в одну, а другой в другую сторону, тогда уже Церкви не будет. Можно быть в Церкви духом — и не быть телом, можно быть телом — и не быть духом”. Вот какие ясные понятия имеет наш простой народ о Церкви! Не для всякого западного богослова они доступны»¹¹⁹.

к Богородице и более редкое к Христу не свидетельство меньшего почитания. Напротив, оно может быть проявлением благочестивой осторожности по отношению к тайнам, которые «не от мира сего». В почитании Божией Матери русскими людьми, как пишет современный богослов, видна надежда «на все сильное материнское заступничество перед Богом. Ведь Всеяышний — не только великий благодетель, но и грозный судия. У русских, имеющих в характере такую ценнейшую черту, как покаяние, всегда с Боголюбовью соседствовала Богоязынь» (Голубев В. П. Земная жизнь Богородицы // Богородица. Повествование о земной жизни, рассказы об иконах, молитвы. 2-е изд., доп., испр., иллюстр. СПб., 1997. С. 25).

¹¹⁹ Шевырев С. П. История русской словесности. Лекции. 2-е изд. М., 1860. Ч. 2. С. 69.

Церковь, и замкнутая, и не замкнутая в стенах храма, но всегда сохраняющая дух единства и любви, обнимающей всех, кто готов такую любовь принять и на нее ответить, приобретает самый широкий, вселенский характер. В идеале это могло бы служить разрешению крайне больных и запутанных социальных проблем. «Цель и исход» православных чаяний, по утверждению Достоевского в единственном и последнем выпуске «Дневника писателя» за 1881 г., — «всенощная и вселенская Церковь, осуществленная на земле, поколику земля может вместить ее». Писатель полагал, что народ одушевляет идея («главная идея» в ряду других) «великого, всеобщего, всенощного, всебратского единения во имя Христово. И если нет еще этого единения <...> уже не в молитве одной, а на деле, то все-таки инстинкт этой Церкви и неустанная жажда ее, иной раз даже почти бессознательная, в сердце многомиллионного народа нашего несомненно присутствуют. Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов всесветным единением во имя Христово. Вот наш русский социализм!» (27; 19). Парадоксально, но как раз благодаря этой вере во «всесветное единение» людей по учению Христа, т. е. ради бескорыстной любви и братства, а следовательно, и равенства, и свободы, и общего счастья, вожаки коммунизма и социализма и победили в России, не ожидавшей, какими «механическими формами», многочисленными жертвами и часто трагическими последствиями это для них обернется. Правда, Достоевский все-таки допускал возможность подобного и чрезвычайно нежелательного оборота вещей. В том же выпуске «Дневника писателя» за 1881 г. он писал об умонастроении, господствующем в народе: «Искание правды и беспокойство по ней. Именно беспокойство; народ теперь именно “обеспокоен” нравственно. Я убежден даже, что если нигилистическая пропаганда не нашла до сих пор путей “в народ”, то единственное по неумелости, глупости и неподготовленности пропагандоров, не умевших даже и подойти к народу <...>. О, надо беречь народ. Сказано: “Будут времена, скажут вам: се здесь Христос, или там, не верьте”. Вот и теперь как будто нечто похожее совершается, и не только в народе, но, пожалуй, даже и у нас наверху» (27; 17). Однако, несмотря на исторические вихри, сотрясавшие страну, все происходящие в ней подмены и перемены, многовековые идеалы народа продолжали жить в глубине его души и они-то спасали Россию в дальнейшем.

В заключение подчеркнем: говоря о народных идеалах у Достоевского, можно было бы привлечь и другие примеры. Это расширило бы доказательную базу работы, но не повлияло бы на главные выводы. Преимущественно ссылаясь на легенды, апокрифы и духовные стихи, мы, как правило, следовали выбору писателя.

В. И. ЕРЕМИНА

ИДЕИ «МОРФОЛОГИИ СКАЗКИ» В. Я. ПРОППА В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Неожиданный успех своей первой книги «Морфология сказки» (М., 1928 г.), спустя три десятилетия после ее выхода в свет, сам Владимир Яковлевич Пропп объяснял следующим образом:

«Книга эта, как и многие другие, вероятно, была бы забыта, и о ней изредка вспоминали бы только специалисты, но вот через несколько лет после войны о ней вдруг снова вспомнили. О ней заговорили на конгрессах и в печати, она была переведена на английский язык. Что же такое произошло и чем можно объяснить этот возродившийся интерес? В области точных наук были сделаны огромные, ошеломляющие открытия. Эти открытия стали возможны благодаря применению новых точных и точнейших методов исследований и вычислений. Стремление к применению точных методов перекинулось и на гуманитарные науки. Появилась структурная и математическая лингвистика. За лингвистикой последовали и другие дисциплины. Одна из них — теоретическая поэтика. Тут оказалось, что понимание искусства как некоей знаковой системы, прием формализации и моделирования, возможность применения математических вычислений уже предвосхищены в этой книге, хотя в то время, когда она создавалась, не было того круга понятий и той терминологии, которыми оперируют современные науки. И вновь отношение к этой работе оказалось двойственным. Одни считали ее нужной и полезной в поисках новых уточненных методов, другие же, как и прежде, считали ее формалистической и отрицали за ней всякую познавательную ценность»¹.

Истинный потенциал «Морфологии» не был понят до тех пор, пока в конце 1950-х гг. не была подготовлена для этого почва.

¹ Пропп В. Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки // Пропп В. Я. Поэтика фольклора. М., 1998. С. 208–209.

«Этому способствовали достижения в структуральной лингвистике, семиотике и поэтике, новые структуральные направления в антропологии и этнографии, особенно во Франции и Америке, а также развитие кибернетики, особенно в Советском Союзе. К этому времени работа Проппа уже полностью соответствовала новым критериям ученых, стремившихся привнести потенциалы точных наук в изучение фольклора»².

«Морфология сказки» получила в дальнейшем значительно более широкий резонанс в мировой культуре, чем мог это предположить автор. Аллан Данес увидел в книге Проппа лишь первый шаг на пути структурного изучения текста, но шаг, по его словам, гигантский.

Мировое признание к В. Я. Проппу пришло лишь через 30 лет, когда в 1958 г. вышел английский перевод книги «Морфология сказки». А далее последовала вереница изданий, переизданий и переводов его работ³.

До того как вышел перевод монографии Проппа на Западе, о структурном анализе литературы и фольклора, особенно последнего, было написано очень немного (не считая новаторских работ К. Леви-Страсса). «Только в середине 1960-х гг. пришло время для структуральных исследований. Многие исследователи тех лет (Данес, Фишер, Тодоров, Греймас, Хендрикс) подчеркивали новизну данного подхода»⁴. Кёнгас и Маранда отметили замедленность развития структурального анализа фольклора и обратили внимание на то, что даже работы Леви-Страсса и Данеса в этом направлении «не воспринимались с должным энтузиазмом»⁵.

Кроме переводов, шло и теоретическое осмысление уже хорошо известной в мире книги В. Я. Проппа. В 1991 г. в Японии было издано исследование Кимико Сайто (Kimiko Saito) «Изучение волшебных народных сказок: что такое устное литературоведение» (на японском языке). В 1998 г. в Испании вышла книга Жозефа Темпораля «Галактика Проппа: литературные и философские аспекты волшебной сказки». «Галактика» Проппа — это и есть волшебная сказка; с ее помощью автор работы перемещался между созвездиями эпизодов, которые Пропп помогает понять, как

² Уорнер Э. Э. (Elizabeth A. Warner). Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. СПб., 2005.

³ *Prop V.: 1) Morphology of the folktale / ed. with an introduction by Svatava Pirkova-Jacobson; translated by Laurence Scott. Bloomington, 1958. Перепечатки в: International Journal of American Linguistics. 1958. Vol. 24. № 4; Bibliographical and Special Series of the American Folklore Society. Philadelphia, 1958. Vol. 9).* Другие издания трудов В. Я. Проппа на иностранных языках см. в его библиографии в наст. изд. (сост. Т. Г. Иванова).

⁴ Уорнер Э. Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. С. 53.

⁵ Maranda K. Structural models in folklore and transformational essays // Approaches to semiotics. № 10. The Hague, 1971. P. 136.

если бы они были формализованным воображаемым изображением небесной планисфери»⁶.

Книга выдержала девять изданий (семь каталонских и два испанских). Первая ее часть посвящена теоретическим аспектам: антропологическим, литературным, философским; вторая, дополняющая первую, предполагает систематический обзор ста двадцати двух каталонских сказок Дж. А. Гримальта, Дж. М. Пуйоля и К. Ориоля, обобщенных в соответствии с методом Проппа. Книга сочетает элементы синтеза в одних главах и более личные подходы в других⁷.

В 1990-е и до начала 2000-х гг., помимо многочисленных публикаций «Морфологии сказки» на разных европейских языках, книга Проппа была также переведена: в 1991 г. на японский язык, в 1996 г. — на арабский, в 1997 г. книга Проппа вышла на нидерландском («Морфология волшебной сказки: теория формирования жанра»); в 2006 г. — на китайском, в 2019 г. — на языке коса (одном из официальных языков ЮАР, относящемся к группе банту). В том же 2019 г. была опубликована работа Б. Нислинга (Bertie Neethling) «Xhosa and Russian Folktales: A Structural Comparison» («Коса и русские народные сказки: структурное сравнение»). Автором рассмотрены выявленные Проппом функции, которые проявляются в каждом отдельном мифе коса.

К. Леви-Стросс, как известно, создал многомерную схему мифа⁸. Полярность подходов Проппа и Леви-Страсса обнаруживается уже в выборе ими заголовков своих основных работ. Для Леви-Страсса «задачей структурного изучения является анализ, тогда как для Проппа цель анализа — сама структура. Если цель Проппа в «Морфологии сказки» — дать определение жанра через его структуру, то интересы Леви-Страсса лежат в области использования структуры для объяснения значения»⁹. Уточняя свою позицию относительно структуры мифа, Леви-Стросс использовал музыкальные аналогии. Можно полностью понять музыкальные произведения только тогда, когда мы «научимся читать партитуру не просто горизонтально, от начала до конца, но и вертикально,

⁶ *Temporal J. Galàxia Propp: aspectes literaris i filosòfics de la rondalla meravellosa* // Barcelona, 1998 (на испанск. языке).

⁷ См. также: *Баннаи Т.* Пересмотр работ Владимира Проппа: Вокруг разработки русской фольклорной истории в XX веке // Гэнго Бунка (Филологическая культура). 2009. № 46. (Бюллетень Университета Хитотубаси, Токио) (на япон. языке); *Andonovska-Trajkovska D.* Propp's functions recognized in the children's perceptions of the fairy tales // Procedia: Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 46. P. 1695–1700 (на англ. яз.).

⁸ *Lévi-Strauss C.* The structural study of myth // Journal of American Folklore. 1955. Vol. 68. P. 428–444. Книга «Морфология сказки» с комментарием Леви-Страсса и ответом автора вышла в 1966 г. в Турине под редакцией Ж. Л. Браво.

⁹ *Уорнер Э. Э.* Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. С. 31.

по нотным ступенькам, которые и составляют гармонию, и когда, сверх того, поймем соотношения между разбросанными по всей линии композиции нотными группами, а также отношение этих отдельных групп к произведению в целом. Таким же образом мы можем постичь подлинное значение мифа только тогда, когда обнаружим свойственные ему “пучки отношений”, соответствующие узорным сочетаниям и гармониям в музыке, и перестроим их образно новой схеме, допускающей и синхроническое и диахроническое прочтение. Ключевым в данном случае является слово “перестроить”»¹⁰.

Предложенная Леви-Страссом переорганизация материалов мифов в парадигмы, основанная на семантических оппозициях, безусловно имеет свою большую ценность, однако не обязательно, что эта схема также хорошо применима к волшебной сказке, которая несет в себе совсем иное философское содержание, чем миф. Между тем методика Проппа тоже была применена к анализу музыкального произведения. Так, например, структура всех музыкальных комедий И. А. Пырьева, если отвлечься от исторического фона каждой из них в отдельности, а соответственно и от связанной с этим аранжировки, на редкость устойчива, единообразна и определена. «Все рассказанные в них истории есть на самом деле предыстории свадьбы. Не истории любви, которой в пырьевских картинах в действительности никогда нет, а именно задержки и недоразумения перед неминуемой с самого начала свадьбой, если даже дело идет не о неделях и днях, а о годах. Все они имеют в своей основе традиционный прием ретардации, то есть задержки действия. Вне зависимости от того, будет эта задержка носить характер комедийный или драматический (а в иных фильмах комедийный и драматический по очереди), — она всегда достаточно откровенна и принадлежит не сфере психологии, неповторимой личной судьбе, а сфере условности, сфере жанра. Те или иные функциональные элементы фабулы — первое знакомство или сама церемония свадьбы — могут на экране отсутствовать, но структурно они все равно обозначены. Их намеренное и явное вынесение за кадр — всего-навсего минус-прием. По существу, все шесть картин представляют собой усложняющиеся по количеству и разнообразию “ходов” (воспользуемся снова термином В. Проппа) вариация одной и той же фабульной схемы, счастливо найденной в “Богатой невесте”»¹¹.

В статье «Короткометражный художественный фильм» чешской исследовательницы А. Беранковой (Университет Томаса Баты в Злине) сделана успешная попытка проверить, согласно

¹⁰ Уорнер Э. Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. С. 32.

¹¹ Туровская М. И. А. Пырьев и его музыкальные комедии: К проблеме жанра // Киноведческие записки. 1988. № 1. С. 17.

В. Проппу, аудиовизуальные произведения: фильмы «Жизнь прекрасна» (реж. Роберто Бенини) и «Персона» (реж. Ингмар Бергман)¹².

В 1997 г. в Техасском университете немецким музыковедом Г. Страутном (Greg Straughn) была выполнена диссертационная работа «Ожидание как нарративная стратегия в “Парсифале” Рихарда Вагнера»¹³. История Парсифала в ней представлена двумя способами: через действие и через повествование. Пользуясь теорией В. Я. Проппа, автор отмечает, что «общее повествование излагается в трех повествовательных эпизодах. Этот тезис интерпретирует структуру повествовательных эпизодов в «Парсифале» исходя из ожидания. Основу для интерпретирующего анализа дает теория функций Проппа. Объединение функций Проппа в парные структуры, сделанное Леви-Строссом, определяет ключевые моменты драмы как моменты “функциональной” насыщенности. Эта “функциональная” насыщенность совпадает с практикой Вагнера в области лейтмотивной насыщенности. Семиотические теории Чарльза Сандерса Пирса, в частности его понятие знака, проясняют плотное накопление значений, созданных лейтмотивами. Наконец, Парсифаль, как “поиск” недостижимого объекта, вписывается в матрицу желания, сформулированную в теориях Жака Лакана»¹⁴.

«Морфология сказки» была проанализирована известными фольклористами — такими, как К. Леви-Стросс (1960)¹⁵, А. Дандес

¹² Beránková A. Hraný film do 20 minut. URL: <http://hdl.handle.net/10563/10000> (на чешск. яз.). Также: Saunderson I. P., Bouwer J. S. Нарратологическое исследование поджанров фильмов ужасов и триллеров // Communicare: Journal for communication studies in Africa. 1997. Vol. 16, № 2 (Jan). P. 76–93 (на яз. африкаанс).

¹³ Straughn G. Expectation as narrative strategy in Richard Wagner's Parsifal (Thesis for the degree of Master of Music). URL: <https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc278358/m1/1> (на англ. яз.). См. также: Rodman R. Tuning In: American Narrative Television Music (Настройка: музыка американского телевидения для слабовидящих). Oxford University Press, 2009 (на англ. яз.). Эта работа знакомит читателя с историей, структурой и функцией музыки как особого вида искусства на американском телевидении для незрячих и слабовидящих в течение первых пятидесяти лет его существования: как она помогала ориентироваться в программах вещания и как передавала их смысл своим зрителям.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. К. Якобсон и Б. С. Шёнф. Нью-Йорк, 1960; Пропп В. Я. Морфология сказки / пер. Л. Скотта, перераб. Л. А. Вагнером. Остин: Техасский университет, 1968; Пропп В. Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки (Ответ К. Леви-Строссу) // Семиотика. М., 1983. С. 555. Lévi-Strauss C. La structure et la forme. Réflexions sur un ouvrage de Vladimir Propp // Cahiers de l'Institut de science économique appliquée. 1960. Série M, № 7 (mars). P. 1–36; Greimas A. J. Sémantique structurale. Recherche de méthode. Paris, 1986; Georges R. Some overlooked aspects of Propp's

(1964)¹⁶, К. Бремон (1967–1968)¹⁷, У. Гюнай (1994)¹⁸ и др. Однако далеко не все ученые, которые испытали «обаяние пропповой оригинальности», полностью разделяли его взгляды. Из всех перечисленных выше ученых истинным последователем Проппа может быть назван лишь Алан Дандес. «Дандес, как и Пропп, стремился раскрыть основные структурные единицы фольклорного нарратива и, возможно, более, чем кто-либо иной понимал основную цель “Морфологии сказки”: дефиниция жанра через анализ структуры. Он помог разъяснить идеи Проппа западным читателям, в основном лингвистам, проведя аналогии с работой Кеннета Пайка о структурных аспектах языка и заменив двусмысленный и зачастую неверно понимаемый термин Проппа «функция» лингвистическим термином «*emic motif*» или «*motifeme*». Для Бремона, Барта и Тодорова главным было не определение жанра, а описание и анализ нарративных систем в целом»¹⁹.

Пабло Гервас (Pablo Gervás) в статье «Математическое (компьютерное) проектирование сюжетных структур русских народных сказок», в 2013 г. опубликованной на английском языке в Мадриде, обращается к морфологической теории Проппа, чтобы построить систему, которая создает образцы русских народных сказок²⁰. Кроме того, речь идет о вопросах, подробно не исследованных Проппом: таких, например, как возникновение долгосрочной зависимости между функциями или важность концовок. В другой статье П. Герваса «Морфология сказки Проппа как порождающая грамматика» рассматривается потенциал выявленной Проппом системы для создания новых историй и в целом нарратива, обсуждаются возможные перспективные направления этих исследований²¹.

---

morphology of the folktale: a characterisation and critique // The old traditional way of life: Essays in Honor of Warren E. Roberts // ed. R. E. Walls, C. H. Schoemather, Bloomington, 1989. Некоторые упомянутые аспекты морфологии народной сказки Проппа: характеристика и критика.

¹⁶ *Dandès A.* Морфология сказок индейцев Северной Америки // Фольклорные товарищи Коммуникации. Vol. 81, issue 195, Хельсинки, 1964.

¹⁷ *Bremond C.* Postérité Américaine de Propp // Communications. 1967. Vol. 11. P. 148–164.

¹⁸ *Günay U.* Application of Propp's morphological analysis to turkish folktales (Применение морфологического анализа Проппа к турецким сказкам) // Hacettepe Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi. 1994. Vol. 11, iss. 1–2 (December). P. 1–6 (на англ. яз.).

¹⁹ *Уорнер Э. Э.* Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. С. 15.

²⁰ *Gervás P.* Computational drafting of plot structures for Russian folk tales // Cognitive computation. 2016. Vol. 8. P. 187–203. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12559-015-9338-8> (дата обращения: 12.11.2024).

²¹ *Gervás P.* Propp's morphology of the folk tale as a grammar for generation // Workshop on computational models of narrative. 2013. Vol. 32. P. 106–122. URL: <https://drops.dagstuhl.de/opus/volltexte/2013/4156>.

Моделирование идей В. Я. Проппа и К. Леви-Стресса в метасимволической системе рассматривалось целым рядом авторов, среди которых особое место занимают труды по семиотической теории А. Ж. Греймаса²². В 2017 г. Сапна Догра (Индийский университет им. Джавахарлала Неру) в статье «Тридцать одна функция в морфологии народной сказки Владимира Проппа» рассмотрела последние тенденции в применимости таксономической модели Проппа²³.

Что касается ранних советских структуралистов, то они, как правило, подходили к анализу текста, исходя из принципов математического моделирования прикладной лингвистики²⁴.

Основополагающей для российской науки стала статья «Структурное описание волшебной сказки» Е. М. Мелетинского, С. Ю. Неклюдова, Е. С. Новик, Д. М. Сегал, разъясняющая репродуктивный смысл «Морфологии сказки» Проппа²⁵. Изучая структуру сказки, В. Я. Пропп нашел ее единство на сюжетном уровне в синтагматическом плане. «Классическая работа В. Я. Проппа открыла пути для строгого построения полной модели волшебной сказки — как в плане синтеза, так и в плане анализа. Дальнейшее углубление структурного изучения сказки (включая описание парадигматических отношений между функциями) требует рассмотрения других уровней, сопоставления с другими жанрами, выделения структурных разновидностей внутри волшебной сказки и т. п. Дополнительные связи между функциями, их единая природа — как синтаксическая, так отчасти и семантическая — об

---

²² См., например, *Kamin S.J., Lee Yung-Da, Price L.A., Salsieder D. F. Modeling Propp and Levi-Strauss in a metasymbolic simulation system // Patterns in oral literature / ed. H. Jason, D. Segal. The Hague; Paris; Mouton, 1977; Greimas A.J. Elements pour une théorie de l'interprétation du récit mythique // L'analyse structurale du récit (Communications 8). Seuil; Paris, 1966. P. 28–29; Greimas A.J. On meaning: Selected writings in semiotic theory / transl. by P. J. Perron and F. H. Collins. University of Minnesota Press, 1987. См. также: *Budniakiewicz T., Quere H. Fundamentals of story logic: Introduction to Greimassian semiotics* (Основы сюжетной логики: Введение в семиотику Греймаса). Amsterdam, 1992.*

²³ *Dogra S. The thirty-one functions in Vladimir Propp's morphology of the folktale: An outline and recent trends in the applicability of the Proppian taxonomic model // Rupkatha journal on interdisciplinary studies in humanities. 2017. Vol. 9, № 2. P. 410–419.*

²⁴ См., например: *Шрейдер Ю. А. Модели в лингвистике и математике // Математическая лингвистика. М., 1973. С. 63–83; Ревзин И. И. К общесемиотическому истолкованию трех постулатов Проппа: анализ сказки и теории связаннысти текста // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 77–91.*

²⁵ *Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Вып. 4. С. 86–135. См. также статью тех же авторов в: Там же. 1971. Вып. 5. С. 63–91.*

наруживаются при анализе более абстрактного уровня больших синтагматических единств»²⁶. Как известно, К. Леви-Страссом и А. Ж. Греймасом разрабатывались выделенные Проппом бинарные блоки, которые, по мнению авторов статьи, открывают путь для решения задач синтеза.

Авторами ставилась также задача, опираясь на методы структурной языковой семантики, разработать семантику специфического подъязыка сказки. В связи с ограниченностью круга сказочных действий задача эта представлялась более простой, чем общезыковой семантический анализ. «При этом определения действия будут отличаться от того, что имело бы место в общезыковом семантическом словаре»²⁷. Сопоставление структуры «Морфологии сказки» и широкой картины связи различных сюжетов мифов американских индейцев, рассмотренную К. Леви-Страссом в его знаменитом труде «Мифологики» (т. 1–4, 1964–1971) в основном в парадигматическом плане, позволило авторам названной коллективной статьи сделать следующий вывод: «Структурологическое исследование К. Леви-Страсса носит сугубо «сравнительный» характер, обусловленный именно тем, что парадигматическое значение отдельных элементов мифа выясняется только в сопоставлении целого ряда сюжетов, входящих полностью или частями в единую мифологическую систему; эти системы, в свою очередь, затем обнаруживаются как подансамбли более обширных систем. Так постепенно вырисовывается общая картина мифологической семантики»²⁸.

Если учитывать жанровые отличия мифа и сказки, то методика К. Леви-Страсса оказалась продуктивной для некоторых сказочных сюжетов, так как «сказочные сюжеты с не меньшим основанием, чем мифические, могут быть интерпретированы как взаимные трансформации — полные или частичные. Особым предметом исследования должна стать поэтика этих трансформаций, типы метафоризации и т. п.»²⁹. Существование стабильных единиц сказочных конструкций, меньших, чем сюжет, то есть семантических блоков, из которых создается сюжет и которые способны

²⁶ Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М. Проблемы структурного описания волшебной сказки. С. 86. См. также: Лотман Ю. М.: 1) Лекции по структурной поэтике. Вып. 1. (Труды по знаковым системам, 1). Тарту, 1964; 2) Структура художественного текста. М., 1970; 3) Анализ поэтического текста. Л., 1972; Соссюр де Ф. Труды по языкоznанию. М., 1977; Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975.

²⁷ Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М. Проблемы структурного описания волшебной сказки. С. 109.

²⁸ Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М. Еще раз к проблеме структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Вып. 5. С. 63, 70.

²⁹ Там же. С. 70.

переходит из сказки в сказку, «может объединить в себе и проповедское понимание сюжета как инварианта, и поиск инвариантов на субсюжетном уровне»³⁰. И это важно, так как отдельные блоки, как правило, независимы друг от друга, а потому введение новых семантических категорий «приводит к перегруппировке прежних, что показывает интегрирующую роль сюжета»³¹.

Учитывая заключения В. Я. Проппа относительно композиции, В. В. Иванов и В. Н. Топоров в середине 1970-х гг. предложили более развернутую, усложненную и систематизированную «универсальную схему» структуры волшебной сказки³². Кроме символов, обозначающих функции или отношения (R), а также предметов, участвующих в функциях (герой, злодей и т. д.), существуют дополнительные наборы символов, для того чтобы указать начало, конец и качество функции (позитивное или негативное отношение к герою) и связи или связующие звенья между первым и вторым типами символов. Эта всеохватывающая система позволила авторам точно и подробно воспроизвести все возможные комбинации сюжета. «Более важным, однако, чем сама схема, является то, что она позволяет вывести определенные заключения относительно законов, управляющих образованием сюжета»³³.

В докторской диссертации М. Х. Намеката (Marcia Hitomi Namekata, Университет Сан Паоло (Португалия)) под названием ««Мукаси банаси» в японской литературе: анализ женского начала и брака между разными существами в контексте древних японских сказок»³⁴ рассматриваются «мукаси банаси» (древние сказки) японской литературы о браках между разными существами. Сказки, в которых фигурируют жены-животные или жены-небесные, имеют структуру, отличную от строения западных сказок. Между тем автор работы пытается применить к японским сказкам некоторые западные теории, особенно теорию Е. М. Мелетинского, который в большей степени, чем его предшественник В. Я. Пропп, расширил его исследование от сказки к мифу. Представляя свою классификацию старинных японских сказок, автор

³⁰ Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М. Еще раз к проблеме структурного описания волшебной сказки. С. 73.

³¹ Там же. С. 81.

³² Иванов В. В., Топоров В. Н. Инвариант и трансформация в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти В. Я. Проппа. М., 1975. С. 44–76.

³³ Уорнер Э. Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. С. 55.

³⁴ Namekata M. N. «Мукаси банаси» в японской литературе: анализ женского начала и брака между разными существами в контексте древних японских сказок. // URL: https://www.worldcat.org/title/os-mukashi-banashi-da-literatura-iaponesa-uma-analise-do-feminino-e-do-casamento-entre-seres-diferentes-no-contexto-dos-contos-do-japao-antigo/oclc/752380298&referer=brief_results#relatedsubjects (дата обращения: 25.11.2021, на португ. яз.).

анализирует в них действия положительных героинь и выявляет в этих текстах мифологические основы, показывает образ жизни людей в прошлом и обнаруживает смыслы, скрывающиеся в сказочном повествовании.

В работе датского фольклориста Б. Хольбека (Bengt Holbek) речь также идет об интерпретации народных сказок с позиций структурализма³⁵. Автором был проведен анализ сказок, записанных от крестьян Ютландии известным собирателем Э. Тан Кристенсеном во второй половине XIX в. Позже норвежский собиратель и диалектолог Карл Брасет, в 1910 г. опубликовавший два сборника сказок из Трёнделяга, обратился к структурному изучению сказок Норвегии³⁶.

В статье Дж. Фрёлих (Juliette Frölich (Норвегия)) «Принцесса Клевская, или магия сказки» исследование строится на сопоставлении романа XVII в. с моделью, разработанной В. Я. Проппом в «Морфологии сказки», и выявлено, что ключевая структура повествования аналогична структуре волшебных народных сказок. Показать эту структуру — значит открыть скрытый смысл истории принцессы. Изучение тематических и текстуальных отношений, которые связывают каждого из героев с его историей, свидетельствует о том, что их повествовательные «путешествия» (истории) подчинены вставным нарративам, героями и рассказчиками которых они одновременно являются³⁷.

Открывающаяся миру «Морфология сказки» В. Я. Проппа представляла собой прорыв в нарратологии в целом: она оказала влияние на лингвистов и фольклористов, антропологов и литературоведов. Анализ Проппа был применен ко всем типам высказывания, будь то фольклор, литература, кино, телесериалы, театр, игры, мультипликационные фильмы, реклама, теория кино, новостные репортажи, создание историй, интерактивные драматические системы и т. д. Прекрасно осознавая, что сколько-нибудь полный всеобъемлющий обзор применения морфологической теории Проппа к разным областям знаний вряд ли возможен, мы все-таки считаем не лишним указать на работы относительно недавнего времени, осуществленные в этом направлении.

³⁵ Holbek B. Interpretation of fairy tales: Danish folklore in a European perspective. Helsinki, 1987. См. также: Хольбек Б. Эпические законы / пер. с нем. М. Р. Ненароковой // Фольклор: Ранние записи / сост. В. М. Гацак, В. А. Бахтина, отв. ред. Е. В. Миненок. М., 2015. С. 403–415.

³⁶ См.: *Bjerkem J. E. Kjønnsrollene i trønderske undereventyr. Ei strukturalistisk gransking av 30 eventyr samla av Karl Braset* (Гендерные роли в сказках Трёнделяга: структуралистское исследование 30 сказок, собранных Карлом Брасетом). Oslo, 1996 (на норвеж. яз.).

³⁷ Frölich J. La Princesse de Clèves, ou la magie du conte // Orbis Litterarum. 2007. Vol. 34, № 3 (September). P. 208–226 (на франц. яз.).

Используя морфологическую систему В. Я. Проппа, Джанинн Родари сочинял свои сказки. В девятой главе «Морфологии сказки» выражена уверенность В. Я. Проппа в том, что структурная модель волшебной сказки сможет позволить исследователю создавать новые сказки при сохранении выявленного им философского подтекста основных теоретических выводов. Эта вера в бесконечность и разнообразие повторяемости на практике была подтверждена Дж. Родари, сочинившего по системе Проппа множество собственных волшебных сказок³⁸. С 70-х гг. XX в. по настоящее время его «Сказки по телефону» переводились на русский язык и многократно переиздавались. Одно из последних известных нам изданий — 70 сказок в сборнике 2020 г. И если Родари просто использовал систему Проппа для создания новых сказок, то Катерина Стоббарт (Dawn Catherine Hazel Stobbart) показала, как можно рассказывать сказки с помощью новых технологий³⁹.

Так, например, в видеоигре «Alan Wake» 2010 г. очевидна интертекстуальность, где фигурируют как современные примеры, так и мировой фольклор (например, отрицательный персонаж по имени Барбара Джаггер имеет узнаваемые черты русской Бабы-Яги). Опираясь на концепции, предложенные В. Я. Проппом и Дж. Кэмпбеллом в его книге по сравнительной мифологии «Тысячеликий герой» (впервые опубликованной в 1949 г.)⁴⁰, автор исследования устанавливает, что в видеоигре воспроизведены некоторые традиционные мифологические нарративы и что в целом она может быть рассмотрена в контексте фольклорной традиции.

Влияние идей В. Я. Проппа весьма ощутимо сказалось в работах Р. Барта⁴¹. Он писал: «Русские формалисты, Пропп

³⁸ Родари Дж. Грамматика фантазии: Введение в искусство придумывания историй. М., 1990. Итальянское издание вышло в 1973 г. Отдельная глава книги так и называется: «Карты Проппа».

³⁹ Stobbart D. C. Telling tales with technology: Remediating folklore and myth through the videogame Alan Wake // Examining the evolution of gaming and its impact on social, cultural, and political perspectives. Hershey, 2016. Chapter 2. P. 38–53. См. также: Харитонов М. Как сложили сказку (обзор кн. Проппа «Морфология сказки» (1969)) // Знание — сила. 1970. № 2. С. 47; Timbal-Du-claux L. J'écris des nouvelles et des contes: Guide pratique (Я пишу рассказы и сказки: Практическое руководство). Cork, 2017 (на франц. яз.); Foresti Serrano C. Análisis morfológico de veinte cuentos de magia de la tradición oral chilena: aplicación y discusión del método de Vladimir Propp (Морфологический анализ двадцати волшебных сказок чилийской устной традиции: применение и обсуждение метода Владимира Проппа). Göteborg, 1985; Boulter A. Writing fiction: Creative and critical approaches. Bloomsbury Publishing, 2007.

⁴⁰ Campbell J. The Hero with a thousand faces. Princeton, 1968.

⁴¹ См., например: Barthes R. Image, music, text: Essays selected / transl. from French by Stephen Heath. London, 1977; Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 1989. С. 413–423.

и Леви-Стросс помогли нам сформулировать следующую дилемму: либо повествовательный текст есть не что иное, как простой пересказ событий, и говорить о нем следует, прибегая к таким категориям, как “искусство”, “талант” или “гений” рассказчика (автора) <...>; либо такой текст обладает структурой, свойственной и любым другим текстам и поддающийся анализу, — пусть даже обнаружение этой структуры и требует большого терпения»⁴². П. Гервас, применив теоретический подход В. Я. Проппа к автоматизированному (машинному) созданию текстов, разработал особую систему для генерирования «историй» (нarrативов). Он проверил различные стратегии построения рассказов с использованием основных категорий проповеского метода (функции персонажей и их последовательность), и оказалось, что эта система может стать первым шагом на пути к пониманию того, как совместить машинное создание текста с творческим⁴³. Естественно, по словам П. Герваса, Пропп не мог предвидеть длительный эффект своей работы, которая представляла собой первый, предварительный шаг в направлении таких исследований сюжетного анализа.

---

⁴² Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе / пер. К. Г. Косикова. М., 1987. С. 197.

⁴³ “Although the proposed system has no claim to being considered creative, it has been argued that it constitutes a first step in a long road towards understanding the procedures involved in story generation, with a view to finding how and where these procedures can be infused with the spark of creativity” (Gervás P. Пропп’s morphology of the folk tale as a grammar for generation [Морфология народной сказки Проппа как порождающая грамматика] // 2013 Workshop on computational models of narrative. Hamburg, 2013. Vol. 32. P. 106–122. URL: <https://drops.dagstuhl.de/opus/volltexte/2013/4156/pdf/p106-gervas.pdf> (дата обращения: 25.11.2021). В этой статье П. Гервас также утверждает, что теория Проппа имела бы еще более широкое применение, если бы структура могла извлекаться «автоматически». Позже М. А. Финлейсон (Mark Alan Finlayson) в статье “Inferring Propp’s functions from semantically annotated text” («Выявление функций Проппа из семантически аннотированного текста») показал возможности применения теории Проппа для обучения машины. Для фольклористов и теоретиков литературы такой инструмент — автоматическое и при этом верное извлечение структуры — был бы бесценен для сравнения, учета и классификации данных. Культурным антропологам это дало бы новую технику изучения культуры и ее вариаций во времени и пространстве. Психологам и культурологам это указало бы путь к новым экспериментам по исследованию культуры и ее влиянию на мышление. Для компьютерных лингвистов это стало бы шагом к пониманию более высокого уровня значения естественного языка. А исследователей искусственного интеллекта и способов машинного обучения это привело бы к прогрессу в извлечении глубинной структуры из сложных наборов данных (The Journal of American folklore. 2016. Vol. 129, № 511. P. 55–77).

Структурный подход В. Я. Проппа также лег в основу исследования П. Дж. Милн (Pamela J. Milne), которая проанализировала библейские сказания — Ветхий Завет и главы 1–6 Книги пророка Даниила⁴⁴.

В Словении (Университет Любляны) в 2014 г. опубликована работа Tanja Podržaj «Новое словенское искусство и исторический авангард. Сравнение народных сказок А. Н. Афанасьева и современных сказок Светланы Макарович»⁴⁵. Опираясь на «Морфологию сказки» Проппа, автор показывает сходство и различия между русскими и словенскими литературными сказками с элементами народной основы со структурной и формальной точки зрения. Несколько позже, в 2016 г., в том же университете была выполнена работа К. Пунтар (Katja Puntar) «Применение “Морфологии сказки” Проппа для сравнения словенской и русской сказок», в которой на примере русской сказки «Три царства — медное, серебряное и золотое» и словенской «Спящая царевна и чудо-птица» проверено, насколько соблюдается в текстах порядок функций, и выявлены вопросы наименования и значения различных функций⁴⁶.

Анализ волшебной сказки, предложенный Проппом, стал поворотным моментом в изучении структуры большого количества и литературных сюжетов. Например, в сказке Шарля Перро «Синяя борода», несмотря на разницу в функциях действующих лиц и отсутствие, по утверждению Хайди Энн Хайнер, единой версии сюжета сказки (выявляются разные сюжеты в соответствии с классификацией Аарне-Томпсона: AT 312—Maiden-Killer, AT 311—Rescue), автору тем не менее удалось доказать, что и в данном случае существует единство структурных элементов архаического фольклорного сюжета, вошедшего в литературный обиход, а значит, существует родство между изучаемыми версиями одного сюжета⁴⁷.

⁴⁴ Milne P. J. Vladimir Propp and the study of structure in Hebrew Biblical narrative (Владимир Пропп и исследование структуры еврейского библейского повествования). Sheffield: Almond Press, 1988. (на англ. яз.).

⁴⁵ Podržaj T. Komparacija Ijudske pravljice Aleksandre N. Afanasjeva in sodobne pravljice Svetlane Makarovič // Univ. v Ljubljani, Filozofska fak., Oddelek za primerjalno književnost in literarno teorijo. Ljubljana, 2014 (на словен. яз.).

⁴⁶ Puntar K. Primerjalna aplikacija Propove “Morfologije pravljice” na primeru slovenske in ruske pravljice // Univ. v Ljubljani, Filozofska fak., Oddelek za primerjalno književnost in literarno teorijo, 2016 (на словен. яз.) См. также: Serrano C. F. Análisis morfológico de veinte cuentos de magia de la tradición oral chilena: aplicación y discusión del método de Vladimir Propp (Морфологический анализ двадцати волшебных сказок чилийской устной традиции: применение метода Владимира Проппа). Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 1985.

⁴⁷ См.: Дмитриева В. В. Структурні особливості казки «Синя Борода» (Структурные особенности сказки «Синяя Борода»). Одеса, 2015.

Анна-Мария Алфвен-Эрикссон в статье «Питер Поль Малинс, король Гурра: Анализ по методу В. Проппа»⁴⁸, пришла к аналогичному выводу — как и английская исследовательница Лусинда Барней Хеджес (Lucinda Barney Hedges), которая исследовала сказки «Три царства» (1–53 и 1–18)» в соответствии с нарративной теорией В. Я. Проппа⁴⁹.

В 1981 г. в Канаде (Альбертский университет) опубликована диссертационная работа Э. Хендерсон-Николь (Ann Henderson-Nichol) о применении морфологии Проппа к сказкам Перро, братьев Гримм, а также к французскому и немецкому фольклору⁵⁰, автор которой исследовала возможность анализа западноевропейских сказок с помощью пропповского подхода. А много позже, в 2008 г., в статье «Ключевая восьмая функция и ключевой четвертый персонаж в “Морфологии сказки” В. Проппа» на примере «Золушки, или Хрустальной туфельки» Шарля Перро и «Жениха-разбойника» братьев Гримм автор постулирует включение в общую структуру литературной сказки дополнительного понятия «ключевой (основной) четвертый персонаж»⁵¹.

К особо сложным случаям структурного анализа литературных сказок следует отнести изучение сборника сказок итальянского писателя Дж. Страпаролы (Giovanni Francesco Straparola) «Приятные ночи». Это 74 сказочные истории, изданные в Венеции в двух томах в 1550 и 1553 гг.⁵²

П. Ларивай (Paul Larivaille), автор работы «Перспективы и границы морфологического анализа сказки: Пересматривая схему Проппа»⁵³, утверждал, что, если мы не знаем в достаточной степени исторический контекст сказки, необходимо обратиться к традиции, которой она наследует. Для этого нужно сравнить сказку с другими аналогичными текстами, воссоздать архетип,

⁴⁸ Alfvén-Eriksson A.-M. Peter Pohls Malins kung Gurra: en analys i stort sett följande V. Propp's metod. I Barnboken. Stockholm, 1994. P. 2–8 (на шведск. яз.).

⁴⁹ Hedges L. B. Succession tales: an analysis and comparison of Kings 1:1-53 and Kings 14:1-18 according to the narrative theory of Vladimir Propp // Colgate Rochester Crozer Divinity School, Crozer Theological Seminary.

⁵⁰ Henderson-Nichol A. Vladimir Propp and the structural analysis of folktales: An application of Morphology of the folktale to fairy tales from Perrault, the Brothers Grimm and French and German folklore (Владимир Пропп и структурный анализ сказок: применение «Морфологии сказки» к сказкам Перро, братьев Гримм и французскому и немецкому фольклору). URL: <https://archive.org/details/Henderson-Nichol1981/page/n9/mode/2up> (дата обращения: 25.11.2021).

⁵¹ Murphy T. P. The pivotal eighth function and the pivotal fourth character: resolving two discrepancies in Vladimir Propp's «Morphology of the Folktale» // Language and Literature. 2008. Vol. 17, № 1. P. 59–75 (на англ. яз.).

⁵² Страпарола да Караваджо Дж. Приятные ночи / изд. подгот. А. С. Бобович, А. А. Касаткин, Н. Я. Рыкова. М., 1978.

⁵³ Larivaille P. Perspectives et limites d'une analyse morphologique du conte: Pour une révision du schéma de Propp. Paris, 1973 (на франц. яз.).

из которого она возникла. Тем самым будет определен контекст, и, каким бы несовершенным он ни был, в дальнейшем он сможет служить точкой отсчета для последующего изучения. Разумеется, такой предварительный поиск контекста никоим образом не означает, что контексту придается какой-либо приоритет над текстом. Однако та часть контекста, которую называют традицией, несомненно, относится к тексту: в момент составления произведения вся традиция оказывается как бы возращена в настоящее.

В начале 1960-х гг. лингвистом Дж. Граймсом (Joseph E. Grimes) был разработан генератор рассказов, то есть система, в которой применены грамматический подход и знаменитая модель Проппа. Была создана база данных народных произведений всего мира — Tales Online (Сказки онлайн), на основе которой происходило изучение фольклорных текстов⁵⁴. Глубокое понимание рассказов и их повествовательных структур требует знания «грамматики» сюжетных возможностей. Следовательно, все подлинные, реалистические объяснения политически интересных исторических эпизодов должны основываться на предшествующем, квазипричинном понимании их, а также их возможных альтернатив (ср. выражение Л. Витгенштейна: «Сущность ярко выражается в грамматике»).

Научному конструированию различных оценочных представлений о мировой истории посвящена статья Хайварда Р. Алкера⁵⁵. К этой работе примыкает исследование К. Бусиор (Christine Bucior): в нем речь идет о том, как журналисты южноамериканских газет использовали культурно значимый «миф о проигранном деле» («проигранное дело Конфедерации» — рассмотрение Гражданской войны в США с точки зрения положительного, романтизированного образа жителей Юга Америки) для изображения актуальных мировых событий, а именно — первой русско-чеченской войны (1994–1996 гг.). В основу исследования лег пропповский подход, согласно которому сюжет рассказа определяется набором функций, или обобщенных действий, последовательность которых создает ход повествования. Истории, которые кажутся разными, могут иметь один и тот же сюжет, поскольку они состоят из одинаковой последовательности функций, и для построения повествований о первой русско-чеченской войне некоторые американские новостные журналисты-южане в своих текстах описывали конкретные эпизоды вооруженного конфликта в Чечне с помощью знакомых им «функций», составляющих сюжет «проигранного дела»⁵⁶.

⁵⁴ См. об этом подробнее: Clinton E. A. Tales online: lessons for the field of folklore: PhD Thesis. Indiana University, 2005.

⁵⁵ Alker H. R. Fairy tales, tragedies and world histories // *Behaviormetrika*. 1987. Vol. 14, iss. 21. P. 1–28.

⁵⁶ Bucior Ch. Lost cause-ism in American southerners' news writing about the first russo-chechen war (1994–1996) // *Society*. 2018. Vol. 55, № 4. P. 262–270.

Структурный метод В. Я. Проппа был широко и успешно применен к анализу не только литературной сказки, но и любого прозаического художественного произведения. Например, в работе Консуэло Руиши-Монтеро «Жизнь Эзопа» (rec. G.): композиция текста» показано структурное единство текста, в котором сочетаются признаки устного происхождения с чертами риторической традиции. Автор делает акцент на изучении «повествовательных последовательностей», которые определяют подход В. Я. Проппа в «Морфологии сказки». Помимо категорий функций и их последовательностей, в статье показана система мотивов, которые создают цепочку перекрестных ссылок на протяжении всего романа, что придает произведению композиционное единство. Сделаны также некоторые наблюдения о культурном и хронологическом контексте произведения⁵⁷.

А. Ж. Греймасом был проанализирован рассказ Г. де Мопассана «Два друга»⁵⁸ с целью проверки методологического инструментария для применения его к анализу повествовательного дискурса в целом, начиная с устной сказки (что и сделано Проппом) и заканчивая созданием письменной сказки как литературного жанра.

Марокканский исследователь К. Лахлу (Khalid Lahlou) в работе «Попытка применить “Морфологию сказки” Владимира Проппа к книге Чарльза Дикенса «Большие надежды»⁵⁹ стремился выяснить, все ли функции *dramatis personae* (термин В. Я. Проппа) фигурируют в объекте анализа, и пришел к выводу, упомянутые элементы составляют органическое единство. Герой «Больших надежд» прошел через три различные фазы: «разлуку», «превращение» и «возвращение», в ходе которых многому научился и в конце концов был вознагражден. Диккенс, таким образом, сознательно или бессознательно следовал повествовательным приемам, реализованным в народных сказках. Вывод К. Лахлу сводится к следующему положению: взаимодействие писателя с фольклорным источником показало, что теория Владимира Проппа — «всепроникающая в нашем объекте анализа». Немаловажно здесь, по мнению исследователя, и то, что Диккенс заставляет нас принять мир, который он создает, одной лишь непреодолимой силой своего воображения.

«Морфология сказки» В. Я. Проппа существенно повлияла и на труды итальянского семиотика Умберто Эко, который ввел

⁵⁷ Ruiz-Montero C. The life of Aesop (rec. G): the composition of the text // A companion to the ancient novel / ed. by E. P. Cueva and Sh. N. Byrne. Wiley and sons, 2014. P. 257–271.

⁵⁸ Greimas A. J. Maupassant: the semiotics of text / transl. by P. Perron. Amsterdam; Philadelphie, 1988 (на франц. яз.).

⁵⁹ Lahlou K. An attempt at applying Vladimir Propp's morphology of the folktale on Charles Dickens's Great Expectations // Arab world English journal for translation & literary studies (AWEJ). 2017. Vol. 1, № 3. P. 106–120.

в семиотику понятие открытого и закрытого текстов. Открытый текст, по Эко, приглашает к разнообразию чтения, а закрытый приводит к ограниченному диапазону интерпретаций. Работа У. Эко над романом о Джеймсе Бонде стала классической; Эко показал, каким образом при создании шпионских романов Я. Флеминг работал с определенным набором структурных «единиц», которые управляются строгими комбинационными «правилами».

Джеймс М. Барри, более всего известный в России как автор «Питера Пэна», — общепризнанный мастер драматической фантазии. Сказка послужила прототипом его широко известных фантастических произведений, таких, как «Дорогой Брут», «Питер Пэн», «Поцелуй золушки», «Мальчик Дэвид» и «Мэри Роуз». Структурная модель сказки, предложенная В. Я. Проппом, стала, по мнению М. А. Макгоэн, основой метода построения драм Барри о борьбе человека между иллюзией и реальностью. Он переходит от скрытой идеи и постоянного действия Питера Пэна к прямому философскому выражению Дорогого Брута и завершает богословскими истинами Мальчика Дэвида. Структурно Барри делает полный круг. Питер Пэн демонстрирует традиционную последовательность функций сказки. В «Поцелуе для золушки», «Дорогом Бруте» и «Мэри Роуз» «умножение» абстрактных функций и опора на диалог отражают возникновение философии Барри. В «Мальчике Дэвиде» теологическая тема находит выражение в драматической притче, и Барри возвращается к универсальной структуре Питера Пэна. Использование модели Проппа показывает, что сказка является одновременно *основой (темой)* и *рамкой (структурой)*, на которой Барри строит свои драматические фантазии⁶⁰. Для каждой из пяти фантастических пьес, Барри определяется форма и последовательность структуры сказки, а также изучаются методы, с помощью которых автор включает структуру своих пьес в драматическую форму.

В конце 1970-х гг. на мировые экраны вышел фильм «Звездные войны», основанный на идеях книги «Тысячеликий герой» Дж. Кэмпбелла⁶¹ — книги, которая в свою очередь отражала темы сравнительной мифологии и архетипов (труды Дж. Фрэзера, К. Леви-Стросса, В. Я. Проппа, М. Элиаде и др.).

Современный долгиграющий (26 лет на телекранах) телевизионный научно-фантастический фильм «Доктор Кто» тоже был изучен Д. Дж. Латуретт (Debra Jane Latourette) с использованием морфологической системы В. Я. Проппа. Она разделила основной текст на составные части («ходы»), и диахронический анализ

⁶⁰ McGowan M. A. An analysis of the fantasy plays of James M. Barrie utilizing Vladimir Propp's structural model of the fairy tale: PhD thesis. New York University, 1984.

⁶¹ Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / пер. О. Ю. Чекчуриной. СПб., 2018.

показал прогрессирующее увеличение ходов, где злодейство, несчастье и пр. остаются неразрешенными к концу серии. Получается запутанный, хаотичный текст, не знающий завершения, как отражение «раздумий нашей культуры о своем будущем»⁶².

Заключая теоретический анализ истоков научной фантастики, Е. М. Нелев утверждал: «Сравнительно-типологический анализ фольклорно-сказочной и научно-фантастической художественных систем обнажает волшебно-сказочные корни научной фантастики. Изображение человека и мира в этом литературном жанре подчиняется волшебно-сказочным принципам. Волшебно-сказочная модель действительности <...> оказывается удивительно близка научно-фантастической, и это связано прежде всего с тем, что в научной фантастике, как и в волшебной сказке (если говорить о ее натурфилософском аспекте), оппозиция «человек (родовой) — природа» занимает центральное место»⁶³.

Структурный анализ, как видим, может быть использован при изучении литературных, но также и нелитературных текстов — статей обозревателей еженедельных журналов, политических выступлений. Он является важным инструментом и при анализе визуальной коммуникации в телевидении и кино⁶⁴.

В 1980-е гг. Роджером Сильверстоуном был разработан труд «Послание телевидения: миф и повествование в современной культуре», которое содержит следующие разделы: «Телевидение и культура», «Телевидение и язык», «Мифическое и телевидение» и др. Раздел «Телевидение и общество» снабжен шестью приложениями: повествовательные функции Владимира Проппа; структурная модель повествования А. Дж. Греймаса; Морфология серии (вслед за Владимиром Проппом); структура серии (вслед за А. Дж. Греймасом); Анализ эпизода шесть с использованием категорий Владимира Проппа; Анализ эпизода шесть с использованием категорий А. Дж. Греймаса⁶⁵.

Структурный метод был применен и японскими специалистами к изучению драматической композиции пьес кабуки и югур. Приведем в пример статью Огаты Такаси «Техника теат-

---

⁶² Latourette D.J. Doctor Who meets Vladimir Propp: A comparative narrative analysis of myth / folktale and the television science fiction genre. PhD. Thesis. Northwestern University, 1991. (Доктор Кто, повстречавший Владимира Проппа: сравнительный нарративный анализ мифа/фольклора и телевизионной научной фантастики).

⁶³ Нелев Е. М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Л., 1986. С. 193.

⁶⁴ Grodal T. K., Madsen P. Tekststrukturer: en indføring I tematisk og narratologisk tekstanalyse (Структуры текста: введение в тематический и нарратологический анализ текста). [Borgen], 1974 (на дат. языке).

⁶⁵ Silverstone R. The message of television: myth and narrative in contemporary culture. London, 1981.

тра Genroku: Кабуки и домашние драмы Jōruri»⁶⁶. В целом же, несмотря на знакомство с исследованиями Владимира Проппа, Ролана Барта и многими другими, японские исследователи традиционного исполнительского искусства были не склонны широко использовать этот подход при анализе структуры нарративов в западной литературе и драме, а также в японских современных литературных текстах. Отчасти это было связано с недостаточным количеством пьес для анализа.

Работа П. Швоб (Petra Švob, Университет Любляны, Словения). «Адаптации пьес Уильяма Шекспира и элементы его пьес в современных мультфильмах»⁶⁷ посвящена использованию классических пьес Шекспира в популярных современных мультфильмах. Рассмотрев мультфильмы «Король Лев», «Король Лев-2: Гордость Симбы», «Красавица и чудовище», «Мулан», «Горбун из Нотр-Дама», «Алладин», «История игрушек-3», «Гномео и Джульетта», автор выявила элементы, заимствованные из шекспировских пьес, нашла сходство и различия в этих заимствованиях. Анализ показал, что основная цель этих процессов не столько образовательная, сколько развлекательная, но узнаваемость делает их привлекательными для более широкой аудитории, включая взрослых.

Цветан Тодоров, в свою очередь, применил систему Проппа для изучения поэтики прозы и рассмотрел соотношения между повествовательными единицами⁶⁸.

Основные принципы структурного подхода Проппа к сказочному повествованию, безусловно, могут помочь проникнуть в суть структуры других нарративных форм. Однако нельзя не учитывать, что современная литература характеризуется разнообразием и многогранностью форм, чем существенно отличается от сказочной предсказуемости, а потому строгие рамки системы Проппа, как правило, для нее слишком узки и обременительны. Более простые тексты вроде агиографий или детектива с их условными и повторяющимися элементами значительно легче включаются в схему Проппа. Так, например, в работе Я. К. Маркулан о кинодетективах показано, каким образом схема конструкции сказки, предложенная Проппом, «с точностью накладывается на схему конструкции детектива. Для этого нужно “вредительство” и “недостачу” заменить

⁶⁶ Takashi O. The techniques of genroku theatre: kabuki and chikamatsu's jōruri domestic dramas // Cognitive studies: Bulletin of the Japanese cognitive science society. 2007. Vol. 14, iss. 4. P. 532–558 (на яп. яз.).

⁶⁷ Švob P. Adaptations of William Shakespeare's plays and elements of his plays in modern-day cartoons: Master Thesis (Priredbe dramskih besedil Williama Shakespeareja in njihovih elementov v sodobnih risanih filmih: magistrsko delo). Ljubljana, 2017.

⁶⁸ Todorov Tz. The poetics of prose / transl. from French by R. Howard. Blackwell Publishing, 1977. См. также: Kafalenos E. Functions after Propp: words to talk about how we read narrative // Poetics today. 1997. Vol. 18, № 4. C. 469–494.

терминами “убийство” или “похищение”, в развязку поставить не “свадьбу”, а торжество справедливости через “ликвидацию беды”. И в детективе каждое новое вредительство — преступление рождает новый ход, меняющий течение действия — следствия. Совпадают и названные Проппом пять элементов-разрядов — функции действующих лиц (в детективе они обозначены еще четче, чем в сказке. В детективе помощник или окружение следователя, группа подозреваемых, убийца — все они имеют предопределенные жанром функции; здесь вариабельность сведена до минимума)»⁶⁹. Роль связующих элементов в детективе выполняют ситуации, возникающие в ходе следствия, которые порождают, в свою очередь, новые ситуации. Мотивировки, выяснение обстоятельств преступления, семейных и других связей, отношений между персонажами — эти элементы в детективе значительно усилены по сравнению со сказкой, как и формы появления действующих лиц и эксцентричность обстоятельств. Усилены в детективе и роль атрибутов и многообразных аксессуаров — это и скрипка Холмса, и орхидеи Ниро Вульфа, и вещи-улики, вещи-декорум и предметы-инструменты следствия, это и экзотические места действий вроде старинных дворцов, музеев, городских трущоб и т. п. Автором приводится значительное количество примеров, когда детектив прибегает к помощи сказочно-чудодейственных примеров для того, чтобы в конечном результате дать им реально-бытовое объяснение (фантастичность «Убийства на улице Морг» Э. По, «Собаки Баскервилей» А. Конан Дойля, «Десяти негритят» А. Кристи и т. д.).

В 1990–2000-е гг. появилось большое число работ по культурологии и теории жанров. Работа А. А. Бергера (Arthur Asa Berger) «Жанры популярной культуры: теории и тексты»⁷⁰ представляет собой анализ жанров и методов их изучения, а также рассматривает ключевые концепции культурологии, кино и телевидения. Во второй части книги автор рассматривает пять «классических» произведений массовой (англоязычной) культуры в текстовых и экранизированных версиях с точки зрения их организации («Убийство в Восточном экспрессе», «Мальтийский сокол», «Доктор Ноу», «Война миров» и «Франкенштейн, или Современный Прометей»).

Сборник работ по теории романа двадцатого века «Роман: антология критики и теории. 1900–2000», подготовленный Д. Дж. Хейл (Dorothy J. Hale)⁷¹, объединил все крупные нарративные теории

⁶⁹ Маркулан Я. К. Зарубежный кинодетектив. Опыт изучения одного из жанров буржуазной массовой культуры. Л., 1975. С. 17.

⁷⁰ Berger A. A. Popular culture genres: theories and texts. Sage Publications Inc., 1992. (Foundations of popular culture, vol. 2)

⁷¹ Hale D.J. The novel: An anthology of criticism and theory. 1900–2000. Blackwell Publishing, 2009.

XX в., включая и «Морфологию сказки» В. Я. Проппа. В антологии даны также фрагменты теоретических трудов В. Б. Шкловского, Г. Джеймса, П. Лаббока, ученых «чикагской (неоаристотелевской) школы литературной критики» (Р. Крейна и др.), представителей структуралистского, деконструктивистского, психоаналитического, социологического направлений в литературоведении (Ц. Тодорова, Р. Барта, Б. Джонсон, П. Брукса, М. М. Бахтина и др.).

В киноведении морфологическая теория В. Я. Проппа была широко изучена такими исследователями, как, например, Питер Уоллен⁷².

Определяя разные аспекты в «грамматике рассказывания историй», М. Л. Рус (Maria Laura Rus) обращается к теориям В. Я. Проппа, А. Греймаса, Ц. Тодорова, К. Бремона. По Проппу, действия персонажа важнее самого персонажа. Греймас построил модель, которая включает в себя шесть актантов, каждый из которых выполняет определенную функцию во время «повествовательного путешествия». Тодоров говорит о персонаже в синтаксических терминах, в то время как подход Бремона более сложен и связан с эмоциями персонажа, его различными способностями и его особым местом в повествовании⁷³.

***

В 1920-е гг. Владимир Яковлевич Пропп, скромный учитель немецкого языка, в одиночку, без учителей и наставников, в свободное от работы время с увлечением занимался изучением строения волшебной сказки и, конечно, меньше всего думал о славе. Тем не менее именно эта первая книга по структуре волшебной сказки стала классической, и она принесла ее автору мировую известность и признание как первооткрывателя теории текста и «Аристотеля кинодраматургии»⁷⁴. Во вступительной статье к переводу «Морфологии сказки» на иврит автор определяет книгу В. Я. Проппа как «самое популярное исследование русского фольклора XX века»⁷⁵.

Имя В. Я. Проппа вошло в список выдающихся, наиболее известных в мире гуманитариев от эпохи Просвещения до современной эры цифровых технологий, составленный в 2019 г.⁷⁶ Спи-

⁷² Уоллен П. Знаки и значение в кино. Блумингтон, 1969. См. статью И. И. Земцовского в наст. изд.

⁷³ Rus M. L. Defining aspects of the character in grammars of storytelling // Journal of humanistic and social studies. 2010. Vol. 2. P. 31–38.

⁷⁴ Подробнее о мировой кинематографической нарратологии см. в статье И. И. Земцовского в наст. изд.

⁷⁵ Шахнович А. Владимир Пропп. URL: <https://iw.atomiyime.com> (дата обращения: 23.11.2021, на иврите).

⁷⁶ Classics of the humanities, I: from the Enlightenment to the digital age: The forgotten curriculum of the humanities // History of humanites. 2019. Vol. 4, № 2. P. 219–334.

сок этот невелик: в разных публикациях он насчитывает от 14 до 18 имен. Но имя Владимира Яковлевича Проппа неизменно занимает свое почетное место во всех вариантах списка.

«Морфология сказки» Проппа обладает теми свойствами, которые сохранились затем во всех его последующих монографиях: «абсолютная скрупулезность, всепоглощающая сосредоточенность на главной идее и удивительная способность к полемике»⁷⁷.

Приведенные нами примеры разностороннего применения структурной теории Проппа в самых различных областях культуры далеко не исчерпаны, число их может и должно быть много-кратно увеличено. Работа В. Я. Проппа по морфологии волшебной сказки не только блестяще предшествовала современным структурным исследованиям, но по-прежнему открывает новые перспективы для поиска в областях далеко за пределами фольклора. Проходят десятилетия, а труды Проппа с годами приобретают все большую популярность и уверенно завоевывают мировое пространство.

---

⁷⁷ Уорнер Э. Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. С. 15.

К. БРЕМОН

СТРУКТУРНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ПОСЛЕ В. ПРОППА¹

Все исследователи сходятся на том, что начало структурному изучению повествовательных текстов положила «Морфология сказки» В. Проппа, вышедшая в 1928 г. Разумеется, у Проппа было немало предшественников во главе с такой знаменитостью, как Фердинанд де Соссюр: напомним о его разысканиях в области германского эпоса о Нibelунгах. Тем не менее книга Проппа и по сей день сохраняет значение теоретического первоисточника. Большая часть работ, имеющих право считаться структурными исследованиями повествовательных текстов, была создана в результате отталкивания от «Морфологии сказки»: авторы этих работ либо перенимали метод Проппа, внося в него некоторые второстепенные корректизы, либо, напротив, стремились отвергнуть сами основы этого метода. Вот почему лучшим введением в последующую дискуссию послужит суммарное напоминание главных положений Проппа.

Будучи убежден, что изучение структуры всех видов сказки есть необходимое предварительное условие ее исторического изучения, Пропп в начале своей книги ставит вопрос о самих принципах структурного описания этого фольклорного жанра. Структура — это совокупность устойчивых отношений, в которые вступают друг с другом и с целым произведением отдельные его части. Между тем «мотивы», выделяя которые традиционная фольклористика стремилась обычно определять свой объект, по самому своему существу отличаются вариативностью, поддаются

---

¹ Впервые опубл.: Семиотика / сост., вступит. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 429–436.

вилоизменениям, что, однако, не нарушает структурной самотождественности сказочного сообщения; следовательно, мотивы не обладают структурной устойчивостью. Подлинные инварианты надо искать не здесь: инварианты – это поступки (*actions*) действующего лица, определяемые с точки зрения их роли в развитии действия (*intrigue*). Эту сторону поступков Пропп назвал «функцией» и, опираясь на выявленные им особенности функций, выдвинул в своей книге четыре основополагающих тезиса:

1. Постоянными, устойчивыми элементами сказки служат функции действующих лиц независимо от того, кем и как они выполняются;
2. Число функций, известных волшебной сказке, ограничено;
3. Последовательность функций всегда одинакова;
4. Все волшебные сказки однотипны по своему строению.

Здесь, со свойственной ему резкой определенностью, Пропп намечает целую совокупность теоретических позиций, часть из которых непосредственно сформулирована в его книге, а остальные выявляются «на расстоянии», благодаря сорокалетней дистанции, отделяющей нас от времени ее написания; это позволяет поднять почти все вопросы, возникающие в связи с современным положением дел в области структурного анализа повествовательных текстов. Гениальность Проппа сказалась не в том, что во всех случаях ему удалось прийти к правильным решениям, а в том, что он с самого начала сумел нащупать все наиболее существенные проблемы. Сформулируем их в виде восьми основных пунктов.

I. Структуру сказки Пропп располагает на том уровне сказочного текста (*message*), который является уровнем организации *рассказываемых* событий. Правомерен или нет такой подход, но он сразу же наталкивает на проблему определения статуса *рассказывающего* дискурса. Огромная область, охватывающая изучение приемов нарратии, с самого начала рассматривается Проппом как не имеющая отношения к структурному анализу повествовательных текстов.

II. В последовательности рассказываемых событий Пропп выделяет *поступки* персонажей в качестве единственных носителей нарративных *функций*, исключая из рассмотрения все остальные характеристики этих персонажей (облик, физические и моральные атрибуты и т. п.) и, a fortiori – любые указания на место, время и обстоятельства действия. Правомерен или нет такой подход, но он поднимает проблему статуса персонажей и соответственно вопрос о роли обстановки, в которой разворачивается действие.

III. В каждом поступке персонажа Пропп выделяет один его аспект – *функцию* этого поступка в развертывании сюжета (*intrigue*). Правомерен или нет такой подход, но он поднимает вопрос о статусе других семантических характеристик поступка, являющегося носителем функции.

IV. Связанность функций в сюжете мыслится Проппом как их однолинейная последовательность (*a*, затем *b*, затем *c* и т. д.), так что сущность каждой из них заключается в том, чтобы вводить последующую. Правомерен или нет такой подход, но он снимает вопрос о синтагматических правилах, которые позволяют связывать между собой события, из которых складывается повествование: Пропп принимает во внимание лишь хронологические связи типа раньше/потом. Его концепция предполагает отрицательное отношение к гипотезе о существовании парадигмы функций: между функциями *a* и *c* возможно появление функции *b*; но на ее место не может быть подставлена никакая иная функция, *b'* или *b*».

V. Применительно к русской волшебной сказке Пропп рассматривает последовательность функций, образующих сюжетный «ход» («*trouvement*») в качестве длинной цепочки из тридцати одного элемента. Такой подход в принципе предполагает отрицательный ответ на вопрос о возможности выделения синтагматических образований, занимающих промежуточное положение между наименьшей (функция) и наибольшей («ход») сюжетными единицами, и о принципах их сочетания друг с другом. Между тем Пропп сам же показал, что функции могут быть распределены попарно или по триадам (например: *Вредительство / Ликвидация последствий вредительства*), а также, уже в ином отношении, — по кругам действий, свойственным различным *действующим лицам* (*dramatis personae*). Эти колебания и поправки подсказывают, что к вопросу об иерархизации различных типов синтагматических единиц, образуемых функциями, следует вернуться заново.

VI. Исходя в своем анализе русской сказки из того, что порядок ввода функций строго фиксирован и допускает лишь однозначное их расположение, Пропп — даже учитывая наличие или вынужденное отсутствие той или иной функции — ни в коей мере не мог рассчитывать, что ему удастся выделить несколько типов сюжета. Таким образом, и в этом случае его жесткая концепция одинаковой последовательности функций вызывает на спор: ведь достаточно допустить известную подвижность функций, группирующихся попарно или по триадам, чтобы появилась возможность для возникновения их разнообразных сочетаний, соответствующих различным сюжетным схемам.

VII. Утверждая, что число функций, известных русской сказке, ограничено, Пропп тем самым ставит проблему сегментации сюжета и инвентаризации функций, необходимых для его возникновения. Сам Пропп хотел сказать лишь то, что, внимательно изучив корпус отобранных им текстов, он констатировал постоянную повторяемость некоторых функций, общим числом тридцать одна, и не считал необходимым добавлять к ним какие-либо иные. Иными словами, его подход к материалу был сугубо эмпирическим. В таком случае возникает вопрос, может ли интуитивно-догматическая позиция

Проппа быть подтверждена при помощи какой-либо исследовательской процедуры, например путем систематического установления инвентаря в поле всех возможных функций, так чтобы можно было быть уверенным, что полученный список содержит одни только последовательно сочетающиеся (если они принадлежат одному уровню) или взаимно подчиненные (если они организованы иерархически) функции и не имеет ни пропусков, ни избыточных элементов, ни частичного наложения одних функций на другие.

VIII. Пропп подчеркивал, что установленная им последовательность функций свойственна только одному типу повествовательных текстов — русской волшебной сказке. Однако с неизбежностью возникает вопрос о возможности перенесения метода Проппа на иные корпусы сказочных текстов и, далее, на иные нарративные жанры. В этой связи речь заходит об отношении модели Проппа к общей грамматике повествовательных текстов.

Разумеется, было бы преувеличением считать, что все новейшие исследования в области повествовательных текстов возникли в результате непосредственного осмысления тезисов Проппа. Но фактом остается то, что именно Пропп дал нам путеводную нить, позволяющую наметить классификацию этих исследований.

Возьмем за отправную точку сформулированные выше пункты, чтобы, не претендуя на исчерпывающую полноту, просто обозначить основные современные тенденции в этой сфере исследований:

I. Структурные исследования повествовательных текстов в целом можно разделить на две группы, имеющие объектом две стороны повествовательного сообщения, — *рассказываемую историю* и *рассказывающий дискурс* (*le discours racontant*). Эта дихотомия, напоминающая знаменитые пары типа *означающее / означаемое* или *акт высказывания / высказывание-результат*, с одной стороны, опирается на теоретический авторитет соссюровской традиции, а с другой — отличается несомненной практической эффективностью. Тем не менее она может быть поставлена под сомнение в двух отношениях: при практическом анализе текстов она способна привести к недооценке отношения солидарности, связывающего обе эти стороны сообщения в процессе формирования смысла, и в частности — к недооценке необходимости строить стилистический и риторический анализ повествовательной (нарративной) техники с учетом сюжета; в теоретическом плане любое разрушение пары *означающее / означаемое* способно привести к отрицанию пары *рассказывающее / рассказывающее*. Так, всякая недооценка означаемого в пользу означающего соответственно влечет за собой недооценку рассказываемой истории в пользу способов рассказывания (рассказывающего дискурса) (ср., например, уничижительный статус, который приобрел «проэтический» (*proaïrétique*) код, т. е. код поступков, у Барта²).

² Barthes R. S/Z. Paris, 1970.

II. Несомненно, у Проппа были все основания считать поступки персонажей, приводящие в движение сюжет, «составными частями», *необходимыми* для структуры рассказываемой истории. Тем не менее современные исследования приводят к выводу о необходимости градуального включения и других элементов. Исключение из рассмотрения понятия персонажа, его мотивировок и т. п. представляется все менее и менее приемлемым. Как показал Ц. Тодоров³, простейшее нарративное высказывание включает в себя не только глагол, но также субъект (совершающий или претерпевающий действие) и атрибуты, характеризующие состояние этого субъекта. Кроме того, модель, описывающая последовательность функций, должна быть дополнена «сверху» моделью, описывающей систему персонажей (последняя была предусмотрена уже Проппом и позднее разработана А. Ж. Греймасом⁴). В таких работах, как исследование У. Эко, посвященное повествовательной комбинаторике в романах о Джеймсе Бонде⁵, или исследование А. Паскуалино о рыцарской литературе, показана необходимость и продуктивность такого дополнения. Наконец, хотя описательные, гномические, лирические и т. п. фрагменты, являющиеся непременной составной частью всякого повествовательного произведения, возможно, и не входят в собственно нарративную структуру на тех же правах, что и поступки персонажей, они тем не менее участвуют в формировании смысла сообщения как целого и, следовательно, не могут полностью игнорироваться исследователем.

III. Несомненно, что различие между семантическим значением *поступка*, взятого в изоляции от повествовательного контекста, и *функцией* этого поступка в развитии сюжета является наиболее оригинальным положением, доставшимся нам от Проппа. Многие исследователи, не учитывавшие этого различия, полагают, что используют метод Проппа, тогда как в действительности анализируют лишь непосредственное содержание произведения. Однако существуют два способа понимания функции «наррены», «мифемы», «мотифемы» и т. п., один выдвинут К. Леви-Стросом, расчленяющим сюжетную синтагму таким образом, чтобы, перегруппировав нарративные элементы, построить из них парадигматическую систему, внутри которой устанавливаются вневременные, ахронные отношения⁶; другой предложен Проппом, определившим функцию поступка с точки зрения его значимости

---

³ Todorov T. Poétique de la prose. Paris, 1971.

⁴ Greimas A. J. Sémantique structurale. Paris, 1966; Greimas A. J. Du Sens. Paris, 1970.

⁵ Eco U. James Bond: une combinatoire narrative // Communications. 1966. № 8 (Recherches sémiologiques: l'analyse structurale du récit). P. 77–93.

⁶ Lévi-Strauss C. Anthropologie structurale. Paris, 1958.

для хода действия. Не станем высказываться здесь относительно возможности примирения обоих подходов (см. на этот счет работы П. Мадсена, «структурную модель» П. и Э. Маранда, а также «конститтивную модель» А. Ж. Греймаса⁷), укажем лишь на сам факт существования разногласий, от разрешения которых может зависеть будущее нарративных исследований. Во всяком случае, отметим, что последователи Проппа (например, Е. Мелетинский в Советском Союзе⁸ или А. Данес⁹ в Соединенных Штатах) сходятся на том, что наряду с синтагматической последовательностью сюжетных функций перпендикулярно к ней должна быть построена парадигма поступков, способных выполнять эти функции («алломотивы» Данеса).

IV. Одним из слабых пунктов концепции Проппа является положение о том, что функции организованы в однолинейную последовательность, где каждый элемент неизменно занимает одну и ту же позицию, соответствующую хронологическому порядку его появления в повествовании. По Проппу, функции могут связываться между собой только благодаря существующей между ними временной последовательности (раньше/потом); более того, он считает симultanность особым случаем, нарушающим норму («двойное морфологическое значение»); между тем подлинный нарративный синтаксис предполагает учет не только хронологических связей (последовательность или одновременность), но и логических отношений, подобных отношению части к целому, причины к следствию, средства к цели и т. п. С другой стороны, как только обнаруживается, что исследуемый нарративный жанр не укладывается в стереотипную схему и допускает, что одна и та же ситуация может иметь несколько различных исходов или, наоборот, способна образовываться несколькими различными путями, возникает необходимость в построении парадигматической системы, где осуществлялся бы выбор среди ряда функций, связанных отношением коммутации. Так, по Данесу, усилия героя, направленные на то, чтобы ликвидировать последствия нарушения запрета, могут либо увенчаться, либо не увенчаться успехом; равным образом в «Структурной модели» П. и Э. Маранда модель II (неудача медиатора) противопоставляется модели III (успех медиатора), а сама модель III (успех медиатора без приобретения дополнительных ценностей) противопоставляется модели IV (успех медиатора с приобретением дополнительных ценностей). Основываясь на сходных принципах, автор настоящего доклада

⁷ Greimas A. J. Sémantique structurale.

⁸ Мелетинский Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки // Пропп В. Я. Морфология сказки. М. 1969.

⁹ Dundes A. The Morphology of North American Indian folktales. Helsinki, 1964. (FF Communications. Vol. 195).

сам попытался составить сетку возможностей, открывающихся перед рассказчиком в определенной точке повествования и позволяющих ему продолжить начатую историю тем или иным образом.

V и VI. Почти все последователи Проппа почувствовали необходимость ввести, наряду с наименьшей (функция) и наибольшей («ход» из тридцати одной функции) повествовательными единицами, промежуточные группировки, где функции объединялись бы в пары или в триады и были бы связаны парадигматическими и синтагматическими отношениями: таково, например, отношение *исходная ситуация / конечная ситуация*¹⁰, или последовательность *возможность действия / ее реализация в форме поступка / результат*¹¹, или «нarrативные трансформации» одной и той же функции¹² и т. п. Равным образом у Дандеса¹³ и М. Попа¹⁴ функции сгруппированы попарно в соответствии со схемой *стимул / реакция* или *действие / результат*. В модели «А–В–С» Х. Джасон анализ сказки строится на основе триады функций А (предложенное испытание) – В (прохождение через испытание) – С (воздаяние в форме награды или наказания). Главное здесь то, что эти промежуточные группировки позволяют определить функцию через ее отношение к одной или двум другим функциям и фиксируют их взаимные позиции, но при этом не требуется, чтобы каждая группировка функций занимала строго определенное место в целостной последовательности событийного ряда. Напротив – и первым это понял Дандес, – пары или триады функций обладают способностью образовывать самые различные конфигурации, так что само их многообразие позволяет построить типологию сюжетных форм, разрешив тем самым проблему классификации, в которую столь неожиданным образом уперлось исследование Проппа.

VII. Кроме того, некоторые исследователи предприняли попытку обработать (точнее – формализовать) последовательность пропповских функций. В самом деле, очевидно, что некоторые функции, взятые в известных контекстах, представляют собой лишь спецификацию некоторых других функций, что они находятся между собой в отношениях противоречия, противности и т. п.; короче, очевидно, что можно сократить число исходных единиц и в то же время скомбинировать их между собой таким образом, чтобы на известном уровне абстракции описать значение каждого сюжетного эпизода. Опыт семического анализа, предпри-

¹⁰ Greimas A.J. *Eléments pour une théorie de l'interprétation du récit mythique* // Communications. 1966. № 8 (Recherches sémiologiques: l'analyse structurale du récit). P. 28–59.

¹¹ Bremond C. *Logique du récit*. Paris, 1973.

¹² Todorov T. *Poétique de la prose*.

¹³ Dundes A. *The Morphology of North American Indian folktales*.

¹⁴ Pop M. *Aspects actuels des recherches sur la structure des contes* // *Fabula*. 1967. Vol. 9, № 1–3. P. 70–77.

нятый А. Ж. Греймасом¹⁵, представляет собой наиболее последовательную попытку такого рода.

VIII. Эти попытки, благодаря высокой степени формализации, которой им удалось достичь, позволяют поставить вопрос об области применимости предлагаемых моделей. Применимы ли они только к определенному корпусу текстов, в лучшем случае — к определенному нарративному жанру, или же охватывают все проявления нарративности (*narrativité*) вообще? Чтобы держаться приведенного примера, скажем, что результаты формализации проповедских функций, предпринятой Греймасом, обрели форму грамматики нарративности, описывающей два уровня — глубинный и поверхностный. В основе конструкции Греймаса лежит логическая по своему происхождению модель, гарантирующая применимость этой конструкции к любому типу повествовательных текстов. Мы со своей стороны¹⁶ также попытались построить *a priori* словарь и синтаксис, свойственные всем без исключения формам нарративности. Равным образом структурная модель П. и Э. Маранда (1971) имеет целью общую классификацию произведений фольклора. Таким образом, дело идет о выделении *универсалий* нарративности: следует ли, применительно к каждому новому корпусу текстов, заново определять понятие функции, лексику функций, синтаксические правила, связывающие функции между собой? Или же, напротив, существует возможность на известной ступени абстракции создать универсальную грамматику нарративности, стоящую над грамматиками конкретных нарративных жанров? Ответ, который будет получен на этот вопрос, поможет ответить и на другой: возможна ли семиотика повествовательных текстов в качестве самостоятельной дисциплины?

---

¹⁵ Greimas A. J. *Sémantique structurale*.

¹⁶ Bremond C. *Logique du récit*.

Б. Н. ПУТИЛОВ

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ КНИГИ¹

У этой книги — редкая и необычная для филологических трудов нашего времени судьба. Вышедшая в 1928 г. первым изданием, «Морфология сказки» получила вскоре сочувственный отклик в рецензиях В. Перетца и Д. Зеленина, ее идеи поддержали В. Жирмунский и Б. Эйхенбаум. А затем... затем книга целые десятилетия по существу находилась в забвении, она оказалась как бы в стороне от основных путей изучения сказки, и ее упоминали время от времени лишь как пример характерных увлечений и заблуждений 20-х гг.

И вот теперь на наших глазах произошло словно бы второе рождение книги, она переиздана у нас, и на протяжении последних лет выходят подряд английские, итальянский, французский, польский, румынский переводы «Морфологии сказки», подготовлены или готовятся к печати немецкий, чешский, венгерский переводы. Книга совершает поистине триумфальное шествие по странам Европы и Америки, о ней пишут и говорят как о сегодняшнем, сугубо современном исследовании, и иные зарубежные ученые, мало ориентированные в истории нашей науки, подчас просто не знают, что «Морфология сказки» — книга с достаточно солидным возрастом и что писал ее совсем молодой исследователь, для которого это был, в сущности, первый труд.

У нас к книге В. Проппа в последнее время резко возросло внимание и со стороны фольклористов, и со стороны представителей ряда других наук, интересующихся проблемами современных структурно-системных исследований. Для советских фольклористов возрождение интереса к «Морфологии сказки» и желание объективно и глубоко осмыслить ее значение было вполне закономерным и должно быть поставлено в связь с поисками новых путей и возможностей исторического изучения фольклора.

¹ Впервые опубл.: Вопросы литературы. 1971. № 3. С. 201–206.

Научную актуальность книги очень хорошо выявляет интересная статья Е. Мелетинского «Структурно-типологическое изучение сказки», заключающая издание². Автор статьи справедливо отмечает, что «абсолютный масштаб научного открытия В. Я. Проппа стал очевиден только после того, как в филологические и этнологические науки внедрились методы структурного анализа», и что «книга В. Я. Проппа, открываяющая большие перспективы в анализе сказки и вообще повествовательного искусства, намного опередила структурно-типологические исследования на Западе»³. Читатель получит из статьи Е. Мелетинского довольно ясное представление о современных интерпретациях книги В. Проппа на Западе, о дискуссиях вокруг «Морфологии сказки», в частности о полемике между К. Леви-Страссом и В. Проппом, а также об опытах применения некоторых основных идей книги к изучению сказок других народов. Картина, нарисованная Е. Мелетинским, достаточно сложна. В современных зарубежных работах имеет место не только популяризация и развитие методики и принципов структурного изучения сказки В. Проппом, не только спор с ним и стремление соединить его методы с представлениями и методами новейшего структурализма (как отмечает Е. Мелетинский, «после знакомства ученых Запада с классическим трудом В. Я. Проппа буквально ни одно из исследований структурных моделей фольклора не могло обойтись без этого труда, не опираться на него»⁴). Имеет место и односторонний подход к содержанию и концепциям автора «Морфологии сказки», и явное недопонимание сущности и основной направленности этого труда. Можно пожалеть в связи с этим, что редакция не включила во второе издание книги ответа В. Проппа К. Леви-Страссу, который был опубликован в приложении к итальянскому изданию «Морфологии сказки» (1966) и в котором содержатся принципиально важные соображения, касающиеся именно основных принципов книги, как их понимал сам автор.

Е. Мелетинский в своей статье подробно обсуждает собственно структурные аспекты труда В. Проппа, критически рассматривает современные интерпретации этих аспектов и специально останавливается на вопросе о путях и возможностях дальнейшего развития принципов, выработанных В. Проппом. Последние соображения представляют особый интерес в свете задач структурно-типологического изучения сказок. Читатель найдет их в более развитом виде в другой работе Е. Мелетинского и группы авторов⁵.

² Мелетинский Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки // Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969. С. 134–166.

³ Мелетинский Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки. С. 134, 138.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ См.: Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. [Вып.] 4. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та; Вып. 236). Тарту, 1969. С. 86–135.

В то же время вполне оправданно говорить о методологии и проблематике «Морфологии сказки» в более широком плане — в связи с общими позициями и исследовательскими поисками автора, одного из крупнейших фольклористов нашего времени, и на фоне основных направлений нашей науки в последние десятилетия.

Советские исследователи сказки в 20–40-е гг. сосредоточивали внимание преимущественно на разработке двух взаимосвязанных проблем: сказка изучалась прежде всего как выражение «личного начала» и как проявление «местного» творчества. Фольклористы с увлечением искали мастеров-сказочников, записывали и изучали их репертуар, стремясь прежде всего выявить в сказках преломление индивидуальных вкусов, психологии, эстетики, жизненного опыта сказочников и окружающей их среды. Собственно литературные особенности сказок рассматривались при этом как проявление — в рамках традиции — творческой индивидуальности. Отдельный сказочный текст приобретал самостоятельную ценность и как бы приравнивался к тексту литературному. В этой обстановке книга В. Проппа могла казаться по меньшей мере несвоевременной.

В самом деле, автор ее исходил из понимания волшебной сказки как проявления творчества коллективного (позднее В. Пропп не побоится вернуть в научный обиход понятие безличного творчества, придав этому понятию принципиально новый по сравнению с XIX в. смысл); его интересовали не индивидуальные черты отдельной сказки, не оригинальность каждого текста, а как раз напротив — повторяемость, общность, типовая устойчивость сказочного повествования, сказочной сюжетной структуры. Значение «личного начала» и «среды» при этом не отрицалось, но тому и другому ставились определенные, подсказываемые самой природой жанра, рамки. Главное же — внимание перемещалось на проблемы генетические и исторические, которыми в 20–40-х гг. исследователи пренебрегали. Чтобы понять исторические основы сказки и открыть механизм возникновения ее как жанра, чтобы попытаться установить основные этапы ее истории, необходимо было подойти к сказке совсем с другой стороны, необходимо было обнаружить свойственные ей закономерности, принципы, на которых она зиждется как явление искусства. Так возник тезис, исходный, отправной для «Морфологии сказки»: «...прежде чем осветить вопрос, откуда сказка происходит, надо ответить на вопрос, что она собой представляет»; «Изучение структуры всех видов сказки есть необходимейшее предварительное условие исторического изучения сказки»⁶.

Пафос «Морфологии сказки» состоит в поисках «закономерностей строения» жанра. Для В. Проппа изучение этих последних

⁶ Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969. С. 10–11, 20.

«предопределяет изучение закономерностей исторических»⁷. Исследователь сознательно подразделяет свою работу на два этапа. Первый этап — синхроническое изучение сказки, анализ ее структурного разреза. Этую задачу В. Пропп осуществил в «Морфологии сказки». Он открыл решающее значение для волшебной сказки определенного ряда функций действующих лиц, их постоянство и неизменность порядка в повествовании, а также постоянный набор ролей сказочных персонажей. Как показывает в своей статье Е. Мелетинский, В. Проппу принадлежит заслуга открытия таких понятий и таких сторон в строении сказки, которые имеют принципиальное значение для современных структурных изучений фольклора вообще (например, обнаружение явления бинарности, выделение синтагматического уровня сюжета, разработка моделей и др.).

В. Пропп неопровергимо доказал, что все очевидное и многокрасочное разнообразие сюжетов волшебных сказок имеет в своей основе единую, строго устойчивую структуру и как бы может быть возведено в конечном счете к единой, мы бы сейчас сказали инвариантной, схеме. Это отнюдь не означало возможности установления неких архетипов и первоначальных текстов. В. Пропп делал из своих открытых совершенно другой вывод. Для него было ясно, что закономерная структура — наличие ряда элементов — функций и отношения между ними исторически обусловлены и что поиски этой обусловленности приведут к выяснению генезиса волшебной сказки.

Теперь известно, что уже в рукописи «Морфологии сказки» имелась глава, предлагавшая опыт решения генетической проблемы и содержавшая историческое объяснение открытой сказочной структуры. Об этом вспоминал недавно в одном устном выступлении В. Жирмунский. По совету же В. Жирмунского автор убрал эту главу, чтобы оставить в книге лишь структурную проблематику. На последних ее страницах мы находим слова, смысл и значение которых понятны по-настоящему только теперь. В. Пропп заканчивает книгу указанием на необходимость специального монографического изучения выявленных им функциональных элементов — уже за пределами сказок. «Большинство ее элементов восходит к той или иной архаической бытовой, культурной, религиозной или иной действительности, которая должна привлекаться для сравнения»⁸.

Так перебрасывался мост от первого этапа изучения сказки (структурна) ко второму этапу (генезис).

В 30-е гг. стали появляться в печати статьи В. Проппа, в которые начали получать реализацию объявленная им программа изучения отдельных элементов, а в 1946 г. вышла фундаментальная монография «Исторические корни волшебной сказки».

⁷ Там же. С. 20.

⁸ Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 104–105.

Книга необычайно увлекательная, яркая, парадоксальная и глубоко дискуссионная, она, в сущности, представляет собою прямое продолжение «Морфологии сказки». Правильнее было бы даже сказать, что первая книга явилась введением в «Исторические корни...». Теперь-то нам ясно, что пафосом всей научной жизни ученого были поиски исторических закономерностей фольклора, стремление понять сложнейший механизм фольклорного творчества, найти надежные пути к разгадке тайн, связанных с возникновением и эволюцией фольклорных жанров. Изучение морфологии В. Проппа с оттенком мягкой иронии квалифицировал как работу «черную» и «неинтересную» и уже с полной серьезностью утверждал, что эта работа — «путь к обобщающим “интересным” построениям»⁹.

Таким образом, неправомерно рассматривать одну книгу в отрыве от другой и отделять структурно-типологическую проблематику трудов В. Проппа от проблематики историко-генетической. Для него самого то и другое существовало в неразрывном единстве, синхроническое структурное исследование обретало истинный смысл и значение постольку, поскольку оно имело в перспективе выход к исследованию генетическому. В этом плане опыт В. Проппа остается живым и поучительным для современной фольклористики, где не преодолен разрыв между структурным и историко-генетическим подходом к народной поэзии и где подчас один подход неправомерно противопоставляется другому.

Труды В. Проппа по волшебной сказке заключают и другие принципиальные методологические аспекты, плодотворность которых по-настоящему открывается только сейчас. Уже в книге 1928 г., писавшейся в пору почти безраздельного господства в фольклористике различных направлений миграционизма, В. Пропп выступил, в сущности, против основных постулатов теории заимствования, казавшихся тогда незыблемыми, и обнажил органическую уязвимость характерной для миграционистов сравнительной методики. «Морфология сказки» и особенно «Исторические корни волшебной сказки» поставили совершенно по-новому проблему «сходства сказок по всему земному шару»¹⁰. В. Пропп предложил искать причины этого сходства не в странствовании сюжетов, не в передаче их одними и усвоении другими народами, а в общих закономерностях сказочного творчества, в общих принципах отношения сказок и действительности, в единстве исторических корней.

В связи с этим исключительную важность представляют соображения В. Проппа об этнографических субстратах и этнографических связях фольклорных жанров, в частности — волшебных

---

⁹ Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 22.

¹⁰ Там же. С. 21.

сказок. В старую и довольно широко разработанную систему научных представлений о связях фольклора с народным бытом, с социальными, семейными институтами и отношениями В. Пропп внес чрезвычайно существенное дополнение: он показал, что фольклорные сюжеты и целые жанры возникают путем своеобразной трансформации, художественного переосмыслиния и «отрицания» определенных этнографических явлений — обрядов, бытовых институтов, представлений; произведения фольклора при этом не «сочиняются» кем-то, а закономерно «вырастают» на соответствующей этнографической почве.

Книга «Исторические корни волшебной сказки» как раз и раскрывает механику этого процесса.

Можно не разделять конечных выводов автора о конструктивной роли обряда инициация в формировании структуры волшебной сказки. Нельзя, однако, не видеть всей методологической значимости и новизны исследования, открывающей неизвестные науке способы и пути коллективного творчества, самый процесс преобразования материала действительности в устойчивую и своеобразную художественную систему. Принцип этнографизма, получивший в трудах В. Проппа столь последовательную и плодотворную реализацию (здесь уместно напомнить и о более поздних книгах В. Проппа — «Русский героический эпос» и «Русские аграрные праздники»), может рассматриваться в методологическом плане как один из наиболее важных принципов современных историко-генетических исследований фольклора. Дальнейшая его разработка, методическое усовершенствование и применение его к возможно более широкому кругу явлений народного творчества составляют одну из актуальных задач науки.

Столь же важен и актуален принцип историко-типологического изучения фольклора, в развитии которого активно участвовал своим трудами В. Пропп. Применительно к проблемам волшебной сказки историко-типологический подход проявился прежде всего в том, что ученый пользовался преимущественно русским сказочным материалом для обнаружения интересовавших его закономерностей повторяемости, для выявления устойчивого ряда функций, а во второй книге — для исследования этнографических связей сказки как системы. Проблемы структуры и генезиса этой жанровой системы рассматривались В. Проппом на уровне интерэтническом. Открытая им типология носила интернациональный характер. Исследование национальной специфики должно было начаться вслед за разрешением собственно генетических вопросов, но также — на основе историко-типологических принципов.

В книге «Русский героический эпос» В. Пропп широко применил эти принципы в связи с разработкой сложных вопросов возникновения и истории былин. Он, в частности, убедительно показал, что по-настоящему судить о характере русского эпоса,

о специфике его сюжетного состава, о его героях, об особенностях эпического историзма можно, лишь рассматривая былины как закономерный этап в развитии типологических форм народного эпоса, на фоне предшествующих, более архаических типов эпического творчества.

Обе книги, посвященные волшебным сказкам, ярко отражают стремление их автора к преодолению стойких традиций позитивистской фольклористики, бессильной справиться с «океаном материала» и откладывавшей задачу его обобщения на далекие времена. Основываясь на повторности и закономерности, характерных для этого материала, В. Пропп принципиально считал возможным и методологически правильным изучать часть его в целях получения общих, типовых выводов. «Закон выясняется постепенно, и он объясняется не обязательно именно на этом, а не на другом материале. Поэтому фольклорист может не учитывать решительно всего океана материала, и если закон верен, то он будет верен на всяком материале, а не только на том, который включен»¹¹. Меньше всего это на первый взгляд парадоксальное высказывание может рассматриваться как призыв к «легкому» отношению к фактам. Все, кто знал В. Проппа и более или менее знаком с его работами, знают и то, какой высокой филологической культурой он обладал, как требователен был к себе и другим, когда речь заходила о фактической стороне того или другого исследования, об аргументации, о фактической оснащенности и т. д. Работая над книгой о былинах, В. Пропп подверг предварительному анализу все известные ему былинные тексты.

Призыв ученого состоял в том, чтобы фольклористика не отступала перед океаном материала, не ограничивалась эмпирическим его описанием и разработкой частных тем, но чтобы она, опираясь на методологически верное понимание этого материала, сосредоточивалась на изучении законов фольклорного творчества, на исследовании его истории.

В книге «Морфология сказки», а позднее и в «Исторических корнях волшебной сказки» намечена программа изучения не только структуры и генезиса жанра, но и отдельных сюжетов, то есть сказки как таковой — той, какую мы знаем и какая составляет сокровищницу мирового искусства.

Можно сказать, что обе книги, представляя вполне самостоятельное значение, самостоятельную ценность, в сущности, подготовливали строго научное исследование волшебной сказки как явления мирового искусства — в интернациональном и национальном плане.

Сейчас, пересматривая научное наследие покойного ученого, мы видим, как с разных сторон и в разное время он подступал

¹¹ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 22.

к этой сложнейшей и увлекательной теме. Но сколько-нибудь отчетливо и последовательно она в его работах не зазвучала. Со временем В. Пропп отошел от систематических занятий сказками, увлекся другими проблемами.

Эволюцию интересов большого ученого понять и объяснить нелегко. Программа, сжато изложенная на последних страницах «Морфологии сказки», выражала устремления и возможности молодого ученого, перед которым открывался путь, представлявшийся ему прямым, хотя и долгим. В реальной научной биографии все оказалось сложнее...

Как бы то ни было, проблема, сформулированная В. Проппом, не снята временем, она остается живой и актуальной, и разработку ее, сколько-нибудь успешную, трудно представить без реального учета всего того, что внесли книги самого В. Проппа в изучение сказки.

Книги, как и люди, смертны. Они подвержены старению, со временем они утрачивают свою первоначальную свежесть, теряют прелест новизны.

Но книги могут и заново рождаться. Бывают в развитии науки моменты, когда работы, казалось бы отодвинутые неумолимым течением времени в прошлое, оживают, предстают в своем истинном значении, оказываются вовлечеными в сегодняшний научный поток. И тогда выясняется, что ученый, эти работы создавший, шел не в стороне от столбовой дороги науки, а прокладывал пути, которые в конечном счете с этой главной дорогой прочно и надолго соединяются.

Открытия, идеи, методологические посылки, принципы анализа, заключенные в ранних трудах В. Проппа, и в первую очередь в «Морфологии сказки», принадлежат сегодняшнему и завтрашнему дню нашей науки.

К. САЙТО

В. Я. ПРОПП В ЯПОНИИ¹

На японский язык переведена значительная часть работ В. Я. Проппа. Первой книгой, с которой познакомились японские читатели, была монография «Русские аграрные праздники» (перевод С. Ооки, 1966 г.). Самая же известная в мировой фольклористике книга В. Я. Проппа — «Морфология сказки» — была переведена лишь в 1972 г., то есть через 14 лет после выхода в свет английского перевода. К сожалению, переводчик не был фольклористом, его работа оказалась неудачной, и в результате этого первое издание книги не оказало никакого влияния на японскую фольклористику.

После выхода в Москве посмертного издания статей В. Я. Проппа, подготовленного Б. Н. Путиловым («Фольклор и действительность», 1976), я сочла необходимым перевести ряд статей из этой книги, чтобы создать почву для всестороннего восприятия концепции ученого, изложенной в «Морфологии сказки». Поскольку весь сборник перевести и издать было трудно, я выбрала из него статьи, посвященные принципиальным вопросам фольклористики: «Специфика фольклора», «Принципы классификации фольклорных жанров», «Жанровый состав русского фольклора», «Фольклор и действительность», «Об историзме фольклора и методах его изучения», «Структурное и историческое изучение волшебной сказки», «Мотив чудесного рождения» (К. Сайто, 1978), а несколько позже — «Ритуальный смех в фольклоре» (1984) и «Трансформация волшебных сказок» (1988).

Впоследствии я предприняла перевод второй книги В. Я. Проппа — «Исторические корни волшебной сказки» (1983), который позволил японским читателям познакомиться с теорией генезиса волшебной сказки. Без этого генетического исследования невозможно понять и первую работу ученого — его «Морфологию сказ-

¹ Впервые опубл.: Живая старина. 1995. № 3 (7). С. 28.

ки». В то время, насколько мне известно, в мировой фольклористике существовал лишь единственный перевод «Исторических корней» — на испанский язык.

При переводе я должна была решить проблемы научной терминологии (например, найти соответствия для понятий «волшебный помощник», «благодарное животное», «переправа», «тридесятное царство» и т. п.). До этого времени в японской фольклористике не было опыта переводов европейской научной терминологии. Кроме того, европейские волшебные сказки как сопоставительные материалы для исследования собственно японских сказок использовались мало. Задача оказалась трудной, потому что у японского народа очень мало сказок, которые можно назвать волшебными, то есть у нас мало сюжетов, в которых герои отправляются в путешествие, побеждают своих противников с помощью чудесных помощников, возвращаются с прекрасными невестами и сказка кончается свадьбой. В японских сказках выделяются три жанра: собственно сказки, забавные сказки и сказки о животных. Среди них самый близкий к европейским волшебным сказкам жанр — собственно сказки, то есть сказки о браке человека с животным, о героях, посещающих животный мир, о предсказанной божеством судьбе новорожденного, о мачехе и падчерице и др. Но и в этих сказках «волшебного» намного меньше, чем в европейских.

В том же 1983 г. появляется новый перевод «Морфологии сказки» (перевод С. Китаока и М. Фукуду), и с этого времени японские ученые признают ценность книги В. Я. Проппа², а сказковеды предпринимают попытки морфологического анализа японских сказок³.

В свое время в японской фольклористике преобладала методология, предложенная основателем школы японской этнографии Кунио Янагита (1875–1962). С его точки зрения, целью изучения сказок является разыскание в них японских традиционных верований; к сравнительному анализу сказок можно переходить лишь после выявления прототипов фольклорных произведений в пределах своей традиции. Концепция В. Я. Проппа, представлявшая собой полную противоположность методу К. Янагита, была воспринята японскими учеными как новаторская: «Морфология сказки» снимала рамки сравнительных исследований, утверждала, что сказка есть интернациональное явление.

² Исаи Т. В. Пропп и структурализм // Вестник Токийского ин-та иностранных языков. 1970. Вып. 20. (На япон. яз.); Китаока К. Структура мифа // Свод японских сказок. 1979. Т. 12 (на япон. яз.); Комацу К. Морфологическое исследование сказок // Там же (на япон. яз.).

³ Фиринтай К. Поиск грамматики сюжетов японских сказок // Исследование этнографии. 1975. Вып. 9 (на япон. яз.); Комацу К. Структурный анализ повествований в «Отогизооси». 1977 (на япон. яз.); Структура японских сказок // Языки. 1983. Т. 12. Вып. 9 (на япон. яз.).

В 1986 г. мною была переведена и вышла в свет последняя, посмертная книга В. Я. Проппа «Русская сказка». Теперь японский читатель не может прочитать на родном языке только «Проблемы комизма и смеха» и «Русский героический эпос».

Знакомство с трудами В. Я. Проппа открыло японской фольклористике путь к структурному и сравнительному анализу сказок и современным исследованиям фольклорных жанров.

II

ЮБИЛЕЙНЫЕ СТАТЬИ

П. Н. БЕРКОВ

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В ТРУДАХ В. Я. ПРОППА (К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)¹

В отличие от других ученых, у которых дата возрастного юбилея почему-то почти всегда фатальным образом совпадает с круглой датой начала литературной деятельности, сорокалетие со дня появления первой печатной работы² проф. В. Я. Пропп сможет отметить с запозданием в два года по отношению к нынешнему юбилею. В науку он вступил в возрасте почти тридцати лет и в своих научных дебютах предстал не только как совершенно сложившийся, оригинальный ученый, но и как смелый новатор. То обстоятельство, что и в первых статьях, и в книге 1928 г. он говорил о «морфологии» сказки, что первая фраза его труда поясняет употребляемый термин как «учение о формах», что его исследование вышло в разгар борьбы советского литературоведения с формалистами и было издано Государственным институтом истории искусств, твердыней формализма, — все это привело к тому, что работа В. Я. Проппа была воспринята в качестве очередного выступления «формальной школы», а сам он причислен к формалистам. Между тем идейно В. Я. Пропп никогда не принадлежал к лагерю формалистов.

В самом начале «Морфологии сказки» В. Я. Пропп писал: «Вряд ли можно сомневаться в том, что окружающие нас явления и объекты могут изучаться или со стороны их состава и строения, или со стороны тех процессов и изменений, которым они подвержены, или со стороны их происхождения. Совершенно очевидно

¹ Впервые опубл.: Вестник Ленинградского университета. Сер. истории, языка и литературы. 1966. № 2, вып. 1. С. 111–116.

² Пропп В. Я. Морфология русской волшебной сказки (Автореферат) // Сказочная комиссия в 1926 г. Л., 1927. С. 48–49. Сама книга вышла в 1928 г. под названием «Морфология сказки».

также и не требует никаких доказательств, что о происхождении какого бы то ни было явления можно говорить лишь после того, как явление это описано»³.

Таким образом, В. Я. Пропп рассматривал морфологическое изучение сказки не как самоцель, а только как необходимый, неизбежный подготовительный этап последующего генетического и исторического исследования материала. Свою позицию он формулировал абсолютно точно и предельно отчетливо: «Ясно, что прежде чем осветить вопрос, откуда сказка происходит, надо ответить на вопрос, что она собой представляет»⁴.

Однако новаторство молодого ученого заключалось не только в понимании существа и места морфологии в изучении сказки. Вместо предлагавшейся В. Вундтом классификации сказок по очень сбивчивым и логически не обоснованным «разрядам» и вместо классификации по сюжетам и типам, осуществляющей господствовавшей в те годы в европейской фольклористике финской школой, В. Я. Пропп выдвинул более добрый, но в то же время более устойчивый элемент сказочного сюжетосложения, а именно функции действующих лиц⁵. Подробно обосновав целесообразность изучения сказочных сюжетов со стороны функции, В. Я. Пропп поясняет смысл применяемого им, нового для сказокведения, термина: «Под функцией понимается поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия»⁶.

Свою точку зрения В. Я. Пропп обосновал и в методологическом отношении, проиллюстрировав удачными примерами. В результате его книга и сейчас воспринимается как современное, актуальное исследование и читается с живейшим интересом. Не удивительно, что в 1955 г. она была переведена на английский язык и напечатана в Филадельфии. В настоящее время готовится итальянский перевод. В конце своего исследования В. Я. Пропп писал: «Большинство ее (сказки. — П. Б.) элементов восходит к той или иной архаической бытовой, культурной, религиозной и иной действительности, которая должна привлекаться для сравнения. Вслед за изучением отдельных элементов должно следовать генетическое изучение того стержня, на котором строятся все волшебные сказки. Далее непременно должны быть изучены нормы и формы метаморфоз. Только после этого может быть приступлено к изучению вопроса о том, как создались отдельные сюжеты и что они собой представляют»⁷.

³ Пропп В. Я. Морфология сказки. Л., 1928. С. 11.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 29–31.

⁶ Там же. С. 30–31.

⁷ Там же. С. 127.

Когда В. Я. Пропп писал эти строки, он не просто создавал традиционную часть работы — заключение или намечал план своих будущих исследований, — часть перечисленных тем к этому времени он уже разработал, но из-за превышения объема рукописи не мог ввести в состав «Морфологии сказки». Поэтому в ближайшие годы В. Я. Пропп частично печатал эти неиспользованные разделы книги в виде самостоятельных статей⁸ и частично включил в свою следующую большую работу — докторскую диссертацию, которую защитил через десять лет, в июне 1939 г.

Из печати исследование В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» вышло лишь в 1946 г. Книга эта талантлива, глубока и содержательна.

В самом начале книги автор указывает, что задача предпринятого им труда состоит в том, чтобы «найти историческую базу, вызвавшую к жизни волшебную сказку»⁹. Отметив, что на первых порах кажется, что в постановке этой задачи нет ничего нового, что попытки изучать фольклор исторически делались и раньше, что даже существовала в русской фольклористике целая школа, называвшаяся исторической, В. Я. Пропп для характеристики старого понимания исторического принципа при изучении фольклорного материала приводит цитату из известного курса «Русской устной словесности» акад. М. Н. Сперанского, одного из последних крупных представителен данного научного направления: «Мы, изучая былину, стараемся угадать тот исторический факт, который лежит в ее основе, и, отправляясь от этого предположения, доказываем тождество сюжета былины с каким-нибудь известным нам событием или их кругом»¹⁰. Определив понимание задач исторического изучения фольклора представителями исторической школы, В. Я. Пропп продолжает, раскрывая специфику своей научной методики: «Ни угадывать исторических фактов, ни доказывать их тождество с фольклором мы не будем. Для нас вопрос стоит принципиально иначе. Мы хотим исследовать, каким явлениям (а не событиям) исторического прошлого соответствует русская сказка и в какой степени оно ее действительно обусловливает и вызывает. Другими словами, наша цель — выяснить источники

⁸ Пропп В. Я.: 1) Трансформации волшебных сказок // Поэтика: Сб. статей. Л., 1928. Вып. 4. С. 70–89; 2) К вопросу о происхождении волшебной сказки (Волшебное дерево на могиле) // Советская этнография. 1934. № 1/2. С. 128–151; 3) Мужской дом в русской сказке // Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. Л., 1939. № 20. Сер. филол. наук. Вып. 1. С. 174–198; 4) Ритуальный смех в фольклоре (По поводу сказки о Несмейяне) // Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. Л., 1939. № 46. Сер. филол. наук. Вып. 3. С. 151–175; 5) Мотив чудесного рождения // Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. Л., 1941. № 81. Сер. филол. наук. Вып. 12. С. 67–97; 6) Эдип в свете фольклора // Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. Л., 1944. № 72. Сер. филол. наук. Вып. 9. С. 138–175.

⁹ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 3.

¹⁰ Там же. С. 5.

волшебной сказки в исторической действительности»¹¹. Однако, определив свое расхождение с исторической школой в коренном вопросе изучения, В. Я. Пропп этим не ограничивается и еще более четко формулирует свои исходные позиции: «Изучение генезиса явления еще не есть изучение истории этого явления. Изучение истории не может быть произведено сразу — это дело долгих лет, дело не одного лица, это дело поколений, дело зарождающейся у нас марксистской фольклористики. Изучение генезиса есть первый шаг в этом направлении»¹². Таким образом, термин «исторические корни» в понимании В. Я. Проппа — синоним термина «генезис», следовательно, данная книга В. Я. Проппа является закономерным продолжением и развитием предшествовавшей ей работы — «Морфологии сказки».

Перед В. Я. Проппом при установлении исторических корней волшебной сказки стояли многочисленные трудности. Обилие материала могло бы подавить менее опытного и осторожного исследователя. Противоядием против этой опасности должны были бы быть строгость и систематичность применения метода. Но и они таят свои, особые опасности, связанные уже не с материалом, а с методикой работы. Предвидя их, В. Я. Пропп писал: «Мы постараемся избежать опасности не только педантизма, но и схематизма»¹³.

В самом деле, ни в том, ни в другом упрекнуть В. Я. Проппа нельзя. Вместе с тем он предвидит неизбежные трудности в своей новаторской по принципам и по объему привлекаемых фактов работе. «Трудность, — пишет В. Я. Пропп в § 13 первой главы, названном «Метод и материал», — лежит прежде всего в овладении материалом. <...> Фольклор — интернациональное явление. Но если это так, то фольклорист попадает в весьма невыгодное положение по сравнению со специалистами-индологами, классиками, египтологами и т. д. Они — полные хозяева этих областей, фольклорист же только заглядывает в них как гость или странник, чтобы, заметив себе кое-что, идти дальше. Знать по существу весь этот материал невозможно. И тем не менее раздвинуть рамки фольклористических исследований совершенно необходимо». И далее В. Я. Пропп излагает свой взгляд на сущность предстоящих трудностей и на соотношении между методом и материалом: «...надо взять на себя риск ошибок, досадных недоразумений, неточностей и т. д. Все это опасно, но менее опасно, чем методологически неправильные основы при безуказненном владении частным материалом»¹⁴.

---

¹¹ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 5–6.

¹² Там же. С. 6.

¹³ Там же. С. 15.

¹⁴ Там же. С. 21.

Уверенное и творческое владение научной методологией дало В. Я. Проппу возможность справиться с поставленной трудной задачей. С полным правом, без всякого хвастовства писал он: «Здесь дается историческое объяснение тому явлению, которое всегда считалось трудным для объяснения, явлению всемирного сходства фольклорных сюжетов. <...> Ни теория миграций, ни теория единства человеческой психики, выдвигаемая антропологической школой, не решают этой проблемы. Проблема разрешается историческим изучением фольклора в его связи с производством материальной жизни. Проблема, считавшаяся такой трудной, все же оказалась разрешимой»¹⁵.

И действительно, В. Я. Проппу удалось определить исторические корни волшебной сказки и объяснить их материальную природу. Сделано это с первоклассным мастерством, почти с хирургической тонкостью и точностью, с великолепной филологической культурой. Поэтому вторая книга В. Я. Проппа еще с большим правом может быть названа классическим трудом. В 1949 г. она была издана в переводе на итальянский язык. Следующая книга В. Я. Проппа посвящена русскому героическому эпосу.

Политические события конца 30-х — начала 40-х гг., и в первую очередь Великая Отечественная война, показали, что из огромного фольклорного наследия русского народа наиболее актуальным, социально воспитательным, наиболееозвученным патриотическим пафосу советского общества является героический эпос. Как с научной стороны ни заманчиво-увлекательно изучение волшебной сказки, но оно отступает перед национально-общественным значением героического эпоса, т. е. прежде всего былин. И вместе с тем, так же как в отношении сказки — и, может быть, даже в еще большей степени, — в изучении русского героического эпоса наслалось множество неправильных, ложных представлений и выводов, не только мешающих верному пониманию и художественному восприятию его, но и вовсе искажающих политическое и эстетическое звучание народных эпических произведений. Методика исследования, выработанная В. Я. Проппом при изучении волшебной сказки, в значительной мере помогла ему анализировать материалы героического эпоса; конечно, и сам материал потребовал выработки и применения ряда новых научных принципов, приемов анализа, оригинальных способов обобщений. Книга «Русский героический эпос», выдержанная в течение четырех лет (1955–1958) два издания, — еще более высокий этап научного пути В. Я. Проппа.

Главное достоинство этого труда заключается как в неукоснительно строгом применении исторического принципа при анализе эпического материала, так и в глубоко своеобразном понимании

---

¹⁵ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 337.

этого исторического принципа. «Историческое изучение эпоса, — пишет В. Я. Пропп в методологическом введении к своей книге, — будет состоять в том, чтобы раскрыть связь развития эпоса с ходом развития русской истории и установить характер этой связи»¹⁶. Определяя более подробно методику предстоящего исследования, В. Я. Пропп писал «Народ есть движущая сила истории, и эпос есть одно из выражений этих сил. Это значит, что, выражая свой суд и свою волю, народ путем художественного творчества *мобилизует* свои силы на достижение поставленных им себе целей. <...> Таким образом, задача исследователя состоит в том, чтобы установить исторические стремления народа, выраженные в его эпосе»¹⁷. Ставя перед собой такие всеобъемлюще сложные задачи, требующие, с одной стороны, сведений всего необозримо обширного материала к основным, важнейшим итоговым формулам, а с другой — установления их исторической обусловленности, В. Я. Пропп должен был, как и при изучении волшебной сказки, определить свое понимание терминов «история», «исторический». Если понятие «исторические корни волшебной сказки» он приравнивал к генетическому изучению, то при анализе героического эпоса В. Я. Пропп идет дальше, «Отсюда, — пишет он вслед за цитированными выше словами, — вытекает необходимость изучать эпос не применительно к отдельным частным событиям истории, а применительно к *эпохам*, периодам ее развития. Первичное распределение материала определяется закономерностью эпох развития русской истории: это эпохи первобытнообщинного строя, феодализма, капитализма и социализма. Для каждой из этих эпох материал располагается не путем применения к нему заранее определенных хронологических рамок или схем, а путем конкретного анализа материала... Все детальные вопросы методологии должны решаться в каждом отдельном случае отдельно»¹⁸. «Нам важно было, — заключает В. Я. Пропп свое методологическое введение, — установить *направление*, в котором будет вестись исследование. Если это направление верно, то и детали могут получить правильное решение. Если же направление взято неверно, то правильное решение некоторых деталей не спасет исследования от ошибок и неправильных выводов по существу»¹⁹.

В нашем, по необходимости кратком, обзоре научного пути В. Я. Проппа мы лишены возможности изложить все и даже только важнейшие его наблюдения и выводы, полученные в исследовании о русском героическом эпосе. Но совершенно достаточно

---

¹⁶ Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955. С. 18.

¹⁷ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 26.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

указать на тщательно обоснованное и шедшее в разрез с традицией положение, что «эпос возникает не при возникновении государства; он создается при разложении родового строя; русский эпос возник задолго до начала образования Киевского государства»²⁰, чтобы почувствовать творческую смелость, новаторскую оригинальность, научную глубину его труда.

Как при исследовании генезиса волшебной сказки, так и в работе о русском героическом эпосе В. Я. Пропп приходилось внимательно анализировать условия бытования и исполнения произведений народного творчества, т. е. заниматься материалами этнографическими. Естественно, что у такого внимательного исследователя, как В. Я. Пропп, накопились и в этой области свежие, самостоятельные наблюдения, обобщения и выводы, которые суммированы им в небольшой, весьма интересной работе «Русские аграрные праздники» (1963) — лучшем труде, который имеется в нашей научной литературе по данному вопросу.

Наряду с книгами «Исторические корни волшебной сказки», «Русский героический эпос» и «Русские аграрные праздники», В. Я. Пропп в течение последних двадцати лет опубликовал ряд статей²¹, которые на первый взгляд могут показаться совершенно обособленными, совсем или почти не зависящими друг от друга, но при более внимательном рассмотрении становится ясно, что это части одного обширного и, как всегда у В. Я. Проппа, смелого, новаторского замысла. Можно думать, что эти статьи представляют этюды к большому обобщающему труду, который, по-видимому, должен называться «Теория и история фольклора». Мы вправе ждать от В. Я. Проппа подобного труда, и мы верим, что такой труд будет им создан.

В нашей характеристике научной деятельности В. Я. Проппа не были освещены его работы как рецензента, фольклориста-библиографа и редактора многочисленных изданий народнопоэтического творчества. Не останавливались мы также на его педагогической и организаторской деятельности. Все это требует специальной

²⁰ Там же. С. 54.

²¹ Пропп В. Я.: 1) Специфика фольклора (Тезисы). Саратов, [1944]. С. 1–2 (Научная сессия, посвященная 125-летию Ленинградского университета); 2) Специфика фольклора // Труды юбилейной научной сессии Ленинградского ун-та. Секция филол. наук. Л., 1946. С. 138–151; 3) Белинский о народной поэзии // Вестник Ленинградского ун-та. Л., 1953. № 12. Сер. общ. наук. С. 95–120; 4) Молодой Добролюбов об изучении народной песни // Уч. зап. Ленинградского ун-та. Л., 1957. № 229. Сер. филол. наук. Вып. 30. С. 145–159; 5) Принципы определения жанров русского фольклора // Специфика жанров русского фольклора. Горький, 1961. С. 1–4; 6) Жанровый состав русского фольклора // Русская литература. 1964. № 2. С. 58–76; 7) Принципы классификации фольклорных жанров // Советская этнография. 1964. № 4. С. 147–154; 8) Фольклор и действительность // Русская литература. 1963. № 3. С. 62–84.

разработки, но — мы сознаем — без освещения этих сторон его деятельности характеристика научного пути В. Я. Проппа не может считаться полной.

Следовало бы также сказать о нем как о человеке, гражданине, личности, товарище. Но жанр литературоведческого портрета — только формирующийся жанр, своих канонов он пока еще не выработал, и это дает нам право только как бы штрихами наметить дальнейшие этапы работы над настоящим литературоведческим портретом В. Я. Проппа, а данную статью рассматривать как подготовительный эскиз.

А. А. ГОРЕЛОВ

ПАМЯТИ В. Я. ПРОППА (1895–1970)¹

<...> Владимир Яковлевич Пропп — крупнейший представитель современной советской фольклористики, чьи труды заняли выдающееся место в истории русской науки о народном творчестве.

Обладатель многогранного дарования, В. Я. Пропп был исследователем поэзии народа и этнографом, музыкovedом и историком общественной мысли, лингвистом и литературоведом. Признанный авторитет в области истории и теории фольклора, он явился создателем плодотворных генетических концепций, новатором в области конкретной методологии научных разысканий, энциклопедически эрудированным систематиком и аналитиком разнообразнейших жанров народнопоэтического искусства, и в первую очередь сказок, былин, устной лирики, исторической песни, легенды. Его классические исследования, воздействие которых ощутительно сказалось в трудах нескольких поколений отечественных фольклористов, продолжают вербовать сторонников и порождать дискуссии. Его оригинальные идеи влияют на живые процессы развития народознания.

Повседневное общение нивелирует масштаб человеческой личности. Но те, кому пришлось лично узнать Владимира Яковлевича — скромнейшего человека, мудрого опекуна студенческой молодежи, доброго советчика в вопросах науки, — могли оценить внимательность и принципиальность этого ученого с мировым именем. Его оценки поощряли и стимулировали исследования. Его тактичность и бережное отношение к проблескам самостоятельной мысли были лучшей школой научного воспитания.

---

¹ Впервые опубл.: Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13: Русская народная проза. С. 253–257.

Преподаватель Ленинградского государственного университета в течение сорока лет, профессор В. Я. Пропп принадлежал к той плеяде блестящих университетских ученых и педагогов, которыми гордится наука. Его исследовательскому мышлению было свойственно оперирование обширными фольклорными массивами, целостность их восприятия как явлений искусства, стремление открыть закономерности, управляющие жизнью этих массивов. С присущим ему органически чувством историзма В. Я. Пропп прослеживал диалектику жанров от их истоков до трансформации в новое качество, стремясь при этом учесть множественность взаимо влияющих фольклорных и иных социально-культурных факторов. Прочность и надежность построений В. Я. Проппа зиждилась на индуктивном методе разработки материала. Фактической насыщенностью исследований определялась обоснованность общих выводов. Отсутствие питета перед именами, антиавторитарность расковывали мысль. Простота и прозрачность языка, логическая стройность композиций неизменно обеспечивали статьям и книгам ученого широкую читательскую аудиторию.

Книги В. Я. Проппа — книги идей, притом идей, нередко далеко опережавших достигнутый уровень науки, что самым непосредственным образом отражалось на их судьбе.

На рубеже 20-х гг. нашего <XX> века, когда поток эмпирии захлестывал сказковедение, замечательный филолог М. Н. Сперанский выражал резонные сомнения в том, что в исследовании сказки удастся сколько-нибудь скоро перейти к теоретическому обобщению материала. Именно в это время преподаватель немецкого языка В. Я. Пропп с увлечением изучал сборник А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки». Уже в 1926 г. он доложил Сказочной комиссии Русского географического общества первые итоги своих наблюдений над структурой сказки. В 1928 г., благодаря содействию В. М. Жирмунского, В. Я. Пропп публикует в издательстве «Academia» небольшую книгу «Морфология сказки», в которой излагалась совершенно новая теория сказочной структуры.

Изучение материалов собрания А. Н. Афанасьева увенчалось открытием, неожиданным по своей простоте: неизменным элементом сказок выступили функции действующих лиц. Был найден первоэлемент жанровой структуры, благодаря которому выяснилась ограниченность функций героев волшебной сказки, одинаковая последовательность этих функций, их парность, что позволило в итоге выявить однотипность строения всех волшебных сказок, «чудесное единство» бесконечно многообразных сказочных вариаций. Исследователь подводил читателя к пониманию особой логической структуры сказки, фиксирующей архаическую фазу художественного мышления человечества. Волшебная сказка была понята как миф, а это разрешало по-новому ставить вопрос о генетическом изучении жанра.

«Морфологические разыскания <...> следует связать с изучением историческим, что *пока* (выделено мною. — А. Г.) не может войти в нашу задачу», — писал В. Я. Пропп, подчеркивая, что без «правильной морфологической разработки» невозможна «и правильная историческая разработка» народной сказки². Тем не менее эта ясная позиция исследователя, поддержанная положительными отзывами его учителя Д. К. Зеленина и В. Н. Перетца, была в значительной степени искажена в критике 30-х гг., воспринявшей историко-структуральный метод автора как проявление формализма. Лишь в конце 50-х гг. новое прочтение книги фольклористами разных стран позволило оценить универсальное значение методологии В. Я. Проппа и продолжить начатую им работу. С 1958 г. «Морфология сказки» переиздавалась на русском, английском, французском, немецком, польском, итальянском и румынском языках десять раз.

Самим автором книга о структуре сказки мыслилась как первая часть сказковедческой дилогии, завершенной опубликованным в 1946 г. томом «Исторические корни волшебной сказки».

Расценивая волшебную сказку как явление интернациональное, порожденное единством стадий исторического процесса развития разных народов мира, В. Я. Пропп избрал для объяснения причин возникновения сказки путь изучения многообразных условий первобытной действительности, формировавших элементы и последовательность сказочных композиций. Древнейшей основой сказки выступили циклы инициации и цикл представлений о смерти.

«Мы нашли, что композиционное единство сказки кроется не в каких-нибудь особенностях человеческой психики, не в особенностях художественного творчества, оно кроется в исторической реальности прошлого. То, что сейчас рассказывают, некогда делали, изображали, а то, чего не делали, представляли себе», — писал автор, подводя итоги исследования³. Оказалось, что обычай и представления доклассового общества сформировали тот конструктивный «каркас» волшебных сказок, на который позднее насылались впечатления и представления обновлявшейся жизни. Генетическое рассмотрение сказки подвело исследователя не только к новому осознанию того, что процесс перерождения мифа в сказку означает «открепление сюжета и акта рассказывания от ритуала», но и к очевидному уяснению того, что «освобожденная от уз религиозных условностей, сказка вырывается на вольный воздух художественного творчества, движимого уже иными социальными факторами, и начинает жить полнокровной жизнью»⁴.

² Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. Л., 1969. С. 82, 21.

³ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 330.

⁴ Там же. С. 334.

Там, где кончалась одна книга, начиналась другая. В финале «Исторических корней волшебной сказки» звучит мысль о том, что «изучение отдельных сюжетов представляется более трудным, чем изучение композиционного сходства»⁵. К такому исследованию В. Я. Пропп и переходил: его привлекла русская героическая былина, гораздо более богатая собственно историческими связями и необычайно трудная возможностями приурочении сюжетов в границах известных эпох.

Дореволюционная историческая школа фольклористики, скомпрометировавшая себя формальным, основанным на внешних соппадениях прикреплением эпических сюжетов к древнерусским событиям и именам деятелей киевско-новгородского периода, подверглась справедливой критике в работах советских ученых 20–30-х гг. (А. П. Скафтымова, Ю. М. Соколова и др.). Однако несмотря на большие успехи новой, марксистско-ленинской науки в осмыслении русского исторического процесса, несмотря на заметное нахождение материала в конкретных фольклорных исследованиях (А. М. Астахова, А. А. Морозов, Р. С. Липец), по существу наша фольклористика к середине 40-х гг. еще не имела фундаментальных трудов в области изучения былин. В. Я. Пропп после десятилетней работы осуществил в монографии «Русский героический эпос» (1955) достаточно полное и систематическое обозрение сюжетов русской былины в исторической последовательности.

Ученый принципиально по-новому подошел к освещению взаимоотношений былины и истории. В. Я. Пропп допускал возможность того, что «в основе и летописного рассказа и былины лежит имевший место исторический факт»⁶, отмечал, что эпос в своем развитии «все больше и больше сближается с историей»⁷. Но понятие историзма былины как произведения художественного заключалось для него прежде всего в признании историзма поэтического вымысла, вызванного к жизни исторически объяснимой и обусловленной потребностью народа, — вымысла, нередко пронизанного весьма конкретными историческими ассоциациями, но несводимого к элементарному тождеству: факт истории — сюжет былины. Термины «основа былины» и «эпический сюжет» никогда не уравнивались под пером В. Я. Проппа. С блеском раскрылось в книге мастерство типологических сопоставлений. Сравнение русской былины с эпическими произведениями других народов СССР помогло при гипотетических реставрациях ранних эпизодов развития восточнославянского эпоса. Отчетливо выступило в монографии и богатое эстетическое чувство исследователя, как бы приглушенное в предшествующих книгах, а теперь — при пере-

⁵ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 337.

⁶ Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955. С. 337–338.

⁷ Там же. С. 225.

листванием наиболее художественных страниц истории былин — обретшее полную силу звучания.

Капитальный труд, проникнутый идеями народности и величия русского эпоса, был воспринят как яркая патриотическая акция советской фольклористики. Два года спустя он вышел вторым изданием⁸.

Отличительной чертой В. Я. Проппа была способность приводить мозаически пестрый материал исследования к некоему общему знаменателю, разгадывать систему, закон ее внутренней организации. Этот аналитический дар, сказавшийся при изучении сказки, былины, вновь проявился в книге «Русские аграрные праздники» (1963). В этой собственно этнографической работе В. Я. Пропп рассмотрел календарную обрядность в сцепленности празднеств годового сельскохозяйственного цикла, установив разительное родство структур его сезонных слагаемых. Книга подтвердила глубокую справедливость трудовой теории происхождения русских народных праздников.

Последней большой монографической работой, законченной Владимиром Яковлевичем, была «Теория комического», основные идеи которой ученый развивал при чтении специального курса по поэтике в стенах Ленинградского университета в 1967 г. Как и в прежних трудах, В. Я. Пропп сосредоточил свое внимание на самой сущности рассматриваемого явления, но речь об этой своеобразной книге еще впереди — после ожидаемого вскоре выхода ее из печати⁹.

Появление «Теории комического» могло бы показаться неожиданным, если бы ее не соединяла с написанным прежде шестая книга В. Я. Проппа. Она писалась всю жизнь, но не похожа на упомянутые выше, потому что процесс создания ее перемежал «эпические» труды, был необходимой разрядкой и отвлечением от них, «лирическим отступлением» исследователя, злободневным откликом на вспыхивавшие споры, иногда — прибавлением к написанному, иногда — сознательным уклонением в пограничную область. Эта книга, издание которой должно быть непременно осуществлено, — статьи В. Я. Проппа, появлявшиеся в течение 1928—1970 гг.

Среди ее «глав», естественно, должны быть помещены в первую очередь такие исчерпывающие, основанные на громадном сравнительно-культурном материале работы, как «Эдип в свете фольклора» (1945), этюды по истории поэтики («Язык былин как средство художественной изобразительности», 1954), частные очерки жанров народного творчества («Легенда», 1955; «О русской народной лирической песне», 1961), статьи о фольклористических взглядах революционеров-демократов, суждения которых

⁸ Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958.

⁹ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976. — Ред.

повлияли на ряд концепций В. Я. Проппа (1953, 1957), образцовые разборы устнopoэтических сюжетов («Песня о гневе Грозного на сына», 1958), заметки по текстологии народной поэзии (1956), основательные полемические выступления о природе сказки и историзме былин (1956, 1962), последний из прочитанных ученым докладов — о сюжетной перекличке русского средневекового иконописания с фольклором (15.IV.1970). Центральную часть книги должны, естественно, составить статьи о художественной специфике народного творчества¹⁰.

Мысль о фольклоре как особой эстетической субстанции принадлежала к числу наиболее дорогих В. Я. Проппу идей.

В 1946 г. учений так говорил о заблуждении старой академической науки: она «включала фольклор в литературу и рассматривала фольклористику только как часть литературоведения». И с удовлетворением отмечал, что марксистско-ленинская фольклористика находится на пути самоопределения, становясь «самостоятельной наукой»¹¹. Проходят годы, и предвидение учченого сбывается. Фольклористика, не теряющая связей с литературоведением, языкоzнанием, все более обособляется как специальная отрасль народоведения. Но по-прежнему не снимается проблема выработки иммунитета против традиционно-зауженного восприятия фольклора — только как устной литературы — и против безоговорочного перенесения методов литературоведения в анализ фольклора. Поэтому В. Я. Пропп время от времени публиковал статьи программно-теоретического характера, пафос которых был направлен на выяснение качественной «особности» народной поэзии: «Специфика фольклора» (1946), «Фольклор и действительность» (1963), «Принципы классификации фольклорных жанров», «Жанровый состав русского фольклора» (1964).

Занятый собственными теоретическими исследованиями, В. Я. Пропп находил время для большой работы по изданию русской фольклорной классики («Народные русские сказки А. Н. Афанасьева», 1961; «Северорусские сказки в записях А. И. Никифорова», 1961; «Народные лирические песни», 1961 и др.), подготовил к печати неопубликованные труды И. И. Толстого, Б. В. Томашевского, И. П. Еремина. Ученый выступил редактором многочисленных фольклористических материалов для информационного журнала немецкой Академии наук «Demos», которые служили и служат целям международной пропаганды достижений отечественной науки. Невозможно переоценить каждодневную бескорыстную работу В. Я. Проппа по прочтению массы

¹⁰ Статьи В. Я. Проппа были опубликованы в подготовленном Б. Н. Путиловым сборнике: *Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избр. статьи / сост., ред., предисл. и примеч. Б. Н. Путилова. М., 1976. — Ред.*

¹¹ *Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 5.*

трудов фольклористов нашей страны, с которыми исследователь щедро делился своими научными раздумьями, соображениями и которым помогал консультациями, отзывами, рецензиями.

Владимир Яковлевич мерил свою жизнь мерой труда, отданного людям. Это была мера честности, мера ответственности перед народом, хотя он никогда не говорил о себе высоких слов. <...> Но река жизни течет в том направлении, куда был устремлен взгляд ученого-гуманиста, и долг его последователей — отдать все силы служению истине.

Б. Н. ПУТИЛОВ

ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ УЧЕНОГО (К столетию Владимира Яковлевича Проппа)¹

Сто лет — дата особенная, в чем-то определяющая для посмертной судьбы ученого ли, писателя, художника: уже остывли страсти, некогда кипевшие вокруг живого, слетело все наносное, отстоялось и упорядочилось творческое наследие, приобрел законченные формы облик личности, определилось его место в истории культуры.

Владимир Яковлевич Пропп ушел от нас 25 лет назад. Давно уже стали историей и получили достойную оценку бесконечные нападки на ученого со стороны догматической критики, коллективные проработки, сопровождавшиеся набором обвинений — в формализме, идеализме и т. п.

Уже при жизни к нему пришла слава: его «Морфология сказки» (1928) пережила второе рождение, была переведена на многие языки, нашла подражателей и продолжателей, а автор ее единодушно был признан одним из основоположников структурно-типологического метода в изучении нарративных текстов. Освоение и осмысление трудов В. Я. Проппа за рубежом продолжается, выходят переводы других его книг. В Японии, например, изданы почти все сочинения ученого.

Научное наследие В. Я. Проппа, можно сказать, полностью нам известно. Его составляют шесть монографий: «Морфология сказки» (2-е изд. — 1969), «Исторические корни волшебной сказки» (1946; 2-е изд., посмертное, — 1986), «Русский героический эпос» (1955; 2-е изд., дополненное, — 1958), «Русские аграрные праздники: опыт историко-этнографического исследования» (1963), изданные посмертно «Проблемы комизма и смеха» (1976) и «Русская сказка» (1984); две крупные антологии: «Былины в двух

¹ Впервые опубл.: Русская литература. 1995. № 3. С. 230–235.

томах» (1958, совместно с автором этих строк) и «Народные лирические песни» (1961); цикл статей по сказкам, эпосу и теории и поэтике фольклора (большая часть их издана посмертно в сборнике «Фольклор и действительность», 1976). В архиве ученого (Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 721) есть материал, который представляет безусловный интерес для науки и будет опубликован.

Скажу с полной убежденностью: в перечисленном наследии В. Я. Проппа нет почти ничего такого, что сохраняло бы лишь историографическую или биографическую ценность. Разумеется, есть положения устаревшие, требующие пересмотра, есть спорные высказывания, есть то, что стоит отнести на счет времени, когда работал ученый. Время это для нас уже «другое», и мы стремительно удаляемся от него, расставаясь с его стереотипами, предрассудками и ложными понятиями. И при всем том наследие В. Я. Проппа остается живым, активно действующим: его книги — на наших столах, его идеи продолжают питать современную фольклористику, его методы и подходы по-прежнему актуальны и продуктивны. Остается живым непосредственное воздействие В. Я. Проппа на несколько поколений здравствующих и действующих ученых. В. Я. Пропп полностью развернулся как *учитель* в 50–60-е гг.: его университетские лекции, спецкурсы и спецсеминары по русскому фольклору, по сказке, эпосу, исторической песне, обрядовому фольклору составили блестящую страницу в истории вузовского преподавания фольклора. Несколько поколений ленинградских студентов прошло через эту школу — и среди тех, кто усвоил его уроки, не только будущие фольклористы, но и будущие историки литературы, лингвисты, этнографы, поэты, учителя, деятели культуры.

Школа Проппа — это, конечно же, прежде всего его аспиранты, которых он пестовал внимательно и строго. Большинство их сегодня — маститые ученые: назову здесь А. А. Горелова, В. И. Еремину, Ю. И. Юдина, И. П. Лупанову, Н. А. Криничную, И. И. Земцовского, А. Ф. Некрылову, А. Н. Мартынову, М. П. Чередникову, Л. М. Ивлеву, К. Е. Корепову, О. Н. Гречину... К ним надо добавить тех, кто формально учениками считаться не могут, не слушали его лекций и не были его аспирантами, тем не менее с полным основанием числят В. Я. Проппа среди своих учителей: Е. М. Мелетинского, Б. Н. Путилова, С. Ю. Неклюдова, Е. С. Новик, П. А. Гринцера, Г. Л. Пермякова... И этот далеко не исчерпывающий список позволяет без преувеличения утверждать, что в современной отечественной фольклористике школе В. Я. Проппа (в широком ее понимании) принадлежит господствующее место. Нетрудно заметить, что ее составляют ученые разных интересов, пристрастий, стилей. И это, в частности, потому, что В. Я. Пропп был учителем необыкновенным: никогда он не подавлял учеников и последователей своим авторитетом, не стремился подчинить своим

взглядам, но пробуждал и поощрял самостоятельность мыслей и позиций, ожидал не подражания, но собственных творческих поисков. Он давал крылья, которые позволяли каждому лететь своим путем. Помимо собственно научных заветов и традиций в сознании и в памяти его учеников и последователей сохраняются и поддерживаются принципы, составлявшие нравственный кодекс Учителя.

Труды В. Я. Проппа в главной своей совокупности — это корпус исследований русского классического фольклора. В смысле широты охвата (жанрового, сюжетного, тематического) его творчество не знает себе равных в истории русской науки. Сказки, былины, исторические песни, баллады, обрядовый фольклор, народная лирика — т. е. почти весь основной жанровый фонд русской народной словесности получил в работах В. Я. Проппа монографическое освещение. Что особенно существенно, ему удалось объединить разработку проблем генезиса, содержания и поэтики жанров, чего, пожалуй, до него никому сделать не удавалось. В. Я. Проппу принадлежит заслуга открытия определяющей роли *структурь*, которой, по его убеждению, обладает каждый жанр традиционного фольклора и обнаружение и исследование которой должно лежать в основе (и в начале) генетического, исторического и функционального изучения жанров. В. Я. Пропп как-то признался, что ему свойственна «несчастная способность» — «видеть форму». Это означало — видеть одновременно и структуру, и ее красоту. Увлеченно занимаясь анализом структуры — будь то волшебная сказка, былина или обрядовая песня, — он открывал мир прекрасного, в этой структуре заложенного. Отсюда особенная тональность, особенный эмоциональный настрой некоторых страниц его книг и статей: оставаясь строгим аналитиком, систематизатором, он не боялся дать волю своему восхищению поэтической красотой открывшегося ему художественного явления и как бы звал читателя пережить вместе с ним это эстетическое волнение. В то же время, как никто другой, В. Я. Пропп обладал способностью обнаруживать генетические корни и семантическую наполненность жанровой структуры и в исторически сложившихся сюжетах, мотивах, образах фольклорных произведений видеть их связь с традицией, их преемственность по отношению к традиции. В беседах и устных выступлениях он постоянно подчеркивал, как важно для фольклориста владеть «чутьем» на традицию, на архаику — без него невозможно понять анализируемые тексты.

Здесь как раз впору сказать, что В. Я. Пропп по ходу своих занятий жанрами народной словесности (преимущественно русской) разработал собственную оригинальную концепцию фольклора как феномена художественной культуры. Он не мог удовлетвориться той концепцией, какая сложилась в советской науке к началу 30-х гг. и считалась почти что официальной, во всяком

случае излагалась в учебниках, вузовских курсах, разделялась большинством. Правда, в одном отношении В. Я. Пропп не противоречил ей: под фольклором он понимал творчество народных низов, т. е. ограничивал его в социальном плане; он также склонен был трактовать фольклор как словесное художественное творчество (в наши дни оба эти ограничения подвергаются принципиальному пересмотру: мы готовы теперь рассматривать фольклор как универсальное, не знающее социальных, профессиональных и иных границ явление традиционной культуры, отнюдь не замыкающееся в рамках искусства).

Главное же, что выделяло Проппа, — это его убеждение в глубокой специфичности фольклора, которая находит свое выражение не в каких-то внешних признаках, но в самом существенном — в законах его создания, исторического развития, функционирования, в его социальной роли, в его отношении к действительности. В. Я. Пропп считал принципиально важным разграничить по этим признакам фольклор и литературу, хотя вовсе не воздвигал между ними стены. Признавая важность филологического подхода к анализу фольклорных явлений, В. Я. Пропп настаивал на том, что у фольклористики есть свои методы и задачи, свой предмет, и потому она, пользуясь достижениями литературоведения, не может в то же время оставаться в его рамках.

Основное расхождение обозначалось в вопросе о том, *как* рождается фольклорное произведение. В статье «Специфика фольклора» (1946) он писал: «Воспитанные в школе литературоведческих традиций, мы часто еще не можем себе представить, чтобы поэтическое произведение могло возникнуть иначе, чем возникает литературное произведение при индивидуальном творчестве. Нам все кажется, что кто-то его должен был сочинить или сложить первый. Между тем возможны совершенно иные способы возникновения поэтических произведений, и изучение их составляет одну из основных и весьма сложных проблем фольклористики. <...> Генетически фольклор должен быть сближаем не с литературой, а с языком, который также никем не выдуман и не имеет ни автора, ни авторов. Он возникает и изменяется совершенно закономерно и независимо от воли людей везде там, где для этого в историческом развитии народов создались соответствующие условия»². Исходя из этого базового положения, которое и до сих пор кажется многим парадоксальным и далеко не у всех встречает понимание и поддержку, В. Я. Пропп дал свое истолкование таким специфическим особенностям фольклора, как устность, изменяемость, вариативность, жанровая дифференциация, явление всемирного сходства³.

² Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избр. статьи. М., 1976. С. 21–22.

³ См. там же статьи «Принципы классификации фольклорных жанров» и «Жанровый состав русского фольклора».

Особенный интерес представляют и сохраняют свою актуальность размышления ученого об отношении фольклора и действительности. Догматическая марксистская теория требовала искать в фольклоре прямое отражение народной жизни, реалии быта, классовой борьбы и т. д. В фольклористике тех лет нередко провозглашались идеи реализма в фольклоре, на первый план выдвигались (или искусственно находились) разного рода реалии — бытовые, психологические и т. д. В. Я. Пропп противопоставил этим конъюнктурным и вульгаризаторским опытам принцип строго дифференцированного подхода к явлениям фольклора с обязательным учетом их жанровой специфики. Для целого ряда классических жанров — сказок, былин и др. — он показал решающую роль условности, фантастики, художественного вымысла, исключающего внешнее правдоподобие и эмпирику жизни как сердцевину содержания. Методологическое значение имела критика позиций исторической школы В. Я. Проппом, доказавшим, что былины возникают не из исторических песен конкретно-исторического содержания и не отражают каких-то конкретных событий, но изначально представляют собою эпическое воспроизведение истории в формах вымышленных сюжетов и образов путем трансформации предшествующей архаической эпики. При этом В. Я. Пропп показал, что эти особенности эпоса вовсе не лишают его исторического содержания и смысла, только и то и другое надо понимать сообразно с характером жанра и, главное, с характером исторического сознания народа. Что касается фольклора в целом, то, с точки зрения В. Я. Проппа, стремление «изображать реальную действительность» — это тенденция, которая появляется в фольклоре сравнительно поздно и постепенно пробивает себе дорогу⁴.

В. Я. Пропп оставил нам завет: искать связи фольклора, его сюжетов, мотивов, образов, поэтических элементов с действительностью не на поверхности текстов, не в отдельных реалиях, а в глубинном их содержании, в подтексте, во взаимодействии их с традицией, в способах и характере трансформаций этой традиции, в скрытых этнографических корнях. Именно В. Я. Проппу принадлежит великая заслуга — преодоление привычного поверхностного, иллюстративного прочтения фольклорных текстов и проникновение в их глубину. Здесь он продолжил и развил лучшие традиции отечественной и мировой науки о фольклоре, представленной трудами А. А. Потебни и А. Н. Веселовского, Дж. Фрэзера и Бр. Малиновского, но и внес свой значительный и характерный вклад, встав тем самым в ряд классиков фольклористики.

---

⁴ См. там же статьи «Фольклор и действительность» и «Об историзме фольклора и методах его изучения».

Предлагаемый читателю этюд кажется неожиданным и необычным для творчества В. Я. Проппа. Он становится более понятным, если мы примем во внимание тот реальный контекст, в котором этот этюд возник и сохранился. Среди архивных материалов находится уникальный по-своему документ: «Дневник старости. 1962–196...» (РО ИРЛИ, ф. 721. Оп. 1. Ед. хр. 189). Название дневника точно определяет его характер, сюжетику, настрой, содержание записей. Вот несколько выдержек, позволяющих в какой-то мере приблизиться к пониманию того, что представляет собой дневник, и приоткрыть состояние души его владельца: «Моя жизнь вступает в свою последнюю фазу. Все дело теперь в том, чтобы эту фазу прожить достойно. <...> В старости у меня делается обостренное восприятие и усиливается впечатлительность. Рецепция есть вид продуктивности. Если так, моя жизнь продуктивна, ибо я живу в мирах высокого».

Страницы «Дневника» удивительным образом передают «обостренное восприятие» Владимиром Яковлевичем жизни природы, различных ее состояний, перемен. Запись от 23 декабря 1967 г.: «Солнцеворот. Горизонт светлый. Мороз. И на светлой полосе неба — радуга. Первый раз в жизни вижу радугу зимой. Смотрю как на мистерию. Любуюсь. Хватает за самые глубины». 2 января 1968 г.: «Сегодня небо молочно-серое, но если смотреть внимательно, то на краях оно розовеет, так слабо, что сперва ничего не видно, и только всмотревшись, открываешь красоту».

Столь же обостренно восприятие жизни, текущих дней и прошлого: «Я вижу все не так, как видел раньше. Нет великих и малых событий: есть события только великие». О работе над переизданием «Морфологии сказки»: «Было 4 месяца счастья умственной деятельности. Были дни и часы подъема».

Неожиданный пассаж о далеком: «22 марта 1918 года был для меня одним из лучших в моей жизни. Была Пасха. Самая ранняя, какая может быть. Я смотрю на огни Исаакия с 7-го этажа лазарета в Новой Деревне⁵. Тогда я любил Ксению Н. Она ходила за ранеными. Было воскресение в природе, и моя душа воскресла от признания не только своего “я”. Где другой — там любовь. <...> Я сквозь войну и любовь стал русским. Понял Россию».

И вот еще: «Круг моей жизни замыкается. Я вновь возвращаюсь к воздуху, которым я дышал в юности. Перечитываю Владимира Соловьева:

Земля-владычица, к тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощущил я,
Услышал трепет жизни мировой.

⁵ В. Я. Пропп служил братом милосердия.

Как волновали эти строки 50 лет назад, как забылись потом и как теперь опять составляют то, чем я живу.

Мир представляется мне озаренным...

«Озаренный мир» — это в значительной мере мир художественных переживаний. Рядом со строчками из Владимира Соловьева — Брудель, русские храмы и иконы, любимые композиторы — Моцарт, Шуман, русские классики — Гоголь, Л. Толстой... Суждения автора «Дневника» нередко категоричны, иногда безжалостны, иногда, напротив, подчеркнуто возвышенны (о киjsких церквях: «Можно плакать от счастья. Только люди *на земле* могли создать такое. Ни один город это не может»; о Бруделе: «Вдруг я увидел связь с глубинами народа»; о композиторах: «Искусство музыки кончилось с Шуманом. <...> Под Шостаковича я скучаю. Ничего не могу с собой поделать. Не цепляет. А Моцарт — беспрерывное счастье»; о литературе: «Я “высокомерен” по отношению к писателям, в буквальном смысле этого слова — меряю на высокую мерку. Это выдерживают самые великие писатели, и только их и стоит читать. <...> Литература сильна тем, что вызывает острое чувство счастья. <...> А счастье облагораживает, и в этом значение литературы»).

Очевидно, что в авторе «Дневника» нет ничего от историка литературы, от ее исследователя. Он — *читатель*, меряющий прочитанное собственной «высокой меркой» и, конечно же, глубоко переживающий это чтение (как и слушание музыки, и рассматривание репродукций икон и храмов), соотносящий его со своим душевным миром «в последнюю фазу жизни». При всем том его суждения об искусстве, людях и произведениях искусства необычайно интересны и значительны.

В этом контексте стоит подходить и к этюду о Пушкине.

Имя Пушкина несколько раз появляется на страницах «Дневника». Пронзительная запись летом 1970 г., за несколько недель до смерти: «Купил для дачи однотомник Пушкина. Я не могу прожить недели, не прикоснувшись к Пушкину».

«Прикасаясь» к стихотворению «Жил на свете рыцарь бедный», Владимир Яковлевич выступает исследователем пушкинского текста, но исследователем оригинальным, мало чем напоминающим пушкинистов. Меньше всего мне хотелось бы противопоставлять В. Я. Проппа ученым, специально посвящающим свое творчество Пушкину, — просто хочется подчеркнуть непривычность его подхода. Он видит свою задачу в постижении «глубины и совершенства» стихотворения, в осознании его «сперва как эпического, потом как лирического».

В. Я. Пропп как бы использует свой обширный и эффективный опыт последовательного, неторопливого чтения былинных текстов — с обязательным подключением всех известных вариантов и разночтений, чтобы вникнуть в замысел, в содержание стихотво-

рения в целом и в деталях. По ходу чтения он ставит вопросы, ему не все ясно, что-то он оставляет на будущее. Он не комментатор, но читатель, стремящийся понять текст во всей его глубине. Одна особенность чтения, однако, у В. Я. Проппа для него новая: в работе над былинами, как и над сказками и песнями, он оперировал на уровне сюжетов, мотивов, формул, «типовских мест», фразовых отрезков. Фольклорный текст, как правило, не требует проникновения в *отдельное слово*, поскольку в большинстве случаев оно может быть заменено рядом синонимов и текст не претерпит изменений; работа с пушкинским текстом потребовала именно самого пристального внимания к *каждому слову*. В этом смысле анализ «Рыцаря бедного» для Владимира Яковlevича — дело новое, не-привычное. Читателю судить, как он справился с этой новой для него задачей. Я же ограничусь еще одним замечанием. В. Я. Пропп выступает в роли своеобразного критика пушкинского текста. Он не только хочет понять Пушкина — он преисполнен желания видеть пушкинский замысел в его совершеннейшем воплощении. Отсюда неожиданные замечания по поводу отдельных поправок поэта («видел он» — «значительно хуже»), но и «оправдания» других поправок («на дороге» вместо «на пути»), и всякий раз — потребность уяснить «изнутри», отчего поэт предпочел то или другое слово, отчего произвел замену. И главное — умение «критика» постигнуть через пушкинское слово или стих глубину смысла целого, красоту идеи и ее воплощения.

Я думаю, что этюд В. Я. Проппа о стихотворении «Жил на свете рыцарь бедный» вносит свой вклад в наше понимание этого произведения, не говоря уже о том, что он с новой стороны освещает нам личность ученого, чей столетний юбилей мы нынче отмечаем.

III ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДРУЗЕЙ И УЧЕНИКОВ

И. П. ЛУПАНОВА¹

УЧИТЕЛЬ И ДРУГ²

Впервые я увидела В. Я. Проппа в 1940 г., студенткой первого курса Ленинградского университета. Профессор М. К. Азадовский, читавший курс русского фольклора, устроил для нас встречу с одним из еще уцелевших к тому времени «носителей народного творчества» (кажется, это был сказитель Рябинин-Андреев, последний в знаменитом роду Рябининых). Наряду со студентами были приглашены некоторые ленинградские ученые фольклористы.

Среди них сразу бросился в глаза седой человек с красивым и очень интеллигентным лицом. Он сидел в сторонке от «именных гостей» и во взгляде его была какая-то отрешенность: казалось, что он совершенно выключен из атмосферы всеобщего оживления, царившей в аудитории. После окончания «мероприятия» я спросила Марка Константиновича, который стал к тому времени моим научным руководителем, кто этот незнакомец. Он ответил, что это профессор Владимир Яковлевич Пропп и что он работает на кафедре этнографии. Помолчав, он добавил: «Очень талантливый человек. И очень невезучий».

Что понимал под «невезучестью» мой мэтр, оставалось для меня неясным лишь до тех пор, пока я не проштудировала вузовский учебник. В нем Пропп был назван представителем «формалистического направления, несовместимого с принципами и методами марксизма-ленинизма». В качестве примера «формализма» приводилась изданная в 1928 г. книга «Морфология сказки».

Тогда, изучая учебник, я, конечно, не могла знать, какие реальные события стояли за этой характеристикой. Ни о том, что

¹ Ирина Петровна Лупанова (1921–2003) — фольклорист, литературовед, специалист по детской литературе. Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Карелия.

² Впервые опубл.: *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры*. СПб., 1995. Vol. 1, № 3. С. 401–407.

автор книги был изгнан из Пушкинского Дома, ни о том, что на протяжении многих лет единственной работой, которую рискнуло ему доверить университетское начальство, было... преподавание немецкого языка! Все это станет мне известно много позже. Но и сейчас не представляло особого труда догадаться, что «противостояние идеям марксизма-ленинизма» не могло пройти даром. Что касалось самой заклейменной книги, то мое знакомство с ней состоялось два года спустя.

Шел третий год Великой Отечественной. После уймы мытарств я добралась наконец до своего родного университета, эвакуированного в Саратов. К тому времени я окончательно определилась в отношении моей будущей специальности. Оба военных года я переписывалась с М. К. Азадовским, жившим в эвакуации в Иркутске. И теперь, в Саратове, стала, с его благословения, посещать фольклорный семинар, который вел В. Я. Пропп.

А семинар оказался посвящен изучению... «Морфологии сказки»! Да-да, той самой книги, что сыграла столь роковую роль в судьбе ее автора! Впечатление от знакомства с ней было *оглушительное*. К этому времени я уже была достаточно начитана в области сказковедческой литературы, но здесь передо мной была книга-открытие. Я не могла тогда знать, что «Морфология сказки» на три десятка лет опередила свое время. Что придет пора, и она будет переведена на все европейские языки, а мировая филологическая наука назовет Проппа «отцом русского структурализма». Ничего этого нельзя было предвидеть. Но то, что передо мной труд не просто талантливого, но (не побоюсь этого слова) гениального ученого, я поняла сразу. Она поражала глубиной мысли, неожиданностью заложенной в ней идеи, воплощенной в изящную форму, доказанной безупречными логическими построениями. И при этом она была удивительно «доходчива», понятна для читателя. (Впоследствии, когда советская наука взяла на вооружение методы структурного анализа, приходилось читать немало работ, где было не прорваться через частокол терминологических изысков, а проравившись, взгляд упирался в пустоту, в банальность. «Морфология сказки» при всей сложности ее содержания была «доступна», как были «доступны» все следующие книги Проппа.)

Вспоминая теперь наши саратовские штудии, я спрашиваю себя: что двигало Проппом, когда он выносил на аспирантский семинар обсуждение своего «крамольного» труда? Ведь в те нелепые и страшноватые времена в этой акции был безусловный риск. Видимо, он сознательно шел на него. Потому что был уверен в своей научной правоте. Потому что, не имея возможности пробить стену неприятия советской филологической науки, он пытался донести дорогие ему мысли до молодых умов нового поколения...

Итак, мы изучали «Морфологию сказки». Она была в единственном экземпляре в Публичной библиотеке Саратова. Мы переписали ее от руки. Это был ее «второй тираж».

В ту саратовскую пору я общалась с Проппом только в университетских стенах и только в процессе наших семинарских занятий. Да и там старалась, как нынче выражаются, «не высокачествовать». И не только и не столько потому, что, будучи студенткой-второкурсницей, стеснялась аспирантского окружения. Основной причиной была совершенно несвойственная мне робость, которую я ощущала перед руководителем. Несомненно, некоторую роль играла здесь разница между привычной для меня доброжелательной открытостью Азадовского и холодноватой замкнутостью Проппа. Но главное было в другом: в осознании пропасти, которая лежит между моим заурядным интеллектом и могучим дарованием этого человека. Я никогда не страдала «комплексом неполноценности», но тут... Я буквально боялась открыть рот, чтоб не сморозить какую-нибудь глупость. Я просто изнемогала под бременем заторможенности и косноязычия. Даже положительный отзыв Проппа на выполненную мной (по собственной инициативе) небольшую работу о сказке не избавил меня от чувства собственной несостоятельности. Казалось, меня просто пожалели. (Позднее-то я на собственной шкуре убедилась, как умеет «жалеть» этот человек, если дело касается науки! Но об этом — потом.)

Весной 1944 г. нашему ректору А. А. Вознесенскому (позднее погившему в подвалах Лубянки) удалось вывезти университет в родные края. Вскоре возвратился из эвакуации М. К. Азадовский, и я снова стала его ученицей. Владимира Яковлевича я не встречала — этнографическое отделение размещалось в другом здании. Я даже не знала, что его работа в Саратове могла оказаться последней в жизни: перед самым нашим отъездом «власти» вдруг вспомнили, что Пропп — из обруссевших немцев. Этого оказалось достаточно, чтобы отобрать у него паспорт, и только решительное вмешательство Вознесенского уберегло его от ареста.

Наша новая встреча произошла через три года после нашего возвращения в Ленинград. Я оканчивала университет. Впереди была защита дипломной работы. Тему я придумала сама, и звучала она для той поры несколько вызывающе: «Русский народный анекдот». Поскольку Марк Константинович был уверен (и вполне обоснованно), что в такой огласовке работа не будет утверждена Ученым советом, мы прибегли к камуфляжу. Дипломная получила название «Сказка-анекдот в русском фольклоре». Парадокс заключался в том, что весь смысл работы состоял именно в доказательстве совершенно самостоятельной жанровой природы анекдота, имеющего к сказке весьма косвенное отношение. Камуфляж обусловливал некоторые дополнительные трудности при защите.

Можно представить себе мое состояние, когда я узнала, что оппонировать мне вызвался... Пропп!

Я плохо помню свою кандидатскую защиту. И даже докторскую. Но эту, первую в моей жизни, помню во всех деталях. Вступительная фраза Проппа звучала так: «Работа превосходная (последовала пауза, во время которой я успела расплыться в широкой счастливой улыбке)... Но ни с одним ее положением я не согласен». Думаю, не только я — весь наш актовый зал окаменел. Такого в этих стенах еще не слыхали. Если работа признавалась оппонентом удачной, то дальше, как правило, следовали разные «частные замечания», которые «в общей оценке ничего не меняли». А тут!

Говорят, отчаяние придает силы. Выйдя из полуобморочного состояния, я боролась за свою жизнь в науке с энергией утопающего. На традиционный вопрос председателя госкомиссии: «Удовлетворены ли вы ответом?» — Пропп ответил: «Хоть и не убедила, но защищалась отлично».

Лишь много позднее я поняла, какой высокой чести я тогда удостоилась, ведь у Проппа, занимавшегося в то время проблемой комического в фольклоре, была *своя* концепция анекдота. И он нашел возможным спорить со мной, студенткой, «на равных»!

Следующая встреча произошла при обстоятельствах весьма печальных. В конце сороковых страну потрясли очередные репрессии — на этот раз «процессы космополитов». В эту мясорубку попал и М. К. Азадовский. Наряду со многими другими учеными он был вышвырнут из университета. На некоторое время мы оказались «бесхозными». Однако начальству нужно было что-то делать: кафедра фольклора была уничтожена, но фольклористы-то остались! И дипломники, и аспиранты. И вот тогда где-то там, «в верхах», вспомнили об опальном «немце». Правда, за последнее время он опять успел подмочить репутацию, издав книгу «Исторические корни волшебной сказки», в которой, по мнению ретивых рецензентов, «протаскивались религиозные идеи». Однако на фоне губительной «космополитической заразы» это уже не выглядело слишком серьезной опасностью.

Короче, осенью пятидесятого года Владимир Яковлевич пришел в нашу аспирантскую группу в качестве руководителя. Пятидесятый год был последним, заключительным годом моей аспирантуры. Но вступала я в него, не имея в заначке ничего, кроме названия диссертационной темы. Первый год, как водится, ушел на сдачу «минимумов», половину второго съели всевозможные «общественные поручения», а дальше наступили названные выше события, отнявшие у меня любимого учителя и совершенно выбившие меня из колеи. И сейчас на вопрос нового руководителя: «Что у меня сделано по теме?» — я могла ответить только красноречивым молчанием. Реакция последовала незамедлительно: «Через месяц принесете первую главу или расстанемся».

Я знала, что это — не пустые слова. Слухом земля полнится, и нам было известно, что Пропп — единственный из руководителей, способный запросто «уволить» аспиранта, даже добравшегося до третьего курса. (Однажды в будущем он расскажет мне с возмущением об одной своей аспирантке, которая в ответ на его упрек в недостаточном усердии сказала, что работает по восемь часов в сутки. «Представляете, — негодовал Владимир Яковлевич, — всего по восемь! Я ей сказал, что нужно работать по шестнадцать!»)

Надо сказать, что в это время, после всего, что случилось, я не очень-то дорожила своим аспирантским статусом. Но сейчас на меня смотрели требовательные глаза человека, перед которым я не переставала ощущать «священный трепет». И так вдруг захотелось доказать, что «и мы не лыком шиты!» Словом, я прочно засела в Публичку (так фамильярно именовали мы тогда Государственную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина) и через месяц явилась с черновиком первой главы. Владимир Яковлевич тут же, при мне, пролистал ее, и впервые за все годы знакомства я увидела, как он улыбается...

Я закончила диссертацию в срок. Помогла и жесткая требовательность нового руководителя, и, что главное, — его собственный пример великого подвижника, свидетельствующий, что как бы ни пытались всякие беззрады и конъюнктурщики загнать в угол настоящую науку — она жива, и служить ей — дело чести.

Владимир Яковлевич редко хвалил меня, равно как и моих товарищей по аспирантуре. Его истинное отношение ко мне я поняла только в день защиты кандидатской диссертации. Он не присутствовал на ней, был болен. Но вернувшись в свою «общагу», я нашла на столе телеграмму: «Поздравляю блестящей защитой. Пропп». Телеграмма была отправлена в час, когда защита только что началась, и было совершенно неизвестно, окажется она «блестящей» или провальной (кстати, последний вариант вовсе не исключался: мы оба знали, что реакция знакомившихся с диссертацией фольклористов отнюдь не однозначна). Но он-то, оказывается, не сомневался! Это было для меня счастливым открытием. И «открытие» самого Проппа, уже не как ученого, а как человека, началось именно с этого дня.

Я уехала работать в Петрозаводск, но довольно часто наведывалась в город моей студенческой и аспирантской юности. Каждый раз по приезде я прежде всего отправлялась на улицу Марата, где в крохотной полуподвальной квартирке ютилась семья моего учителя. Квартирка была переоборудована из бывшей «швейцарской», перегороженной книжными полками на три отсека; кабинет, комнату сына и общую, служившую и гостиной, и спальней, и кухней. В «кабинете», кроме книг, помещалось только пианино (на котором Владимир Яковлевич играл мне иногда своего любимого Баха).

Но мне было очень уютно в этом закуточке. Здесь мы беседовали обо всем на свете — о книгах, о концертах, об общих знакомых и, конечно, о наших фольклористических делах. Я была в курсе всех его «задумок», и он, в свою очередь, не только постоянно интересовался моими научными занятиями, но и с удивительным терпением читал все, что я писала.

Когда я впервые попала в это тесное жилище, меня поразило ощущение не то чтобы бедности, но, во всяком случае, малообеспеченности его хозяев. Мне казалось, что на профессорскую зарплату можно было бы жить побогаче. Только много позднее, от жены Владимира Яковлевича, ставшей уже вдовой, я узнала, что «профессорская зарплата» шла не только на семью, но и на помочь двум дочерям от первого брака, и на содержание больной сестры, и на воспитание племянника. Гонорары? Но в пору, о которой идет речь, его книги выходили в издательстве Ленинградского университета, не платившего авторам ни копейки. Но, как кажется, Владимир Яковлевич не страдал от убогости быта: наука заменяла ему все, кроме родственных и дружеских связей.

В наше время слово «бессребреник» звучит разве что в каком-нибудь ироническом контексте. Но именно оно было когда-то одним из определяющих понятия «интеллигент». Таким вот бессребреником запомнился мне и профессор Пропп. Не то чтобы ему было вообще наплевать на деньги, — просто они в его жизни никогда не становились целью. Характерно, что, начав писать очредную книгу и в более поздние, и более благополучные для него годы, он очень редко заключал предварительный договор с издательством: «Напишу, а там будет видно».

За десять лет до своей кончины он, наконец, получил настоящую квартиру. Четырехкомнатный дворец, где у него был кабинет, в котором можно было работать без аккомпанемента стучащих за самодельной «стеной» вилок-ложек. Сюда я приезжала уже не просто «повидаться», но и «пожить». Здесь можно было принимать не только друзей, но и учеников и даже иноземных гостей. Они валили сюда толпами — не только фольклористы, но и все те, кому оказывалась нужна консультация по какому-либо фольклорному вопросу, возникшему в процессе работы над русской, советской или еще не знаю какой литературой. Он был открыт сейчас для общения, он уже мог позволить себе выйти из той замкнутости, на которую обрекли его долгие годы гонений. Теперь в его дверь стучалась *мировая слава*. Его крамольная «Морфология сказки» уже печаталась в Европе. Ее французское издание он успел подержать в руках накануне смерти...

Вот уже двадцать пять лет как нет этого замечательного ученого, чья судьба повторила судьбы столь достойных людей нашей многострадальной России. Он оставил после себя книги, всегда открывающие читателю что-то удивительно новое

в, казалось бы, давно изученном вдоль и поперек фольклорном материале — будь это сказки, или былины, или лирические песни, или календарная поэзия, или еще и еще что-нибудь. Они стоят на моем стеллаже, эти книги, с неизменным автографом: «От старого друга». А еще у меня есть его письма. Много, целые связки, — ведь мы переписывались два десятка лет. В письмах он совсем не тот суровый, замкнутый, до беспощадности требовательный ученый, каким представлялся мне в студенческие и аспирантские годы. В письмах он добрый, внимательный, откликающийся на все мои радости и горести *друг*.

...В свое время, когда вдова Владимира Яковлевича, с которой нас тоже связывала большая дружба, отдавала его архив в Пушкинский Дом, я не захотела расставаться с письмами. Придет время — я оставлю их своим ученикам. Они знают Проппа-ученого, пусть познакомятся с Проппом-человеком.

О. Н. ГРЕЧИНА¹

ЧЕЛОВЕК ДРУГОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ²

Большой доходный дом по улице Марата № 20 имел три двора, и в глубине третьего слева стоял маленький флигель в два или три этажа, весь окруженный, как венком, поленницами распиленных и расколотых дров, доходивших до уровня окон первого этажа и, как водится, сверху укрытых от дождя и зломуышленников кусками толя и старого железа.

Слева, у подножия лестницы, была разбухшая от сырости обитая мешковиной дверь, видимо, бывшей дворницеей. Когда дверь отворялась, нужно было еще спуститься по ступенькам вниз в небольшую комнату, которая служила одновременно прихожей, столовой и кухней. Сюда же выходили двери двух комнат и уборной. Воздух в квартире был сырой и спертым (от дров), было всегда холодно.

---

¹ Гречина Ольга Николаевна (1922–2000) — филолог, фольклорист, кандидат филологических наук. Внучка выдающегося русского слависта и историка В. И. Ламанского. С 1939 г. училась в 5-й русской группе филологического факультета ЛГУ вместе с Ю. М. Лотманом, во время войны посыпала ему на фронт из блокадного Ленинграда письма и книги. Дружеские отношения с Ю. М. Лотманом и его женой З. Г. Минц сохранились до конца жизни обоих. В 1948–1953 гг. училась в аспирантуре ЛГУ, тема работы — партизанский фольклор Псковского края (научн. руководитель — В. Я. Пропп (см.: Гречина О. Н. Спасаюсь, спасая: Воспоминания о блокаде // Нева. 1994. № 1. С. 211–283; № 2. С. 199–248)). Дружили семьями до смерти В. Я., а потом и его вдовы. В 1950–1965 гг. преподавала на кафедре советской литературы ЛГУ, затем в Политехническом институте и в Педагогическом институте им. А. И. Герцена (в последнем — русский язык как иностранный, разрабатывала методику обучения иностранцев). В 1964 г. вдохновила свою дочь-подростка М. Осорину собирать детский фольклор, к 1970 г. появилась большая коллекция страшных историй, названных «страшилками». — Примеч. М. В. Осориной.

² Впервые опубл.: Неизвестный В. Я. Пропп / предисл., сост. А. Н. Мартыновой, подгот. текста, comment. А. Н. Мартыновой, Н. А. Прозоровой. СПб., 2002. С. 459–472.

Придя в этот дом впервые, я в смущении и недоумении остановилась на пороге: может ли быть, что в такой убогой квартире живет профессор ЛГУ, известный ученый Владимир Яковлевич Пропп?

Хозяин появился на пороге, очень любезно начал снимать с меня пальто, и по узкому коридорчику, где двоим было не разойтись, я вошла вслед за Владимиром Яковлевичем в его кабинет. От смущения я не смела даже оглядеться. Бросились в глаза лишь окно бровень с дровами и большой стиранный письменный стол без обычного беспорядка бумаг, пустой. Справа от него стояло обтянутое синим бархатом старенькое кресло, куда обычно хозяин сразу же усаживал гостя: комната тоже была очень узкой.

Мое смущение при первом визите в дом Владимира Яковlevича имело свои основания. Стояла осень 1950 г. Совсем недавно прошли гнусные собрания по «разоблачению космополитов», когда один за другим выходили на трибуну «верные ученики» Азадовского, Гуковского, Жирмунского, Бялого, Эйхенбаума и других «космополитов» и поносили своих учителей, обвиняя их в том, что они их неправильно учили, «обманывали», «давали камень вместо хлеба» и т. д.

В таких условиях никто никому доверять не мог, тем более, когда приходит в дом незнакомый человек. Я ожидала недоверия и напряженности со стороны Владимира Яковлевича, ибо это была обычная атмосфера общения в то время. Но он был очень любезен и спокоен. Владимир Яковлевич не был задет на том собрании потоком грязи, который изливали ученики на учителей. Он сам выступил с речью, где ни в чем не каялся (а «Советская культура» и о его трудах писала в гнусных и ругательных тонах) и пытался объяснить собравшимся сложности исследовательской работы в филологии. В своем выступлении Владимир Яковлевич не нервничал и не терял своего достоинства. Нам тогда очень понравилась его речь. Владимир Яковлевич зимой 1950 г. пережил первый инфаркт (пока еще «микро»). Была закрыта кафедра фольклора, на которой он имел полставки по фольклору, все еще продолжая преподавать и немецкий язык.

Бывшие аспиранты М. К. Азадовского теперь механически переходили к Владимиру Яковлевичу, но он не знал ни нас, ни наших тем. Было нас, аспирантов, человек восемь–девять; со второго курса аспирантуры я, Ира Лупанова и бурятка Лиза Баранникова.

Вторая причина моего смущения была в том, что я уже училась у Владимира Яковлевича в просеминаре по фольклору, обязательному для всех студентов первого курса. Это было еще до войны, в 1939 г. Нам тогда было по 17–18 лет, и мы были наивны и глупы, что сказывалось и в наших докладах. Только староста V русской Юра Лотман ведал, что творит, когда писал свой первый в ЛГУ доклад, а мы еще не чувствовали своей будущей специальности и ее специфики. Владимир Яковлевич тогда придумал для нас очень интересный тип семинара: все писали на одну и ту же тему — «Сюжет

боя отца с сыном в мировом фольклоре». Это давало возможность сравнивать доклады (и сюжеты!), всех включало в общую работу.

Не случайно потом многие из того семинара, став сами преподавателями вузов, использовали этот педагогический прием Владимира Яковлевича.

Я очень боялась, что Владимир Яковлевич вспомнит о том моем докладе, так как я считала его своим позорным провалом: я взяла немецкий сюжет о Гильдебранте и Гадубранте, увлеклась переводом, который у меня не вышел как следует, потому что это был древненемецкий язык, которого я не знала, а анализ сделать уже не успела. После этого я очень дичилась Владимира Яковлевича, хотя меня восхищали его труды и увлекла его методика. Я ходила на все его доклады (он тогда занимался русскими былинами), здоровалась с ним, когда встречались на кафедре, но этим и ограничивалось наше общение.

Перед встречей с новым руководителем было много разговоров о том, какой он. Одни уверяли, что он замкнут и суров, другие считали его простым и добрым. На кафедре его третировали как «кабинетного ученого», который «ни разу не был в экспедиции и не записывал фольклор», что, впрочем, ему было совершенно не нужно.

В это время уже были написаны две главные книги В. Я. Проппа. Это гениально простая «Морфология сказки» (1928), которая через 30 лет после выхода в свет будет переведена на все главные языки мира и ее признают предтечей нового направления в гуманитарных науках — структурализма.

А в 1946 г. вышла в издательстве ЛГУ монография по докторской диссертации Проппа «Исторические корни волшебной сказки». Написанная предельно просто, она увлекательна, как детектив.

Однажды в мое отсутствие зашел знакомый врач, дожидаясь меня, стал читать эту книгу и не мог оторваться, умоляя дать ему хоть на ночь, чтобы дочитать.

Уже после смерти Проппа выйдет второе издание этой книги и скоро станет библиографической редкостью...

А пока обе книги подвергаются грубейшим разносам в печати, на Проппа уже навешен ярлык «формалиста», корни волшебной сказки признаны опасно разросшимися за пределы «русской почвы», и, пользуясь кампанией борьбы с космополитизмом, громилы-критики безнаказанно разносят «Исторические корни волшебной сказки», потому что автор и сам-то «космополит», хоть и не еврей, но немец, что тоже подозрительно...

И пока никто не знает, что всего через восемь лет обе эти книги помогут Владимиру Яковлевичу сделать первый шаг к мировой славе.

А до получения новой квартиры осталось еще больше десяти лет, и пока хозяин отдельного полуподвала встречает на пороге свою новую аспирантку.

Когда я пришла впервые на улицу Марата, оказалось, что страшного ничего нет.

Владимир Яковлевич честно признался, что партизанского фольклора, которым я занималась, он не знает, но с удовольствием узнает из моей работы, обещал методическую и теоретическую помощь.

Наше общение продолжалось недолго: в декабре 1950 г., не успев завершить диссертацию, я родила дочь Машу. Для аспирантки 49–50-х гг. этот радостный факт был чреват большими неприятностями.

Наш ректор А. А. Вознесенский придумал целую систему карательных мер на случай появления у аспирантки ребенка до диссертации: предлагалось даже снижать на какой-то процент зарплату руководителя, не говоря уже о выговорах, на которые Вознесенский был очень щедр. Все это сильно портило отношения руководителей с демографически несдержанными аспирантками, а их держало в таком страхе, что они нелегально и за большие деньги делали себе зверскую операцию – вливание йода (abortы были тогда строжайше запрещены, а вливание гарантировало бездетность, многим, как оказалось, на всю жизнь).

Некоторые руководители, принимая девушек в аспирантуру, требовали от них «обета безбрачия» или, по крайней мере, бездетности. Я, не успев выяснить, как мой научный руководитель будет реагировать на подобную ситуацию, известила Владимира Яковлевича покаянной открыткой из роддома. В ответ я получила очень сердечные поздравления с этим радостным для меня событием:

«11 декабря 1950 года.

Дорогая Оля!

От всей души поздравляю Вас с появлением у Вас маленькой Машеньки, а маленьку Машеньку поздравляю с появлением на этот свет, где в общем живется не так уж плохо. Очень, очень за Вас рад и желаю Вам, чтобы Вы в своих детях были счастливы. Пишу «детях», т. к. теперь надо думать об Иванушке. Павел Николаевич съел бы Вас живьем, а я нет, я даже рад, а диссертация подождет.

За нее я не беспокоюсь, а беспокоюсь за Вас, пока Вы находитесь в учреждении, именуемом больницей.

Надеюсь, что Вы выйдете скоро и что у Вас все хорошо.

Умница! Хвалю.

Ваш В. Пропп».

И вот осенью 51 г. я везу Владимиру Яковлевичу наспех дописанную диссертацию и Машу, важно восседающую в голубой коляске. Владимир Яковлевич и его жена Елизавета Яковлевна встретили меня так тепло и сердечно, что все мои тревоги прошли. Владимир Яковлевич сфотографировал этот наш визит. Оказалось, что он увлекается фотографированием и особенно любит снимать детей. В дальнейшем Владимир Яковлевич часто приглашал меня с дочерью к себе, а когда родилась вторая, пришел

с Елизаветой Яковлевной к нам в гости и подарил новорожденной красивый розовый конверт.

Детские фотопортреты Владимира Яковлевича отличались не только профессионально высоким уровнем работы, но и глубиной психологизма.

Наши отношения становились все более дружескими, особенно после того, как я защитила диссертацию в феврале 1952 г. Теперь мы были коллегами, и Владимир Яковлевич стал называть меня в университете только по имени и отчеству. Кликать своих учеников до старости по имени и на «ты» — этого он не мог себе представить.

Чем больше я узнавала Владимира Яковлевича, тем более утверждалась в странной мысли, что Владимир Яковлевич принадлежит к какой-то ушедшей цивилизации, уже покинувшей землю. Даже внешность его — большие, чуть выпуклые карие глаза под тяжелыми веками, усы и бородка «эспаньолка», которых никто уже не носил тогда, напоминали портреты людей Возрождения, а может быть, даже Средневековья. Обхождение с женщинами шло явно от рыцарских времен.

Однажды я увидела в пустом коридоре филфака, как Владимир Яковлевич приветствовал Ольгу Михайловну Фрейденберг. Эта гениальная женщина, явно недооцененная современниками, пользовалась особым уважением Владимира Яковлевича. И вот, встретившись с нею в пустом коридоре, он вдруг согнулся в почтительном поклоне, слегка помахав перед собой правой рукой, в которой я вдруг «увидела» шляпу с тяжелым до пола пером.

Сейчас мы гораздо больше знаем о людях этой ушедшей цивилизации: Вернадский, Вавилов, Чаянов, Чижевский, Флоренский — вот ее представители. Тогда мы не знали о них ничего. Владимир Яковлевич был один такой среди тех, кто работал в те годы. Никто из них не печатал *всех* своих трудов в невыгодном безгонорарном издательстве ЛГУ. Только вторые издания приносили доход, первые же были сущим разорением: одна перепечатка текста чего стоила! При этом в доме не было лишних денег: Владимир Яковлевич помогал своей старшей дочери и внучке, содержал семью своей первой жены, когда в 1937 г. они лишились кормильца; сестра Елизаветы Яковлевны, инвалид, жила до самой смерти в их доме, помогал он и своим двум сестрам.

Когда Владимир Яковлевич умер, деньги на памятник собрали среди учеников и друзей Владимира Яковлевича. Прекрасную его фольклорную библиотеку Елизавета Яковлевна продала за бесценок (три тысячи, больше дать не смогли!) в Петрозаводск, а деньги разделила между родственниками Владимира Яковлевича, послав и двум старушкам-пенсионеркам, сестрам Владимира Яковлевича, которые бедствовали где-то в провинции.

Жители флигелька на Марата быстро узнали, что профессор из полуподвала никогда не отказывается дать в долг «до получки»,

и пьяницы-соседи начали этим беззастенчиво пользоваться, их жены еще и скандалы устраивали: «Зачем дал моему на опохмелку!»

Елизавета Яковлевна видела в этом поощрение пьянства и тоже не одобряла, но Владимир Яковлевич искренне недоумевал: «Но ведь если он просит, значит, ему действительно нужно!» Не скучился он и на щедрые подарки ученикам в связи с разными событиями и на всякие взносы, которые вечно собирали с нас на кого-нибудь или что-нибудь.

На личные расходы оставалось явно мало: я помню Владимира Яковлевича всю жизнь в одном костюме и стареньком синем демисезонном пальто, которое он носил зимой и летом. На плече оно разорвалось и было зашито через край. Одно домашнее платье было и у Елизаветы Яковлевны, в последние годы уже порядком заштопанное, а на волосах дома — сетка, чтобы прическа была всегда в порядке. Проблема одежды для себя никогда, видимо, их не волновала. Не было и никаких излишеств в быту. Гостей встречали хлебосольно, но меню было обычным, как у нас всех, профессорской роскоши никогда не бывало...

Удивляло нас, что Владимир Яковлевич никогда не позволял себе ни слова сказать про тех, кого он не любил и кто ему причинял много неприятностей. Даже в самых грубых разносных статьях про него он пытался найти какой-то смысл.

Мы тогда жаловались ему на бесцеремонность и грубость ректора А. А. Вознесенского. Он всегда останавливал нас: «О нем я могу говорить только с благодарностью — он спас меня от смерти!»

Действительно, в июле 1941 г. Пропп получил из милиции повестку: в 24 часа явиться, имея запас вещей и продуктов. Это была срочная высылка из Ленинграда всех немцев. Владимир Яковлевич пошел к ректору с этой повесткой, и тот быстро освободил его от явки, которая, конечно, грозила бы гибелью и Владимиру Яковлевичу, и его семье.

Никто так не жалел Вознесенского, как Владимир Яковлевич, когда вслед за братом, Н. А. Вознесенским, был расстрелян и А. А. Умение быть благодарным за добро — одна из характерных черт этой ушедшей цивилизации, как и глубокое чувство своего человеческого достоинства: не отрекаться никогда от того, что считаешь истиной, и не позволять унижать себя.

Запомнился один эпизод из быта кафедры фольклора. При подведении итогов года оказалось, что у Владимира Яковлевича не хватает до полной нагрузки 20 часов. М. К. Азадовский заявил: «Ну вот, курсом на ОЗО мы догрузим Владимира Яковлевича!» И тут впервые Пропп взорвался: «Этого курса я читать не стану!» — покраснев от гнева, заявил Владимир Яковлевич. Действительно, все курсы в это время читал Владимир Яковлевич (М. К. страдал болезнью голосовых связок), а всех аспирантов вел М. К. Нагрузки несопоставимые по трате энергии, при этом ниче-

го не стоило списать недостающие часы на консультации или еще что-либо фиктивное, так делали всегда. «Догрузка» ОЗО была унижением, Владимир Яковлевич этого не допустил.

Получив аспирантов М. К. Азадовского, Владимир Яковлевич ни словом, ни намеком, ни даже интонацией голоса не показал своего отношения к бывшему начальнику, хотя многие другие на его месте не удержались бы.

Когда Владимир Яковлевич незадолго до ухода на пенсию в течение года заведовал кафедрой русской литературы, он удивил коллег и идеальным порядком в делах кафедры, и строгой требовательностью к коллективу. Однако все подчинялись, уважая моральный авторитет Владимира Яковлевича, хотя и звали его шутя «железный канцлер». Внутренняя дисциплина и высокая требовательность к себе и другим были его характерными чертами.

Вспоминали, что в годы эвакуации ЛГУ в Саратове Владимир Яковлевич ходил на все трудпоминности и копал землю вместе со всеми в жару и в холод, хотя для профессоров это, вероятно, не было таким уж обязательным.

Отношение Владимира Яковлевича к студентам тоже резко отличалось от общей послевоенной нормы. До войны преподаватели уделяли большое внимание каждому отдельному человеку. Помню, как профессору И. И. Толстому понравилась моя записка на лекции. Он попросил автора (я не подписалась) подойти в перерыв, повел меня в буфет, усадил пить чай с собой, разговаривал, выясняя мои интересы. А я была для него неизвестная первокурсница. С первого курса М. К. Азадовский намечал перспективных студентов в свой семинар. И так было почти у всех. В послевоенные годы эта тенденция ослабела, а погромы 49–50-х гг. почти полностью подорвали близкое общение студентов и преподавателей. И петух не успевал кукарекнуть, как многие из семинара трусливо отрекались от своего учителя-«космополита». Оставались немногие доверенные люди, которые старались не афишировать свою связь с опальным учителем. На дому проводили занятия лишь те, кому по болезни было трудно ходить. Например, В. Е. Евгеньев-Максимов, А. Н. Орлов и другие старики.

Пропа же и в эти трудные времена не утратил способности в каждом искать нечто индивидуально ценное и пестовать это качество. Он удивительно умел ободрять людей и внушать им веру в свои силы. М. П. Чередникова вспоминала, что только самые безнадежные доклады в фольклорном студенческом семинаре не вызывали одобрительных замечаний. В таких случаях Владимир Яковлевич замолкал и мрачно смотрел на тополь за окном. Студенты знали, что это сигнал крайнего его неудовольствия, хотя он признавал печальную необходимость существования и слабых учеников.

Владимир Яковлевич заботливо отучал студентов от синдрома экзаменационного страха, который часто заставлял первокурсника

бросать самый простой билет и бежать с экзамена. В послевоенном нервном поколении такая реакция не была редкой. Владимир Яковлевич заставлял такого студента вернуться, сесть и все хорошенько обдумать. Его благожелательность успокаивала, и все обычно кончалось благополучно.

Это внимание к студенту мы, ученики Владимира Яковлевича, переняли от него. Я однажды даже на вступительных экзаменах в ЛГУ, где конкурс был огромный и надо было «резать», а не уговаривать, заставила одну девицу вернуться и обдумать ответ. Оказалось, что она знает все на твердую пятерку, а сработал «синдром страха».

Студенты очень ценили не только академическое, но и человеческое внимание к себе Владимира Яковлевича. Я не знаю другого примера, чтобы профессор годами переписывался со своими бывшими ученицами, попавшими надолго в больницу, как Лариса Ивлева, или в трудные условия работы, как М. Чередникова или Юля Пантелейева. Юля признавалась мне потом, что только письма Владимира Яковлевича позволили ей год выдержать работу учителя в детской трудовой колонии, где ученики бросали в нее поначалу дохлыми кошками.

Владимира Яковлевича отличала и какая-то совершенно особыя предупредительность вообще ко всем людям. Так, когда в их квартире переменили номер телефона, все возможные собеседники Владимира Яковлевича получили от него открытки с его новым номером телефона.

Один такой случай удивительной предупредительности Владимира Яковлевича касался лично меня. Я договорилась к 5 часам принести к нему на Марата рецензию на его статью в «Ученые записки». В четыре часа в нашей квартире вдруг раздался звонок с черного хода. (В это время уже работал лифт, и все ходили с парандой.) Муж открыл дверь и с удивлением увидел Владимира Яковлевича.

Я выбежала тоже: «Зачем же вы пришли, Владимир Яковлевич, я ведь сейчас к вам собиралась. К тому же у нас лифт теперь, а тут так высоко...» Он спокойно возразил: «Про лифт я не знал, а у нас раскопали весь двор и через канавы проложены такие ненадежные мостки, вот я и подумал, как вы пойдете в таком состоянии...» (я ждала второго ребенка). И это в то время, когда нам постоянно говорили в университете: «Ваши дети нас не касаются!» Я могу рукояться, что больше так не поступил бы никто из работавших тогда на факультете.

Жизнь семьи Владимир Яковлевич на улице Марата была очень трудной: печное отопление, а значит, постоянная забота о дровах, сырость и холод, отсутствие ванной и телефона, дикая теснота в крошечных клетушках-комнатках.

Сын Миша рос, и его увлечения требовали все большего пространства. В шестом или седьмом классе он увлекся биологией

и заселил свою комнату белыми мышами и морскими свинками, а в квартире установился прочный запах зоосада. Потом уже студентом он увлекся подводным плаванием и конструированием аппаратов для этого (их тогда еще не было у нас в стране). Квартира стала походить на ателье по ремонту бытовых приборов. Позже Миша разделил увлечение отца фотографией.

Владимир Яковлевич очень ценил свободу в выборе занятий и увлечений и считал, что воспитывать детей не надо, ребенок и сам сделается человеком, каким должно. Я с ним спорила, но он всегда оставался верен своим принципам.

Между тем университету стали давать квартиры. Заселили два дома (на ул. Шаумяна и Заневском пр.). Туда переехали уборщицы ЛГУ, которые тут же, получив квартиры, уволились со своих непрестижных мест с нищенской зарплатой. Получали квартиры все оставленные на преподавательскую работу секретари партбюро. Беспартийных ленинградцев не брали даже на учет. За Проп-пом числилась «отдельная квартира из 4-х комнат». О том, что комнаты-клетушки, а квартира в полуподвале, не упоминалось. О том, как страдал Владимир Яковлевич в квартире на Марата, можно только догадываться. На работе ни он, ни Елизавета Яковлевна ни на что не жаловались.

(Следующая страница рукописи утеряна. В ней рассказывается о коллективных письмах, хождениях по инстанциям, которые были предприняты друзьями—коллегами и учениками Проппа, чтобы добиться ему новую квартиру. Ее дали — четырехкомнатную на Московском пр., где поселились Владимир Яковлевич, его жена, сын с невесткой и внуком и сестра жены. Описывается интерьер квартиры.)

...на специальных полках стояли фотопринадлежности. Особенно нарядно выглядела гостиная, залитая солнцем, с окном и широкой стеклянной дверью балкона. На угловой тумбочке около серванта в день новоселья стоял огромный букет роз.

Над обеденным столом повесили подарок нашей семьи — большую акварель моей дочери Маши. Владимир Яковлевич очень понравился этот рисунок своей нетрадиционностью, и он сам выбрал именно его для своей квартиры: на голом желтом пригорке, из-за которого виднелись крыши изб, были изображены прядла для сушки сена.

В своей речи, обращенной к нам, Владимир Яковлевич трогательно благодарил нас: всех, кто помог ему получить квартиру, за то, что мы «подарили ему десять лет жизни». Случилось именно так: в новой квартире Владимир Яковлевич прожил десять лет.

Однако и жизнь в новых условиях не была идиллической. В 50-х гг. Миша женился, родился сын, которого с двухнедельного возраста оставили на воспитание деда и бабки — а сами уехали из Ленинграда на работу на Север, потом на Дальний Восток.

Трудно было с няньками, мальчик ходил в ясли, потом в детский сад. Можно предполагать, что жизнь его в детских учреждениях не была безоблачной: с четырех-пяти лет он стал сильно заикаться. Это очень беспокоило Владимира Яковлевича и Елизавету Яковлевну, но организовать систематическое лечение у них уже не было сил, да и медицинских возможностей тогда еще не было. Учился Андрей всегда хорошо, и эта сторона его жизни не требовала вмешательства.

В Репино дед и бабушка регулярно снимали для него дачу. Владимир Яковлевич очень любил Репино и каждое лето сам сажал цветы вокруг дачи. Особенно он любил гвоздику и анютины глазки.

Однажды Владимир Яковлевич с внуком неожиданно приехал к нам в гости в село Рождествено, где мы снимали на Церковной улице дачу около известного собора из красного кирпича. Мы вместе гуляли целый день, потом обедали у нас. Владимир Яковлевич очень понравился чечевичный суп, и он стал выяснять рецепт его приготовления: «У меня не получается такой вкусный!» — пожаловался он и очень обрадовался, узнав, что первую воду с чечевицами надо сливать, так как она горькая. Оказалось, что на даче он готовит обед на керосинке по очереди с Елизаветой Яковлевной, через день. Она летом писала свою кандидатскую диссертацию по фонетике, и Владимир Яковлевич так уважал ее работу, что готов был жертвовать своим временем ради ее научного труда.

Зимой тоже Владимиру Яковлевичу приходилось многое делать по хозяйству. Он ходил в магазины, сдавал бутылки. Андрей учился в старших классах, и его старались сильно не отвлекать от учебы. Времени хронически не хватало, а хотелось сделать еще многое! В последние годы Владимир Яковлевич отказывался ради научной работы от своих увлечений: уже не фотографировал, как раньше. (Особенно он любил снимать работы скульптора Мартоса. Я часто встречала Владимира Яковлевича в городе за этим занятием.) Меньше стал читать, не ходил, как раньше, в кино. Осталось самое главное: музыка и наука. Часто приходил к нему И. И. Земцовский, музыкант и фольклорист, и Владимир Яковлевич играл с ним в четыре руки на пианино. А в науке в последние годы Владимир Яковлевич пережил свою последнюю «болдинскую осень»: спецкурс о комическом (совершенно неожиданный для коллег по кафедре), спецкурс по сказке, выход к древнерусскому искусству в статье об иконе Георгия Победоносца. Отказался Владимир Яковлевич и от преподавания, остался профессором-консультантом.

В последние годы, когда я уже не работала в университете, мы виделись реже. Я знала, что он будет рад моему приходу, но понимала и то, как дорога Владимиру Яковлевичу каждая минута быстро уходящей жизни...

Мы обязательно виделись в апреле, где-то между Пасхой и его днем рождения. Я приходила с дочерьми или с дочерью Машей, которая уже училаась в университете на психологическом факультете и стала всерьез заниматься детским фольклором³. Владимир Яковлевич давал ей читать книги по этнографии. Обе дочери хорошо рисовали, и мы обычно приносили в подарок от руки раскрашенные яйца. В доме Владимира Яковлевича Пасху, кажется, не праздновали, но как он радовался этим яйцам, как любовно и долго их разглядывал! В последний апрель я подарила ему теплый пухистый шарфик на шею. Он надел его, посмотрелся в зеркало и сказал смущенно: «Я в нем похож на женщину!» Видимо, ему показался слишком нарядным этот вполне мужской шарфик.

В 1965 г. торжественно отметили семидесятилетие Владимира Яковлевича.

В ресторане «Москва» собирались члены кафедры и все приглашенные, человек тридцать. Было все необычайно роскошно, о чем позабылся Макогоненко, хорошо знавший персонал ресторана, где и он любил бывать: прекрасная еда, много цветов, очень теплые, искренние речи. Владимир Яковлевич как бы прощался с друзьями и коллегами, хотя никто не думал тогда, что эта встреча — последняя. Владимир Яковлевич был полон радости жизни, и я вспомнила, как весной 1963 г. неофициально собирались в общежитии студенты-русисты очередного выпуска, среди которых было много учеников Владимира Яковлевича.

Ребята позвали только тех, кого уважали и ценили не только в академическом, а в чисто человеческом отношении, поэтому официальных лидеров факультета там не было. Уже кончалась «оттепель» и заметно подувало холодом, но нашим выпускникам казалось, что впереди еще есть надежда и есть широкое по-прище для деятельности, поэтому вечер этот проходил на особом подъеме, эмоционально и даже революционно. Пели старые студенческие и революционные песни (анархистские и эсэровские. — Примеч. дочери автора, М. В. Осориной), говорили горячие речи. Казалось, что еще можно будет совершать нечто доброе и прекрасное, а жизнь будет строиться на основе закона и разума. Владимир Яковлевич поддержал эту веру своих учеников. Он сказал тогда простые и мудрые слова: «Каждый человек обязан быть счастливым». Меня тогда удивило это: как это «обязан»? Есть еще и судьба-недоля! Но Владимир Яковлевич хотел от нас активного отношения к себе и своей жизни: нельзя допустить себя до несчастья.

---

³ В соавторстве с дочерью О. Н. Гречина опубликовала статью по детским «страшилкам»: Гречина О. Н., Осорина М. В. Современная фольклорная проза детей // Русский фольклор. Л., 1981. Т. 20: Фольклор и историческая действительность. С. 96–106. Психологические аспекты мира детства и детского фольклора изучались М. В. Осориной в ряде других работ. — Ред.

Мы еще не знали тогда, какая темная беспросветная полоса проляжет перед нами на долгие годы, как будет трудно жить в атмосфере недоверия и подозрительности, но могу сказать, что в большинстве своем ученики Владимира Яковлевича сделали в жизни максимум того, что могли, и оправдали его доверие.

В августе 1970 г. Владимир Яковлевич заболел на даче. Случился инфаркт. И вот он в больнице им. Ленина, в общей палате, где душной августовской ночью задыхаются сердечники, а форточку не открыть (веревка от фрамуги оторвана, надо залезть на стол, чтобы достать), санитарку не дозваться. И Владимир Яковлевич, сам с инфарктом, в первый день лезет на стол, чтобы дать струю воздуха тем, кто задыхается, — почти как символ...

Из больницы он скоро выпился, видимо, недолеченный, и попросился на дачу. Елизавета Яковлевна увезла его в Репино. Эта последняя неделя его жизни была счастливой. В своей записной книжке, с которой не расставался, он записал: «Радуюсь счастью бытия!»

Но на даче он простудился, и ангина вызвала третий инфаркт. Опять эта проклятая больница и смерть...

На филфаке создалась похоронная комиссия. Собирали деньги на похороны, вызывали родных из Москвы и с Дальнего Востока, пытались пробить напечатание некролога в ленинградской прессе и достать место на кладбище в Шувалове (Северное) недалеко от могилы проф. Еремина. Некролог напечатал только «Вечерний Ленинград», да и то очень короткий, а место для могилы «пробить» не смогли никак, пока Г. П. Макогоненко не вспомнил, что отец одной его аспирантки — директор кладбища в Ленинграде, и тогда дело решилось за час...

Всех мучила мысль, что мы не в силах даже проводить достойно в последний путь ученого с мировым именем, который у себя на родине не получил ни почета, ни званий, ни должного материального обеспечения, ни даже места для могилы. Он должен был радоваться только тому, что его не уничтожили физически, как многих других, и что десять последних лет он прожил в нормальных условиях, а не в сыром полуподвале, где прошла большая часть его жизни.

Постоянно попрекая В. Я. Пропта тем, что он не ездил в экспедиции и не записывал фольклор, некоторые фольклористы, которые всюду ездили, не замечали одной характерной особенности Владимира Яковлевича: он с глубочайшим уважением относился к народной культуре, усматривая смысл даже в так называемых народных предрассудках и суевериях.

Баратынский очень точно сформулировал причину уважения людей к этому: «Предрассудок — он обломок древней правды». В. Я. Пропп в этом отношении продолжал традицию XIX века.

Запомнились два случая, когда я нарушила в присутствии Владимира Яковлевича народный запрет и не заметила своего прома-

ха. Так, прощаясь, я однажды подала Владимиру Яковлевичу руку через порог.

— Что вы делаете, — закричал он даже в каком-то ужасе. — Вы же фольклорист, а подаете руку через порог!

И добавил назидательно:

— Если мы забыли или не знаем смысл этого запрета, совсем не значит, что в нем нет смысла. Народ тысячелетиями вырабатывал эти запреты и видел в них глубокий смысл.

Конечно, он был прав: порог — граница между домом и миром, а значит, и опасная зона, где уже нет полной защищенности. А можно увидеть в таком прощании через порог и жест небрежения...

В другой раз я при Владимире Яковлевиче хотела разрезать ножницами завязанную двумя узлами веревочку на пакете. Владимир Яковлевич решительно отобрал у меня ножницы и сказал: «Вы же замужняя женщина, разве можно резать узлы? Женщина должна их развязывать!» И опять он глубоко понял мудрость этого запрета: в семейной жизни необходимо терпение.

Так же глубоко и лично чувствовал Владимир Яковлевич ту органическую систему соединения природы и человека, которая характерна для народной культуры.

С годами это ощущение у Владимира Яковлевича усиливалось, и он стал по телефону поздравлять меня с 22 декабря, когда солнце поворачивает на лето, а зима — на мороз.

Состояние здоровья Владимира Яковлевича во многом зависело от этих дат. Он чувствовал себя гораздо лучше, когда дни начинали нарастать. Сейчас, постарев сама, я это очень хорошо понимаю.

Я очень благодарна судьбе за то, что на протяжении более 25 лет мне удавалось общаться с этим мудрым, добрым, удивительным человеком, пример жизни которого сыграл огромную роль для меня лично и для многих его учеников.

(Воспоминания о Владимире Яковлевиче Проппе казались моей матери, О. Н. Гречиной, не вполне законченными. В качестве постскриптума мне кажется уместным добавить черновик ее письма к 70-летию Владимира Яковлевича, который я нашла после ее смерти в папке ее бумаг, посвященных Проппу. — *Примеч. М. В. Осориной.*)

Дорогой Владимир Яковлевич!

Традиционные формулы поздравлений столько раз раздавались в эти дни, что стали, вероятно, уже надоедать Вам. И все-таки поздравляю Вас от всей души еще раз! Живите долго, будьте здоровы, пусть чаще приходит к Вам страсть творчества. Бесстрастно могут работать только бухгалтеры или чиновники от науки, так будьте же страстным, и пусть рождаются новые и новые книги,

которыми зачитываются даже люди, скептически относящиеся к филологии вообще.

Вы называли меня своей ученицей. Многие были удивлены: что дала миру О. Гречина, чтобы ее называть в числе лучших со столы авторитетной кафедры? Только немногие знают, что я взяла от Вас, как от своего учителя, — не ту страсть к науке, которая рождается большим талантом, этого, к сожалению, нет у меня, и даже не методику Вашей научной работы, всегда восхищающую меня, но недосягаемую. Вы очень хорошо сказали о том, что, кроме научной работы, есть педагогическая, что Вы любите и уважаете племя студентов. Этому я и училась у Вас — умению увидеть в каждом студенте человеческую личность и помочь проявиться всему лучшему, что есть в ней. Если я и получила хоть какое-то признание студентов, то только благодаря тому, что пыталась, как и Вы это всегда делаете, общаться со студентами не как с некими академическими величинами, а как с людьми.

Студенты ценят Вас не только как очень интересного ученого, каких всего несколько на весь университет, но прежде всего как человека, который, может быть один в целом университете, умеет по-настоящему уважать и любить Студента.

У меня есть очень дорогой для меня подарок, которым одна умная и тонкая женщина, студентка шестидесяти лет, бывшая бестужевка, подчеркнула преемственную связь мою с вами, позволившую Вам сегодня назвать меня своей ученицей. Тогда многие молодые преподаватели университета откровенно посмеивались над этой учительницей-пенсионеркой, которую томила высокая страсть к науке. Я сама в те годы только начинала преподавать, но поняла, что эта чудаковатая, очень одинокая старая женщина, как никто другой, нуждается в атмосфере того доброго участия, которой Вы так умеете окружать своих учеников. Я взяла ее к себе в дипломантки, мне она сдала все экзамены, которые я только имела право принять. Когда она окончила университет, я получила от нее на память три тома сказок Афанасьева, изданных под Вашей редакцией.

Еще одно я хотела сказать Вам... Я очень много душевных сил вложила в своих детей. Мне очень хочется, чтобы они были много лучше меня, но для этого мало и слов, и книг, должны быть люди, «делать жизнь с кого», как говорил Маяковский. Как мать я счастлива, что имею такого учителя, который не только многому научил меня лично, но и будет всегда светлым примером для моих детей. Они обязательно со временем прочтут и полюбят Ваши книги, как сейчас они любят Вас.

Вот все то, что я хотела сказать Вам в этот торжественный день всеобщего человеческого признания Вашего большого труда и Вашей светлой жизни.

Будьте счастливы!

Ваша О. Гречина

А. И. НУТРИХИН¹

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВЛАДИМИРЕ ПРОППЕ

Благодарю судьбу за то, что мне довелось встретить на жизненном пути Владимира Яковлевича Проппа, выдающегося ученого и обаятельного человека. Впервые я увидел его в 1948 году, когда был принят на филологический факультет Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова на славянское отделение. И профессор Пропп прочел первокурсникам курс лекций по русскому народнопоэтическому творчеству. Глубоко понять их содержание я не смог, но общее представление о фольклоре получил довольно полное.

Пропп запомнился мне седьмым плечистым человеком среднего роста. Небольшие усы, аккуратная бородка клинышком... Очки он не носил, но при чтении ими пользовался. Одевался профессор просто — серый или темный, не новый костюм, простые черные ботинки. Держался Владимир Яковлевич всегда скромно, с достоинством, к студентам был требователен, но в меру. На четвертом курсе я заинтересовался фольклором серьезно и регулярно посещал занятия семинара, который вел Пропп, участвовал в обсуждении студенческих докладов. Тему дипломной работы я выбрал тоже фольклорную, а именно — полемику в печати критика Н. А. Добролюбова с учеными Ф. И. Буслаевым и А. Н. Афанасьевым. Когда пришло время найти научного руководителя, обратился с просьбой к Проппу, и он согласился. Я начал ходить к нему на дом. Жил профессор на улице Марата, в доме 20, квартира 37. Полуподвальная, она находилась во флигеле — вход со двора. Квартира состояла из кухни-прихожей и комнаты, из которой высокими, до потолка, книжными стеллажами был выделен небольшой кабинет.

---

¹ Нутрихин Анатолий Иванович (р. 1929) — фольклорист, журналист, автор книг, редактор. Воспоминания впервые опубл.: <https://anat-nut.livejournal.com/1794.html>.

Дорогой уважаемый Иванович! По
бинарной 6^м курсант просит меня
помочь в одновременности с прошлым днем
помочь ученикам в средней в 8^м по твоему велению,
т. е. передать ти от меня
500 р.

С уважением

Федоров

Библиотека многое говорила об интересах ее владельца: фольклористика, литературоведение, иностранные языки. Мой взор приводили тогда сборники Кирши Данилова, Ивана Прача, Алексея Соболевского... Была представлена и художественная литература. Пропп особенно любил Пушкина, Гоголя, Чехова... Кожаные переплеты старинных книг внушили уважение. В деревянных ящичках хранилась сотни, а может быть, тысячи библиографических карточек.

— Я этого не знаю, — ответил на какой-то мой вопрос профессор, — но мне известно, где об этом можно прочесть.

Посредине кабинета стояло небольшое черное пианино: Владимир Яковлевич, отыкаясь, играл преимущественно произведения Моцарта, Бетховена, Баха и Шуберта. Ученый разбирался в симфонической музыке, бывал на концертах в Большом зале Филармонии.

Наш разговор Владимир Яковлевич начинал обычно с краткой похвалы прочитанной им части моей рукописи. Потом он приступал к ее обстоятельному разбору, представлявшему собой внешне корректный, а по сути основательный разнос. По ходу беседы звучали советы, как улучшить тот или иной раздел работы. Пропп никогда меня не перехваливал, но считал, что у меня хорошие способности, и ценил трудолюбие. «У Вас явные успехи», — говорил он, провожая меня до двери. Фраза запоминалась, приподнимала настроение: хотелось действовать, думать!..

ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 14

СЕРИЯ

ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Выпуск 3

Новогоднее
литературное слово
из коллекции
им. Пушкина
13.12.58.

ЛЕНИНГРАД
1958

В процессе написания дипломной работы я сделался завсегдатаем читальных залов «Публички» и Библиотеки Академии наук, часто ходил на разные мероприятия в Пушкинский Дом (к счастью, жил рядом) на разные научные собрания и конференции. Моя защита этой работы на кафедре русской литературы прошла успешно. Помню, вел заседание профессор Игорь Петрович Еремин, уверенный, артистичный. Работа моя была признана «превосходящей уровень отличных».

Диплом я получил в 1954 году — по специальностям «славист-филолог» и «преподаватель русского языка и литературы». Пропп порекомендовал меня в аспирантуру. Я учился в ней три года и имел возможность находиться в обществе таких крупных литературоведов, как Павел Наумович Берков, Григорий Абрамович Бялый, Георгий Пантелеимонович Макогоненко, Исаак Григорьевич Ямпольский, Виктор Андроникович Мануйлов. К каждому можно было подойти, поговорить на волнующую тебя тему, услышать что-то для себя новое. Помню, однажды с аспирантами побеседовал совсем уже седой Николай Кирьякович Пиксанов — знаменитый филолог, окончивший Дерптский университет в 1902 году.

Мне довелось участвовать во многих заседаниях кафедры. На одном из них обсуждали рукопись будущей монографии Проппа «Русский героический эпос». В своем выступлении я отметил главные достоинства этого фундаментального труда Владимира Яковlevича. И он потом выразил мне свою признательность. У него была хорошая память. В 1958 году Пропп прочел доклад о героическом эпосе на IV Международном съезде славистов. Доклад был издан в виде брошюры, Пропп подарил мне ее с трогательным автографом. Храню я и его работу, посвященную историческим песням об Иване Грозном, опубликованную в «Вестнике ЛГУ». На ней — надпись: «Дорогому Анатолию Ивановичу Нутрихину от бывшего учителя».

Случалось, Владимир Яковлевич из-за перегруженности пропил меня принять вместо него экзамен по фольклору у первокурсников. Одним из них оказался будущий гроссмейстер Борис Спасский. Молодой шахматист сдал экзамен успешно. Однажды профессор попросил меня доставить пакет Виктору Максимовичу Жирмунскому. Я пошел в писательский дом на канале Грибоедова. Мне открыла дверь жена знаменитого литературоведа и сказала, что мужа нет дома. Вручив ей пакет, я с сознанием исполненного долга отправился вовсюся.

Однажды мне предстояла поездка в Москву: требовалось поработать в столичном историческом архиве. Владимир Яковлевич спросил: не могу ли я навестить его старого товарища, известного филолога и библиофила Ивана Никаноровича Розанова, и передать ему рукопись Проппа. Супруги Розановы приняли меня с традиционным московским гостеприимством: поили чаем с вареньем. Иван Никанорович показал свою библиотеку, отличавшуюся обилием книжных раритетов.

Мне нравились друзья Владимира Яковлевича, и все больше он сам. В ходе написания кандидатской диссертации, посвященной рабочему песенному творчеству 1905–1907 годов, я постоянно ощущал его помощь. Он оказал мне ее и при подготовке ее глав к публикации в «Вестнике ЛГУ» (1958, № 8 и 1960, № 2). Встреча-

лись мы по-прежнему в небольшой квартире профессора, на улице Марата. О дне и часе встречи он, как и раньше, извещал меня по-чтовой открыткой, вроде следующей: «Дорогой Анатолий Иванович! Во вторник 6 III просили меня быть в общежитии. Я прошу Вас быть у меня в среду 7 III в то же время, т. е. между 7 и 9 ч. вечера. С приветом, Ваш Пропп».

Владимир Яковлевич основательно помог мне и при создании мною книги «Песни русских рабочих». Она была выпущена в 1962 году в большой серии «Библиотеки поэта» издательством «Советский писатель». Вторым рецензентом сборника стал профессор Владимир Васильевич Мавродин. Авторитетный историк дал рукописи высокую оценку и высказал ценные предложения по ее доработке. Редактировала книгу опытный текстолог Ксения Константиновна Бухмейер, кандидат филологических наук. Общими усилиями удалось сделать ценную в научном смысле книгу. Она востребована уже более полвека и, полагаю, еще долго будет занимать достойное место в истории отечественной фольклористики.

В. Я. Пропп рекомендовал мою диссертацию к защите. Положительный отзыв на нее дал доктор филологических наук Борис Николаевич Путилов, авторитетный ученый, заведующий сектором фольклора Пушкинского Дома.

<...>

Теплые взаимоотношения с В. Я. Проппом сохранялись у меня до конца его жизни. Я иногда бывал в новой профессорской квартире на Московском проспекте (д. 197, кв. 126). Запомнились празднование семидесятилетия Владимира Яковлевича в 1965 году на филфаке ЛГУ, моя поездка к нему на дачу в Белоостров, там он посетовал на нездоровье...

Великий ученый скончался 20 августа 1970 года после продолжительной болезни. Помню печальное стояние в почетном карауле... Перед кончиной Владимир Яковлевич пожелал быть похороненным рядом с могилой его друга, профессора Игоря Петровича Еремина. Кладбищенское начальство родственникам Проппа в этом отказалось.

«На каком кладбище должно состояться погребение? — спросил предпримчивый Г. П. Макогоненко. — На Северном? Да у меня учится дочь директора кладбища, сегодня поговорю с этой студенткой». Разрешение на захоронение было получено без промедления...

С тех пор прошло много лет. В нашей стране и за рубежом общепризнано, что В. Я. Пропп — крупнейший фольклорист России XX века.

Ю. И. ЮДИН¹

ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ²

Первые встречи

Ноябрь 1956. Кончились дожди, проглянуло яркое солнце, светит бледным золотом без тепла и лучей. Асфальт подмерз и высох. Ветер несет по нему и свищет кружева легкой пороши. Нева стала темно-синей, от нее веет холодом и речной осенней свежестью.

Нам хорошо. Мы молоды, ходим на лекции, пишем, занимаемся мало, больше приглядываемся, знакомимся, обсуждаем и считаем себя призванными судить по праву молодости.

Идем вдоль Невы к Меншиковскому дворцу, заброшенному и никому не нужному. Громко разговариваем, теперь уже не вспомнишь, о чем. Навстречу нам движется невысокий пожилой человек в осеннем пальто. Седые волосы выбиваются надо лбом под простенькой зимней шапкой довоенного покроя. Глаза карие под седыми бровями и какие-то прозрачные, как спелые ягоды. Нос, усы, бородка клинышком напоминают смутно фотографии времен Первой мировой войны. Нос, впрочем, слегка покраснел от мороза. Он напомнил бы и о детстве и елке, но взгляд — немного усталый, внимательный и неулыбчивый. Все выдает старого петербуржца, сохранившего приверженность дореволюционной профессорской моде.

Это В. Я. Пропп. Он нам уже знаком и нравится, хотя лекции его и кажутся нам слишком простыми. Потом мы узнаем, что он и пишет, как говорит. Поднял глаза, увидел. Серьезно и без намека на иронию, не улыбаясь даже взглядом, со сдержанным уважением и чувством собственного достоинства здоровается первым, снимая не то утонченно интеллигентным, не то простонародным жестом шапку и слегка кланяясь. Прямые седые волосы растрепаны.

¹ Юдин Юрий Иванович (1938–1995) — филолог, фольклорист. Доктор филологических наук, профессор, специалист по эпосу и бытовой сказке, преподаватель Курского государственного педагогического института (университета).

² Впервые опубл.: <http://www.pragmema.ru/yudin-yu-i-o-proppe>.

Мы отвечаем дружно, но как-то непроизвольно дергаемся: кто-то неумело кланяется, кто-то вздергивает руку к кепке или лыжной шапочке с козырьком. Но поздно, наш профессор уже прошел мимо, оставил впечатление чего-то знакомого. То ли собственное школьное детство мелькнуло и простилось с тобой, то ли новая неизвестная жизнь показалась на миг, не дав приглядеться.

О методе

Лекцию начинает с банальностей. Странно слышать о том, что кажется всем известным. Но вот прозвучало неожиданное сопоставление, встретилось новое определение, возник факт, тебе не знакомый. Начинают звучать выводы. И ты видишь что-то совершено непривычное, невероятное и завораживающее своей неузнаваемостью. Пробегаешь весь путь рассуждений в обратном направлении: нет, никакого подвоха, ни пропуска звена в рассмотрении, ни сбоя в последовательности, ни недостатка в фактах. Возникает впечатление очевидности как высшего критерия убедительности.

— Изучение фольклорного жанра, — говорит он, — мы начинаем со структуры того, что признали жанром. Мы, как зоологи, начинаем со скелета.

А далее идет морфология волшебной сказки с поразительными выводами. И при этом тут же нам показывают, что не все так просто:

— Последнее «отчего» в эстетической радости для нас пока закрыто. Но это не должно нас останавливать. И нельзя строить иллюзий, водить самого себя за нос. Нужно ясно видеть, что наука имеет дело исключительно с двумя вещами: с фактами и методом их осмыслиения.

При этом для него очень важны исходные понятия. Однажды он принес на кафедру только что купленный альбом репродукций Эд. Мане. Раскрыв на странице, где был знаменитый «Завтрак на траве», спрашивал меня:

— Что здесь, по-вашему, изобразил художник?

Минут десять я рассуждаю о приглушенном древесной тенью колорите, о контрастной яркости солнечных бликов, о бархате мужской одежды, впитывающей свет, и обнаженном сверкающем женском теле под прорвавшимся сквозь кроны солнцем, о соединении натюрморта со случайной компоновкой фигур. Сюжет, говорю, не имеет большого значения и смысла. Это какое-то мелькнувшее отрывочное видение, вроде грезы наяу.

Он выслушивает, не перебивая, характерно прикусив нижнюю тубу до самой бородки клинышком, будто проверяя себя. Помолчав, говорит, чуть прищмокнув:

— Художники писали свои модели на открытом воздухе, а потом вместе сели позавтракать.

Высшей похвалой в его устах было сказать:

— В этой работе нет ни одного мнения, есть только выводы, сделанные из ясно осмысленных фактов.

Как становятся фольклористами

Однажды он очень немногословно, как говорят о чем-то дорогое и давно пережитом, сказал, что в юные годы его глубоко поразили «Повесть о Петре и Февронии», древнерусская архитектура и Волга, ее города, села и берега, которые он увидел во время плавания. Так пришло ощущение таинственной красоты, которое потребовало понимания. Из того же источника питался интерес к народной сказке, о которой В. Я. Пропп начал раздумывать и писать, работая школьным учителем.

Годы учебы

— У нас, — заметил как-то Владимир Яковлевич, — философию преподавал Александр Иванович Введенский, автор работы «О Канте действительном и воображаемом» и др. Он приносил с собою «Критику чистого разума». Читал на немецком языке одну-две фразы и затем просил прокомментировать. Так за год прочитали мы не больше десяти страниц, но зато потом я читал Канта свободно, и не его одного.

Некоторое время спустя я вспомнил его рассказ. Он что-то спросил о Белинском, я ответил. Видно, его не устроил мой ответ. Он раскрыл статью, о которой шла речь, на первой странице и предложил почитать. Я бойко начал, но он остановил на начальной фразе и предложил объяснить, о чем в ней сказано. Разговор затягивался, постепенно становясь все интереснее и интереснее.

В мире своей профессии

Независимость суждений и взглядов, а также и горячих пристрастий была его ярко выраженной чертой.

— Знаете, это такие вот философемы, — сказал он о «Проблемах поэтики Достоевского» М. М. Бахтина. — Такие книги можно в 18 лет писать каждый год.

И он же был потом самого высокого мнения о его «Франсуа Рабле».

— Они объявили меня генералом, а я бы предпочел быть среди них фельдфебелем, — сказал он как-то, смеясь, о сторонниках структуралистского направления.

Он мог долго и с удовольствием говорить об удачной находке в студенческой работе, но иногда начинал вести себя несколько загадочно. На книжных полках его кабинета стояли фолианты немецкого собрания работ Генриха Вельфлина. Искусствоведческий подход этого автора казался мне очень близким «Морфологии сказки», и я несколько встречи всячески старался навестить на него

речь. Владимир Яковлевич это, безусловно, замечал, но сразу же становился сдержан и даже суховат:

— Да, Вы говорите, Вам нравится Вельфлин?

И все, и больше, по существу, ни слова. Так и остался для меня загадкой его невысказанный ответ на мой вопрос, который не оставляет меня почему-то до сих пор.

Он своеобразно умел прервать пустое словопрение, когда собеседник пытался переубедить его, задавая, в сущности, один и тот же вопрос в разных вариациях. Попадая в такие ситуации, я иногда слышал:

— Вы меня спросили — я Вам ответил.

А за этим как бы стояло:

— Придумайте новые аргументы, но не повторяйте раз за разом одно и то же.

Однажды на кафедре я застал его за тем, что он старательно отделял от конвертов марки. Заметив мой взгляд, он охотно объяснил:

— А!.. Это письма из Африки. Они пишут всякие глупости, но вот марки у них очень интересные!

При этом глаза у него излучали детское любопытство.

— Хорошо бы организовать институт фольклора со своим изданием, — сказал я.

— Это было бы совершенно бесполезно, — ответил Владимир Яковлевич. — Лучше разнообразие, заинтересованное творчество ученых-одиночек и энтузиастов, которые не обузданы организацией. Практически она бывает чаще вредной.

— Если бы я не был филологом, я охотно занялся бы ботаникой, вопросами систематизации. Это такая увлекательная область! — услышал как-то от него.

Во время другой встречи у него неожиданно вырвалось:

— Как хорошо было бы стать ночным сторожем. Независимость, и столько времени для размышления, когда никто не мешает.

О литературе и искусстве

Не соглашается, когда я с восторгом говорю о писателях времен его молодости.

— Нет, — говорит, — вот у одного из них есть такая сцена: хозяин выходит во двор, а следом за ним идет собака, чтобы подъесть, когда его вытошнит. Нет, для меня есть другая литература. У Пушкина:

И тихо край земли светлеет.

Сколько за этим стоит. Это так много!

— А вот Вы еще скажите. — продолжает, — что Вы видите в словах «Мой дядя самых честных правил»?

— Пожалуй, ничего сверх того, что сказано словами.

— А для моего поколения это целый мир!

И было видно, что ни мне, ни моим сверстникам этого не расскажешь, потому что для нас все это останется на уровне слов. Мы из другого мира.

Кого он любил безо всяких оговорок и о ком находил свои неповторимые слова и интонации, был А. П. Чехов.

— Как мог этот почти мальчик так почувствовать психологию старого профессора в «Скучной истории», — высказался он однажды о чем-то глубоко личном.

Его благоговейное отношение к Гете хорошо известно, но мы не очень хорошо знаем, как он вообще переживал наследие европейской классической культуры. Иногда это неожиданно прорывалось. На семинаре он однажды по какому-то конкретному поводу сказал:

— Тут перед нами идея универсального человека, величайшая идея.

И оборвал себя, не продолжая.

Прервав консультацию, садится за домашнее пианино:

— Я хочу Вам сыграть Шуберта. Вы услышите, что я нашел и понял в этой вещи.

Сам он готов был увидеть значительное где угодно, снобизма не терпел ни в каком виде, вдумчивость и смелость доверять себе в суждениях притягивала к нему многих.

Но за всеми его суждениями чувствовалась впитанная с детства общеевропейская и русская народная культура. Включив разговор о М. Врубеле в свой спецсеминар о сказке, он прочитал о нем целую лекцию. Это были не вполне привычные оценка и взгляд. Говорил современник о своем старшем современнике, аудитория почувствовала это. Одна из тогдашних аспиранток, ныне известный литературовед, тут же записала мне в тетрадь наше общее впечатление от услышанного: «С тех пор как нас отторгли от всяких традиций и пр., люди, как Пропп, — чудо». Шел 1966 год.

Об иностранных языках

— Когда я писал «Исторические корни волшебной сказки», — рассказал он, — мне приходилось читать на 11 языках. Это не значит, что я смог бы поговорить с голландским матросом, но работу на его языке прочитал бы.

Как-то я сказал, что занимаюсь немецким.

— Очень хорошо! — живо отозвался он, — Тут я что-то понимаю и мог бы помочь.

Много лет спустя мне все вспоминалась эта фраза. Что он имел в виду? Он что, сомневался в том, что в фольклоре что-то понимает? Теперь мне наконец стало совершенно ясно, что он подразумевал, говоря так. Не знаю только, есть ли у меня самого что-то, в чем я по-настоящему мог бы помочь другому.

О природе

Об одной пышной литературной даче сталинских времен в Комарове опальный Б. М. Эйхенбаум, говорят, заметил:

— Ампир во время чумы!

У Владимира Яковлевича дачи не было, он снимал на лето одну-две комнаты у хозяйки на Финском заливе. Мы с женой приехали к нему и вместе прогуливались по песчаным дорожкам среди сосен и заросших кустарником дюн. Чуть шумел залив, тогда еще чистый. Проглядывал песчаный берег, пахло хвоей, водяной пеной и, если пофантазировать, чем-то вроде лесного меда.

— Меня не слишком манит юг. Я больше люблю нашу северную природу, она духовнее, тонаше, — говорит он.

Нижегородец в недавнем прошлом, я сразу же согласился, хотя юга к тому времени еще не видел. Курянка-жена знала русскую лесостепь, по было ясно, что у него-то речь идет о России и ее особенной красоте, доступной не всякому пониманию.

И потом, уже в городе, услышал другое:

— Я в восторге от метро! Какая свободная, умная красота, рациональность, соединенная с оригинальностью и талантом.

Тогда еще на станциях метро не было того, что делается сейчас.

О женщинах

Я оппонирую на дипломной защите у студентки Владимира Яковлевича. Дипломница волнуется и от волнения никак не может остановиться и закончить свою вступительную речь. Ей, видимо, кажется, что стоит прерваться — и все пропало, заговорят другие, и неизвестно, чем все закончится. Председательствует Василий Григорьевич Базанов. Чем заняты его мысли, не знаю, но выражение лица у него какое-то зверское. Наконец студентка вообще залепетала непонятное и смолкла.

Стараюсь сделать все, чтобы помочь защите хорошей работы. Делаю замечания, которые, на мой взгляд, должны обнаружить серьезность и самостоятельность обсуждаемых результатов. Главная моя забота и беспокойство — смягчить Базанова. Владимир Яковлевич сидит с отсутствующим видом, глаза тусклые, лицо расслабленное — не лицо, а маска, голову положил на ладонь, опирается рукой на стол. Говорят, таким он бывает на заседаниях Ученого совета ЛГУ, когда затрагиваются «серьезные» идеологические вопросы.

Между тем студентка отвечает мне удачно. Объявляют перерыв. Спускаюсь по лестнице, навстречу поднимается В. Г. Базанов. Вероятно, прочел что-то на моем лице. Останавливается и доверительно, с самой задушевной улыбкой говорит:

— А девчушка — ничего! Миленькая, умненькая. Правда?

— Ничего себе! — думаю. — Сначала перепугал до смерти, а теперь — умненькая!

Но вот объявляют оценки. Моя подопечная получает «отлично». И тут, когда все поднимаются для поздравлений, Владимир Яковлевич отзывает меня в сторону и говорит:

— Как Вы могли, как Вы додумались делать девушке такие замечания?

— Но, Владимир Яковлевич, мне-то Вы делаете намного более жесткие и резкие?

— Вы — другое дело! Ведь Вы мужчина. Вы совершенно не понимаете женского сердца! Как Вы так можете?

Тут ему подносят большой букет цветов, которые он очень любит. А мне — заметно поменьше, скромнее, но тоже со вкусом подобранный. Он смотрит на меня несколько секунд молча. Потом с совершенно спокойной улыбкою говорит:

— Ну естественно. Я Пропп, а вы еще только подъячий.

Все мы — бывшие студенты

Перед окончанием университета мы встречались в комнате нашего общежития с симпатичными нам преподавателями. Приглашали девушки. Наши профессора с радостью откликнулись. За прошедшие пять лет мы неплохо узнали друг друга.

Когда близко к полуночи мы провожали Владимира Яковлевича, он говорил с нами, откликаясь на любые темы и любые наши благоглупости. Все были навеселе, а тут еще совсем недавно мы научились варить неплохой глинтвейн.

— А вы знаете, — говорил Владимир Яковлевич, — вот эти движения в твисте очень древние и очень интересные.

И, не останавливаясь, он на ходу изобразил нам несколько телодвижений из входящего тогда в моду твиста.

С грустью вспоминаю теперь какие-то мелочи, которые тогда почти не замечались и казались всего лишь смешными.

В перерыве между заседаниями конференции в Институте театра, музыки и кинематографии мы провожали в столовую П. Г. Богатырева. Вспомнили Владимира Яковлевича, которого уже не было среди нас. И вдруг П. Г. Богатырев тоном первокурсника говорит:

— Да, я всегда уважал Владимира Яковлевича, а он меня начал уважать только к концу жизни!

Комично было слышать это из уст большого ученого, старого русского интеллигента,олжизни прожившего в Западной Европе, знаменитого переводчика «Швейка». Но все дело в том, что довольствоваться официальным признанием могут у нас лишь пустячные люди. Настоящему ученому всегда необходимо дружеское участие и сердечное расположение, особенно со стороны достойного коллеги.

Во сне и наяву

Он умел заражать людей не только своей увлеченностью, но и воздействовать внешней манерой вести себя. Недаром его интонации и жесты нет-нет да и проскользнут у тех, кто часто общался с ним: и у В. Е. Гусева, и у Б. Н. Путилова, и у К. В. Чистова. Коллеги, которым близки были его идеи, жили и работали с постоянной оглядкой на него, во внутреннем диалоге с ним. Кто внимательно читал, например, М. И. Стеблина-Каменского, не мог не обратить внимания на проповеские нотки, звучащие в его работах.

Что же касается нас, студентов, то он был для нас постоянным предметом разговоров, а наши встречи мы продолжали не только на спецсеминаре, но и... во сне. И, что удивительно, в наших снах Владимир Яковлевич оставался таким же, каким был в жизни: внешне сдержаным, погруженным в мир своих мыслей, доступным, но требующим от тебя постоянной внутренней готовности столкнуться с его неожиданным высказыванием, непредвиденной реакцией там, где ты ожидал получить лишь одобрение.

Мой товарищ, преподающий сейчас в Педагогическом университете в Москве, готовясь делать доклад на спецсеминаре, одновременно был занят тем, что перешивал свои костюмные брюки на более узкие по тогдашней моде. И то, и другое ему удалось. И вот накануне семинара ему снится, что выходит он к кафедре в нашей тесной аудитории, снимает брюки, аккуратно вешает их на спинку стула и начинает читать доклад.

Владимир Яковлевич, как всегда, внимательно слушает, глядя в какую-то видимую ему одному точку. Но вот доклад окончен, и он говорит:

— Очень большая работа проделана, материал собран значительный. Сразу встал вопрос, как его предварительно объединить и осмыслить. Потребовалась классификация, выполнена она удачно. Правда, брюки можно было бы и не снимать...

И дальше пошли обычные деловые замечания.

Среди коллег

Его «Морфология сказки» и «Исторические корни», как известно, замалчивались и «опровергались» десятилетиями. Он, конечно же, понимал их настоящую цену, как и цену тем легковесным поделкам, каких немало стало в науке 40–50-х годов. Но про себя понимали масштаб его личности и его работ даже его недоброжелатели. Не имея возможности полемизировать по существу, он иногда мимоходом указывал на общий низкий уровень филологической культуры, что говорило само за себя. И когда он, например, вскользь бросал фразу о том, что пресловутое эпическое спокойствие бывает только в малоудачных теориях, этого было вполне достаточно для вдумчивого исследователя. Его отзывов опасались, его одобрение для многих было высочайшей похвалой.

Одноким ученым он никогда не был. Его университетские товарищи, среди которых ему, как мне казалось, особенно близки были И. П. Еремин и Г. А. Бялый, по-разному представляли нашу великую старую культуру, дыхание которой, благодаря им, ощущали и все мы, студенты, окунувшиеся в освеженную атмосферу жизни конца 50-х — начала 60-х годов.

С коллегами он бывал суров, для студентов был очень доступен. Его заинтересованность поднимала нас в собственных глазах. По его лицу всегда можно было безошибочно судить, нравятся ли ему твои выкладки. Когда это случалось, его характерный немецкий нос слегка краснел, глаза начинали блестеть, и в них появлялась какая-то детская улыбчивость.

— Откуда берутся такие девочки (или мальчики)?! — иногда восклицал он.

И действительно, из его семинара вышло немало известных ученых. А ведь сколько глупостей все мы выплескивали на него! Но шла от него побеждающая сила возвышающего культурного влияния. Он был очень большой педагог, хотя о педагогике, кажется, думал меньше всего. Как это не похоже на современные вузы с их поставленными на поток защитами по педагогике и методике преподавания в ущерб конкретным наукам!

Дела международные

Я учительствовал в Приморском крае, когда в Москве проходил международный конгресс антропологов и этнографов. Мне очень хотелось услышать, что Владимир Яковлевич находится в центре внимания съехавшихся фольклористов, и я старался найти его имя в сообщениях радио и газетных публикациях. Наконец мне показалось, что в одном из центральных изданий, на срезе фотографии, мелькнули его нос, эспаньолка и прядь седых волос. Приехав в Ленинград, я спросил его об этом. Он сказал, что его приглашали возглавить работу фольклористов, но при этом дали понять, что возлагают на него контроль за идеологическим содержанием докладов. Он сразу же и без колебаний отказался, сославшись на нездоровье. Его отсутствие на конгрессе вызвало удивление.

Да, наши учителя, такие несхожие и такие разные, были едины в том, как понимали знаменитую формулу Л. Н. Толстого. И никто из них не делал логического ударения на слове «непротивление», вопреки широко разрекламированной точке зрения главного большевицкого идеолога.

Квартирный вопрос

Своих учеников В. Я. Пропп консультировал дома, отводя для этого вечерние часы и весь отдаваясь удовольствию беседы, если она оказывалась предметной.

Его квартира в центре города до переезда в новый дом представляла тягостное зрелище, особенно при первых посещениях. Какой-то полуподвал, но высоким беленым стенам выступали протоками сырьи полосы. Лампа, свешивающаяся с потолка на длинном шнуре, сам хозяин в теплое осенне время в валенках из-за сырости. Когда к концу жизни Владимир Яковлевич получил наконец профессорскую квартиру в конце Московского проспекта, его старую, как мне сказали, отказалась взять университетская уборщица.

Да и чего можно было ждать после войны по отношению к ученному с мировым именем, обвиненному за «Исторические корни» в космополитизме? За свои открытия он расплатился инфарктом и больницей, где лежал в большой общей палате и просил забрать его домой, боясь, что не выдержит.

Это было время, о котором как-то рассказывал Г. А. Бялый. Б. В. Томашевский, встретив его один в один в туалете на втором этаже филологического факультета, сказал мрачно:

— Григорий Абрамович, это единственное место, где еще легко дышится!

Переехав на новую квартиру и обставившись, как ему хотелось, Владимир Яковлевич при встречах с удивлением поправившегося больного, которому первое время не даются привычные быстрые движения, восклицал:

— Вот, теперь, кажется, все хорошо, а работать не могу. Сяду за стол, и не получается.

Его бывшим студентам и аспирантам хорошо памятен его новый дом. Он окружен был атмосферой радостного и тревожащего ожидания. Обстановка вокруг, лица и сам шум улицы, казалось, полны были не совсем обычного значения. Теперь, бывая в Петербурге и проезжая изредка эти места, видишь их совсем в другом свете. Что-то навсегда оставило их, отлетело и никогда уже не вернется. Как будто об этом доме сказал древний китайский поэт:

Не раз приходила осень сюда,
Немало промчалось лет.
И люди другие, и жизнь не та,
И прежних гостей уж нет.

О жизни

Я пожаловался ему в письме, что меня оторвали от преподавания и направили в Таманскую дивизию на переподготовку.

— Вам трудно, но Вы живете полной, многообразной и деятельной жизнью, а это счастье. Даже военная служба, которая вырывает Вас из колеи и на время нарушает Ваш творческий труд, все же сама по себе интересна, — ответил он.

В разговоре о Гете он однажды заметил;

— Вы думаете, Вертер покончил с собой потому, что был отвергнут? Нет, конечно. Он не мог вынести той страстной переполненности, которой одарила его жизнь. Она требовала выхода, и он не нашел другого.

Когда Владимира Яковlevича не стало, я случайно увидел запись, сделанную им в записной книжке (в это время его, уже смертельно больного, привезли домой с воспалением легких). Там было написано:

«Ощущение счастья бытия».

М. П. ЧЕРЕДНИКОВА¹

ФОРМУЛА СЧАСТЬЯ²

Шел 1962 год. Мы были выпускниками филологического факультета Ленинградского университета. Позади остались госэкзамены и защита дипломных работ. Тогда-то и возникла у кого-то счастливая идея пригласить наши любимых учителей в студенческое общежитие, устроить неформальный прощальный вечер. Так как моим научным руководителем был Владимир Яковлевич Пропп, мне поручили позвонить ему и передать приглашение. Прежде чем дать ответ, Владимир Яковлевич спросил: «А кто еще будет, кроме меня?» Услышав имена О. Н. Гречиной, И. П. Еремина, П. Н. Беркова, Г. А. Бялого, С. С. Деркача и Г. П. Макогоненко, он сказал: «Приду, обязательно приду. Напомните, пожалуйста, адрес».

Когда в назначенный час мы увидели наших гостей, возникло вдруг неловкое замешательство. Выручило традиционное начало многих студенческих встреч: запели «*Gaudeamus*». Когда отзвучали последние звуки гимна, возник вопрос, кому произнести первый тост. Г. П. Макогоненко сказал, что это право по старшинству должно принадлежать Владимиру Яковлевичу.

Тогда-то и произнес Владимир Яковлевич слова, которые всем участникам той встречи запомнились навсегда:

— По роду своих занятий я прежде всего учитель. Как учитель и поступлю сейчас. Начну с перевода и комментирования текста только что прозвучавшей песни. «*Gaudeamus igitur...*» — «Веселитесь, юноши...» Это прекрасный призыв. Противоестественна юность, лишенная веселья. Да и не только юность. Глубоко убежден, что, если уж человек родился на свет, он обязан быть счастливым.

---

¹ ЧЕРЕДНИКОВА МАИНА ПАВЛОВНА (1940–2023) — филолог, фольклорист, специалист по детскому фольклору. Доктор филологических наук, профессор, преподаватель Ульяновского государственного педагогического института (университета).

² Впервые опубл.: Живая старина. 1995. № 3 (7). С. 15–17.

Со своего места отозвался С. С. Деркач: «Но ведь это бывает очень трудно...» — «Тем почетнее обязанность», — весело ответил Владимир Яковлевич. Эти слова стали своеобразным камертоном той далекой незабываемой встречи.

Для меня же они прозвучали как загадка, разгадать смысл которой я пытаюсь всю жизнь. Раньше мне казалось, что счастье мало зависит от желания и воли человека, что оно всецело предопределено обстоятельствами, в которых мы не властны. И вдруг: «счастье — обязанность». Как это понять?

Впоследствии слова, сказанные Владимиром Яковлевичем, не раз отзывались эхом в его письмах, в разговорах с ним, выступлениях, в последних заметках, сделанных им в записной книжке. Это удивительное мироощущение учителя озарило жизнь каждого, кому судьба подарила встречу с ним.

В спецсеминаре по фольклору, которым руководил Владимир Яковлевич, как правило, занималась небольшая группа студентов III и IV курсов. Доклады обсуждались еженедельно по средам. В 1959 году в семинаре работали талантливые студенты IV курса Юра Юдин, Юра Серов, Володя Воронов. На стажировку к Владимиру Яковлевичу приехала из Германии аспирантка Ингетраут Том (Клагге). Бессменной старостью семинара несколько лет подряд была дисциплинированная и пунктуальная Нила Криничная.

Доклад на семинаре был событием для каждого: к нему готовились тщательно и волновались даже тогда, когда получали предварительное одобрение Владимира Яковлевича. Критика «однокашников» могла стать серьезным испытанием: «оппоненты» порой выступали с юношеским максимализмом и не оставляли от доклада камня на камне. Одно резкое замечание следовало за другим. В таких случаях лицо Владимира Яковлевича суревело. Он отворачивался к окну, словно не желая видеть говорившего.

Однажды после очередного такого обсуждения Владимир Яковлевич огорченно произнес: «Я ждал, что кто-то из вас остановится, что у вас хватит доброты и понимания оценить сделанное докладчиком. Собран и систематизирован огромный материал, это необходимый шаг к серьезному исследованию. Между тем никто из выступавших этого не заметил. Вы все говорили о том, чего в работе нет, и не увидели того, что в ней есть».

Сам Владимир Яковлевич давал высокую оценку даже самому малому результату студенческого поиска, будь то тщательно собранная библиография или подборка вариантов песенного сюжета.

О первых открытиях своих учеников Владимир Яковлевич говорил с воодушевлением. От него мы слышали о выпускниках университета, успешно работавших в семинаре до нас. Так впервые я узнала о Кларе Кореповой, преподававшей в Горьковском университете. Спустя годы, когда сама я уже работала в школе, Владимир Яковлевич писал в одном из писем о своем семинаре:

«Есть превосходные, редкостные студенты...» О них он рассказывал, не уставая. Однажды во время короткой встречи у него дома я услышала об Ане Некрыловой: «Какая у меня есть ученица! Пишет работу по преданиям о Петре. Собрала 100 текстов. Такое ни одному ученому не удавалось. Догадалась искать в архивах Казанского собора». Так, еще не встречаясь, мы, его ученики, уже были знакомы и ощущали духовное родство друг с другом.

После университета мне пришлось учительствовать в Карелии. Письма Владимира Яковлевича, его постоянная поддержка и внимание помогли выжить в очень трудных условиях. Один вопрос он повторял постоянно: «Чем я мог бы Вам помочь? Вы ни о чем не просите — а жаль, я бы постарался Вашу просьбу выполнить».

Однажды я написала, что читаю старшеклассникам факультативный курс по русской живописи и архитектуре, но с трудом нахожу необходимые для этой работы альбомы и репродукции. Через полмесяца пришла бандероль из Ленинграда: Владимир Яковлевич прислал диафильмы из Русского музея...

Каждому из нас он писал об открывающихся в разных вузах вакансиях в аспирантуру, вселяя надежду на то, что работа, начатая в университетском семинаре, когда-нибудь будет продолжена. Между тем в одном из писем Владимир Яковлевич признавался: «У меня дел столько, что мне не упомнить всего того, что надо сделать, а на столе лежит записка всего, что нельзя забыть».

Но чаще всего он писал о том, что доставляло ему особое удовольствие: «Мои студенты упросили меня читать спецкурс по русской сказке. Сейчас я усиленно вырабатываю этот курс, и это меня занимает и утешает. Я нимало не думаю об академичности, только частично повторяю свои книги, думаю, чтобы было просто, доходчиво и интересно, чтобы материал как-то захватывал».

В одном из писем в Карелию Владимир Яковлевич упомянул о том, что он готовится к докладу «Фольклор и действительность» на объединенном заседании университетской кафедры литературы и фольклорного сектора ИРЛИ. В марте 1963 года он писал: «Мой доклад состоялся, было много народа. Я воевал против тех, кто не отличает былины от исторического романа (Плисецкий), и попытался вскрыть некоторые закономерности в том, как в разных жанрах изображается действительность. Выступали: Путилов, Акимова (Саратов), Гусев, Дмитраков, Шептаев, Еремин <...>. Говорили много и хорошо, все меня поняли, и для меня было ощущение праздника».

Изредка Владимир Яковлевич сетовал на усталость и незддоровье, на бессмысленную суетность многочисленных служебных обязанностей. «Мне каждый день надо куда-нибудь выезжать, а большей частью без толку. Вчера по партийной линии вызвали меня на диспут о значении филологов и заставили выступать. Я сказал, что филологи призваны бороться с нашим множественным бескультурьем.

Мне ответили, что они на 70 процентов сами серые, что я решительно отмел. Это длилось 4 часа и было скучно».

Однако при любых обстоятельствах Владимир Яковлевич умел найти повод для радости: будь это новый спецкурс или фотография, которой он занимался с большим увлечением, подаренные кем-то из учеников репродукции Микеланджело или собственно ручно посаженные на даче цветы.

В апреле 1966 года он писал: «Моя последняя любовь — это древнерусские города. Нынче весной планирую поездку в Москву (там у меня дочь), и оттуда в Загорск, Владимир, Суздаль. По Волго-Балту, возможно, проедусь по маршруту Ленинград — Ярославль и тогда увижу Углич и Борисоглебск <...>. Архитектура древних городов делает меня счастливым, и я все больше убеждаюсь, что быть счастливым — это не только удел, но и обязанность человека, если только у него нет большого горя». Так снова отклинулись слова, прозвучавшие когда-то на прощальном студенческом вечере. Несмотря на все невзгоды (а их немало выпало на его долю), Владимир Яковлевич остался верен своему главному жизненному принципу.

Вскоре после моего поступления в аспирантуру он как-то спросил: «Вы знаете, кто в нашей стране самые счастливые люди?» Увидев мою растерянность, засмеялся и сам ответил: «Пенсионеры и аспиранты!» Удивлению моему не было предела. И тогда он объяснил: «И те, и другие могут заниматься любимым делом, а им за это еще и деньги платят!»

Так постепенно открывалась мне эта формула счастья: любимое дело, любимые ученики, любимый дом, любимые друзья. Любовь к миру, к жизни, к людям. То, в чем обстоятельства не властны.

Вдова Владимира Яковлевича Е. Я. Антипова-Пропп, показывая как-то семейные реликвии, открыла маленькую записную книжку с последними его записями. Они были сделаны на даче в Репино, когда после тяжелой болезни Владимир Яковлевич вернулся из больницы. Рядом с датой «29 июля 1970» единственная строка: «Радуюсь счастью бытия»...

А. Ф. НЕКРЫЛОВА¹

СЕМИНАР ВЛАДИМИРА ЯКОВЛЕВИЧА ПРОППА НА ФИЛФАКЕ ЛГУ В 1960-Е ГОДЫ²

Мне выпало счастье учиться в Ленинградском университете в 60-е годы и с первого по пятый курс заниматься в семинаре Владимира Яковлевича Проппа.

Я поступила в университет в 1962 году. Сразу же, после нескольких лекций Владимира Яковлевича Проппа, попросила разрешения посещать его семинар. Владимир Яковлевич разрешил, и я осталась здесь на все пять лет. Почему выбрала именно проповский семинар? Похоже, я тогда уже поняла: здесь все серьезно, академично и доброжелательно, без напускного поучительства, но при разумной требовательности, а сам Владимир Яковлевич сразу показался мне настоящим университетским профессором.

Семинар, насколько я помню, всегда собирал выходцев разных годов выпуска, здесь были студенты, аспиранты, выпускники разных лет, уже определившиеся в профессии, работающие в разных учреждениях, в разных городах, оステпененные кандидаты и доктора. В то время, когда я училась, аспирантом был, например, Юрий Иванович Юдин, один из последователей Владимира Яковлевича и его любимый ученик. Владимир Яковлевич хотел оставить его вместо себя на кафедре, но Юрий Иванович не имел ленинградской прописки и к тому же не был партийным. Юдин вынужден был уехать в Курск, где до последних дней жизни преподавал в педагогическом институте. В это же время аспирантуру, по-моему, заканчивала Тамара Ивановна Орнатская, с которой потом мы встретились в Пушкинском Доме, где

¹ Анна Федоровна Некрылова (р. 1944) — филолог, фольклорист, специалист по народному театру. Кандидат искусствоведения, сотрудник отдела русского фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

² Частично опубл.: Живая старина. 1995. № 3 (7). С. 20–21.

она работала в группе по исследованию творчества И. А. Гончарова, а в 1969 году она защитила кандидатскую диссертацию по прочтаниям в русской фольклорной традиции. Майна Павловна Чередникова тогда тоже заканчивала аспирантуру, занималась фольклоризмом Н. С. Лескова («Очарованный странник»). Сейчас широко известны ее работы по детскому фольклору, замечательный этнодиалектный словарь Ульяновской области. Клара Евгеньевна Корепова, Антонина Николаевна Мартынова, Александр Александрович Горелов, Леонард Иванович Емельянов, Неонила Артемовна Криничная в мои студенческие годы либо уже завершили аспирантуру, либо, защитив диссертации, работали по специальности (Криничная и Корепова — соответственно в Петрозаводске и Нижнем Новгороде, тогдашнем Горьком), но каждый при любой возможности стремился посещать семинары Учителя.

Семинар крепко связал на всю жизнь многих его участников. Старшие всегда опекали младших. На первую в моей жизни студенческую конференцию Владимир Яковлевич отправил меня именно к Кларе Кореповой в Горьковский университет. Когда мы ездили в экспедиции через Петрозаводск, непременно встречались с Нилой Криничной. В 1980-е годы фольклористы-пушкинодомцы работали в Нижегородском крае, и, естественно, курировала нас Клара Евгеньевна. Благодаря Владимиру Яковлевичу еще в студенческие годы я познакомилась с Израилем Иосифовичем Земцовским и Валерией Игоревной Ереминой, многое определившими в моей житейской и профессиональной судьбе, дружба с ними продолжается до сих пор. Из молодых в середине 1960-х годов в семинаре была, кроме меня, Лариса Ивлева — она оказалась последней, написавшей диплом у Владимира Яковлевича. Валентина Немнова после университета много лет работала в издательстве «Наука», редактируя в основном фольклорные издания.

Семинар посещали и многие из тех, кто не имел к нему непосредственного отношения. Часто бывала на семинарских занятиях Валентина Евгеньевна Ветловская, тогда аспирантка Г. А. Бялого; регулярно посещала семинар Валерия Игоревна Еремина, хотя писала свою дипломную работу у В. В. Виноградова; нередко на проповских семинарах присутствовали будущие известные ленинградские/петербургские поэты Виктор Кривулин и Сергей Стратановский, занимавшиеся в семинаре Д. Е. Максимова. С последним мне довелось поработать в студенческие годы в одной из фольклорно-диалектологических экспедиций.

На семинаре была потрясающая обстановка. Зачитывали свои опусы, рассказывали об экспедициях, открытиях в архивах, делились своими идеями не только студенты и аспиранты, но и уже «самостоятельные» ученые. Все имели возможность выступить,

и каждый должен был принять участие в обсуждении – неважно, была ли это работа студента, только пришедшего в семинар, или маститого исследователя. Я на первом курсе написала что-то по пословицам, понятно, очень скромное, скорее похожее на развернутое школьное сочинение, так ведь и меня терпеливо выслушали, задавали вполне серьезные вопросы, надавали массу полезных советов. Столь же внимательно и придирчиво мы обсуждали доклады Владимира Яковлевича, Юрия Юдина, части дипломных сочинений пятикурсников. На семинаристах Владимир Яковлевич опробовал некоторые свои работы. Так, мы стали первыми слушателями его будущего спецкурса по сказке, здесь впервые была прочитана статья о Врубеле и т. д. Это было действительно со-творчество, на равных. Я не говорю о само собой разумеющемся уважительном отношении, но все мы были в курсе того, кто что делает, над чем работает. Прекрасная школа! Семинар дал многое, в первую очередь – знакомство с русским фольклором практически во всем его объеме, да и не только с русским. Владимир Яковлевич никогда не навязывал семинаристам темы, каждый мог выбрать любой жанр, сюжет, героя, курс исследования, причем все работы, как я уже сказала, обязательно заслушивались и обсуждались на семинарских занятиях. Особое внимание уделялось методу, который обусловливался материалом, его спецификой; стало быть, первое, что требовалось – собрать с достаточной полнотой материала и попытаться его систематизировать. При этом не увлекаться максимализмом, чтобы не утонуть в материале, оправданно ограничиться им, когда наблюдается повторение и высвечивается закономерность, в частности в композиции, структуре определенного жанра или группы произведений. Не удивительно, что в начале творческого пути многих крупных ученых был семинар Проппа. Кроме перечисленных фольклористов, назову востоковедов Б. Б. Вахтина и Б. Л. Рифтина. Даже те, кому пришлось уйти в другие гуманитарные области, как правило, так или иначе возвращались в фольклористику. Это Г. Л. Венедиков – поэт, художник-график и фольклорист; А. И. Нутрихин – журналист, писатель, переводчик, оставивший воспоминания о семинаре Проппа, и другие.

Владимир Яковлевич, да и другие ведущие преподаватели филфака, очень поддерживали разные выходы за пределы факультета, университета. Скажем, у нас на филфаке, на русском отделении не читались курсы ни по истории России, ни по истории Европы. Владимир Яковлевич одобрял посещение лекций на истфаке. Я, помню, ходила на лекции В. В. Мавродина, читавшего курс по истории России. Большое впечатление производил Матвей Гуковский, брат Григория Гуковского, он вернулся из мест отдаленных; у него был голос охрипший, напряженный, но слушать его лекции по истории Европы средних веков было истинное наслаждение.

Тогда же на истфаке (или на факультете психологии) появился молодой Игорь Кон. Это было первое обращение отечественных ученых к новому направлению — «социологии личности», такого словосочетания вообще еще не было, и вдруг он, молодой ученый, объявил свой курс, который собирал огромную аудиторию. Мы бегали, в самом деле — бегали, чтобы успеть с занятий на филфаке, и слушали его, было необыкновенно и захватывающе интересно. Он произносил имена, которых мы не знали, — например, Питирим Сорокин, Густав Шпет, Эрих Фромм, М. М. Ковалевский и др.

Мы все время чем-то подпитывались. Время было удивительное — демократия, оттепель, выход в свет запрещенных в прежнее советское время книг, очень много было анекдотов, которые рассказывали уже в открытую, не только на кухне. На филфаке студенты открывали для себя поэтов Серебряного века, увлекались обэриутами, были завсегдатаями знаменитого «Сайгона», читали и перепечатывали Самиздат, цитировали Мандельштама, Цветаеву, Н. Гумилева, посещали выставки художников, работавших не в соцреализме. Виктор Андроникович Мануйлов в битком набитой 31-й аудитории рассказывал о Максимилиане Волошине и Коктебеле.

Наверное, именно такая атмосфера позволяла нам, студентам, буквально заказывать определенные курсы. Нам было мало спецкурсов и спецсеминаров в законный день — среду, все непременно ходили на Григория Абрамовича Бялого, к Дмитрию Евгеньевичу Максимову. Какие-то спецкурсы устраивались вечерами по пятницам (среды не хватало). Никто не удивлялся, никто не возражал, напротив — это считалось правильным, естественным. Например, студентов, заинтересованных древнерусской литературой, приглашали в Пушкинский Дом на заседания Отдела древнерусской литературы, которым руководил Д. С. Лихачев. Причем и студентов не просто приглашали устно, нам регулярно приходили по почте извещения-приглашения за подписью секретаря отдела Пушкинского Дома. Где-то у меня хранится несколько таких почтовых посланий: «Уважаемая Анна Федоровна, очередное заседание Отдела древнерусской литературы состоится тогда-то, тема такая-то...». Я была на 4 или 5 курсе, когда небольшая группа студентов захотела подробнее узнать историю Византии. С чего вдруг? Сейчас не могу вспомнить. Мы пошли в деканат, озвучили свое желание, и нам полгода читали историю Византии. Удовлетворена была и просьба о дополнительных занятиях с Яковом Соломоновичем Лурье, ведущим специалистом по древнерусской литературе, и полгода мы читали переписку Курбского с Грозным, построчно, с комментариями Якова Соломоновича. Факультативный курс по палеографии вел для нескольких человек Николай Николаевич Розов, прямо в Отделе рукописей Публички, на примере подлинных рукописных и старопечатных книг. Не могу не сказать о лекциях (совсем не обязательных для фольклористов) по общей этимологии Ю. В. Откуп-

щикова, посещение которых Владимир Яковлевич тоже всячески приветствовал. Хорошо, если мы понимали двадцатую часть того, о чем говорил Юрий Владимирович, но это было безумно интересно, захватывающе и в последующей жизни очень пригодилось. Лекции его воспринимались как своего рода научный детектив: неожиданно выстраивались целые цепочки, раскрывались языковые связи, пропускали глубинные значения слов.

Еще, конечно, мы часто посещали Русский музей, Эрмитаж, и Владимир Яковлевич с немецкой педантичностью спрашивал: «Как вы ходите в Эрмитаж?» Ну пошли и пошли. «Надо ходить правильно! Сегодня вы посетили залы с голландцами, и этого достаточно, останьтесь с этим впечатлением. Потом побудьте у итальянцев, в следующий раз ограничьтесь античными и египетскими собраниями. Если вы попали на третий этаж, там, где выставлены импрессионисты, то тоже никуда больше в этот деньходить не следует». Мы так и ходили — поочередно, выстроив схему маршрутов, в разные залы в разные дни.

По правде сказать, в нашу студенческую эпоху не все было гладко и прекрасно. Случалось, мы попадали в довольно неприятные, а порой и опасные ситуации. И Владимир Яковлевич был из тех, кто нас спасал. Тогда казалось, что никаких ограничений быть не может, что нам дозволено говорить все, писать обо всем, заниматься, чем хочется, оценивать происходящее и прошлое. Конечно, мы ошибались. Когда я была еще на первом курсе, мы задумали выпускать свой рукописный журнал. Журнал назывался «Зензивер» (по Хлебникову). Писали стихи, рассказы, какие-то эссе, даже критические статьи. Это было вскоре после того, как Хрущев посетил выставку художников-авангардистов (1 декабря 1962 года в московском Манеже) и разругал все, что там было выставлено. Так вот, на обложке первого номера нашего журнала был изображен Лаокоон со всеми змеями, и на каждой змее было написано Партиком, ДОСААФ, Профком и пр. Понятно, чем это дело кончилось. Началась серьезная «проработка». За нас тогда заступился ректор, А. Д. Александров. И Владимир Яковлевич тоже не похвалил, но и не бранил, просто сказал, чтобы не занимались этим: «Вы знаете, что надо кончить университет, а потом...». Нас оберегали, спасали многие преподаватели. Когда мы с Ларисой Ивлевой побывали в Карелии в экспедиции, — Онежское озеро, Медвежьегорск — те самые места, где были лагеря, где еще сохранилась на месте лагерей колючая проволока, где мы наслушались специфического фольклора и бытовых трагических историй, связанных с ГУЛАГом. Блатной и ГУЛАГский фольклор шел массивом. Пели тюремные песни еще XIX в. и одновременно в большом количестве жестокие романсы. Правда, записать удалось достаточно много и из классического фольклора. Свои материалы, наиболее интересные, мы отправ-

ляли Владимиру Яковлевичу по почте, а потом отчитывались об экспедиции на семинаре. Нам было велено представить что-то вроде отчета в «Вестник ЛГУ». Мы описали все честно: и про лагеря, и про весь репертуар местного населения. И неожиданно нас вызвал С. С. Деркач, один из редакторов «Вестника ЛГУ». Он сказал: «Все, что вы написали, очень интересно, но мы не все и не обо всем можем писать в журнале. Вы должны это убрать, а это сократить», — и вдбавок: «Вы все равно пишите, собирайте. Придет время, тогда опубликуете». Чуть позже Владимир Яковлевич спросил более прямо: «Аня и Лариса, вы хотите закончить университет?»

В рамках дипломной работы я хотела писать о жестоких романах, и вновь Владимир Яковлевич сказал: «Нет, этому не время. Запоминайте, фиксируйте, пишите». Пришлось остановиться на преданиях о Петре Первом. Нисколько не жалею об этом. Работа получилась на грани фольклорного исследования и исторического, и Владимир Яковлевич, вопреки правилам, пригласил в качестве оппонентов не одного, а двух преподавателей, да каких! — Г. П. Макогоненко и В. В. Мавродина (профессора исторического факультета). Клара Евгеньевна Корепова вспоминала о похожем: в качестве кандидатской диссертации ей прямо-таки навязывали тему «рабочий фольклор», точнее — «песни сормовских рабочих». Понятно, ей совершенно не хотелось этим заниматься, и Владимир Яковлевич буквально отчитал ее, строго наказав не отказываться от предложенной темы, во-первых, потому, что рабочий фольклор — тоже фольклор, и им стоит заняться; во-вторых, нельзя подводить тех, кто взял ее на работу и от кого в свою очередь требуют соответствующих направлений кандидатских диссертаций (опять же — время такое); в-третьих, чем больше не нравится тема, тем скорее надо с ней разделаться, но обязательно завершить достойно, честно, объективно оценив материал; наконец, в-четвертых, кандидатская диссертация, по его словам, это лишь необходимый «входной билет» в науку. Разумеется, были навязываемые темы (пословицы у Ленина и т. д.), но Владимир Яковлевич никогда их не то чтобы не предлагал, он их игнорировал, и, насколько знаю, ни одной подобной темы на семинаре не обсуждалось.

Когда я поступила в аспирантуру, мне захотелось заниматься тем, чем никто не занимался. Остановилась на народном театре. С тех пор попала в театральную колею. Владимир Яковлевич меня поддержал, чего я, честно сказать, не ожидала, готовилась доказывать, отстаивать. Поддержал и Павел Наумович Берков. Когда я на кафедре озвучила тему «Народный уличный театр Петрушки», некоторые преподаватели слушали недоуменно. Вроде: глупость, надо ли филологу заниматься этим. Тут поднялся Павел Наумович и сказал два слова: «Очень хорошо». Он в 1953 году

издал антологию по русскому народному театру, где поместил два текста комедии с Петрушкой. Многие начинающие, даже уже признанные исследователи-филологи боялись Павла Наумовича с его невероятной памятью и эрудицией. Обычные его вопросы-замечания: «Разве Вы не знаете, что сто лет назад об этом писал или на это намекнул тот-то? А в «Русском инвалиде» в 18... году была помещена заметка...». Выступив за утверждение «петрушечной» темы, он тут же сказал: «Аня, обязательно посмотрите Санкт-Петербургские ведомости за 1733 г., кажется за 5 мая, там есть нужная Вам статья». На следующий день я нашла эту статью в том самом номере от 5 мая.

Может быть, потому, что Владимир Яковлевич сам был замечательным лингвистом, мы все были увлечены языками, диалектологией, историей славянских языков, этимологией. Ему мы обязаны интересом к лекциям Откупщикова, сознательно-серьезным вниманием к спецкурсам по старославянскому языку и сравнительной грамматике славянских языков, готовностью участвовать в диалектологических экспедициях. К языку у Владимира Яковлевича было особое отношение. Структурный подход, обращение к морфологии он объяснял близостью фольклорных произведений (волшебных сказок в первую очередь) к языку, к тем законам и процессам, которым подчиняется язык. И, стоит добавить, — близостью к тому, чем были увлечены в 1920-е годы петроградские-ленинградские формалисты, сосредоточившиеся тогда в Зубовском институте, на Исаакиевской пл., 5, — Шкловский, Мейерхольд, Эйхенбаум, Тынянов, Жирмунский. Кстати, Владимир Яковлевич был хорошо с ними знаком; не случайно его «морфологический» подход к сказке оценили С. Ф. Ольденбург и В. М. Жирмунский. Владимир Яковлевич непременно обращал внимание начинающих фольклористов на необходимость изучать композицию, структуру произведений. А про себя он написал в «Дневнике старости»: «У меня проклятый дар: во всем сразу же, с первого взгляда видеть форму».

Стоит сказать, что все «проповедцы», определившие себя фольклористами, были заядлыми экспедиционерами. При том что сам Владимир Яковлевич сознательно оставался кабинетным ученым, наши «полевые семестры» всячески одобрял и ценил добытые в них материалы. Обязательными бывали подробные отчеты об экспедиционных поездках, с подготовленным по всем правилам материалом (беловые записи, паспортные данные, дневниковые заметки, характеристика исполнителей, условия записи и пр.). Повторю: Владимир Яковлевич всегда был за то, чтобы фольклористы, вообще филологи выезжали в поле. Поскольку в наше время фольклорные экспедиции не предусматривались программой обучения, можно было принимать участие только в диалектологических экспедициях. И для фольклористов, разумеется,

это очень полезно. Но именно Владимир Яковлевич договорился с лингвистами факультета, чтобы Ларисе Ивлевой и мне была предоставлена возможность записывать не только диалектную лексику и фразеологию, но и собственно фольклорный материал, и для этого позволить не сидеть на одном месте, как диалектологам, а передвигаться по определенному региону, самостоятельно выбирая места, где, как нам сообщали, жили хорошие рассказчики, исполнители песен, частушек, знатоки обрядов и пр. Так что мы параллельно выполняли норму по диалектологии (тысяча карточек) и вне норм заполняли тетрадки текстами песен, быличек, преданий, сведениями об обрядах, праздниках и т. д. У нас были прекрасные учителя-языковеды. Владимир Викторович Колесов в год моего поступления в университет защитил кандидатскую диссертацию, немногим позже — докторскую. С ним связаны диалектологические экспедиции, а в университете — занятия по истории русского языка. Вторым «моим» лингвистом, которому многим обязана и к которому также отправил Владимир Яковлевич, был Александр Сергеевич Герд. Высокий, худощавый, занимавшийся еще и альпинизмом, он шагал размашисто, казалось, сразу на три метра, как настоящий землемер. И мы еле успевали за ним. Первая моя экспедиция была под его руководством — на южную Псковщину.

Обо всем подробно мы рассказывали Владимиру Яковлевичу и обязательно отчитывались на семинаре. Теперь совестно оттого, что посылали своему Учителю даже не очень пристойные частушки и потрясающие наивностью жестокие романсы, с ужасно нелепыми, как нам казалось, словосочетаниями и коллизиями. Посыпали и то, что сами сочиняли на диалекте, не думая, что отнимаем время и силы у немолодого уже ученого. Он все это читал, что же касается фольклорных записей, — помогал откомментировать, редактировал наши дневниковые записи, чтобы можно было сдать все эти материалы в надлежащем виде. Кроме того, Владимир Яковлевич проявлял пленки и печатал фотографии (слава Богу, не все), отснятые во время экспедиций. Он всерьез увлекался фотографией и считал видеоматериал важнейшей частью экспедиционной работы.

Я уже говорила, что мы бывали в Пушкинском Доме на заседаниях, слушали лекции на истфаке, но Владимир Яковлевич настойчиво советовал ходить и в консерваторию. Там Феодосий Антонович Рубцов возглавлял фольклорное направление. Оба профессора были хорошо знакомы, в том числе и благодаря И. Земцовскому. Кто-то из нас никогда не занимался музыкой, не знал нот, и вникать в премудрости музыковедения было очень сложно. Однако мы учились слушать музыкальный фольклор, усваивали прочную связь напева, мелодики и слова, речи, начинали понимать особые функции музыкального инструмента, наличие

особого музыкального мышления у народных исполнителей и т. п. За это тоже спасибо Владимиру Яковлевичу.

Особая вещь — музыка. Владимир Яковлевич был хорошим пианистом. Дома у него стояло пианино, буквально втиснутое в полки с книгами. Музыка была одной из мощных составляющих его жизни. Помогала ему. Понятно немецкое пристрастие: Шуберт, Шуман, Моцарт. Бетховена не очень любил. Из русских композиторов — Мусоргский. Помню несколько совершенно замечательных вечеров. Владимир Яковлевич часто приглашал студентов и аспирантов для серьезной беседы к себе, то есть не на кафедре обсуждали дипломы и курсовые, а приходили к нему домой. И иногда он садился за пианино и играл. Однажды зашел разговор о филармонии, мы часто встречались в филармонии. Он спросил, что и почему мне нравится? Я, еще не зная вкусов Владимира Яковлевича, ответила — Моцарт, Гайдн, Шопен, Скрябин. Он молча сел и стал играть что-то из Моцарта. Когда Ларисе Ивлевой и мне позволили в экспедиции заниматься сбором фольклорного материала, он решил нас подготовить и устроил встречу у него в квартире с Верой Викторовной Митрофановой, опытным экспедиционером, обходившим и изучившим всю Новгородчину, и с И. И. Земцовским, который тоже имел за плечами немало полевых сезонов и мог сказать много полезного не только как этномузыковолог, но и как филолог. Рассчитывалось, что нас просветят, чтобы записывать и как умудриться «с голоса» записать текст песни или сказку, какие задавать вопросы, как себя вести и т. п. Однако все это свелось к двум минутам, потом мы пили чай, а потом Владимир Яковлевич и Изайя Иосифович стали играть. И каждый свое, и в четыре руки. Потом Вера Викторовна стала рассказывать экспедиционные анекдоты, и на этом наша подготовка кончилась. Это было замечательно! Так мы и поехали с этим багажом.

Владимир Яковлевич знал про нас всё. Кто откуда приехал, кем работают родители, каков достаток в семье, кто уже обзавелся семьями. В одном из писем он писал о том, что студенты у него разные, и в данный момент есть студентка, у которой маленький ребенок, и не может она написать хорошую работу, потому он не будет к ней придираться, но ведь как хорошо, что она мама, что она так замечательно рассказывает про своего малыша. Когда Ларисе Ивлевой пришлось надолго лечь в больницу, он добился для нее академического отпуска, писал ей и всячески поддерживал. Он долго, к сожалению безуспешно, боролся за Юрия Юдина, пытаясь оставить его на кафедре как замену себе в преподавании фольклора. Обязательно отвечал на каждое письмо, а их было немало, всегда поздравлял с защитами, успешными выступлениями на конференциях, с выходом в свет книг, статей, с рождением детей и вступлением в брак.

К сожалению, я не вела дневник. В сохранившихся тетрадках, блокнотах отложилось лишь то, что тогда показалось наиболее интересным, важным, неожиданным.

Вспоминаю такой казус. В 1969 году вышло переиздание «Морфологии сказки» на немецком языке. Я прихожу к Владимиру Яковлевичу, а он хохочет. Редко он именно хохотал, обычно улыбался. Что же произошло? Оказывается, переводчики из ГДР не удосужились эпиграфы из Гете воспроизвести в оригинале, а перевели их с русского перевода Владимира Яковлевича на современный немецкий. Это выглядело совершенно невероятно, так что было от чего хохотать.

Хорошо помню, как в 1967 году не единожды встречала Владимира Яковлевича в Публичной библиотеке. Он сидел за одним из первых столов и просматривал альбомы по русской иконописи, архитектуре; что-то выписывал из Грабаря, из томов «Истории русского искусства». Владимир Яковлевич продолжал заниматься Врубелем, которого чрезвычайно любил, собирая материалы по иконам Св. Георгия и почти что с юношеским азартом штудировал литературу по древнерусскому храмовому зодчеству. Помню, что на столе перед ним часто лежали тома из серии «Сокровища России». Я в это время работала над дипломным сочинением (руководителем был Владимир Яковлевич), потому довольно часто подходила с вопросами, сомнениями, пользуясь соприсутствием в Публичке. Разговор нередко переходил и на иллюстративный материал, который лежал перед моим учителем. Кое-что из услышанного я тогда же, по горячим следам, записывала.

Удивительно интересный, незабываемый разговор об архитектуре Древней Руси состоялся у нас год спустя, когда Владимир Яковлевич пригласил меня к себе домой в связи с предстоящими вступительными экзаменами в аспирантуру. Трудно вспомнить сейчас, что послужило поводом к такой беседе, но тема архитектуры захватали нас, и Владимир Яковлевич достал обычную канцелярскую папку, на которой его рукой было написано «Архитектура». Здесь лежали листы с наклеенными изображениями (фотографии, открытки) храмов, с выписками из разных исследований и заметками самого Владимира Яковлевича. Особенно поразили меня оценки, касающиеся Новгородской Софии и Дмитровского собора во Владимире. Оба собора я видела, но, как выяснилось, ничего не видела и не поняла. Захотелось при первой же возможности посмотреть на эти храмы глазами Владимира Яковлевича и убедиться в его правоте. Оуществить такой план удалось далеко не сразу, и поделиться с Владимиром Яковлевичем новыми впечатлениями, увы, не довелось.

Сейчас, пытаясь освежить в памяти всё, что связано с Владимиром Яковлевичем, я перечитала немногочисленные открытки и письма, в разные годы адресованные мне. В трех из них учитель

писал о русских храмах. Интерес к раннему русскому зодчеству был давним, стабильным, просто в конце 1960-х у Владимира Яковлевича наконец появилось время, чтобы всерьез заняться и этой стороной народной культуры России. Приведу цитаты из писем, мои записи разговоров с Владимиром Яковлевичем, касающихся архитектуры Древней Руси.

15 июля 1966 года: «В Кижах я пробыл 4 дня. Рассказывать очень трудно — я просто дышал этой атмосферой древней талантливой Руси...»

4 августа 1966 года: «Ильинского погоста я не знаю — надеюсь на Ваши фото. Зато я нынче побывал в Кондопоге. Храм — совершенно удивительный, может быть, самое совершенное создание русского северного зодчества. Мы были с Нилой (Криничной. — А. Н.). Шел проливной дождь, было пасмурно, и снимки получились вялые, я надеюсь на Ваши <...>. Эти северные храмы составляют одно целое с природой. По гениальности архитектуры наш Север выше Флоренции».

5 января 1968 года: «Я закончил спец. курс, и теперь у меня много свободного времени. Неожиданно для себя занялся историей древнерусской архитектуры. Весной поеду в Новгород — это моя мечта...»

Л. Э. НАЙДИЧ¹

О ВЛАДИМИРЕ ЯКОВЛЕВИЧЕ ПРОППЕ

Поступив на филфак Ленинградского университета, я, в состоянии счастливой эйфории, стала искать, чему можно поучиться помимо обязательной программы, одинаковой для всех на нашем немецком отделении. В коридоре висел список спецкурсов и спецсеминаров русского отделения, проходивших вечером и потому доступных для всех. Почему-то строка *В. Я. Пропп. Спецкурс «Волшебная сказка» и спецсеминар «Русский фольклор»* сразу привлекла мое внимание. Тут действовала какая-то интуиция, благодаря которой я, как оказалось, соблюдая семейную традицию, стала заниматься у Владимира Яковлевича. Моя мама², когда я сообщила ей, что собираюсь учиться у Проппа, с удивлением спросила меня: «Откуда ты знаешь, что нужно идти к нему?» Впоследствии я узнала из доклада Георгия Пантелеимоновича Макогоненко, что Владимир Яковлевич в середине 60-х годов не хотел больше преподавать: у него ослабла память, он считал, что не может работать с полной отдачей и заявил, что уйдет на пенсию. Тогда Георгий Пантелеимонович и Григорий Абрамович Бялый приехали к нему на дачу (собственной дачи, как подчеркнул Макогоненко, у Проппа, конечно, не было, семья снимала комнату где-то под Ленинградом), чтобы уговорить его остаться. Получается, что в результате этой дипломатической миссии, увенчавшейся успехом, мне и выпало огромное счастье быть ученицей Владимира Яковлевича. Что касается ослабшей памяти, то никаких следов этого недуга мы

---

¹ Лариса Эриковна Найдич (р. 1947) — филолог-германист, литературовед, переводчик. Кандидат филологических наук, почетный профессор Еврейского университета в Иерусалиме (Израиль).

² Лидия Михайловна Лотман (1917–2011) — литературовед, специалист по русской литературе XIX в. и наследию А. Н. Островского. Доктор филологических наук, большую часть жизни работала в Пушкинском Доме (1946–2001), участник крупных академических изданий. Сестра Ю. М. Лотмана.

у В. Я. не наблюдали, а выпавшее мне счастье ощущаю и осознаю в полной мере до сих пор, как знала об этом и тогда, с самых первых занятий.

На лекциях В. Я. подробно и последовательно объяснял свою концепцию структуры волшебной сказки и ее происхождения; а после лекций проходил семинар с рефератами студентов и обсуждением их работ. Лекции отличались железной логикой, простотой и последовательностью изложения, полетом мысли, которая вела слушателей за собой. Оказавшись на семинаре, я обнаружила, что я в нем — единственная германистка, как бы вольнослушательница (все остальные были русисты, для которых выбор одного из спецсеминаров был обязательным). Кроме того, большинство студентов занимались у В. Я. не первый год и были в его семинаре «своими». В семинаре выделялись три наиболее активные и интеллектуальные девушки: Роза Беккер, Лариса Ивлева и Аня Некрылова. Они живо реагировали на все доклады, часто выступали сами. В. Я. дал мне тему, в которой я могла применить (или приобрести — что тогда было более актуально, так как я была еще на первом курсе) германистические знания: он попросил подготовить доклад об известном указателе сказочных сюжетов Больте и Поливки, основанном на сказках братьев Гримм. Почему В. Я. хотел поговорить со своими учениками об этом указателе, совершенно ясно. Для него важны были принципы классификации сказки, выделения сходных сюжетов и сюжетных элементов. В известных указателях он видел недостатки, вызванные поверхностным толкованием основ классификации. Например, в классическом указателе сюжетов есть раздел «сказки о животных», внутри него: «дикие и домашние животные», «домашние животные», «птицы и рыбы» и т. п. При такой классификации в разные рубрики попадает то, что по В. Я. представляет собой одно и то же и, напротив, в одинаковые — разное. Выделение функции действующих лиц, предложенное Проппом в его «Морфологии сказки», дает возможность другой, более глубокой классификации, что В. Я. и хотел показать студентам, разбирая принципы построения указателей. Я, естественно, принялась за порученное мне задание с большой ответственностью. Я не только проштудировала указатель Больте и Поливки, но и нашла материал о них, почерпнутый, в частности, из некрологов. Участники семинара отнеслись к моему докладу очень сдержанно, они вообще довольно сурово оценивали работу своих товарищей и часто прерывали особенно яростных теоретиков сухим вопросом с места: «А сколько вариантов этого текста Вы учили?» Но сам В. Я. был мною очень доволен, к моей большой радости. Он хвалил меня и объяснял студентам полезность такого реферата. Вообще, В. Я. был по отношению к студентам приветлив, поощрял их работу, вдохновлял их. Однажды, прияя к нему домой за научной консультацией по моей курсовой работе, я столкнулась

с Аней Некрыловой, выходившей из его кабинета. Провожая ее, В. Я. сказал: «То, что Вы написали, — это книга. Можно хоть сейчас ее печатать». Речь шла о дипломной работе Ани, посвященной легендам о Петре Первом. Аня нашла и обработала много вариантов легенд, работала в архивах, в частности догадалась обратиться в архив Казанского собора, где обнаружила много нового по своей теме. Эта похвала, обращенная к моей соученице, вдохновила и меня, я запомнила ее на всю жизнь. Хвалил он и Ларису Ивлеву, занимавшуюся творчеством скоморохов. Прочтя опубликованные в 2002 году дневники В.Я., я нашла там упоминания об этой его талантливой ученице. На нее действительно невозможно было не обратить внимания: умная, интеллигентная, красивая, с лучистыми светлыми глазами. Впоследствии и Аня, и Лариса стали известными фольклористками, но судьба Ларисы трагически оборвалась. Возвращаясь из-за города после посещения больной подруги, она стала жертвой бандитского нападения и погибла в молодом возрасте. Серьезная Роза Беккер писала у В. Я. работу о сюжете «Волшебная дудочка», переделывая свое дипломное сочинение несколько раз. Какой вариант был лучше, трудно сказать, в этом сомневалася и сам В. Я., который это дипломное сочинение горячо одобрил. Я же на втором курсе готовила под руководством Нины Александровны Жирмунской курсовую о песне Маргариты из последней сцены первой части «Фауста» Гете. Поскольку песня эта имеет фольклорные корни и заимствована из сказки, включенной под названием «О можжевельнике» в сборник братьев Гrimm, я советовалась и с В. Я. Очевидно, мое увлечение этой работой, которая была по сути дела моим первым научным исследованием, нравилось В. Я., ведь он был ярым гётеанцем и в его «Морфологии сказки» множество эпиграфов из Гете. Хорошо помню, что в разговоре с В. Я. у него дома речь шла о песнях в сказке. В. Я. одобрил мои соображения по этому поводу, а затем помог мне найти реальный комментарий к некоторым местам этой немецкой сказки и ее стихотворного перевода на русский язык, сделанного Жуковским, — «Тюльпанное дерево». В. Я. вытащил разные справочники, в основном на немецком языке, и стал искать сведения скорее ботанического, чем филологического характера. Найдя их, он был очень горд и сказал таинственно: «Вот видите, этого никто не знал, а мы с Вами теперь знаем».

Хотя В. Я., как я уже отмечала, не был суров со своими учениками, а напротив, всегда ценил проявление самостоятельного мышления, иногда он выдвигал требования, ставившие в тупик даже сильных, умных студентов. Хорошо запомнился мне такой случай. Один студент разбирал текст плача. Он сразу стал бойко читать свой доклад, с применением многочисленных современных научных терминов. В. Я. неожиданно остановил его и попросил пересказать разбираемый плач. Студент запнулся: как можно это

пересказать? В. Я. возразил: пересказать можно всё. И спросил для начала, в каком времени нужно вести повествование. Поскольку все удивленно молчали, В. Я. довольно простираенно объяснил особенности грамматического значения времен и показал, почему пересказ должен быть в настоящем времени. Студент был обескуражен, он так и не смог пересказать текст. В. Я. слегка ободрил его, обратясь ко всем нам: «Вы думаете, докладчик не знает материала, который он разбирает? Прекрасно знает! Но нужно учиться представлению текста, пересказу».

Очень интересны были семинары, посвященные отчетам об экспедициях, на которых студенты с гордостью рассказывали о собранных материалах. Однажды В. Я. пригласил и свою старую ученицу, Ольгу Гречину, зрелую исследовательницу, как мне тогда казалось, немолодую. Она вдохновила всех нас чрезвычайно живым докладом о детском фольклоре. Привела даже детей школьного возраста, которые помогали ей представить ее материала.

Сфера научных интересов В. Я. в фольклористике была очень широка. Наряду с традиционной волшебной сказкой, он интересовался и современным городским фольклором, поясняя: «Раз явление существует, его нужно изучать». Но, безусловно, у него были и свои предпочтения: он очень любил именно волшебную сказку, изучал ее всю жизнь, чувствовал ее красоту. Под волшебной сказкой при этом он имел в виду тексты, соответствующие определенной структуре, выявленной им в его «Морфологии». В. Я. подчеркивал, что те законы построения сюжета, которые он описал, применимы именно к этому типу текстов, и не любил расширенного применения его схем — например, к литературным произведениям. Логика и научность подхода не мешали В. Я. воспринимать красоту текста. Иногда он прерывал свои последовательные, логичные рассуждения и говорил: «Представьте себе, как это красиво!», — при этом речь шла не о математической красоте построения, а о красоте в обычном смысле. Однажды на лекции речь зашла о принципах филологической науки, и В. Я. сказал, что филологией нельзя заниматься, не чувствуя красоты текстов, не любя их. Это отличает нашу науку от точных наук. Например, возможно, что математик видит красоту формул или другого материала, изучаемого им, но это не обязательное условие его работы. Не так в филологии. Если филолог не чувствует красоты, он не может работать. В. Я. рассказывал, какое большое впечатление на него произвели в юности занятия классической филологией, когда преподаватель при чтении текстов плакал. Такое отношение к филологии сегодня, в век постмодернизма, может вызвать улыбку. Ведь в наше время в моду вошла эстетика отвратительного. Сентиментальность, в том числе по отношению к изучаемым авторам, осмеивается, а литературоведы часто подчеркивают и всячески стараются выявить неприятные и даже

отвратительные черты изучаемых ими произведений и их авторов. Сегодняшняя «обличительная филология» вряд ли понравилась бы В. Я.

Хотя В. Я. указывал на красоту изображаемой в тексте картины, он, как это ни странно звучит, иногда высказывался против иллюстраций сказок. Он считал, что волшебная сказка отражает очень архаические представления и переносит нас в мир, который не стоит изображать графически. Думаю, что он не был очень последовательным противником иллюстраций. Вообще же, как известно, он любил и хорошо знал изобразительное искусство, часто ходил в Эрмитаж и в Русский музей, изучал русскую икону. Еще он был прекрасным знатоком музыки, постоянно дома играл на пианино, особенно любил Моцарта и Бетховена, меньше современную музыку. Даже в последние годы жизни он снова и снова упражнялся в игре, ставя перед собой новые задачи.

В. Я. определял филологию как науку индуктивную, основанную на анализе эмпирического материала и идущую от частного материала к общим умозаключениям. Например, сравнение вариантов фольклорных текстов позволяет выявить общие закономерности. Отсюда и упомянутый выше коронный вопрос девочек — учениц Проппа: «Сколько вариантов Вы учили?» Сам В. Я. рассказывал, как он пришел к идеям, лежащим в основе «Морфологии сказки». Он стал читать сказки из сборника Афанасьева и понял, что многие тексты — это не разные, а одна и та же сказка. Эти воспоминания В. Я., которые произвели на слушателей очень большое впечатление, были рассказаны им на одном юбилейном заседании на кафедре русской литературы. Как всегда, В. Я. говорил спокойно и с большим достоинством, и, конечно, речи не было о тех трудностях и гонениях, которые он пережил. Очевидно, в 60-е годы невозможно было об этом говорить, действовала цензура, и самоцензура. Но, кроме того, трудно представить себе, что такой сильный, полный собственного достоинства человек начнет публично жаловаться. Напротив, В. Я. как бы подвел итог своей биографии, сказав: «Я счастливый человек. Я любил всю жизнь сидеть в библиотеках, копаться в книгах. Я эту возможность имел, поэтому я счастлив». Думаю, что эти слова были совершенно искренними, ведь едва ли В. Я. тяготило то, что он жил весьма скромно: у него была квартира на окраине города, в районе Московского проспекта, не было ни дачи, ни машины, отдыхал он под Ленинградом в весьма скромных условиях. По-видимому, в неоднозначной проблеме счастья большую роль играло сознание проделанной работы и сделанных открытий. А в этом отношении у В. Я., при всей его скромности, сомнений не было. В том же автобиографическом докладе он рассказывал, как написал статью об употреблении артикля в немецком языке. Как преподаватель немецкого, он наблюдал ошибки учеников и решил, обобщив материал, сформулиро-

вать закономерности. Очень интересная и полезная статья В. Я. об артикле в немецком была опубликована в сборнике, посвященном Щербе, на нее до сих пор ссылаются русские германисты, но В. Я. сказал, подводя итог этой работе: «В этом никакого моего открытия не было», — как-то особенно выделив «в этом».

В последние годы своей работы В. Я. подготовил спецкурс по проблемам комизма и смеха (впоследствии его ученики опубликовали эти лекции на основе своих записей). Как всегда, В. Я. строил свой курс на эмпирическом материале; он собрал всё, что было возможно: отдельные пассажи из литературных произведений, шутки, шаржи, анекдоты. Его материал включал в себя эпизоды из Гоголя, Диккенса, Чехова и в то же время записанные им высказывания отдельных людей, шутки из журнала «Крокодил» и т. п. Он учел много книг и статей, начиная от философских трактатов Гегеля, Бергсона и других — и до книг об истории современной кинокомедии. Такой обширный охват материала с включением в него разностильных элементов, соответствующих поставленной исследовательской задаче, характерен для В. Я.: нужно изучать всё, что существует, находить закономерности, классифицировать и делать выводы. Запомнилось многое, что говорил В. Я., особенно часто я вспоминаю его рассуждение о том, что смешным по сути дела может быть только человек, а если смешным называют животное или неживой предмет, то это значит, что в них отражаются черты людей. В. Я. приводил слова одного ребенка, услышанные им на даче: «Вот там, за лесом, такой смешной домик!» Дом оказался действительно низеньким, с неправильными пропорциями, а «смешным» он казался потому, что в нем отразились черты построившего его человека. На этот курс лекций собирались множество народа: не только студенты, но и преподаватели. Однажды В. Я. начал свою лекцию так: «Меня спрашивают, для кого мои лекции, на каком они уровне. Я читаю на уровне науки, а слушать меня может любой: и профессор, и школьник». Конечно, это высказывание кажется некоторым преувеличением, ведь для понимания научной концепции нужно предварительное знание. Но В. Я. так ясно, идя шаг за шагом от материала к общим положениям, излагал свои идеи, что, казалось, все слушатели мысленно шли за ним, воспринимая его логичные и последовательные построения.

Чувство собственного достоинства и внутренняя одухотворенность, а не только правильность черт лица, придавали В. Я. особую красоту. Он был красив во всем, что делал. Человек маленького роста и мало впечатльного телосложения, он не казался слабым или хлипким именно благодаря своему характеру, а среди преподавателей у него было прозвище «железный канцлер». То, что В. Я. был последовательным и несговорчивым, знали все. То, как он страдал, можно себе только представить. Ведь, как я узнала много

позже, его красивая и талантливая сестра Альма была арестована и впоследствии сослана в Среднюю Азию, а ее муж — замечательный германист, как и Альма, ученик Жирмунского, Альфред Штрём, погиб в лагере. Сам В. Я. не раз подвергался проработкам. Его могли преследовать (и преследовали) и как «русского немца», и как структуралиста и новатора в науке, и как чрезвычайно порядочного, бескомпромиссного человека. Я никогда не слышала, чтобы В. Я. говорил о своем немецком происхождении. Он рассказывал, что учился в немецкой школе, что преподавал немецкий язык, но не объяснял это тем, что немецкий был для него родным. Вообще, В. Я. знал множество языков. Черты характера В. Я. вряд ли можно считать национальными, научное мышление всегда интернационально. Его смелость в научных построениях, его логика и любовь к искусству едва ли укладываются в прокрустово ложе какого-либо стереотипа.

В последний раз я видела В. Я. в Эрмитаже — это было незадолго до его смерти. Он спускался с роскошной Иорданской лестницы, был один, как всегда, скромно и академично одет. К тому времени у него действительно ослабла память, и, подойдя к нему, я прежде всего напомнила свои имя и фамилию. А потом добавила, что у него училась и моя мама, и назвала ее. Дело в том, что, занимаясь у В. Я., я сначала не говорила о своей семье, а потом все-таки рассказала. Мне тогда было приятно, что В. Я. отозвался очень тепло о маме и о дяде³ и сказал своим обычным эпическим тоном: «Лотман — это не только прекрасный ученый, это еще и замечательный организатор науки». Эти слова мне польстили, хотя я и была смущена. Я считала их справедливыми: Юрий Михайлович действительно собирал вокруг себя множество учеников и единомышленников, организовывал сборники и конференции, но сочетал этот талант лидера с кажущейся рассеянностью, поэтому некоторые не видели в нем этой силы организатора. На лестнице Эрмитажа В. Я. сразу вспомнил меня и маму, был со мной очень приветлив, сказал: «Хорошо, что я Вас встретил», — и спросил, зачем я сюда пришла. Мой ответ: «Просто так», — обрадовал его, и он добавил: «Совсем хорошо». Мои слова были и правдой, и не совсем правдой. В поисках работы после окончания университета я пошла в лекционный отдел Эрмитажа, находившийся в одном из его зданий. Работы с немецким языком, которую я искала, получить там было невозможно. Мне предложили идти на курсы экскурсоводов, затем, возможно, водить экскурсии по-русски и т. п.

---

³ Юрий Михайлович Лотман (1922–1993) — литературовед, культуролог, семиотик. Доктор филологических наук, с 1954 г. — преподаватель, затем заведующий кафедрой русской литературы Тартуского университета. Автор структурно-семиотического метода в исследовании литературы и культуры, основоположник тартуско-московской семиотической школы.

Расстроенная, я вышла на улицу, немного постояла, а затем решила пойти в музей. Зашла с другого входа, купила билет и тут-то и встретила В. Я. Я не стала рассказывать ему всю эту историю. Чем он мне мог помочь? Но встреча с ним ободрила меня. Я решила, что в моей жизни произошло что-то хорошее, раз я встретила своего любимого учителя. А значит: всё будет хорошо.

IV

ПИСЬМА

С. А. СЕМЯЧКО

В. Я. ПРОПП О «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Владимир Яковлевич Пропп никогда не занимался летописанием и в своей научной деятельности никогда не обращался к «Повести временных лет» (далее — ПВЛ). В письме своему коллеге и другу Игорю Петровичу Еремину он заметил: «В свое время, студентом 1-го или 2-го курса, прочел целиком “Повесть” и с тех пор — ни разу»¹. Поводом для его обращения к ПВЛ, равно как и поводом к написанию упомянутого письма, стала небольшая книжка И. П. Еремина, вышедшая в 1946 г.²

Эта книга, несмотря на свои весьма скромные размеры, стала заметным явлением в науке. Еще до выхода основного тиража ответственный редактор монографии П. Н. Берков на врученном им И. П. Еремину сигнальном экземпляре книги написал: «Дорогому Игорю Петровичу, автору этой книги, от ответственного редактора в надежде, что все обойдется благополучно и без последствий»³. Что же вызывало тревогу ученого редактора?

В конце 30-х—40-е гг. прошлого века в истории изучения русского летописания сложилась удивительная ситуация, когда в течение нескольких лет одна за другой выходили работы, на долгие годы определившие характер исследования летописных текстов. В 1938 и 1940 гг., в основном трудами М. Д. Приселкова, были

---

¹ Письмо публикуется в приложении к данной статье.

² Еремин И. П. «Повесть временных лет»: проблемы ее историко-литературного изучения / отв. ред. П. Н. Берков. Л., 1946. Книга дважды переиздавалась: 1) Еремин И. П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики) / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л., 1966. С. 42–97 (под заголовком «“Повесть временных лет” как памятник литературы»); 2) Еремин И. П. Исследования по древнерусской литературе. Т. 2: Литература Киевской Руси XI–XII вв. Литература Московской Руси. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 15–77. В настоящей статье работа цитируется по первому изданию.

³ Еремина В. И., Семячко С. А. Игорь Петрович Еремин: Очерк жизни и научной деятельности // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2020. Т. 57. С. 809.

опубликованы две книги умершего в 1920 г. академика А. А. Шахматова: «Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв.»⁴ и ««Повесть временных лет» и ее источники»⁵, на которые сразу же отозвался другой участник исследовательского процесса, Д. С. Лихачев⁶, тогда еще только начинавший свою работу над русскими летописями. В 1940 г. появилась книга самого М. Д. Приселкова «История русского летописания XI–XV вв.»⁷, в основе которой лежала его докторская диссертация, защищенная годом раньше. В 1944 г. Д. С. Лихачев защитил кандидатскую диссертацию «Новгородские летописные своды XII в.». Спустя два года вышла книга И. П. Еремина, о которой идет речь, а вскоре вслед за ней, в 1947 г. — книга Д. С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение»⁸, и в этом же 1947 г. Д. С. Лихачев защитил докторскую диссертацию «Очерки по истории форм летописания XI–XVI вв.». Еще два года спустя была опубликована статья И. П. Еремина «Киевская летопись как памятник литературы»⁹, а на следующий год появилось фундаментальное издание «Повести временных лет» в серии «Литературные памятники», для которого Д. С. Лихачевым был написан историко-литературный очерк, посвященный издаваемому произведению¹⁰, в нем учений повторил основные наблюдения и выводы, изложенные ранее в монографии¹¹.

⁴ Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.

⁵ Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 9–150.

⁶ Лихачев Д. С. Издание трудов А. А. Шахматова по русским летописям // Книжные новости. 1938. № 23. С. 25. См. также более позднюю работу: Лихачев Д. С. Шахматов как исследователь русского летописания // А. А. Шахматов. 1864–1920: Сб. статей и материалов / под ред. С. П. Обнорского. М.; Л., 1947. С. 253–293.

⁷ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. Перепр.: СПб., 1996.

⁸ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

⁹ Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 67–97.

¹⁰ Лихачев Д. С. «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк) // Повесть временных лет / подгот. текста, статьи и comment. Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1950. Ч. 2. С. 5–148.

¹¹ В мою задачу не входит полный обзор истории изучения летописания в середине XX в. На этот счет существует фундаментальное исследование: Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011. С одной небольшой поправкой: на с. 385 речь идет не о Игоре Петровиче Еремине, а о Степане Антоновиче Еремине, как установила позднее сама же В. Г. Вовина-Лебедева, еще одном участнике семинария

Книги А. А. Шахматова открыли эпоху усиленного текстологического изучения летописных памятников. «...Его точка зрения является господствующей в нашей науке», — писал об этом И. П. Еремин¹². Исследования А. А. Шахматова показали, что текст ПВЛ неоднороден, что создавался он далеко не единовременно, и в книге М. Д. Приселкова эта точка зрения получила дальнейшее развитие и логическое завершение: текст ПВЛ был представлен в ней как своеобразный слоеный пирог, пласты которого восходили к различным памятникам предшествующей летописной традиции.

Книга И. П. Еремина оказывается вне этого мощного текстологического потока. Как кажется, исследование М. Д. Приселкова стало одним из побудительных мотивов работы И. П. Еремина, не случайно последний считает нужным остановиться в своей книге на ряде несообразностей, обнаруженных им в работе предшественника¹³. Однако это вовсе не означает, что И. П. Еремин отрицает текстологический метод как таковой. Скорее, он выступает против крайностей этого метода, против того, чтобы все особенности текста летописей объяснять исходя исключительно из истории их текста; против того, чтобы текст их считать хаотичным нагромождением разновременных фрагментов, которые удерживаются вместе лишь благодаря погодной сетке. Существует текст ПВЛ, он реален, и его художественное своеобразие должно быть раскрыто. С точки зрения ученого, в первую очередь следует объяснить ту «настойчивость, с какой летописец пытается уложить свой повествовательный материал в рамки непременно погодного изложения»; то «равнодушие, с каким он смотрит на то, как в результате такого способа изложения — из всех возможных самого, казалось бы, неудобного и для него самого, и для читателя — постоянно рвутся у него сюжеты, перебивают, вытесняют один другого»; «фрагментарность» летописного повествования, «в результате которой резко ослабевает связь между отдельными частями повествования и каждая часть стремится отмежеваться от соседей и наглоухо замкнуться в себе самой»; «невосприимчивость летописца к противоречиям его же собственного изложения»¹⁴. Нигде в книге И. П. Еремина не идет речи о том, что у ПВЛ не было никакой истории текста, речь идет о том, чтобы проанализировать результат этой истории как цельный текст¹⁵, обладающий своими

В. Н. Перетца (*Вовина-Лебедева В. Г.* К вопросу о школах А. А. Шахматова и В. Н. Перетца: Степан Антонович Еремин // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М., 2015. Т. 2. С. 495–520).

¹² Еремин И. П. «Повесть временных лет». С. 7.

¹³ Там же. С. 36–39.

¹⁴ Там же. С. 3–4.

¹⁵ Проблема фрагментарности / цельности летописного текста будет волновать исследователей многие годы, ее и до сих пор нельзя считать не только

художественными особенностями. Очень важно следующее замечание исследователя: «Не отрицая возможности вторичного происхождения отдельных художественных “загадок” летописного повествования — в процессе движения текста, думаю, однако, что свести к этому движению всю художественную структуру “Повести”, т. е. по существу снять самый вопрос о своеобразии летописного художественного изображения нельзя»¹⁶.

«Реально дошедший до нас текст “Повести” может стать предметом анализа и независимо от его родословной, ибо какую бы сложную историю ни пережил текст того или иного литературного произведения, текст этот в своей окончательной редакции никогда не теряет своего единства как по содержанию, так и по форме, отрицать это единство в данном случае значило бы рассматривать дошедший до нас текст “Повести”, легший в основу всего древнерусского летописания, как механический сплав разного рода напластований, как текст неполноценный и по содержанию, и по форме»¹⁷.

Именно этим книга И. П. Еремина оказалась интересна В. Я. Проппу, который в своей научной деятельности был тогда далек от текстологической проблематики: его, как и И. П. Еремина, интересовал текст (И. П. Еремина — письменный, В. Я. Проппа — устный) как художественное целое. Поэтому он и пишет И. П. Еремину: «...мне близок Ваш метод, и тут я, хотя и из своего угла, но могу судить».

Если М. Д. Приселков не был склонен рассматривать летопись как литературный памятник, то для Д. С. Лихачева вопрос художественного своеобразия летописного текста был весьма актуальным. Речь не идет о том, что текстологи индифферентны к сугубо литературоведческой проблематике, а И. П. Еремин игнорирует вопросы генеалогии текстов; вопрос сводится к последовательности действий исследователя. По мнению И. П. Еремина, «анализ художественной структуры этого текста должен предшествовать решению генеалогической проблемы, так как, быть может, позволит точнее определить, что в тексте этом следует отнести за счет его истории и что — за счет его художественной структуры»¹⁸. Оппоненты И. П. Еремина полагали, что начинать следует с выяснения истории текста¹⁹.

ко решенной, но и получившей всестороннее обсуждение. См., например: Шайкин А. А. «Нечто цельное», или Вопросы литературоведческого изучения «Повести временных лет» // Шайкин А. А. Поэтика и история: На материале памятников русской литературы XI–XVI веков: Учебное пособие. М., 2005. С. 25–65.

¹⁶ Еремин И. П. «Повесть временных лет». С. 8.

¹⁷ Там же. С. 9.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Каковы бы ни были опасения П. Н. Беркова, научную полемику не стоит воспринимать как суровое противостояние. И. П. Еремина и Д. С. Лихачева

Если смотришь на летопись как на цельный текст (а это нормальный взгляд читателя, который не обязан знать о слоистости текста, о его многосоставности²⁰), то множество летописцев сливаются в единую фигуру, того самого пушкинского Пимена. Дело не в «гениальной интуиции» Пушкина, в которой ему, безусловно, нельзя отказать, дело в том, что Пушкин был читателем, с его, читательской, точки зрения, текст летописи был единым, и, соответственно, у этого цельного текста был один творец. Но для И. П. Еремина-исследователя этот Пимен был условным, поскольку он знал, что за созданием летописи стоял не Пимен, но пимены. Эту условность фигуры автора ощущал и В. Я. Пропп. Не случайно, если И. П. Еремин сближает летописца с литературным персонажем, пушкинским Пименом, то В. Я. Пропп предлагает параллель с персонажем фольклорным, Ильей Муромцем.

В. Я. Пропп видит необходимость выделения неких «мыслительных категорий», «которые определяют собой решительно все». Надо понимать, что эти мыслительные категории позволили бы определить границы и специфику литературного и фольклорного, средневекового и современного, устаревшего и актуального. Уже одна только найденная И. П. Ереминым такая категория — отношение множества к единству — заставляет В. Я. Проппа признать необходимость скорректировать свои представления об отдельных вещах, которые он считал специфически фольклорными. Он затрагивает лишь проблемы единства времени / множественности времен, единства пространства / множественности миров. Он делает попытку сопоставления эпоса и летописи и, как кажется, приходит к выводу, что в летописи нет единства: «Она имеет зернистое строение, как гранит, где каждый хрусталик — год, и эти годы не согласованы и полны противоречий». И тут же, казалось бы, опровергает себя: «Но это единство есть, и это единство имеется Богом».

Понятно, что В. Я. Пропп не мог откликнуться на книгу И. П. Еремина рецензией: невозможно представить, чтобы в конце 40-х гг. прошлого века ученый мог в печатном тексте рассуждать о Боге (с заглавной буквы) как творце единства, будь то единство, цельность средневековой жизни или цельность летописного текста. Напрашивается вывод, что цельность текста создается не неким единственным автором, которого на самом деле не было, а един-

---

связывали давние дружеские отношения, и именно Д. С. Лихачев после смерти И. П. Еремина занимался переизданием его работ, в том числе и посвященных летописанию, в том числе и той книги, о которой сейчас идет речь. См.: Еремин И. П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики) / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л., 1966 (С. 47–92: «Повесть временных лет» как памятник литературы).

²⁰ Очевидна проблема публикатора летописного текста для массового читателя: как дать представление об истории сложения летописного текста, чтобы показать его многосоставность и при этом не разрушить его цельности.

ством мировоззрения многих авторов, единством их веры, общностью нравственных критериев. «Бог — не моральная категория. Бог есть именно воплощение той святой для летописца идеи, составляющей основное содержание всей летописи и стоящей в полном противоречии со всей *формой* его мышления». И далее — что это означает в политическом, нравственном и религиозном отношении.

«Ошибается Лихачев...». Лихачев в рамках печатной научной работы так же ограничен в выражении своей позиции, как Еремин или Пропп, если речь идет о вере и Боге. По мнению В. Я. Проппа, общность позиции летописцев (здесь следует все же говорить о летописцах, а не о летописце) и создателей фольклорного текста объясняется общностью их веры, одинаковым отношением к Богу, а не заимствованием летописью «родового предания». Но одно не отменяет другого. Механизмы формирования той или иной идеи в тексте, будь это текст письменный или устный, должны были обсуждаться, и полноценное обсуждение оказывалось невозможным, как только это касалось вопросов религиозных. В частном письме у В. Я. Проппа было больше возможностей, чем в публичной дискуссии.

Впрочем, другие вопросы, затронутые В. Я. Проппом, такие, как время, пространство, вскоре стали предметом научного дискурса: в 1967 г. вышла «Поэтика древнерусской литературы» Д. С. Лихачева²¹, где эти вопросы получили всестороннее рассмотрение. Жаль только, что участие В. Я. Проппа в обсуждении всех этих вопросов ограничилось публикуемым здесь письмом.

Приложение

Письмо В. Я. Проппа публикуется по подлиннику (ОР РНБ, ф. 1111 (И. П. Еремин), № 190) с дополнением некоторых знаков препинания, требуемых современными пунктуационными нормами. Слова, выделенные В. Я. Проппом подчеркиванием (волнистой линией), переданы курсивом. Сокращения раскрыты в угловых скобках.

Дорогой Игорь Петрович!

Уже давно я собирался написать Вам, но, узнав, что Вы тяжко заболели, решил пощадить Вас. Потом прослыпал, что Вам стало лучше, но я завертелся во всяких делах, и не было возможности сосредоточиться. Сейчас я на даче, один с сыном, сижу спокойно у окна, гляжу на Разлив, могу и подумать, и пошевелить мозгами и пером.

Вы ждете «отзыва»? Его не будет. Будет гораздо лучше. Я хочу поделиться с Вами теми мыслями, которые возбудила во мне Ваша книга. Значит, она плодотворна, она будит мысль, потому

²¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. Впоследствии эта книга многократно переиздавалась.

что в ней есть мысль. Летописи я не знаю. В свое время, студентом 1-го или 2-го курса, прочел целиком «Повесть» и с тех пор — ни разу. Но смутно люблю ее (больше, чем «Слово о п~~о~~лку» Иг~~о~~реве»), она для меня — свое и живое. И значит, я не судья. Но мне близок Ваш метод, и тут я, хотя и из своего угла, но могу судить. Первое, что ощущаешь, читая Ваш труд, это удовольствие от ее простого, хорошего языка, от Вашего стиля. Я бы хотел писать так, как Вы. Язык отточен, потому что отточена мысль. Вы философ, каких я люблю. Вы мыслите материалами. Этого никогда не поймет, например, Реизов, которого лично я очень люблю, но способ мышления и письма которого я не люблю. Он «мыслит мнениями» — и теряюсь и не могу следить. (См. его книгу о Бальзаке, где Бальзака, по-моему, нет)²².

Во-первых, конечно, летописец — не дипломат, и не княжеский историограф и пр. Когда прочитал, что Вы сближаете его с пушкинским Пименом, я подпрыгнул от радости. То, что Пушкин понимал гениальной интуицией, Вы подтверждаете путем анализа. Он «земля Русская». Об этом и будет моя основная мысль.

В «Повести» есть вещи, которые я до Вас считал специфическими фольклорными. Вы увидели их в летописи и заставили меня передумать некоторые из своих убеждений. На Вашей книге я увидел: есть какие-то, вероятно очень простые в своей основе, мыслительные категории, которые определяют собой решительно все. Они еще не найдены. Но одна из них у Вас найдена. Это — отношение множества к единству. На некоторой стадии сознания, условно «фольклорной», или «народно-эпической», или как хотите, нет единства в мнении, хотя оно дано в непостигнутом опыте. Нет единого времени. Есть множество эмпирически постигаемых времен. Нет перехода от одного времени к другому. «Единство времени» античного театра есть именно отсутствие единства, тогда как наше дробление на части есть результат постигаемого единства. В пространстве: нет единого пространства, космоса, есть множественность всяких миров (марровское «космическое сознание» есть житейская фикция²³). В политике: есть роды, раздираемые распрями, враждующие, отделяющие свои охотничьи угодья. Они говорят на одном языке, и в будущем это — народ, но народное сознание требует веков для своего пробуждения. В эпосе: есть множество сюжетов, и до некоторой поры — нет центрального героя, нет «циклизации». Но вместе с тем эти разрозненные сюжеты составляют потенциальную эпопею, которая народом никогда не

---

²² Речь идет о книге: *Реизов Б. Г. Творчество Бальзака. Л., 1939.*

²³ Представления о космическом мышлении как особой стадии развития человечества, предшествовавшей стадии технологического мышления, разрабатывались Н. Я. Марром в рамках его яфетической теории. См. об этом, например: *Mapp H. Я. Избранные работы: в 5 т. Т. 3: Язык и общество. М.; Л., 1934.*

создается, но которая может быть создана. В языке: нет подчинения, есть нанизывание. И т. д.

Вы сами отнесете сюда летопись. У Вас уже сделано все, чтобы ее объяснить. Она имеет зернистое строение, как гранит, где каждый хрусталик — год, и эти годы не согласованы и полны противоречий. У Вас это показано с предельной ясностью.

Но самое интересное в том, что летопись уже показывает удивительное преодоление всей этой схемы. Она раздираема борьбой и полна противоречий иного рода. В мире нет единства, и в князьях нет согласия. Но это единство есть, и это единство именуется Богом.

Бог — не моральная категория. Бог есть именно воплощение той святой для летописца идеи, составляющей основное содержание всей летописи и стоящей в полном противоречии со всей формой его мышления. Политически это — идея единого государства, не раздираемого никакими распрями. Всякое преступление, совершающееся во имя этой идеи, уже не есть преступление, как Вы сами это показываете. И значит, Бог — не моральная и не религиозная категория, а только религиозная форма категории иного порядка. И уже конечно — летописец не идеолог феодализма; бессмысленность такого утверждения из Вашей работы полностью явствует. Но это противоречие в «Повести» в точности отражает политические противоречия. При родовом строе единства нет совсем. При племенном уже нет тотемов лягушки, совы или ящерицы, а есть поляне, древляне и другие, не составляющие государства. Но Русь XI века уже была государством. В этом государстве действуют две силы: центробежные, собственно антигосударственные, представленные феодальными князьями, раздирающими государство на части, и центростремительные, представленные великим князем столично-киевским и «верой православной». В этом смысле летописец выражает то же, что Илья Муромец, который стоит за великого князя и «веру». Отсюда Вы видите, как ошибается Лихачев, считающий, что летопись отражает какое-то «родовое» предание и что здесь связь ее с фольклором²⁴.

Но это значит, что в одном я с вами разойдусь: мысль о «земле Русской» никак не может быть мыслью о прошлом ее. У Вас летописец выглядит немножко ретроградом, желающим повернуть колесо истории вспять. Возможно, что мечта о прошлом есть только способ выражения мечты о будущем. Но объективно летописец

²⁴ «Наличие в X–XI вв. развитого родового предания настолько сильного, что оно проникло в летопись и сохранилось в современном былевом эпосе, — факт большого историко-культурного значения. Перед нами своеобразная устная летопись семи поколений. Будучи родовыми, эти предания оставались и общенародными, проникнутыми высоким сознанием общих интересов всего русского народа в целом» (Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945. С. 11).

представляет здоровую и новую, зарождающуюся государственную идею, вырастающую из своей противоположности — из княжеских усобиц и войн, из феодального разложения.

8.VI

Приехал в город и растерял все мысли и потерял эпическое спокойствие. Поэтому буду краток.

Еще о формах сознания. За преступлением следует кара: зачатки причинно-следственного мышления в моральной окраске. То же, что с Богом в сознании единства. Сознание времени: важнейшая из всех категорий именно для летописи. Как изображаются одновременно происходящие события? (Закон хронологической несовместимости.)

Летопись во всем содержит свое собственное противоречие. Это относится к категории, которую я не умею определить, но которую я назвал бы «чувством действительности», и значит, она историческое сознание. Вы склонны отрицать его у летописца, и, конечно, Вы правы. Но оно не начисто отсутствует. Я не мог следить за некоторыми приводимыми Вами данными, не зная родословной князей. Исторического сознания еще нет, но оно все же уже есть.

То, что Вы называете народно-эпической и агиографической стилизацией, есть не стилизация, а единосущие.

Простите, дорогой Игорь Петрович, если утомил Вас. Скорее исцеляйтесь. Передайте мой сердечный привет и поздравление Берте Григорьевне. Слухами земля полнится, и я уже слышал о блестящей защите²⁵.

В. Пропп

Никак не могу умолкнуть. Еще в одном я вижу в Вас союзника. «Сюжет» не есть единица ни творчества (литературного или фольклорного), как ни изучения. До сих пор всегда изучали все по сюжетам, в том числе и «С₁лово» о п₁олку И₁гореве». Дело не в сюжетах. А вот в чем — это-то и надо угадать. Вы в своей книге так же «бессюжетны», как я в своей²⁶. Мы с Вами «надсюжетны».

---

²⁵ Речь идет о защите женой И. П. Еремина, Бертой Григорьевной Ереминой, диссертации на соискание ученой степени доктора химических наук.

²⁶ Ко времени написания письма у В. Я. Проппа успела выйти лишь одна книга: *Пропп В. Я. Морфология сказки*. Л., 1928.

В. В. ВОРОНОВ¹

НЕСКОЛЬКО ПИСЕМ В. Я. ПРОППА

Поскольку я давно собирался отдать в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН письма В. Я. Проппа ко мне, я должен дать некоторый комментарий к нашей с ним переписке.

Я учился на филологическом факультете ЛГУ в 1956–1961 гг., с третьего курса занимался в семинаре В. Я., писал курсовые и дипломную работу. После университета работал около 20 лет в школе учителем литературы. Моя небольшая переписка с В. Я. произошла в 1966–1969 гг., спустя пять лет после моего окончания университета. Поводом к этому стали мои поездки по Карелии и Архангельской области и незначительные записи фольклора, сделанные на любительском уровне. Ну а причиной моего обращения к В. Я. явилось желание поговорить с учителем, человеком и ученым, оказавшим влияние на мое отношение к научной работе, к народному творчеству и культуре, хотя я и не обнаружил в себе глубоких склонностей к научным занятиям ни в университете, ни после.

Я имею и передаю в ИРЛИ РАН всего четыре эпистолярных документа, которые представлю последовательно и дам пояснения².

1

4.02.66

Дорогой тов. Воронов! Спасибо Вам за весточку, и за снимки, и за то, что не забыли меня. Вы не пишете ничего о себе. Ваш старик, несомненно, интересен, и обломки <нрзб.> (тоже редких)

---

¹ Владимир Викторович Воронов — филолог, участник семинара В. Я. Проппа в 1958–1961 гг.

² Письма публикуются в соответствии с современными пунктуационными нормами. Фрагменты, подчеркнутые в оригинале, выделены курсивом. — Ред.

Главное здание Ленинградского государственного университета.
Вид со стороны Университетской наб.

о Святогоре тоже интересны. На встрече у О. Н. Гречиной мне очень понравилось Ваше пение. Всё это — фольклор, архитектура, древняя Русь — органически Ваше. С самым сердечным приветом.

Ваш Пропп

Текст написан на обороте вот этой фотографии и является ответом на мое письмо, которое, очевидно, не сохранилось. Я писал о своих впечатлениях от поездки по окрестностям Онежского озера, где в глухих деревнях мы любовались деревянной архитектурой. В одной из них очень старый дед пытался спеть что-то; я не помню о Святогоре, который упомянут в письме В. Я., но хорошо запомнился фрагмент исторической песни о Платове-казаке, которую он пересказывал, закончив с улыбкой: «Ты ворона, ты ворона, ты французская сова, не сумела казака Платова споймать». Встреча у О. Н. Гречиной была, вероятно, в первой половине 60-х, не помню ее состава и повода. Я действительно там спел песню, усвоенную мной в студенческие годы: «Течет речка по песочку».

Следующее письмо В. Я. — ответ на мое, написанное, вероятно, в 1966 г. (я не датировал), где он по порядку отвечает на мои вопросы (темы).

Ленинград, 13 янв. 1967 <г.>

Дорогой тов. Воронов! Ваше письмо меня очень порадовало. Вам хочется побеседовать. В беседе говорят двое, и поэтому я прежде всего отвечу Вам в том порядке, в каком вы пишете.

Вы пишете о моей сдержанности по отношению к студентам. Это не совсем так. Но верно то, что я избегаю подходить первый, не хочу как-то навязывать свою дружбу. Но есть такие, которые сами приходят ко мне, подолгу у меня сидят, расспрашивают меня о себе и о моей жизни, а не только о своей работе, а потом, по окончанию университета, переписываются со мной. Таких у меня несколько человек. Вы ко мне не подходили, хотя, может, и хотели это. Вашим письмом вы подошли ко мне много лет спустя после того, как Вы окончили университет, и это меня порадовало очень.

Всё, что вы говорите о силе жизни и ее проявлениях, мне очень близко и понятно. Вы во *многом* видите *единое*, а это единое самое важное. Но я ученый, я прежде всего просто хочу познаний, тонких наблюдений и выводов. Поэтому мне не по пути с философами, в частности с Ницше, о котором Вы пишете. Его «Рождение трагедии» не выдерживает проверки фактами — не так родилась трагедия. Кроме того, как *человеческий* тип он мне крайне неприятен, мне чужда философия самоутверждения. Я, наоборот, глубоко преклоняюсь перед Кантом, Гегелем и Шеллингом в их мятежном и строгом искании правды. Вы правильно угадали и человеческую суть моих трудов. В них есть скрытая, сдавленная эмоциональность, эмоциональность мысли, какая бывает у математиков и шахматистов. Я очень счастлив тем, что мои работы ценятся математиками, есть такие, которые беседовали со мной о точности методов. Да, в науке я люблю точность и последовательность. А кроме того, я просто люблю жизнь во всех ее проявлениях, в детях, в смешном, в смелом и в мужественном, а не только в мысли. Кроме того, люблю музыку. Когда мы встретились у О. Н. Гречиной, Вы меня поразили тем, как правильно и выразительно Вы пели, воспроизводя народный напев.

Вот я Вам ответил на всё, о чем Вы писали. Поневоле стал писать о себе — это не очень интересно. Вы о себе ничего не пишете. Всего Вам лучшего.

Ваш Пропп

В третьем письме В. Я. реагирует на мои впечатления от поездки по р. Онеге и на мои (увы, не слишком профессиональные) записи фольклора в д. Нижнозеро Архангельской области. Стоит привести здесь мое письмо и пояснение к нему.

Осень 1967 г.

Уважаемый Владимир Яковлевич! Очень прошу извинить меня. По своей невнимательности и неряшливости собираюсь слишком долго с письмами. Я давно хочу рассказать Вам о поездке на Север этим летом. Рассказать можно бы и о многом другом (о беседе с Майей Чередниковой, которую недавно видел, о Ваших и не Ваших работах), но в письме это не получается.

Так вот. Ездили мы нынче по Онеге-реке от ее среднего течения, через Усть-Кожу, через Онегу, до Белого моря, а потом по Белому морю через дер. Тамица, Кянды, Нижнозеро. Это всё известные фольклорные места, и Вы, вероятно, их знаете. В последней из этих деревень шесть или семь старух пели нам виноградье (два разных), хороводную «Уточку», какие-то длинные любовные песни. Я впервые слышал живое и мастерское исполнение. Они пели на четыре голоса, очень сложно и очень красиво в отношении гармонии. Я записал слова, но что в них толку! Нужен магнитофон. Я говорил с московскими студентами. Они делают записи, но всё это лежит, и неизвестно, когда будет в работе. Мне, с одной стороны, жаль моих кустарных поездок: хотелось бы сохранить и как следует записать всё. С другой стороны, живое общение и переживание, впитывание во время белой ночи этой дивной гармонии и шатание по рекам, лесам, озерам, сон на жестком полу, и чай, и взгляды старых женщин — всё это едва ли не важнее, потому что организованно и без меня записывают. А я мог бы немного лишь сделать.

Эти бабки загадывали нам и загадки, и начали с неприличных. Я знаю, что Вас интересует это запретная часть фольклора, и именно тем, по-видимому, что она уходит к каким-то очень древним представлениям. Если хотите, я пришлю Вам загадки в следующем письме. А сейчас посылаю фото двух, самых активных, старушек. На отдельном листке слова пляски «Уточка». Они меня учили ее плясать! Всего Вам доброго, здоровья, «трудов и мирных нег»!

Воронов

Дополню. Эти женщины начали загадки с самой «неприличной»: *У вдовки, у сиротки загорелось в серёдке, а у доброго молодца закапало с конца.* И самое интересное, что я ее отгадал: на столе стоял самовар — это и есть отгадка. Пикантность ситуации была и в том, что я был в компании с моим школьным учителем и его юными учениками.

3

20. 12. 1967

Дорогой тов. Воронов! Только сейчас дошла очередь до записанных Вами песен. У меня затор рукописей, на которые надо

отозваться, и этим объясняется задержка. Вы меня, пожалуйста, простите. В числе ваших песен есть замечательные, как «Уточка», — просто классическая вещь, которую читаешь с непрерывным наслаждением. Жаль, что Вы не имели возможности записать полностью всё, что Ваши бабки знали. Оформлена рукопись как надо, ее хоть сейчас можно сдавать в архив Пушкинского Дома, где уже имеется множество записей наших студентов. Уполномочиваете Вы меня на это? Без Вашего указания я сдавать рукопись не буду, буду ее пока хранить у себя.

Жаль, что Вы имели так мало времени и не могли проверить, дополнить и поновить материал. Если будет возможность, стоило бы посвятить вашим старушкам несколько спокойных дней. По фотографии старушки очень характерные.

С приветом.

Ваш Пропп

Последнее, четвертое, письмо В. Я. — ответ на мое, видимо, утреннее. Оно написано в последний год его жизни и представляет особенный интерес: он кратко, но значительно замечает о системе планирования и ограничении свободы в творческой, научной работе в условиях университета. В письме также заметно миорное настроение В. Я. в это время.

4

13. 10. 69

Дорогой тов. Воронов! С Вашим письмом на меня нахлынули воспоминания. Я по состоянию здоровья ушел из университета и теперь иногда предаюсь воспоминаниям. Годы, когда Вы учились, были хорошее время.

Вы спрашиваете, кто еще занимался вопросами структуры и происхождением сказки. Занимались много в Европе и Америке, но нам с ними не по пути. А у нас этим занимались структуралисты, о чем Вы можете судить по статье Мелетинского в моей книге. Сам же я сейчас занимаюсь совсем другими вопросами.

Я понимаю, что работа в школе Вас полностью не удовлетворяет. И все же это лучше многих других профессий и занятий, не затрагивающих душу. Я всю жизнь был преподавателем, сперва в школе (в это время по ночам и на каникулах писал «Морфологию»), а потом в университете. Был научным сотрудником и писал работы по планам свыше и по указке — тоже не очень большое счастье. Совсем свободен я только сейчас, вышедши на пенсию. Некоторая доля несвободы присуща всем на свете, и в конечном итоге это и не так плохо.

Спасибо Вам за добрую обо мне память. Меня это очень радует и поддерживает.

Ваш В. Пропп

Следует, вероятно, дополнить этот комментарий некоторыми воспоминаниями о времени моей учебы и занятий в семинаре В. Я., куда меня завлек Юра Юдин, мой самый близкий товарищ студенческой поры и впоследствии аспирант В. Я. и ученик-фольклорист. К сожалению, плохо помню занятия в семинаре, о них хорошо написала Майя Чередникова, тоже ученица В. Я., крупный специалист по детскому фольклору. Помню комический эпизод с немецкой аспиранткой, посещавшей в это время наш семинар, когда она, очень приятная девушка, прочитала в своем сообщении милым голосом с мягким акцентом такую вот частушку: *Я любила гада, уважала гада, а у него, у гада, целая бригада*. Этот контраст облика докладчика и грубости частушки вызвал веселый смех аудитории, конечно, и В. Я. улыбался вместе со всеми.

Сказать прямо, я не был способным и прилежным учеником В. Я. Я писал под его руководством две работы: Баллада о Василии и Софье; Предания о Петре 1 (курсовая и дипломная). Увы, я ничего не понял в специфике фольклора, рассматривал его феномены как литературные. Впрочем, этот подход, как я потом уяснял, был распространен в советской фольклористике, и В. Я. был один из тех, кто занимался изучением поэтики фольклора, его отношения к действительности. Именно поэтому его работы были подвергнуты критике в 30–40 гг., его обвиняли в формализме, что, вероятно, осложняло, мягко сказать, его жизнь и научную деятельность. Этим, мне кажется, объясняется заметнаядержанность В. Я. в контактах со студентами, о чем я пишу ему в одном из писем и что отмечали, впрочем, и другие его собеседники. Вот ничего этого о сложностях его творческого пути я не знал во время занятий в его семинаре.

Удивляюсь и сожалею, что, работая над своими темами, я так мало прочитал научных источников, в том числе доступных тогда работ В. Я. о поэтике фольклора. И, к сожалению, не помню обсуждения этих проблем на семинаре, не могу утверждать, что этого не было, скорее всего что-то звучало, но я не вник, не услышал. Увы, я не понял и прямого указания В. Я. на полях моей дипломной работы: «Будет не столько идейный анализ, сколько способ осмыслиения исторической действительности». В итоге я написал о преданиях и сказках о Петре Первом какую-то ерунду, что при рецензии Г. П. Макогонеко было, вопреки справедливости, оценено на «отлично» (стыдно вспомнить). Стоит заметить, что с этой темой — народная историческая проза, в том числе предания о Петре, — прекрасно справилась моя однокурсница Нила Криничная, которая занималась в том же семинаре В. Я. и в дальнейшем стала крупнейшим специалистом по этой проблематике.

Несмотря на мои слабые академические успехи или вопреки им, мне все время хотелось поговорить с В. Я., но не о фольклоре,

а на метафизические темы, что я пытался сделать во время консультаций у него на квартире и позже в переписке с ним. Однако это не получалось — вероятно, потому, что я толком не мог поставить вопрос, поддержать беседу, а также потому, что В. Я. предпочитал говорить предметно и конкретно, как это ему, академическому ученому, свойственно, о чем он и замечает в одном из писем ко мне. Тем не менее даже такое неблизкое знакомство с В. Я., ученым мирового значения, обогащало меня, равно как и чтение его работ, особенно уже после университета, помогло многое понять в науке, и в фольклоре в частности. Видимо, я не единственный ценю в работах В. Я. такие особенности его исследований: строгую логику, доказательность и убедительность, точность мысли и в то же время наличие неявно выраженного, но вполне внятного эмоционального восприятия и отношения к предмету исследования, ощущение драматизма научного поиска.

Очевидно все же, что внутренняя значительность, глубина личности В. Я. притягивала к нему и оставила важный след в моей жизни: я неоднократно, работая учителем в школе, использовал мои неглубокие знания о фольклоре и по возможности делал записи. Так, путешествуя по центральной России со своими учениками, в Спасском-Лутовиново я записал несколько песен от местных женщин. Они сказали, что при жизни Тургенева крестьянки встречали его величальными песнями из свадебного обряда, вставляя его имя на место имени жениха. Мои десятиклассники впервые слышали живую народную песню. Одна из них, самая пожилая, говорила, что Тургенев в ответ на эти приветственные песни одаривал крестьянок чем-нибудь, кого платком, кого пряником, и у них в семье, по ее словам, в 20-е гг. букварь, подарок Тургенева, окончательно порвался.

Получив от В. Я., так сказать, прививку фольклора, я делал записи в 1977–1979 гг. в составе археографических экспедиций МГУ в южных регионах России.

И два слова о себе в качестве справки. Проработав (очень горячо и успешно) около двадцати лет в школе, я все же «перегрелся» и ушел в педагогический институт, где, получив кандидатскую степень по педагогике, преподавал педагогические дисциплины еще почти сорок лет (тоже не без успеха). Кстати, некоторые студенты исторического факультета, узнав, что я учился у В. Я., смотрели на меня большими глазами и просили рассказать о нем.

ПИСЬМА В. Я. ПРОППА (1965–1970) Л. М. ИВЛЕВОЙ И А. Ф. НЕКРЫЛОВОЙ (подгот. текста и comment. А. Ф. Некрыловой)¹

Лариса Михайловна Ивлева (1944–1995) — последняя, любимая ученица В. Я. Проппа. Она поступила в 1963 г. на русское отделение филологического факультета Ленинградского университета и со второго курса занималась в семинаре В. Я. Проппа. Переписка с Владимиром Яковлевичем велась на протяжении пяти лет и завершилась с кончиной Владимира Яковлевича.

В 1970 г. Лариса Михайловна пришла в Зубовский институт (тогда научно-исследовательский отдел Ленинградского института театра, музыки и кинематографии — НИО ЛГИТМиК), в возрожденный за год до этого В. Е. Гусевым сектор фольклора. Сначала как стажер-исследователь, позднее — научный сотрудник, а последние два года исполняла обязанности заведующего сектором фольклора РИИИ.

Незадолго до своей трагической гибели Лариса Михайловна передала письма Владимира Яковлевича в Кабинет рукописей РИИИ (ф. 1, оп. 2, № 230). Из писем, хранящихся там, мы выбрали пятнадцать, поскольку в остальных (а это по большей части открытки, короткие записки, адресованные в больницу) речь идет исключительно о состоянии здоровья Ларисы Михайловны; в них советы, ободряющие слова, вопросы о том, что можно и нужно принести (от продуктов до книг, просьбы регулярно информировать («посыпать краткие бюллетени») о самочувствии, ходе лечения и пр.

Публикуемые письма приводятся без купюр, с сохранением орфографии и пунктуации оригинала. Подчеркнутые слова выделены курсивом. Примечания даны после каждого письма.

---

¹ Впервые опубл.: Из фондов Кабинета рукописей Российского института истории искусств. Сообщения и публикации. СПб., 2007. Вып. 4. С. 153–169.

Ленинград, 19.VII.65

(письмо напечатано на машинке)

Здравствуйте, дорогие Аня и Лариса!

Ваше письмо от 13.VII я получил только 19-го. Боюсь, что мой ответ уже не успеет, и потому отвечаю сквозь копирку на деревню¹ и на город одновременно. Вы меня очень обрадовали и тем, что работа ладится, и тем, что ничего не пишете о здоровье, значит, надо думать, все в порядке. Ваши материалы я изучу по возможности тщательно. Мы посвятим вашему рассказу и отчету специальное — может быть, расширенное — заседание. Хорошо, что вы фотографируете. Это расширит представление Ваших слушателей и читателей ваших материалов. Если вы дадите мне ленту, я ее охотно и проявлю, и напечатаю — у вас и так будет много работы, а я в этом деле опытен, и мне это доставит только удовольствие. Не жалейте, что вы без магнитофона, зато вы привезете больше. Никаких инструкций, кроме тех, которые вы получили на симпозиуме², я вам не дам, теперь все зависит от вас.

О жестоких романсах и слезах³ поговорим, когда приедете.

Какие вы счастливые, что видите кусочек России и какой-то уголок русской жизни и ловите последние остатки уже уходящей старинной — а может быть, и ростки новой народнопоэтической культуры, в которую надо глубоко вникать, чтобы понимать, как она прекрасна и богата.

Спецкурс о сказке, о котором Вы просили, я готовлю⁴.

Желаю Вам успехов, бодрости и здоровья.

С большим приветом.

Ваш В. Пропп

P. S. (от руки) Обнаружил, что в конверте есть еще вкладка с песней и добрыми пожеланиями ко мне. Песня интересна и записана хорошо. Ваш метод — записывать вдвоем — оправдывается⁵. Когда окрепнете (но не раньше), можно будет писать и в одиночку. До скорого свидания!

¹ Письмо отправлено в деревню Пáбережье Медвежьегорского района Карельской АССР «студенткам Ивлевой и Некрыловой». Здесь, на северном побережье Онежского озера, была наша основная база во время летней экспедиции 1965 г. Письмо застало нас в деревне, а по возвращении в Ленинград мы получили и ожидающие нас копии.

² «Симпозиум» — сказано не совсем точно. Перед экспедицией, в апреле, мы были приглашены Владимиром Яковлевичем на консультацию, которая состоялась у него на квартире. Дело в том, что в начале 1960-х гг. студенты русского отделения филфака ЛГУ проходили диалектологическую практику в районах Русского Севера и Псковской области, фольклорные же экспедиции учебным планом не предусматривались. Наше желание записывать фольклор в естественных условиях поддержали В. Я. Пропп и В. В. Колесов (тогда молодой учёный, позднее — доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка

Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета). Факультетские власти не разрешили заменить диалектологическую практику фольклорной, но было получено согласие на параллельное занятие тем и другим: мы имели право свободно перемещаться в пределах отведенного района и работать по своей программе, что и нас, и Владимира Яковлевича вполне устраивало. Поскольку сам Владимир Яковлевич, будучи классическим кабинетным ученым, никогда не принимал участия в фольклорных экспедициях, он пригласил в качестве консультантов опытных полевиков-фольклористов — Веру Викторовну Митрофанову из Пушкинского Дома и Иззалия Иосифовича Земцовского. Симпозиума в полном смысле слова на этой памятной встрече не получилось, вместо урока, наставлений и пр. нам даровано было другое: знакомство с ведущими фольклористами, интересная и поучительная беседа о проблемах и задачах полевых исследований, с рассказами об исполнителях, о находках и неудачах, о деревенском быте и крестьянском строе мыслей по давним и свежим впечатлениям и пр. Разговор шел в основном за чаем, а завершилась встреча музенированием: И. И. Земцовский играл Шопена и Моцарта, В. Я. Пропп — что-то из любимого им Шумана. Надо сказать, что Владимир Яковлевич задолго и серьезно готовился к этому «заседанию» и замыслил провести его именно в таком виде (см.: Письма В. Я. Проппа к И. И. Земцовскому (подгот. к печати И. И. Земцовского // Из фондов Кабинета рукописей Российской института истории искусств. СПб., 2007. С. 125–152).

³ К своему удивлению, в Карелии мы столкнулись с чрезвычайно хорошей сохранностью, более того — с огромной популярностью жестоких романсов, которые исполнялись действительно со слезами. Как потом выяснилось, причин тому было немало, об этом, вероятно, и намеревался поговорить Владимир Яковлевич.

⁴ Спецкурс о русской сказке был прочитан Владимиром Яковлевичем в 1965/66 учебном году. По материалам спецкурса Владимир Яковлевич готовил книгу, которую не успел завершить. Издание было осуществлено спустя четырнадцать лет после его кончины: *Пропп В. Я. Русская сказка / отв. ред. К. В. Чистов и В. И. Еремина. Л., 1984.*

⁵ Следуя советам В. В. Митрофановой и И. И. Земцовского, мы записывали многие тексты «в две руки»: песни — через строчку или покуплетно, прозу — по предложениям или небольшими кусками, а потом сводили записанное в единый текст.

2

4.9.65

«Открытка»

Дорогая Лариса! Мы с Аней созвонились и условились, что Вы с ней будете у меня в понедельник 6.9 в 7 ч. вечера. Принесите ленты. Если они еще не проявлены, я это сделаю очень быстро, у меня хорошо оборудованная домашняя лаборатория¹. Несите также все записи, мне хочется их посмотреть. Если Вы не сможете, позвоните мне (К-323-27) или Ане, или нам обоим.

Ваш В. Пропп

¹ Владимир Яковлевич любил фотографировать и печатать снимки, дома у него была настоящая маленькая фотолаборатория. Материалы экспедиции 1965 г., сданные нами в архив ИРЛИ, были снабжены большим количеством

фотографий, сделанных главным образом Владимиром Яковлевичем. Он проявил наши пленки и напечатал снимки, многие — по меньшей мере в трех копиях (для иллюстрации корпуса материалов, сдаваемых в архив, и для каждой из нас).

3

Ленинград
12.IX.65

Дорогие Аня и Лариса!

Я просмотрел ваши материалы. В них много интересного, такого, о чем стоит поговорить. Вы много, хорошо и продуктивно поработали. Материал прекрасно оформлен. Но нужно еще одно, последнее усилие, чтобы довести дело до конца. Когда материал будет оформлен окончательно, я изучу его целиком медленно и внимательно¹. Пока я распределил его по населенным местам и исполнителям, получилось очень хорошо и наглядно. Но многое надо еще сделать.

Надо донести в чистом виде (на машинке или от руки) все то, что Вами еще не переписано. Частушки, оформленные на карточках, я дам машинистке для оформления их в том же виде, как и весь остальной материал². Надо на отдельных листах написать краткие характеристики исполнительниц. Очень желательно дать краткие этнографические (в широком смысле этого слова) описания тех мест, в которых Вы побывали. Надо вмонтировать и подписать фотографии. У Вас было 5 лент по 36 кадров, что составило бы 180 кадров. При трех копиях это дало бы 540 отпечатков. Но я печатал не всё, получилось примерно 200 отпечатков. Надо выбрать все то, что непосредственно относится к экспедиции. Снимки по качеству очень разные. Один из удачных и характерных я посылаю. Я предполагаю поработать еще один раз, если Аня принесет свои ленты в любом виде. За час я делаю 50 оттисков. После всего надо сделать титульный лист и произвести пагинацию. Когда страницы будут пронумерованы, я погружусь в чтение. Ваш отчет я предлагаю поставить на семинаре 20 окт^{<янвр>}. Но закончить надо много раньше.

Я не буду Вас понуждать и торопить, буду ждать, что в недалеком будущем Вы сами ко мне заявитесь.

Ваш Пропп

¹ «Читать медленно» — этому Владимир Яковлевич учил своих студентов и аспирантов, показывая, что медленное чтение есть исходный исследовательский метод фольклориста, что именно такое чтение позволяет вникнуть в фольклорный текст, что оно является предпосылкой понимания и осмысливания фольклорного произведения (См.: Земцовский. И. И. Урок поэтики Владимира Яковлевича Проппа // Судьбы традиционной культуры: Памяти Ларисы Ивлевой. СПб., 1998. С. 45–55).

² В этом — весь Владимир Яковлевич, с его особой заботой о студентах, навязчивой, но очень существенной. В те годы практически ни у кого из нас не было печатной машинки, да и денег на то, чтобы отдавать материалы машинистке. В. Я. передал записанные нами частушки своей машинистке и, разумеется, расплатился с ней сам.

4

21.X.65

Дорогая Лариса!

Мы были очень огорчены, когда узнали, что Вы серьезно больны¹ и не сможете выступить с отчетным докладом об экспедиции. Поправляйтесь скорее! Если Вам предписано лежать — лежите, лежите спокойно, как бы это ни было скучно. Не думайте ни о чем, только о том, чтобы поправиться.

Аня выступила очень хорошо, дала яркую картину всей работы. Нашу аудиторию расшевелил, к сожалению, довольно трудно, но, кажется, они все же расшевелились.

Я дал развернутую и мотивированную оценку Вашей работы и Ваших материалов. Пусть Аня Вам об этом расскажет.

Нашей экспедиции интересуется Г. В. Иванов². Он было уже назначил Ваше выступление, но теперь мы отложили его до Вашего выздоровления. Вы будете иметь случай выступить перед более восприимчивой аудиторией, чем наш семинар.

Разрешили ли Вам индивидуальное расписание? Это было бы хорошо, только не слишком разбрасывайтесь.

Ваш В. Пропп

¹ Осенью 1965 г., едва начав заниматься на третьем курсе, Лариса вынуждена была надолго лечь в больницу. Владимир Яковлевич был очень огорчен и как мог поддерживал ее — письмами, советами, передачами, а также тем, что сообщал о жизни семинара, об успехах и трудностях своих учеников.

² Геннадий Владимирович Иванов (1931–2002) — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русской литературы ЛГУ. Он сразу выделил Ларису как наиболее способную студентку и очень рассчитывал на ее участие в работе своего семинара.

5

1.V.1966

Дорогая Лариса!

Получил Ваше письмо и отнесся к нему очень серьезно, как к чему-то важному и большому. Большое Вам спасибо. Для меня это было настоящим праздником. Я почувствовал себя признанным от человека, чье признание мне дорого.

А Вы, бедняжка, в больнице — но это к лучшему. Вас подымут и поправят. Попробуйте для разнообразия на время применить метод безоговорочного подчинения врачам — может быть, оно

и поможет. Я знаю, что это не всегда помогает и что врачи бывают разные, — но попробовать надо¹. Надеюсь, что какие-то движения Вам будут позволены и что Вы сможете выходить в сад подышать весной. Сегодня вдруг выглянуло солнце.

Не можем ли мы Вам чем-нибудь помочь? Не надо ли Вам книг? Что Вам можно приносить из съедобного, что Вам хочется и чего Вам не хватает? Напишите, в каких условиях Вы находитесь и как себя чувствуете — но только, если это Вас не утомит.

Писать отдельно всем тем, кто за Вами следит, — несколько хлопотливо, но если Вы напишете хотя бы Ане, она мне всё подробно передаст. Пускают ли к Вам посетителей, и в какие дни и часы можно носить передачи? Пришлите адрес больницы. Поправляйтесь.

Ваш В. Пропп

¹ Владимир Яковлевич и здесь остается самим собой: даже по отношению к врачам у него были выработаны свои методы поведения, один из которых, проверенный на собственном опыте, — «метод безоговорочного подчинения». Владимир Яковлевич в последнее десятилетие своей жизни много и часто болел, лежал в разных больницах и потому столь хорошо понимал состояние человека, вынужденного долгое время находиться в больничных стенах.

6

Ленинград, 19 мая 66 <г.>

Дорогая Лариса!

Вчера получил Вашу открытку и очень обрадовался. Я вижу, что внутренне Вы живете интересами университета. Вот Вам сведения о том, как оценены курсовые работы (в том порядке, как сдавали)¹:

Ергина 4	Гладышева 3
Стратановский 4	Павлова 4
Каткова 4	Сухарджо 3
Павлова 4	Иванникова 5
Абдуллах 4	Секретарева 5
Тимм 4	Ефимова 3
Трильо 5	Пудова 4
Опарина 5	Березовская 4
Некрылова 5	Ивлева 5

Все студенты моего семинара интересные люди, когда узнаешь их поближе, и притом совсем разные. Есть только одна студентка, которая вызывает во мне отрицательные эмоции, — но фамилии ее я называть не буду — попробуйте отгадать, если это Вам интересно. Еще наблюдение: из шести отличников трое — вечерники. Я не верю в вечернее образование. Чтобы по-настоящему учиться, надо посвятить себя этому всецело. Исключения редки, в основном они

Ленинград, 19 марта 66

Дорогая Нариса!

Была посыпана Вашу открытку и очень благодарна. Я бы хотела
много благодарить за чистые интересные интересы. Рада Вам
узнавать о том, как отнеслись кураторы работы! (Вот некоторые,

как я вижу)

Еремина 4

Сураганбеков 4

Карлова 4

Павлова 4

Абдуллаев 4

Ракина 4

Миронова 5

Опарина 5

Макарова 5

Ильинова 5

Гладышева 3

Павлова 4

Сухаревка 3

Иванкина 5

Ильинова 5

Береговая 5

Ефимова 3

Макарова 4

Борисова 4

Береговская 4

Все супружеское

семинара интересно

и я, тоже увлекусь

их подсказкой, и прираст

ищем работы. Ещё лучше

одна супружеская, поскольку

всегда есть некий

интерес в том, что

одинаково интересно - то

интересно. Ещё наилучшее: из всех возможных
пред-конференций. Я не хотела в первом случае отставание. Уп-
омяну о предстоящем семинаре, надо подсказать здесь лучше
всему. Некоторым редки, в основном они включают
такие подсказки по специальностям, что лучше под-

касаются тех, кто работает по специальности, кто жизненно подготовлен к вузу (напр<имер>, квалифицированная медсестра, обучающаяся в медвузе). Но жизнь показывает, что я не всегда прав. Секретарева работает в Токсово диспетчером товарных поездов, успешно воюет с грузчиками, но все это не помешало ей написать великолепную работу о Ермаке. При этом у нее еще дочь 7 лет. Так я мог бы рассказать много интересного почти о всех.

Чую, что в больнице Вам довольно тоскливо, но это неизбежно. Вы увидите, что все люди делятся на две категории: одни считают высшим счастьем продуктивную деятельность (все равно, какую), другие считают высшим счастьем безделье. Есть множество разных переходных ступеней. Кто-то считает наиболее важным в жизни — разговоры. Этим и занимается. Не знаю, как сейчас, но когда я лежал, то самое тяжелое, это были разговоры, хотя люди, преданные этому занятию, и неплохие. Первые тоже говорят, но говорят содержательно, а вторые — впустую. Таких на свете большинство, они вообще счастливы и спокойны, а первые часто бывают не очень благополучны в быту. Но т<ак>к<ак> племя бездельников в целом (хотя и не всегда) довольно добродушно, то ладить с ними можно, и я в свое время ладил.

Хорошо, что Вы в светлой палате. Сейчас весна, и ее веянье, наверное, доходит и до Вас. Вчера я ездил за город. Копал грядки (я это люблю): из цветов я больше всего на свете люблю подснежники². В понедельник мы выезжаем в Репино. В городе я постараюсь бывать реже, но Вы мне пишите по городскому адресу. Пишите о себе. Я буду Вам отвечать, хотя и не обещаю, что буду это делать очень регулярно. Как Вы там питаетесь? Что Вам можно и что нельзя? Нет ли у Вас каких-нибудь желаний?

Выздоравливайте.

Ваш В. Пропп

М-66

Московский пр., 197, кв. 126.

Тел. К-323-27.

¹ Здесь перечислены студенты 3-го и 4-го курсов, которые посещали семинар Владимира Яковлевича и писали курсовые работы по фольклору. Большинство из них совершенно выпали из моей памяти, о других остались отрывочные сведения. Татьяна Ерегина и Людмила Павлова учились на 3-м курсе, как и Сергей Георгиевич Стратановский (уже в те годы обративший на себя внимание поэт, впоследствии занявший видное место в плеяде ленинградских-петербургских поэтов). Татьяна Петровна Пудова — студентка, переведшаяся на русское отделение с германского; позднее, выйдя замуж за итальянца (что тогда было большой редкостью), она уехала в Италию, где в течение многих лет преподавала русский язык и литературу в университете г. Павия.

² О подснежниках есть удивительные строки в дневнике Владимира Яковлевича (от 7.V.65): «Ездили с женой в Репино. Подснежники у опушки еще коротенькие, первые. Подснежники — самые совершенные цветы. Их форма —

абстрактное и полное совершенство. <...> Подснежники – прообраз человеческой души в ее нежном совершенстве. Такими могут быть очень чистые, очень тихие и добрые девушки. И такие есть. <...> В душе звучит E-dur-ная мелодия Шуберта» (*Пропп В. Я. Дневник старости. 1962–196...* / публ. А. Н. Мартыновой, предисл. Б. Н. Путилова // Неизвестный В. Я. Пропп. СПб., 2002. С. 311).

7

22.V.66

Дорогая Лариса! Сегодня собирался в больницу, но вместо этого сам слег. У меня ангина + бронхит, выходить не могу.

Аню вызывали в редакцию «Вестника»¹. Ваша статья пойдет, но приказали умолчать о неграмотности, об отсутствии света и магазинов и кое о чем другом. О колыбельных, в которых желают смерти, приказали добавить, что таких песен не поют и что они были пропеты по просьбе собирателей. Они в издательстве вместе с Деркачом² и с Аней всё это переправили, и теперь статья перепечатывается. Так, дополнительно к тому, что студенты получают на занятиях, их воспитывают помимо их и в совершенно ином направлении.

Староверова и Немнова подали свои дипломные работы. Беккер, по обыкновению, опаздывает³.

Желаю Вам скорейшего выздоровления.

Ваш В. Пропп

¹ Отчет об экспедиции в Карелию по рекомендации Владимира Яковлевича был опубликован в «Вестнике Ленинградского университета» (1966. № 14. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 3. С. 158–159). Это была наша первая публикация. Гордые за свой материал и наивные в плане существовавших в ту пору требований к печатному слову, мы не подозревали, сколь сложным будет общение с редакторами-цензорами. Пришлось убирать строки о реалиях жизни в тогдашней деревне и умалчивать о целом ряде бытовавших жанров и произведений фольклора, ничего не говорить о наших подлинных впечатлениях и т. д.

² Большую помощь в работе над текстом статьи оказал мне (Лариса тогда лежала в больнице) Самуил Самуилович Деркач (1906–1986). Очень просто, но достаточно убедительно он доказывал необходимость правок, учил, как можно писать нейтральным языком, не исказяя фактов и не впадая в ложь. Кстати, замечу, что все разговоры мои шли только с ним; он, видимо, хорошо понимал, что такая молодость и горячность студентов, да еще веривших в наступившую политическую оттепель, и по-своему оберегал нас, ограждая от бесед и споров со штатными редакторами. Сам прошедший через советские лагеря (был обвинен по «ленинградскому делу»), он знал ту обстановку, в которой жили крестьяне Медвежьегорского района, — ведь там была одна из печально известных зон ГУЛАГа. В 1930-е гг. из окрестных деревень забирали мужчин для вырубки леса и строительства лагерей, причем едва ли не все из них становились первыми узниками этих лагерей, правда в несколько привилегированном положении: были истопниками, работали на кухне и пр. Понятно, что местное население, особенно старшее поколение, и в 1960-е гг. пребывало в страхе, нередко отказываясь петь и рассказывать, чтобы (не дай Бог!) не узнали об этом в Москве (!)

и Медвежьегорске. Очень распространены и популярны были тюремные песни, старинные и новые; рассказы о разбойниках; продолжали жить притчания, звучавшие по всем трагическим случаям и при расставаниях. Кстати, именно здесь нам довелось записывать и колыбельные, призывающие смерть младенцу.

³ Татьяна Староверова — ученица В. Я. Проппа, преподавателя фольклора в Новокузнецком педагогическом институте. Валентина Николаевна Немнонова, успешно закончив ЛГУ, долгое время работала редактором в издательстве «Наука». Рахиль (Роза) Израилевна Беккер стала учителем литературы, одним из наиболее уважаемых и авторитетных в Санкт-Петербурге.

8

2.VI.66

Милая Лариса! Я получил Ваше письмо, из которого видно, что Вам трудно. Ваш привет Геннадию¹ Владимировичу¹ я передал. Он просит передать Вам обратный привет вместе с некоторыми несомненно полезными нравоучениями. Лично я думаю, что от больницы надо взять всё, что она может дать, — только этим и можно утешиться.

Немнонова и Староверова защитили блестящие. От Немноновой я ничего другого и не ждал, а Староверова написала прекрасную работу несколько для меня неожиданно. Было празднично и хорошо. Было много великолепных работ самого разного содержания. Хотя мы и ругаем иногда студентов (за дело), но все же я был просто восхищен — сколько мысли и сколько работы! Были цветы и вообще это был праздник. Из семинара никого не было. Аня хотела быть, но не пришла.

Сегодня я постараюсь передать Вам передачу, но если это не удастся, я пошлю это письмо по почте. Не перевели ли Вас в отделение ларингологии?

Я уже на даче, поэтому не сразу Вам ответил. Чувствую я себя лучше, могу уже работать, но холод и мокрота меня угнетают. Я хотел бы лежать и лежать... Очень устал. Сегодня выглянуло солнце. Пишите мне коротенькие бюллетени о здоровье. Мне очень хочется Вам хоть чем-нибудь помочь, но не знаю, чем. Посоветуйте!

Ваш В. Пропп

¹ Геннадий Владимирович Иванов — см. примеч. 2 к письму 4.

9

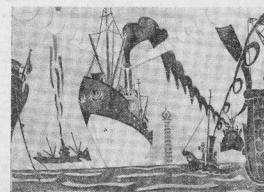
12.VI.66

Дорогая Лариса!

Не только по тому, что Вы пишете, но и по почерку и по всему тону Вашего письма от 11.VI я вижу, что Вам лучше. Важно еще, что Вы хотите выздороветь, а по собственному опыту я знаю, что воля к здоровью хотя и не всегда вылечивает от болезней, но очень помогает. Особенно это важно для сердечников. Врачи больше боятся болезни, чем больные. Удалить миндалины хорошо, но можно

РА
ДУ
ГА

Выпуск восьмой

СКАЗКА сопровождает человека от рождения до самой смерти. В детстве люди, затянутые в сказки, сами ее слушают, затем рассказывают своим детям и внукам. Так было очень долго. И всегда для детей и взрослых было все одно и полнейшо в этих сказках.

нятным. И что это такое — избушка на куриных ножках, и что такое сама сказка, и как она создавалась.

случай к случаю. Но упрямый ты-
чка вопросов носилась, роета-
зин и ню и дря в день, пока не по-
явился и он сам, со своим про-
филактом и его долей.
Работала он долго, и работала
один, а потом пошел в комиссию
при Академии наук СССР и про-
читал свой доклад. «Морфология
сказки» одобрили, издали. И хо-
ти многие ученые занимались
сказкой, труд неизвестных уче-
ных для знати был фальшивка то, что
для знати периодаической системы
Менделеева.

—

РЕАЛЬНЫЙ МИР СКАЗКИ

045

строения сказки. За эту книгу число тех, кого доводится ему присвоили звание кандидата в члены Академии наук и в будущем присвоили звание

наук и потом пригласили преподавать в университет.

та В. Я. Пропагандисты называют «отцом формализма» (что вовсе не обидно: скрупулезное разделение предмета очень важно в этой

ные предметы стоят цели и в этой области науки), а он возмущается. Дескать, для него это был первый этап, ступенька к более

глубокому изучению самого явления, переходом к «Историческим библиотеки филфака.

нимался делом. Справедливость сочетается в нем с мягкостью, душевностью. Ходят анекдоты будто профессор, принимая зачет «бестолковых», умоляет их:

— Милочки, ну хоть что-нибудь скажите.

А через несколько минут профессор уже мог распечатать человека, проделавшего немалый труд, но избрежно его оформившего. Сине кричал, но в такие минуты его гордой седой голове не дотянутся ни взглядом, ни словом, чтобы сказать: «Профессор, я

Он никогда не навязывает своих идей, не гонит своих учеников в ту область науки, которой

— «у большого изуми, который не
чимается сам, не берется говорить о том, что, по его мнению, недостаточно знает, приглаша-
для этого специалиста.

Его никто не забывает, ни тех, кто слушал его лекции, ни тех, кто говорил с ним всего один раз. И он никого не забывает.

Онекает всех, кто учился и окончил, кто потянулся к нему.

На консультации к нему разд

домой. Он считает, что так можно внимание каждому уделить, помощь будет плодотворнее.

На его семинарах не просто занимаются изучением фольклора.

это сделать и позже. Если Вы действительно сможете ехать в экспедицию, то не поезжайте одна. Снеситесь с Аней. Если Вы поедете с ней, я буду спокоен за Вас. Она человек организованный и разумный и в случае необходимости сможет Вам помочь. Но это еще далеко, думать об этом рано.

На этой неделе я не смогу быть в больнице. Мы с Бялым¹ и его женой едем в Петрозаводск. Он — принимать гос. экзамены, а я чтобы оттуда махнуть в Кижи на несколько дней. На один день туда приедет и Бялый. Он недавно женился и очень внимателен к жене, как и она к нему. Она вдова с двумя детьми, и он очень заботится о детях. Роза Беккер защитила так же хорошо, как и другие мои студенты, но волновалась так, что после каждого слова глотала воздух². Были ее родители — это первый такой случай в моей многолетней практике. Очень характерные и совсем больные старички. Это означает, что Роза нежна с родителями и они с ней. В наши дни это бывает не очень часто. Я говорил с ее отцом. Его круглое лицо блестело от счастья.

Тамара³ мне не ответила на письмо и передачу — и теперь я знаю, почему. Она лежит пластом. Бедная девочка! Я сегодня ей тоже пишу. Диагноз благоприятный, только в этом утешение.

Посылаю Вам вырезку из газеты «Ленинградский университет» от 10.VI. Студентка Черкашина никогда не слушала моих лекций, но ей поручили в связи с выдвижением меня в ака-

демики⁴ что-нибудь обо мне написать. Я сказал ей, что можно прочесть о моих трудах (она не воспользовалась и безбожно напутала даты и пр.), она выдумала, что меня будто бы издавали в Австралии и т. д. Данные обо мне как о преподавателе она получила от Ани. Но Аня, конечно, не помнит об этой статье. И все же что-то эта студентка уловила из того, как я хотел жить и как жил и как относился по-разному к разным людям. Кроме Вас, я никому эту статью не показываю. В больнице Вам будет занятое ее прочитать.

До свидания! Следующее письмо будет не очень скоро — из Кижей или из Петрозаводска. Вернусь я к концу месяца и надеюсь найти у себя письмо от Вас, что Вам делается всё лучше и лучше.

Ваш всегда В. Пропп

¹ Григорий Абрамович Бялый (1905–1987) — профессор кафедры русской литературы филологического факультета ЛГУ, «друг Владимира Яковлевича с военных лет, один из самых ярких и популярных лекторов филфака, слушать которого приходили и давние выпускники, и молодые учителя, и люди, не имевшие никакого отношения к профессиональному занятию литературоведением» (Письма В. Я. Проппа к И. И. Земцовскому. С. 133 (примеч. 7 к письму 8)).

² Дипломная работа Р. Беккер — «Русская сказка “Чудо-дудочка”». См. примеч. 3 к письму 7.

³ Тамара — студентка В. Я. Проппа, о ее судьбе я ничего не знаю.

⁴ В 1966 г. В. Я. Пропп был выдвинут на соискание звания члена-корреспондента АН СССР, но в высоких академических инстанциях его кандидатура не была поддержана. Владимир Яковлевич был уверен в таком решении и, кажется, само выдвижение, как он пишет, «в академики», воспринимал несерьезно. В письме к Н. А. Криничной он писал: «Я не пройду; другие претенденты ведут большую общественную работу» (*Криничная Н. А. Наш долгий семинар // RussianStudies: Ежеквартальный русской филологии и культуры. СПб., 1995. Vol. 1, № 3. С. 391*).

10

28.VI.66

Здравствуйте, дорогая Лариса! Вы меня очень обрадовали Вашим письмом, которое я получил в день приезда из Петрозаводска. Вы не поддастесь болезни ни морально, ни нервно, ни физически. Умница! Так и надо. Помогаете сестрам¹ и делаете, что можете. Из письма я заключаю, что почти здоровы, ходите по зданию и в сад. День выписки уже близок. Мне понравилось также, что в будущем Вы хотите быть осторожней, чтобы такие срывы больше не повторялись. Еще мне понравилась строка: «Я никому не прощаю неточностей». Узнаю свою единомышленницу. Сафонов (зам. декана) выразил восхищение статьей в «Лен^{<инградском>} унив^{<ерситета>}». Я ему: а Вы знаете, сколько там вранья? А он: ничего, зато так тепло написано! Отсюда видно, что газетное вранье оправдывается высшими целями и соображениями.

Я был в Петрозаводске вместе с Г. А. Бялым, который ездил туда принимать гос. экзамены. Оттуда мы махнули в Кижи. Были еще Ямпольский² с женой, Муратов³ с женой, Путилов с женой⁴, Нила Криничная⁵. В тот же день все вернулись обратно, а я остался еще на 4 дня в Кижах и пробыл там совсем один, вдыхая это чудо русского крестьянского искусства. Поездка была совершенно феерической, подробности я Вам расскажу, когда Вас увижу. Сейчас я делаю фотографии, которые не дают никакого представления о том, что есть на самом деле. Нила и ее жених⁶ (у которых я жил) заботились обо мне как об отце, она варила обеды и пр. и пр. На обратном пути мы с ней побывали в Кондопоге⁷, где имеется изумительный деревянный храм. Все эти здания объединены общностью северного стиля, и все притом совершенно разные. Я в полном восхищении.

До скорого свидания!

Ваш В. Пропп

¹ Лариса Михайловна хорошо разбиралась в медицине, лекарствах и препаратах, профессионально делала уколы, накладывала повязки, можно сказать, она была замечательной сестрой милосердия. Владимиру Яковлевичу это было понятно и близко. Напомню, что во время Первой мировой войны студент историко-филологического факультета Петербургского университета Владимир Пропп добровольно пошел работать санитаром в один из лазаретов на Васильевском острове, а в 1915 г. закончил шестинедельные курсы «оказания первой помощи и ухода за больными», успешно сдав экзамены по анатомии, физиологии, хирургии и другим предметам.

² Исаак Григорьевич Ямпольский (1902–1992) — в 1966 г. доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы ЛГУ.

³ Аскольд Борисович Муратов (1937–2007) — в 1966 г. молодой преподаватель, после защиты кандидатской диссертации (1964) принятый на кафедру истории русской литературы ЛГУ; позднее — доктор филологических наук, заведующий этой кафедрой, выдающийся ученый-литературовед.

⁴ Борис Николаевич Путилов (1919–1997) — доктор исторических наук, крупнейший отечественный фольклорист, близкий последователь и соратник В. Я. Проппа. С 1954 по 1967 г. работал в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, где с 1957 г. заведовал сектором фольклора. В 1967 г. ушел из Пушкинского Дома в Институт этнографии (ныне Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН). Евгения Оскаровна Путилова (1923–2018) — доктор филологических наук, специалист в области детской литературы.

⁵ Неонила Артемовна Криничная (1938–2019) — ученица Владимира Яковлевича, доктор филологических наук. Жила и работала в Петрозаводске, многие годы заведовала сектором фольклора Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

⁶ Виктор Иванович Пулькин (1941–2008) — муж Н. А. Криничной, известный писатель, фольклорист. Работал в Кижском музее-заповеднике.

⁷ Кондопога — город недалеко от Петрозаводска; был знаменит своим уникальным деревянным шатровым храмом Успения Божией Матери (1774 г.); к сожалению, церковь уничтожена вследствие пожара в августе 2018 г.

Дорогая Лариса!

Приехав из Репина, нашел здесь Ваше письмо, за которое Вам большое сердечное спасибо. Из него я вижу, что до Вас не дошло два моих послания: привет из Кижей и более или менее подробный рассказ о моей поездке. Вы выписались раньше, чем я думал. Во-первых, хочу Вас поздравить с возвращением к свободе! Вы еще не совсем здоровы, но на пути к выздоровлению. Теперь Вам нужен еще полный покой на воздухе. Что это значит, я испытал в Кижах. Три-четыре дня на воздухе сделали чудеса. Я вдруг избавился от всех своих недугов. Но тут важно еще другое: полная беззаботность, к тому же хорошее настроение, диктуемое обстановкой. Санатория, дача только частично могут это дать. Я, как зарованный, бродил по острову и вдыхал культуру Древней Руси, я как бы общался с теми необыкновенными, простыми людьми, которые создали такое искусство. Обо всем этом расскажу устно.

Академический отпуск Вам, конечно, нужен. Вы в течение года будете пользоваться полной свободой, ходить (или не ходить) на лекции и занятия, какие хотите, или сидеть дома и писать и читать, или ходить по музеям Пользуйтесь этим!

Об экспедиции я знал от Ани, которая была у меня. Едут она и Стратановский, двух первокурсниц, мне незнакомых, подсунула Колесницкая¹, о чем я узнал от Ани. Экспедиция от Вас не уйдет в будущем.

Тамару я от души жалею. На письма, приветы и передачи она мне не отвечает.

Сегодня я приехал, чтобы послушать «Волшебную флейту» Моцарта. Моцарт — бог моей юности². Я люблю его за светлость, мелодику, прозрачность, а также за глубину и трагичность. По-моему, Вы очень музыкальны. Я определил это сразу, как только услышал, как Вы воспроизводите слышанный Вами народный напев.

Выздоровливайте, Лариса. Если будет охота, пишите краткие реляции о себе и своем здоровье.

Ваш В. Пропп

¹ Ирина Михайловна Колесницкая (1917–1994) — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы филологического факультета ЛГУ. После ухода на пенсию В. Я. Проппа читала курс фольклора.

² См. статью-воспоминание И. И. Земцовского «Пропп-музыкант» // Неизвестный В. Я. Пропп. С. 448–451.

Спасибо Вам, дорогая Лариса, что меня не забываете. Ваше письмо меня очень обрадовало. Вы благополучно вернулись, много

видели, приняли, пережили и кое-что привезли, что можно покашать. Хорошо!

Я сейчас за городом, вернусь ок~~коло~~ 28-го и тогда или позже, как Вам удобно, буду Вас ждать с материалами и впечатлениями. Я понимаю всё то, что Вы пишете о природе.

В прошлом году я не брал дипломантов, т~~ак~~к~~ак~~ моих семинаристов было больше 10-ти человек, всех я взять не мог, а выбирать — значит кого-то обидеть. В этом году у меня нет ни одного. Если найдутся, я возьму, но не более 2-3-х.

Еще раз спасибо за письмо!

Ваш В.Пропп

13

2.I.69

Дорогая Лариса!

Меня очень обрадовало и тронуло Ваше поздравление. Вам желаю здоровья, счастья, благополучно кончить университет. Будет желание — приходите ко мне на консультацию — я всегда очень рад Вас видеть. Вы моя самая миленькая, последняя — больше у меня дипломантов не будет.

Ваш В. Пропп

14

13.VII.69

Дорогая Лариса!

Приехав вчера с дачи, нашел здесь Ваше письмо.

Я очень счастлив за Вас, что Вас никуда не усылают¹. Теперь Вам надо хорошо отдохнуть физически и морально и поправиться. Кто эти энергичные друзья, которые Вам помогли? Как хорошо! Все остальное (работа и пр.) приложится. Путилов² уехал в командировку, кажется — в Югославию. До осени движения в Вашем деле (статья) не будет². С ним я имел телефонный разговор. Он о Вас знает всё, что надо.

Поступить в аспирантуру Пушкинского Дома можно, конечно, попробовать, если только у них будет вакансия, в чем я очень сомневаюсь. От них ушел последний доктор (Викт~~ор~~ Евг~~еньевич~~ Гусев⁴), единственный возможный руководитель — сам Базанов⁵. Он руководил Майей Чередниковой⁶, поговорите с ней. Если Вы с ней незнакомы, сошлитесь на меня. С ней можно говорить без обиняков.

Об экспедиционных материалах не беспокойтесь — придет время, Вы их оформите. Сейчас надо сбросить с себя все заботы и отдохнуть.

Спасибо за заботы о моем здоровье. В моем возрасте появляются всякие недуги — это нормально, и я очень мало о них беспокоюсь.

Миша очень, очень медленно, но все же поправляется⁷. Температура все еще повышенная, но ему уже позволили вставать с постели и подходить к окну. Держится он прекрасно, не унывает, к моему удивлению, беспрекословно выполняет все предписания врачей.

Надеюсь осенью увидеть Вас пополневшей и поздоровевшей.
Ваш В. Пропп

¹ Речь идет о существовавшей в то время системе распределения выпускников вузов, которые в обязательном порядке должны были отработать в течение трех лет там, куда их посыпало руководство. Филологи обычно направлялись в самые глухие места, в сельские школы, не укомплектованные преподавательскими кадрами, не снабженные учебниками, наглядными пособиями, без самой необходимой, предусмотренной школьной программой, литературы и т. д. Молодым учителям приходилось вести едва ли не все гуманитарные предметы. Вдобавок они не обеспечивались жильем, им приходилось «снимать углы» или жить в общежитии без горячей воды, без нормальной кухни, нередко без водопровода и с печным отоплением; во многих поселках не было магазинов.

² Б. Н. Путилов (см. примеч. 4 к письму 10) с 1964 по 1974 г. регулярно принимал участие в съездах славистов и славистических конференциях, проходивших в Югославии, Болгарии, Польше, Чехословакии, Украине, Белоруссии; в Югославии проводил и полевую работу.

³ Владимир Яковлевич говорил с Б. Н. Путиловым относительно публикации статьи Ларисы Михайловны, основанной на ее дипломном сочинении. См.: Ивлева Л. М. Скоморошины (общие проблемы изучения) // Славянский фольклор / отв. ред. Б. Н. Путилов и В. К. Соколова. М., 1972. С. 110–124.

⁴ Виктор Евгеньевич Гусев (1918–2002) — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель искусств РСФСР. Работал в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН с 1955 по 1969 г. С 1969 г. — проректор по научной работе ЛГИТМиКа, заведующий возрожденной им секцией фольклора. Выполняя просьбу Владимира Яковлевича, Виктор Евгеньевич принял в этот сектор меня и чуть позднее — Ларису Ивлеву.

⁵ Василий Григорьевич Базанов (1911–1981) — литературовед и фольклорист, член-корреспондент АН СССР. В те годы директор ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР.

⁶ Майна Павловна Чередникова (1940–2023) — ученица В. Я. Проппа, доктор филологических наук, профессор, с 1974 г. работала в Ульяновском государственном педагогическом университете, более 40 лет руководила фольклорно-этнографическими экспедициями.

⁷ Речь идет о сыне Владимира Яковлевича — Михаиле (1937–2018), который пять месяцев пролежал в больнице с сепсисом.

Дорогая Лариса! Это — первое письмо, которое я пишу сам¹. Я хочу Вас глубоко, глубоко и от всей души поблагодарить за всю Вашу ласку, за доброту и участливость, которых я не забуду всю жизнь.

О себе писать нечего. Я ужасно скучаю душой. Ничего не думаю и думать не могу. Я только с тоской жду дня своего освобождения. Смотрю в окно, вижу верхушки деревьев.

Напишите о себе, что Вы делаете, чем живете и какие у Вас планы. Писать лучше на дом, мне принесут. Я Вам отвечу, хотя, м^{ожет} быть, и не сразу.

У меня хороший врач.

Ваш В. Я.

¹ Это последнее письмо Владимира Яковлевича Ларисе Ивлевой. Тон его, по сути, прощальный, хотя слова оптимистические.

ПИСЬМА В. Я. ПРОППА (1965–1970)
А. Ф. НЕКРЫЛОВОЙ
(подгот. к публ. и comment. А. Ф. Некрыловой)¹

1

Ленинград, 30.XII.65

Дорогая Аня!

Я получил поздравление студентов нашего семинара¹ и очень был тронут и обрадован. Большое вам всем спасибо. С своей стороны желаю Вам успеха во всех Ваших начинаниях и исполнения Ваших желаний.

Сообщите, пожалуйста, Павловой (III курс 4 группа, Гатчинская, 6, кв. 21), что ее выступление состоится 9.II, и Ерегиной (III курс 1 группа, В-53, Съездовская, 31, кв. 24, тел. А-320-24), что ее доклад назначен на 16.II. На последнем занятии их не было, и они этого не знают².

Всего Вам лучшего.

В. Пропп

¹ На протяжении трех лет (1964–1967) я была старостой семинара Владимира Яковлевича.

²Людмила Павлова, Татьяна Ерегина — см. примеч. 1 к письму 6 Л. М. Ивлевой.

2

15.VII.66

Милая Аня, Вы меня очень обрадовали Вашим письмом.
Вам всё нравится, и это я очень люблю.

Вы боитесь, что ничего не привезете. На нет и суда нет, никто Вас за это колотить не будет.

---

¹ Впервые опубл.: Из фондов Кабинета рукописей Российского института истории искусств. Сообщения и публикации. СПб., 2007. Вып. 4. С. 170–178.

Вы ничего не пишете про первокурсниц, и значит, их с Вами нет¹. Если так, то это хорошо.

Мне очень жаль, что Вы уже на пятом курсе и не будете моим старостой.

В Кижах я пробыл 4 дня. Рассказывать очень трудно — я просто дышал атмосферой древней талантливой Руси.

Письмо прервал человек из Москвы, который увлекается моей «Морфологией», применяя ее к лингвистике, кинорежиссуре и музыке. Утомил меня до крайности. Я назвал его философом, он обиделся.

Пишу коротко и мало, т^{ак} к^{ак} нет уверенности, что письмо дойдет. Посылаю Вам привет от себя и жены.

Лариса вышла из больницы, я потерял ее из виду, похоже, что она уехала.

Всего, всего Вам лучшего! Передайте привет Стратановскому².
Ваш В. Пропп

¹ См. письмо 11 Л. М. Ивлевой.

² С Сергеем Стратановским мы были в экспедиции в Пудожском районе Карелии, на территории Куганаволокского сельсовета. См. примеч. 1 к письму 6 Л. М. Ивлевой.

3

4.VIII.66

Здравствуйте, милая Аня! Ваши письма меня всегда очень радуют. Ваших материалов буду ждать с интересом и нетерпением. Раньше, чем будете оформлять их, приходите ко мне и расскажите все подробно. Прихватите и Сережу (если это Вам удобно)¹. Только сперва позвоните. Я обязательно буду в городе 29-го, а потом мечтаю опять куда-нибудь уехать. Впрочем, дело не спешит, и если 29-го меня не застанете, — не беда. Ваша сказка о Петре Великом пригодится². Все мотивы сказок, о которых Вы пишете, — классический репертуар волшебной сказки. Баллада о Романе и рекрутские песни сейчас уже редкость — очень интересно, что Вы привезли. Что касается заговоров, то искусство добывать их, кажется, вошло в традиции нашего семинара. Юля³ тоже была мастерица на это.

Ильинского погоста я не знаю — надеюсь на Ваши фото. Зато я нынче побывал в Кондопоге. Храм — совершенно удивительный, может быть — самое совершенное создание русского северного зодчества. Мы были с Нилой⁴. Шел проливной дождь, было пасмурно, и снимки получились вялые, я надеюсь на Ваши. Я думал именно то самое, о чем пишете Вы, а именно — что эти северные храмы составляют одно целое с природой. По гениальности архитектуры наш Север выше Флоренции.

Юля Пантелеева пишет, что собирается добровольцем во Вьетнам. Что Вы на это скажете? По-моему — блажь. Сегодня то же пишу ей. Сложный и неблагополучный она человек. Не зная, где Вы, пишу по городскому адресу.

До скорого свидания!

Ваш В. Пропп

Когда будете у меня, напомните, чтобы я дал вам послушать Ростовские колокола⁵. У меня есть.

Тезисы всегда охватывают только самое главное содержание и не дают и не могут дать полного представления о работе. На докладе дается развитое изложение, где будет сказано то, чего в тезисах нет. У Вас ок<оло> 20 строк, можно дать больше.

Из дневника Ив<ана> Фед<оровича> Правдина⁶.

Во время одного из пребываний на Ладожском озере наблюдал за техникой лова. Ему рассказывали о Петре I рыбаки. Рассказывалось так, как будто это было недавно.

«Поел ухи да произнес: Уха-то у вас хорошая, а жизнь-то собачья».

¹ Сережа — Сергей Георгиевич Стратановский.

² В это время я собирала народную прозу (сказки, предания, легенды, анекдоты и пр.) про Петра Великого для будущей дипломной работы «Предания о Петре I», которую я писала под руководством В. Я. Проппа.

³ Юля Пантелеева — талантливая студентка Владимира Яковлевича, с не-простым характером и трудной судьбой; ездила на Пинегу, где сделала много фольклорных записей. В дневнике Владимира Яковлевича от 12 августа 1962 г. отмечено, что студенткой Пантелеевой записано на Пинеге 42 заговора, а также много песен лирических, тюремных, солдатских (*Пропп В. Я. Дневник старости. 1962–1963. С. 290*). Закончила университет в 1965 г. Трагически погибла вместе с дочерью в конце 1980-х гг. В последние годы жизни писала хорошие сказки и рассказы для детей.

⁴ О Неониле Артемовне Криничной см. примеч. 5 к письму 10 Л. М. Ивлевой.

⁵ Владимир Яковлевич имел в виду только что вышедшую большую пластинку «Ростовские звоны». Это было событием в те годы, и достать такую пластинку было непросто.

⁶ Приписка на отдельном листочке, вызванная моей работой над дипломным сочинением. Иван Федорович Правдин (1880–1963) — известный ихтиолог, основатель школы карельских ихтиологов. Работал в Петрозаводске на кафедре гидробиологии и ихтиологии, преподавал и в ЛГУ. Во время войны был эвакуирован в Саратов, где, вероятно, и познакомился с В. Я. Проппом.

Все остальные тезисы также — не тезисы, а заглавия. Тезис содержит утверждение, имеющее форму полного предложения с подлежащим и сказуемым. Дальше можно примерно так: По признаку (такому-то) можно установить следующие разряды (и дальше перечислить). Или: предания можно классифицировать по следующим разделам и т. д.

Надо срочно переделать тезисы и показать их мне.

Ваш В. Пропп

¹ Начало письма не сохранилось. Рассяснение о том, что такое тезисы и как их следует писать, вызвано было тем, что Владимир Яковлевич рекомендовал меня для поездки в Псков на студенческую конференцию, которая должна была состояться в Псковском педагогическом институте с 15 по 20 апреля 1967 г. Требовались тезисы доклада. Я отнеслась к этому слишком легкомысленно и очень быстро состряпала несколько предложений, которые рассердили Владимира Яковлевича и вынудили написать мне публикуемое здесь письмо. На конференции я выступила, но подробностей о ней не помню, кроме того, что получила удовольствие от очередной встречи с Псковом и Михайловским, куда нас возили на экскурсию. Не могу не сказать еще об одной детали, чрезвычайно характерной для Владимира Яковлевича. Он за меня вел переписку с организаторами конференции. Сохранилась копия его письма в Псков:

Псков

Площадь Ленина

Псковский гос. пед. инст.

СНО

Настоящим сообщаю, что на студенческую конференцию в апреле этого года кафедра русской литературы Лен. гос. университета предполагает командировать студентку Анну Некрылову. Тема доклада: Предания о Петре I. Тезисы будут высланы своевременно. Просим Вас сообщить регламент. Переписку просим вести по указанному ниже адресу.

Научный руководитель

Профессор В. Пропп

5

Ленинград, 4.IV.67

Дорогая Аня!

Сообщаю Вам, что в пятницу 7.IV в 12 ч. дня в помещении Инст^{итута} театра, музыки и кино состоится последняя лекция болгарского профессора¹: теория происхождения песни. После лекции — киносеанс о песне в Болгарии. Если есть время и охота — приходите. Ларисе тоже пишу.

Моя машинистка звонила, что она согласна печатать студенческие работы. Цена 10 коп. страница, бумага Ваша. Если это Вас устраивает — пользуйтесь, но не тяните. Иначе придут 3 студентки сразу, и перепечатка затянется.

Ее адрес: Марата, 20², кв. 12, после арки сразу направо. Нина Михайловна Искандерова. Дома всегда во вторую половину дня.

Ваш В. Пропп

¹ Лектор из Болгарии — Тодор Джуджев.

² В этом доме долгие годы жил и Владимир Яковлевич.

6

5.I.68

Дорогая Аня!

Ваше письмо меня нескованно обрадовало как живая весточка о Вас¹. Ваша работа — не совсем то, о чем мы для Вас мечтали, но это лучше, чем многое, что могло бы быть. Сколько я имел отчаянных писем от наших выпускников — да Вы и сами знаете, что бывает! Вам трудно, но Вы умница, молодец, не жалуетесь и не привередничаете, а взялись за дело и с делом справляетесь. На молодых взваливают решительно всё, это и у нас так. Особенно методика — это такой предмет, который никто не хочет брать. Первый год — самый трудный — надо вырабатывать курсы, потом пойдет легче, можно будет уже повторяться: это неизбежно, чтобы сохранить себя для творческой работы. Институт заинтересован в том, чтобы Вы стали кандидатом; они вынуждены будут создавать Вам такие условия, чтобы это стало возможно². Имейте в виду, что Вам по закону полагается дополнительный отпуск для сдачи кандидатского минимума — только надо узнать это точнее. Бытовые условия (собственная комната и даже собственная кочерга) много лучше, чем были у других начинающих³.

Про себя писать не особенно мне хочется. Я кончил спец. курс⁴, и теперь у меня много свободного времени. Неожиданно для себя занялся историей древнерусской архитектуры. Весной поеду в Новгород — это моя мечта.

От университета я оторвался и университетских новостей не знаю. Но об этом Вам лучше расскажет Лариса Ивлева. Она всё хочет прийти ко мне и не приходит. Боится, бедная. За ней еще зачет. А чего ей бояться?

Желаю Вам всего лучшего. Ваше письмо меня очень обрадовало, как будто Вы побывали у меня.

Ваш В. Пропп

¹ Письмо адресовано в г. Великие Луки, куда я попала по распределению после окончания университета. Собственно, это не было распределением в полном смысле слова, поскольку в числе трех выпускников (выпускниц), рекомендованных кафедрой русской литературы в аспирантуру ЛГУ, я сдавала вступительные экзамены в аспирантуру, и распределения обошло нас стороной. Мы сдали экзамены благополучно, но Москва отказалась в очной аспирантуре, предложив заочную, при этом не было дано и то, что называлось «свободным распределением», а без такой справки устроиться на работу было практически невозможно. Мне на помощь пришли В. В. Колесов и А. С. Герд, организовав вызов из Великолукского педагогического института.

² В моем случае институт не был заинтересован в том, чтобы его сотрудники защищали кандидатские или докторские диссертации. Причина была очень

простая: только что Великие Луки лишили статуса областного города, упразднив Великолукскую область, которую слили с Псковской, поэтому закрывали и педагогический институт; студентов постепенно переводили в Псковский педагогический институт, а преподаватели устраивались кто где, и к осени 1967 г. их катастрофически не хватало, хотя институту предстояло дорабатывать еще год-полтора, и не только с очниками, но и с заочниками. Кстати, потому и нагрузка нескольких молодых «распределенцев» была очень большой и разнообразной.

³ Про отдельную комнату и кочергу я писала Владимиру Яковлевичу, чтобы развеселить его и успокоить. На самом деле условия были отнюдь не нормальные: меня поселили в бывшем гардеробе в здании педагогического института, без всяких удобств (выдав при этом стол и кочергу, поскольку имелась печка). Зато мне не потребовалось оформлять прописку в Великих Луках; случись такое, это очень затруднило бы восстановление прописки в Ленинграде. Я отработала в Великих Луках всего около года и вернулась в Ленинград.

⁴ Речь идет о спецкурсе по проблеме комического, который был прочитан В. Я. Проппом в 1968 г.

7

11.IV.68

Здравствуйте, милая Аня!

Я, как всегда, несказанно обрадовался Вашему письму. Жизнь поставила Вас не совсем туда, куда мечталось, но все же Вы попали в вуз по смежной специальности, и уже это хорошо. Еще лучше, что Вы как следует взялись за дело, и я очень рад, что Вы втянулись, что Вам нравится, что Вы проявляете самостоятельность и независимость. Хорошо! На молодых взваливают всё, что угодно, — теперь на Вас хотят взвалить еще фонетику. Но Вы справитесь, я не сомневаюсь. О кандидатском минимуме не беспокойтесь. Сейчас браться за него, видимо, невозможно. Но вузы сами заинтересованы, чтобы сотрудники приобретали степени, и через некоторое время Вам станет легче. Надо жить настоящим, а не будущим. Университет Вас все-таки хорошо подготовил. <...>

Вы спрашиваете обо мне — но обо мне писать нечего. Курс я кончил, живу тихо. Ко мне обращаются всякие люди за консультациями и отзывами, и это сейчас моя главная работа и забота. Настоящих, хороших работ, какие писали мои аспиранты (Юдин¹), нет совсем, а есть средненькие, незначительные, но вполне приличные работы.

Помню — Вы были на одном из заседаний клуба «Россия»² и сказали, что никогда больше туда не пойдете. Так этот клуб закрылся, точнее — слился с музыкальным каким-то сектором при Союзе композиторов, и ведать им уже будет не Шептаев³, а Рубцов⁴. Но меня туда не тянет.

Спасибо, что меня не забываете.

Всего Вам лучшего.

Ваш В. Пропп

¹ *Юрий Иванович Юдин* (1938–1995) — один из самых одаренных, любимых учеников В. Я. Проппа, про которого Владимир Яковлевич написал в дневнике (16 января 1965 г.): «Вчера был аспирант Юдин. Он сильнее всех, кто пишет докторские <...>» (*Пропп В. Я. Дневник старости. 1962–196...* С. 296). Известный фольклорист, доктор филологических наук, профессор Курского государственного педагогического университета, Ю. И. Юдин был последним аспирантом, защитившим кандидатскую диссертацию при жизни учителя. Владимир Яковлевич мечтал видеть его своим преемником на кафедре русской литературы в Ленинградском университете. Но талант, порядочность, высокая оценка научного руководителя — ученого с мировым именем — даже вместе взятые, в ту пору не могли перевесить отсутствие ленинградской прописки и беспартийность Юдина. См. также: Письма В. Я. Проппа И. И. Земцовскому. С. 137.

² Клуб «Россия» был организован в 1966 г. инициативной группой при Обкоме комсомола, кураторами его были В. А. Пушкарев (тогда директор Русского музея) и известный архитектор П. А. Раппопорт. В 1968 г., сразу после событий в Чехословакии, клуб закрыли.

³ *Леонид Семенович Шептаев* (1902–1990) — фольклорист, доцент кафедры русской литературы Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, исследователь фольклора о С. Разине. Отношение В. Я. Проппа к докторской диссертации Шептаева выражено в дневниковой записи от 14 января 1965 г.: «Я читаю Шептаева, но мне неохота входить во все детали его ошибок, я читаю поверхностно и пропускаю то, на чем надо бы остановиться. Если он сам не понимает, как плохо то, что он написал, он не может быть доктором» (*Пропп В. Я. Дневник старости. 1962–196...* С. 293).

⁴ *Феодосий Антонович Рубцов* (1904–1986) — фольклорист-музыковед, композитор, доцент Ленинградской консерватории, старший научный сотрудник НИО ЛГИТМиК. См. также: Письма В. Я. Проппа к И. И. Земцовскому. С. 127 (примеч. 1 к письму 3). К клубу «Россия» Рубцов отношения не имел.

8

2.VIII.70

Дорогая Аня! Спасибо Вам за письмо. Мне не совсем ясно, почему Вы работаете в П<ервом> мед<ицинском> институте?¹ Это временно по совместительству? Видно, что справляетесь Вы молодцом. Меня перевезли на дачу, но я все еще на больничном положении, только позволяют вставать к столу, писать 2 письма в день и т. д. Я потихоньку поправляюсь. Начал читать. С упоением перечитываю Диккенса². По-настоящему работать еще не могу. Надо еще подождать. В больнице лечили очень хорошо, поставили меня на ноги. Настроение хорошее.

Всего Вам лучшего!

Ваш В. Пропп

¹ Вернувшись из Великих Лук, я устроилась работать лаборантом на кафедру русского языка (для иностранных студентов) в Первый медицинский институт им. И. П. Павлова.

² Из дневниковой записи В. Я. Проппа от 15 августа 1962 г.: «Читаю Золя и вновь восхищен. Он и Диккенс величайшие гении прозы двух народов и двух

характеров. И не в натурализме дело, а в таком мастерстве, которого никогда не было и не будет (кроме Толстого и Чехова)» (*Пропп В. Я. Дневник старости. 1962–1996... С. 291*).

91

7 августа 1970 г.

Владимир Яковлевич очень благодарит Вас за Ваше письмо. Сам он писать еще не может. Его очень заинтересовало все, что Вы пишете про свою дочку Настеньку. Не огорчайтесь, что Вы не можете к нему прийти, он очень хотел бы повидать Вас и Настеньку, но это придется отложить.

М. Пропп

¹ Письмо написано сыном Владимира Яковлевича — Михаилом. В феврале 1970 г. у меня родилась дочь, и я не могла выбраться к Владимиру Яковлевичу в Репино. Через две недели Владимир Яковлевич скончался.

ОДНО ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПИСЕМ В. Я. ПРОППА

(подгот. текста **В. И. Ереминой**)¹

Репино, 02.08.1970 г.

Дорогая Берта Григорьевна!

Мне лучше, меня перевели на дачу, но здесь я на полубольничном положении: я, правда, встаю к столу, изредка выхожу из дома, могу пройти шагов сто (больше не позволяют), могу читать беллестристику, но в основном я все же лежу и ничего не делаю. Начал поправляться, но при моей болезни поправка всегда идет медленно. Дорогая Берта Григорьевна! Читаю и перечитываю письмо, которое Вы написали Елизавете Яковлевне, и глубоко тронут всем тем, как Вы ко мне отноитесь и как Вы меня помните. Всё, что я видел в Вашем доме, и то, как ко мне относился Игорь Петрович и как он меня понимал, принадлежит к самым светлым воспоминаниям моей жизни.

Передайте мой привет Вашим молодым, а Вашему малышу желаю, чтобы он рос и был здоров на утешение бабушке и родителям.

Ваш Пропп

---

¹ Письмо адресовано вдове И. П. Еремина, Берте Григорьевне Ереминой. В тексте упомянуты Валерия Игоревна Еремина, ее муж Лев Ильич Башмачников и сын Игорь Львович Башмачников.

V

БИБЛИОГРАФИЯ

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ТРУДОВ В. Я. ПРОППА (сост. Т. Г. Иванова)

Русскоязычные издания

Русскоязычные труды В. Я. Проппа учтены в библиографических указателях «Русский фольклор» и в персональной библиографии¹. В настоящем списке приведены основные издания, вышедшие в 1990–2021 гг.

1990

Врубель и фольклор. (Текст доклада. Набросок) / публ. Л. М. Ивлевой // Из истории русской фольклористики. Л.: Наука, 1990. Вып. 3. С. 238–256.

1992

Морфология сказки. СПб.: Наука, 1992. — 151 с. — Репринт. изд.: Л., 1928.

1995

Автобиография // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1995. № 3. С. 299–300.

Дневник старости. 1962–196... / публ. А. Н. Мартыновой // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1995. № 3. С. 300–350.

Змееборство Георгия в свете фольклора // Кунсткамера (МАЭ им. Петра Великого РАН): Избр. статьи. СПб.: Европейский дом, 1995. С. 293–314.

Из дневника В. Я. Проппа / публ. А. Н. Мартыновой // Русская литература. СПб., 1995. № 3. С. 235–239.

Открытая лекция / подгот. текста Л. М. Ивлевой // Живая старина. М., 1995. № 3. С. 11–17.

---

¹ Библиография трудов В. Я. Проппа / сост. Б. Н. Путилов // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 16–25.

В. Я. Пропп о принципах издания Свода русского фольклора / подгот. текста, предисл. и примеч. С. Н. Азбелева // Живая старина. М., 1995. № 4. С. 49–51.

Публикация статьи В. Я. Проппа «По поводу проспекта Свода русского фольклора».

Речь на юбилее весной 1965 г. / подгот. текста А. Н. Мартыновой // Живая старина. М., 1995. № 3. С. 9.

Русские аграрные праздники / вступ. ст. С. Б. Адоньевой. 2-е изд. СПб.: Азбука, Изд. центр «Терра», 1995. – 174 с.

1996

Исторические корни волшебной сказки / вступ. ст. В. И. Ереминой. [Переизд.]. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 363 с.

Морфология волшебной сказки. СПб.: Б. и., [1996]. – 152 с. – Репринт. изд.: Л., 1928.

Морфология сказки. СПб.: Наука-СПб, 1996. – 151 с.

1997

Проблемы комизма и смеха. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 1997. – 282 с.

1998

Морфология (волшебной) сказки; Исторические корни волшебной сказки: (Собр. трудов) / коммент. Е. М. Мелетинского, А. В. Рафаевой; сост., науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 1998. – 512 с.

Поэтика фольклора: (Собр. трудов) / сост., предисл. и коммент. А. Н. Мартыновой. М.: Лабиринт, 1998. – 351 с.

Часть первая. С. 24–155: Поэтика. Книга [рукопись незавершенной монографии]; Часть вторая. С. 155–173: Специфика фольклора; с. 173–185: Принципы классификации фольклорных жанров; с. 185–208: Об историзме русского фольклора и методах его изучения; с. 208–229: Структурное и историческое изучение волшебной сказки; с. 229–250: Трансформация волшебных сказок; с. 251–269: Кумулятивная сказка; с. 269–300: Легенда; с. 301–334: Фольклор и действительность.

1999

Проблемы комизма и смеха: Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне): (Собр. трудов) / [науч. ред., коммент. Ю. С. Рассказова]. М.: Лабиринт, 1999. – 285 с.

Проблемы комизма и смеха (Неопубликованные страницы) / послесл. и публ. А. В. Малинова // Метафизические исследования: Альманах лаборатории метафизических исследований при философском факультете Санкт-Петербургского

государственного университета. СПб.: Изд-во «Алетея», 1999. Вып. 9 ½ (9). С. 13–43².

Русский героический эпос: (Собр. трудов). [2-е изд.] / сост., науч. ред. М. П. Бушкевич. М.: Лабиринт, 1999. — 636 с.

2000

Исторические корни волшебной сказки. [4-е изд.] / науч. ред., текстол. comment. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. — 333 с.

Русская сказка: (Собр. трудов) / [науч. ред., comment. Ю. С. Расказова]. М.: Лабиринт, 2000. — 413 с.

Русские аграрные праздники: (Опыт ист.-этногр. исслед.): (Собр. трудов) / ст., comment. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт-МП, 2000. — 186 с.

2001

Морфология волшебной сказки: (Собр. трудов). М.: Лабиринт, 2001. — 143 с.

Сказка, эпос, песня: (Собр. трудов) / сост., науч. ред., comment. и указ. В. Ф. Шевченко. М.: Лабиринт, 2001. — 367 с.

Сказка. С. 6–32: Волшебное дерево на могиле (К вопросу о происхождении волшебной сказки); с. 33–64: Мужской дом в русской сказке; с. 65–104: Мотив чудесного рождения; Эпос. С. 106–108: Чукотский миф и гиляцкий эпос; с. 109–110: Отражение разгрома монголо-татарского нашествия в русском эпосе (К вопросу о типическом в народно-поэтическом творчестве); с. 111–144: Язык былин как средство художественной изобретательности; с. 145–176: Основные этапы развития русского героического эпоса; Песня. С. 178–179: Рабочая песня 1905 года; с. 180–222: Песня о гневе Грозного на сына; с. 223–292: О русской народной лирической песне; Прикладные проблемы фольклористики. С. 294–316: О составлении алфавитных указателей к сборникам сказок; с. 317–334: Текстологическое редактирование записей фольклора; с. 335–338: Принципы определения жанров русского фольклора.

2002

Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2002. — 333 с.

Проблемы комизма и смеха / ред. И. В. Пешков. М.: Лабиринт, 2002. — 189 с.

Сказка. Эпос. Песня: (Собр. трудов) / сост., науч. ред., comment. и указ. В. Ф. Шевченко. М.: Лабиринт, 2002. — 367 с.

Фольклор. Литература. История: (Собр. трудов) / сост., науч. ред., comment., библиогр. указ. В. Ф. Шевченко. М.: Лабиринт, 2002. — 464 с.

---

² Предисловие и гл. 1 книги «Проблемы комизма и смеха», не вошедшие в издания.

В свете фольклора. С. 6–53: Эдип в свете фольклора; с. 54–91: Историческая основа некоторых русских религиозных праздников; с. 92–114: Змейборство Георгия в свете фольклора; с. 115–119: Мотивы лубочных повестей в стихотворении А.С.Пушкина «Сон» 1816 г.; с. 120–136: «Калевала» в свете фольклора; с. 137–149: Сказки братьев Гримм на Русском Севере; с. 150–170: Врубель и фольклор; История фольклористики. С. 172–188: О фольклоре и фольклористике; с. 189–230: Белинский о народной поэзии; с. 231–249: Молодой Добролюбов об изучении народной поэзии; с. 250–268: А. Н. Афанасьев и его «Народные русские сказки»; с. 269–276: «Сравнительная мифология и ее метод» А. Н. Веселовского; с. 277–295: Труды академика Ив. Ив. Толстого по фольклору; с. 296–328: А. И. Никифоров и его «Северорусские сказки»; с. 329–330: Памяти Владимира Ивановича Чичерова; с. 331–334: Памяти Петра Дмитриевича Ухова; с. 335–336: «Фольклор пролетариата» В. Э. Пейкerta; с. 337–341: «История немецкой этнографии» Густава Юнгауера; с. 342–346: «Очерки русской исторической песни» Карла Стифа; с. 347–350: «Из истории русской повести XVII века» В. И. Малышева; с. 351–357: Нарты. Эпос осетинского народа; с. 358–365: «Русское народное поэтическое творчество» под ред. П. Г. Богатырева; с. 366–377: Этнографический ежегодник Берлинской академии наук; с. 378–385: Об историзме русского эпоса; с. 386–389: «Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков» Б. Н. Путилова; с. 390–396: «История европейской фольклористики» Джузеппе Коккяры; с. 397–404: «Крестьянские «жалобы»» Германа Штробаха; с. 405–410: «Славянская историческая баллада» Б. Н. Путилова; с. 411–419: Библиографический указатель «Русский фольклор» за 1917–1965 годы; с. 420–424: «Русские народные социально-утопические легенды» К. В. Чистова; с. 425–463: Комментарии.

Неизвестный В. Я. Пропп / предисл., сост. А. Н. Мартыновой; подгот. текста, comment. А. Н. Мартыновой, Н. А. Прозоровой. СПб.: Алетейя, 2002. — 478 с.

С. 25–159: Древо жизни. Автобиографическая повесть / публ. Н. А. Прозоровой; с. 160–288; Переписка с В. С. Шабуниным / предисл. В. С. Шабунина, comment. А. Н. Мартыновой; с. 289–334: Дневник старости. 1962–196.. / comment. А. Н. Мартыновой; с. 335–356: Из немецких стихотворений / публ. и пер. Г. А. Тиме и Р. Ю. Данилевского; с. 357–358: Автобиография / публ. А. Н. Мартыновой; с. 359–363: Речь на юбилее весной 1965 г. / публ. А. Н. Мартыновой; с. 364–376: Открытая лекция / предисл. и comment. Л. М. Ивлевой.

2003

Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2003. — 143 с.

2004

Исторические корни волшебной сказки / сост., науч. ред., текст. стол. comment. И. В. Пешков. — М.: Лабиринт, 2004. — 331 с.

Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этногр. исследования). — М.: Лабиринт, 2004. — 174 с.

2005

Морфология волшебной сказки / ред. И. В. Пешков. М.: Лабиринт, 2005. — 128 с.

Проблемы комизма и смеха: ритуальный смех в фольклоре. М.: Лабиринт, 2005. — 251 с.

Русская сказка. М.: Лабиринт, 2005. — 379 с.

2006

Проблемы комизма и смеха: ритуальный смех в фольклоре. М.: Лабиринт, 2006. — 251 с.

Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 2006. — 620 с.

2007

В свете фольклора / изд. подгот. В. Ф. Шевченко. М.: Лабиринт, 2007. — 167 с.

Исторические корни волшебной сказки / сост., науч. ред., текстол. comment. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2007. — 331 с.

Сказка, эпос, песня / изд. подгот. В. Ф. Шевченко. М.: Лабиринт, 2007. — 349 с.

2008

Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / [подгот. к изд. и вступ. ст. В. Я. Проппа]. М.: Фонд поддержки эконом. развития стран СНГ, 2008. — 558 с.

2009

Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2009. — 331 с.

2011

Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2011. — 127 с.

Русская сказка. М.: Лабиринт, 2011. — 379 с.

2015

Орлов А. С., Пропп В. Я. Героическая тема в русском фольклоре. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2015. — 854 с. (Русская этнография).

С. 163–851: Русский героический эпос.

2021

Исторические корни волшебной сказки / вступ. ст. В. И. Ереминой. СПб.: Питер, 2021. — 576 с.

Морфология сказки / вступ. ст. В. И. Ереминой. СПб.: Питер, 2021. — 256 с.

Иностранные издания

Иностранные издания учтены за период с 1966 г. по различным источникам в Интернет-ресурсах. Полнота библиографического описания зависит от источника.

1966

I canti popolari russi / con una scelta di canti a cura di Gigliola Venturi; traduzione di G. Venturi. Torino: G. Einaudi, 1966. — 255 p. (Series: Reprints Einaudi; T. 83).

На итал. яз. «Русские народные песни».

Morfologia della fiaba: con un intervento di Claude Lévi-Strauss e una replica dell'autore / a cura di Gian Luigi Bravo; edizione italiana di quest'opera è stata realizzata per consiglio di Vittorio Strada. Torino: G. Einaudi, 1966. — 230 p. (Series: Nuova biblioteca scientifica Einaudi; T. 13).

На итал. яз. «Морфология сказки»: с комментарием Клода Леви-Страсса и ответом автора»

Roshia no matsuri / [пер.] Shin'ichi Ooki. Tokyo: Iwasaki-bijutsu-sha, 1966.

На япон. яз. «Русские аграрные праздники», сокращенный вариант.

1969

Morfologia della fiaba: con un intervento di Claude Lévi-Strauss e una replica dell'autore / a cura di Gian Luigi Bravo. [Torino]: G. Einaudi, [1969]. — 230 p. (Series: Nuova biblioteca scientifica Einaudi; T. 13).

На итал. яз. «Морфология сказки»: с комментарием Клода Леви-Страсса и ответом автора».

1970

Morphologie du conte; suivi de Les transformations des contes merveilleux / E. Mélétiński; traductions de Marguerite Derrida, Tzvetan Todorov et Claude Kahn. [Paris]: Seuil, 1970. — 254 p. (Series: Points, Sciences humaines; 12; Collection Poétique (Seuil).

На франц. яз. «Морфология сказки» и «Трансформации волшебных сказок»; статья Е. М. Мелетинского «Структурно-типологическое изучение сказки».

Morfologia basmului / în românește de Radu Nicolau; studiu introductiv și note de Radu Niculescu. București Editura Univers, 1970. — XXXV, 167 p.

На румын. яз. «Морфология сказки».

1971

Morfológia rozprávky / preložila Nadežda Čepanová. V Bratislave: Tatran, [1971]. — 188 p. (Edícia Okno; 2. zv.).
На словац. яз. «Морфология сказки».

1972

Le radici storiche dei racconti di fate / traduzione di Clara Coisson; pref. di Giuseppe Cocchiara. Torino: Paolo Boringhieri, 1972.
На итал. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

Mukashibanashi no keitaigaku / [пер. Шиничи Оки]. Tokyo: Hakuba syobō, 1972. — 385 p.

На япон. яз. «Морфология сказки».

1973

Roshia no matsuri / [пер.] Шиничи Оки. Tokyo: Iwasaki-bijutsu-sha, 1973. — 212 p. (Minzoku mingei sōsho; 9).

На япон. яз. «Русские [аграрные] праздники».

Rădăcinile istorice ale basmului fantastic / traducere de Radu Nicolau; prefată de Nicolae Roșianu. București: Univers, 1973. — XIX, 495 p.

На румын. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

1974

Morfología del cuento: seguida de Las transformaciones de los cuentos maravillosos / [traducción de María Lourdes Ortiz; E. Mélétinski]. Madrid: Hitorial Fundamentos, 1974. — 234 p.

На испан. яз. «Морфология сказки» и статья «Трансформации волшебных сказок»; статья Е. М. Мелетинского «Структурно-типологическое изучение сказки».

1975

Morphologie des Märchens. [Frankfurt (Main)]: Suhrkamp, 1975. (Series: Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft; T. 131).

На нем. яз. «Морфология сказки».

1976

I canti popolari russi / con una scelta di canti a cura di Gigliola Venturi; traduzione di G. Venturi. Torino: G. Einaudi, 1976. — 255 p. (Series: Reprints Einaudi; T. 83).

На итал. яз. «Народные лирические песни».

Morfologia bajki / [tłumaczyła Wiesława Wojtyga-Zagórską]. Warszawa: Książka i Wiedza, 1976. — 257 p.

Напольск. яз. «Морфология сказки».

1977

Morfología del cuento: seguida de Las transformaciones de los cuentos maravillosos / [traducción de María Lourdes Ortiz; E. Mélétinski]. Madrid; Caracas: Editorial Fundamentos, 1977. — 234 p. (Colección Arte (Editorial Fundamentos); Serie Crítica; 21).

На испан. яз. «Морфология сказки» и статья «Трансформации волшебных сказок»; статья Е. М. Мелетинского «Структурно-типологическое изучение сказки».

1978

Feste agrarie russe: [una ricerca storico-etnografica] / introduzione di Maria Solimini; [traduzione di Rita Bruzzese]. Bari: Dedalo Libri, 1978. — 255 p. (Series: La scienza nuova).

На итал. яз. «Русские аграрные праздники».

L'epos eroico russo. Roma: Newton Compton, 1978. — 551 p. (Paperbacks saggi; 129).

На итал. яз. «Русский героический эпос».

Kōshō bungei to genjitsu / [пер.] Kimiko Saitō. Tokyo: Miyai Shoten, 1978. — 302 p.

На япон. яз. Перевод статей из книги В. Я. Проппа «Фольклор и действительность» (М., 1978).

1979

Le radici storiche dei racconti di fate / traduzione di Clara Coïsson; pref. di Giuseppe Cocchiara. Torino: Paolo Boringhieri, 1979.

На итал. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

Las Transformaciones del cuento maravilloso. México: Letra Cierta, 1979. — 69 p. (Cuadernos de semiología, Palabras vivas).

На испан. яз. «Трансформации волшебной сказки».

1982

Le radici storiche dei racconti di magia / [traduzione di Salvatore Arcella]; introduzione di Cecilia Gatto Trocchi. Roma: Newton Compton editori, 1982. — 400 p. (Paperbacks saggi; T. 153).

На итал. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

1983

Les racines historiques du conte merveilleux / traduit du russe par Lise Gruel-Apert; préface de Daniel Fabre et Jean-Claude Schmitt. Paris: Gallimard, 1983. — 484 p. (Series: Bibliothèque des sciences humaines).

На франц. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

Mahōmukashibanashi no kigen / [пер.] Kimiko Saitō. Tokyo: Serika shobō, 1983. — 396 p.

На япон. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

l'epos heroico ruso. Madrid: Fundamentos, 1983. Vol. 1–2 (Series Colección Arte (Editorial Fundamentos); 89–90).

На испан. яз. «Русский героический эпос».

Mukashibanashi no keitaigaku / [пер.] Michiyo Fukuda, Seiji Kitaoka. Tokyo: Hakuba syobō, 1983. — 385 p.

На япон. яз. «Морфология сказки».

1984

Las raíces históricas del cuento / [пер.] José María Arancibia. Caracas: Editorial Fundamentos, 1984. — 535 p. (Colección Arte (Editorial Fundamentos), Serie Crítica; 50).

На испан. яз. Перевод книги «Исторические корни волшебной сказки» с итальянской версии книги.

Zgapris morp'ologija. T'bilisi: Mec'niereba, 1984. — 236 p.

На грузин. яз. «Морфология сказки».

Problemi komike i smeha / preveo Bogdan Kosanović. Novi Sad: Dnevnik. Književna zajednica Novog Sada, 1984. — 165 p. (Biblioteka Theória; 2).

На серб.-хорват. «Проблемы комизма и смеха».

Theory and history of folklore / translated by Ariadna Y. Martin and Richard P. Martin and several others; edited, with an introduction and notes by Anatoly Liberman. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. — XXXI, 251 p. (Theory and history of literature; V. 5).

На англ. яз. «Теория и история фольклора». Перевод на английский избранных статей.

1985

Le radici storiche dei racconti di fate / traduzione di Clara Coïsson; pref. di Giuseppe Cocchiara. Torino: Paolo Boringhieri, 1985. — 578 p. (Universale scientifica; T. 75/76).

На итал. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

Mahōmukashibanashi no kigen / [пер.] Kimiko Saitō. Tokyo: Serika shobō, 1985.

На япон. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

Morfología del cuento: seguida de Las transformaciones de los cuentos maravillosos. Madrid: Editorial Fundamentos, 1985. — 234 p. (Colección Arte (Editorial Fundamentos); Serie Crítica; 21).

На испан. яз. Перевод с франц. версии «Морфология сказки» и статьи «Трансформации волшебной сказки»; статья Е. М. Мелетинского «Структурно-типологическое изучение сказки».

Theory and history of folklore / translated by Ariadna Y. Martin and Richard P. Martin and several others; edited, with an introduction and notes by Anatoly Liberman. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1985. — XXXI, 251 p. (Theory and history of literature; V. 5).

1986

Roshia mukashibanashi / [пер.] Kimiko Saitō. Tokyo: Serika shobō, 1986.

На япон. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

1987

Les fêtes agraires russes / traduit du russe par Lise Gruel-Apert. Paris: Maisonneuve & Larose, 1987. — 158 p. (Littératures populaires de toutes les nations, nouv. sér.; T. 33).

На франц. яз. «Русские аграрные праздники».

Die historischen Wurzeln des Zaubermaßchens / Martin Pfeiffer. München: Carl Hanser, 1987. (Series: Literatur als Kunst).

На нем. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

Las raíces históricas del cuento / [traducción de Jose Martin Arancibia]. Madrid: Editorial Fundamentos, 1987. — 535 p. (Colección Arte (Editorial Fundamentos), Serie Crítica; 50).

На испан. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

Morfología del cuento: seguida de Las transformaciones de los cuentos maravillosos. Madrid: Fundamentos, 1987. — 234 p. (Colección Arte (Editorial Fundamentos); Serie Crítica; 21).

На испан. яз. «Морфология сказки» и статья «Трансформации волшебных сказок»; статья Е. М. Мелетинского «Структурно-типологическое изучение сказки».

Morphologia tou paramythiou: hē diamachē tou K. Levi-Strōs me ton V. Prop kai alla keimena / [Пер. А. Парисе]. Athēna: Ekdoseis Kardamitsa, 1987. — 368 p.

На греч. яз. «“Морфология сказки”: спор К. Леви-Строса и В. Я. Проппа и другие тексты».

Morfologi cerita rakyat / terjemahan Noriah Taslim. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 1987. — 182 p.
На малайском яз. «Морфология сказки» в переводе с англ. яз.

Mukashibanashi no keitaigaku / [пер.] Michiyo Fukuda, Seiji Kitaoka. Tokyo: Hakuba syobō, 1987. — 385 p.
На япон. яз. «Морфология сказки».

Mindam hyōngt'aeron / [пер. Yōng-dae Yu]. Sōul: Saemunsa, 1987.
На корейск. яз. «Морфология сказки».

1988

Comicità e riso: letteratura e vita quotidiana / a cura di Giampaolo Gandolfo. Torino: Einaudi, 1988. — VI, 213 p. (Einaudi paperbacks; T. 184).
На итал. яз. «Проблемы комизма и смеха».

Mahomukashibanashi no kigen / [пер.] Kimiko Saitō. Tokyo: Serika shobō, 1988.

На япон. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

Roshia no matsuri / [пер.] Shin'ichi Ooki. Tokyo, 1988.
На япон. яз. «Русские [аграрные] праздники».

1989

Rīkhtshināsī-yi qışah / [пер.] M. Kāshīgār, Tehran, 1368 [1989 or 1990]. — 206 pp.
На персид. яз. «Морфология сказки».

Mukashibanashi no keitaigaku / [пер.] Seiji Kitaoka, Michiyo Fukuda. Tokyo: Suiseisha, 1989.

На япон. яз. «Морфология волшебной сказки».

[Пер.] Ahmad Abd al-Rahim Nasr; Abu Bakr Ahmad Baqadir. Jiddah: al-Nadi al-Adabi al-Thaqafi, 1989. — 363 p.
На араб. яз. Перевод «Морфологии сказки» с англ. яз.

[199-]

Исторически корени на вълшебната приказка / прев. Магдалена Куцарова. [София]: Прозорец, [199-]. — 352 с. — Написание имени: Проп, Владимир.
На болгар. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

1990

La fiaba russa. Lezioni inedite / a cura di Franca Crestani. Torino: G. Einaudi, 1990. — XXXIV, 393 p.

Historijski korijeni bajke / prevodilac Vida Flaker. Sarajevo: Svetlost, 1990. — 552 p. (Biblioteka Raskrsća).

Наbosнийском яз. «Исторические корни волшебной сказки». С переводом статьи В. И. Ереминой «Исторические корни волшебной сказки и ее значение для исследования современной сказки» и ее комментариев к книге.

Morphology of the folktale. 2 ed. Austin, Texas: University of Texas Press, 1990. — XXVI, 158 p. (Publications of The American Folklore Society: Bibliographical series; 9). (Publication / Indiana University, Research Center in Anthropology, Folklore and Linguistics; 10).

На англ. яз. «Морфология сказки».

Min dam ui sa yeog sa jeog gi won / V. Peu lo peu jeo; Choe Ae li yeog. Seo ul: Mun hag gwa ji seong sa, 1990. (Hyeon dae ui mun hag i lon; 17).

На корейск. яз. «Морфология сказки».

Mindam ūi yōksajōk kiwōn / [пер. Ae-ri Ch'oe]. Sōul: Munhak kwa Chisōngsa, 1990. (Series: Hyōndae ūi munhak iron; 17).

На корейск. яз. «Исторические корни волшебных сказок».

1991

Mukashibanashi no keitaigaku / [пер.] Michiyo Fukuda, Seiji Kitaoka. Tokyo: Hakuba syōbō, 1991. — 385 p.

На япон. яз. «Морфология сказки».

1992

Morfología del cuento: seguida de Las transformationes de los cuentos maravillosos / E. Méléntski. Madrid: Fundamentos, 1992. — 234 p.

На испан. яз. «Морфология сказки»; со статьей Е. М. Мелетинского «Структурно-типологическое изучение сказки».

Morfología della fiaba: Le radici storiche dei racconti di magia / [trad. di Salvatore Arcella]. Roma: Newton Compton, 1992. — 478 p.

На итал. яз. «Морфология сказки».

Morfologia do conto. 3 ed. / préfacio de Adriano Duarte Rodrigues. Lisboa: Vega, 1992. — 286 p.

На португал. яз. «Морфология сказки».

Morfología del cuento: seguida de Las transformaciones de los cuentos maravillosos. Madrid: Fundamentos, 1992. — 234 p. (Colección Arte (Editorial Fundamentos); Serie Crítica; 21).

На испан. яз. «Морфология сказки» и статья «Трансформации волшебных сказок»; со статьей Е. М. Мелетинского «Структурно-типологическое изучение сказки».

1993

Feste agrarie russe: una ricerca storico-etnografica / introd. di Maria Solimini. Bari: Delao, 1993. — 245 p.
На итал. яз. «Русские аграрные праздники».

Russian folk lyrics / transl. and ed. by Roberta Reeder; with an introductory essay by V. Ja. Propp. Bloomington: Indiana University Press, 1993. — XVI, 189 p.

На англ. яз. Сборник текстов с предисловием В. Я. Проппа.

Theory and history of folktale. 3 ed. / translated by Ariadna Y. Martin, Richard P. Martin and several others; edited, with an introduction and notes by Anatoly Liberman. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. — LXXXI, 252 p. (Theory and history of folktale; 5).

На англ. яз. «Теория и история фольклора». Перевод избранных статей.

1994

Morphology of the folktale. 2 ed., 11 paperback printing / [rev. and ed. with a pref. by Louis A. Wagner; new introd. by Alan Dundes]. Austin, Texas: University of Texas Press, 1994. — XXVI, 158 p. (Publications of The American Folklore Society: Bibliographical series; 9). (Publication / Indiana University, Research Center in Anthropology, Folklore and Linguistics; 10).

На англ. яз. «Морфология сказки».

Morphology of the folktale. 2 ed., 12 paperback printing / [rev. and ed. with a pref. by Louis A. Wagner; new introd. by Alan Dundes]. Austin, Texas: University of Texas Press, 1994. — XXVI, 158 p. (Publications of The American Folklore Society: Bibliographical series; 9). (Publication / Indiana University, Research Center in Anthropology, Folklore and Linguistics; 10).

На англ. яз. «Морфология сказки».

1995

A mese morfológiája / Ford. Soroni András. Budapest: Osiris-Századvég, 1995. — 213 c.

На венгер. яз. «Морфология сказки».

Morphology of the folktale. Moving image. Approaches to media / ed. by Oliver Boyd-Barret. London, 1995. (Foundations in media).

На англ. яз. «Морфология сказки».

Morphologie du conte: suivi de Les transformations des contes merveilleux / E. Méléntinski; trad. de Marguerite Derrida [et al.]. Paris: Seuil, 1995. — 254 p.

На франц. яз. «Морфология сказки» со статьей «Трансформации волшебных сказок»; со статьей Е. М. Мелетинского «Структурно-типологическое изучение сказки».

1996

Morphology of the folktale. 2. ed. / rev. and ed. with a pref. by Louis A. Wagner; new introd. by Alan Dundes. Austin: University of Texas Press, 1996. — XXVI, 158 p. (American Folklore Society bibliographical and special series; 9). (Publication / Indiana University Research Center in Anthropology, Folklore and Linguistics; 10).

На англ. яз. «Морфология сказки».

Mūrfūlūjiyā al-qīṣḥah / [пер.] ‘Abd al-Karīm Ḥasan, Samīrah Bin ‘Ammū. Dimashq: Shirā‘, 1996. — 291 p.

На араб. яз. «Морфология сказки».

Le radici storiche dei racconti di fate. 2 ed. / [trad. di Clara Coïsson]. Torino: Boringhieri, 1996. — 578 p.

На итал. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

1997

De morfologie van het toversprookje: vormleer van een genre / vertaald door: Max Louwerse. Utrecht: Het Spectrum, 1997. — 192 p.

На голланд. яз. «Морфология сказки: теория формирования жанра».

Morfología del cuento. México: Colofón, 1997. — 214 p. (Ensayo Literatura).

На испан. яз. «Морфология сказки».

Theory and history of folklore / translated by Ariadna Y. Martin and Richard P. Martin and several others; edited, with an introduction and notes by Anatoly Liberman. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. — XXXI, 251 p. (Theory and history of literature; V. 5).

На англ. яз. «Теория и история фольклора». Перевод избранных статей.

1998

Morfologia della fiaba: con un intervento di Claude Lévi-Strauss e una replica dell'autore / a cura di Gian Luigi Bravo. Torino: G. Einaudi, 1998. — X, 230 p.

На итал. яз. «“Морфология сказки”: с комментарием Клода Леви-Страсса и ответом автора».

Morfología del cuento. Madrid: Akal, 1998. — 288 p.

На испан. яз. «Морфология сказки».

Las raíces históricas del cuento. Madrid: Fundamentos, 1998. — 535 p. (Colección Arte; Serie crítica; 50).

На испан. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

Hua qi yu xiao de wen ti / [Пер.: Du Shuying, Li Ran yi (Ли Ран)]. Shenyang: Liaoning jiao yu chu ban she, 1998. — 204 p.

На китайском яз. «Проблемы комизма и смеха».

1999

Morfologie pohádky a jiné studie / přel. Miroslav Červenka et al. 2 vidání. Jinočany: H & H, 1999. — 344 c.

На чеш. яз. «Морфология сказки».

~Aœ mese morfológiája / ford. Soproni András. 2 ed. Budapest: Osiris K., 1999. — 213 p. (Series Statement: Osiris könyvtár: folklor).

На венгер. яз. «Морфология сказки».

2000

Morfologia della fiaba: con un intervento di Claude Lévi-Strauss e una replica dell'autore / a cura di Gian Luigi Bravo. Torino: Giulio Einaudi editore, 2000. — 230 p.

На итал. яз. «Морфология сказки»: с комментарием Клода Леви-Страсса и ответом автора».

Morfologia della fiaba / con un intervento di Claude Lévi-Strauss e una replica dell'autore; a cura di Gian Luigi Bravo. Torino: Giulio Einaudi editore, 2000. — 230 p. (Series: Piccola biblioteca Einaudi. Nuova Serie; Saggistica letteraria e linguistica).

На итал. яз. «Морфология сказки»: с комментарием Клода Леви-Страсса и ответом автора».

Morfología del cuento. Madrid: Editorial Fundamentos, 2000. — 234 p. (Colección Arte (Editorial Fundamentos); Serie Crítica; 21).

На испан. яз. «Морфология сказки»: со статьей Е. М. Мелетинского «Структурно-типологическое изучение сказки».

2001

Морфология на приказката / [перевод] Елена Германова, Владимир Германов. [София]: Изд-во «Захари Стоянов», 2001. — 243 с.

На болгар. яз. «Морфология сказки».

Morphologie du conte: suivi de Les transformations des contes merveilleux / E. Mélétinski. Paris: Seuil, 2001. — 254 p. (Collection Points. Série Essais; 12).

На франц. яз. «Морфология сказки» и статья «Трансформации волшебных сказок»; со статьей Е. М. Мелетинского «Структурно-типологическое изучение сказки».

Morphology of the folktale. 2. ed., 16 paperback printing. Austin: University of Texas Press, 2001. — XXVI, 158 p. (Publications of the American Folklore Society. Bibliographical and special series; 9). (Publication / Indiana University Research Center in Anthropology, Folklore, and Linguistics; 10).

На англ. яз. «Морфология сказки».

Masalın Biçimbilimi Olağanüstü Masalların Yapısı / [пер.] Mehmet Rifat, Sema Rifat. [İstanbul]: Om Yayınevi, 2001. — 184 p.

На турецком яз. «Морфология сказки».

2003

Morphology of the folktale / 2 ed., revised and edited with a preface by Louis A. Wagner; new introd. by Alan Dundes. 17 paperback printing. Austin: University of Texas Press, 2003. — XXVI, 158 p. (Publications of the American Folklore Society. Bibliographical and special series; 9). (Publication / Indiana University Research Center in Anthropology, Folklore, and Linguistics; 10).

На англ. яз. «Морфология сказки».

Les racines historiques du conte merveilleux. Paris: Gallimard, 2003. — 484 p. (Bibliothèque des sciences humaines).

На франц. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

2004

Morphology of the folktale // Literary theory / ed. by Julie Rivkin. Malden, MA [u. a.], 2004.

На англ. яз. «Морфология сказки».

2005

Morphologie du conte: suivi de Les transformations des contes merveilleux / E. Mélétinski. Paris: Seuil, 2005. — 254 p.

На франц. яз. «Морфология сказки» и статья «Трансформации волшебных сказок»; со статьей Е. М. Мелетинского «Структурно-типологическое изучение сказки».

Morphology of the folktale. 2 ed., rev., 18 paperback printing. Austin, Texas: University of Texas Press, 2005. — XXVI, 158 p. (Publication of the American Folklore Society: Bibliographical and special series; 9). (Publication / Indiana University, Research Center in Anthropology, Folklore and Linguistics; 10).

На англ. яз. «Морфология сказки».

A varázsmese történeti gyökerei. Budapest: L'Harmattan, 2005. — 401 p.

На венгер яз. «Исторические корни волшебной сказки».

2006

Morphologie du conte: suivi de Les transformations des contes merveilleux / E. Mélétinski. Paris: Seuil, 2006. — 254 p.

На франц. яз. «Морфология сказки» и статья «Трансформации волшебных сказок»; со статьей Е. М. Мелетинского «Структурно-типологическое изучение сказки».

Morfologia do conto maravilhoso. [Rio de Janeiro; São Paulo]: Forense Universitária, 2006. — 288 p.

На португал. яз. «Морфология сказки».

Gu shi xing tai xue / [пер. Цзя Фанг]. Beijing Shi: Zhong hua shu ju, 2006. — 213 p.

На китайском яз. «Морфология сказки».

2007

Folclore y realidad: tres ensayos sobre el folklore / selección y traducción de Ricardo San Vicente. Madrid: Alianza Editorial, 2007. — 246 p. (Series: Libro de bolsillo, Ciencias sociales, Antropología; CS 3019).

На испан. яз. «Фольклор и действительность: три очерка о фольклоре» («Эдип в свете фольклора», «Ритуальный смех в фольклоре», «Исторические корни волшебной сказки», «Фольклор и действительность»).

Morphologie des Märchens // Die Welt der Geschichten / hrsg. von Alf Mentzer. Frankfurt am Main, 2007. — 152 p.

На нем. яз. «Морфология сказки».

Morphologie du conte: suivi de Les transformations des contes merveilleux / E. Mélétinski; trad. de Marguerite Derrida, Tzvetan Todorov et Claude Kahn. [Paris]: Seuil, 2007. — 254 p.

На франц. яз. «Морфология сказки» и статья «Трансформации волшебных сказок»; со статьей Е. М. Мелетинского «Структурно-типологическое изучение сказки».

2008

Morfologia della fiaba: con un intervento di Claude Lévi-Strauss e una replica dell'autore / a cura di Gian Luigi Bravo. Torino: Einaudi, 2008. — 230 p.

На итал. яз. ««Морфология сказки»: с комментарием Клода Леви-Страсса и ответом автора».

Morphology of the folktale. 2. ed., rev. 19 paperback printing. — Austin: University of Texas Press, 2001. — XXVI, 158 p. (Publications of the American Folklore Society. Bibliographical and special series; 9). (Publication / Indiana University Research Center in Anthropology, Folklore, and Linguistics; 10).

На англ. яз. «Морфология сказки».

Masalın Biçimbilimi Olağanüstü Masalların Yapısı / [пер.] Mehmet Rifat, Sema Rifat; [ред.] Rüken Kızıler. [İstanbul]: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2008. — 232 p.

На турецком яз. «Морфология сказки».

Las raíces históricas del cuento / [traducción de Jose Martín Arancibia]. Madrid: Editorial Fundamentos, 2008. — 535 p. (Colección Arte (Editorial Fundamentos), Serie Crítica; 50).

На испан. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

2009

Морфологија на сказната / прев. од рус. яз. Тронда Пејсовиќ. Скопје: Македоска реч, 2009. — 192 с.

На македонском яз. «Морфология сказки».

Morfología del cuento / traducción del francés, F. Díez del Corral. Tres Cantos: Akal, 2009. — 225 p.

На испан. яз. Перевод с французского «Морфологии сказки».

Morphology of the folktale. 2. ed., 20 paperback printing / rev. and ed. with a pref. by Louis A. Wagner; new introd. by Alan Dundes. Austin, Texas: University of Texas Press, 2009. — XXVI, 158 p.

На англ. яз. «Морфология сказки».

On the comic and laughter / edited and translated by Jean-Patrick Debbèche and Paul Perron. Toronto: University of Toronto Press, 2009. — XVI, 191 p. (Toronto studies in semiotics and communication).

На англ. яз. «Проблемы комизма и смеха».

Μορφολογία του παραμυθιού / [пер.] Αριστέα Παρίση. [Афины]: by Ινστιτούτο του Βιβλίου Α. Καρδαμίτσα, 2009. — 330 p.

На греч. яз. «Морфология сказки».

Mahōmukashibanashi no kenkyu / [пер.] Kimiko Saitō. Tokyo: Kodansha, 2009. — 373 p.

На япон. яз. Переизд. (испр. и доп.) статей из книги В. Я. Проппа «Фольклор и действительность» (М., 1978).

2011

Morfología del cuento / traducción del francés F. Díez del Corral. 5 ed. Madrid: Akai, 2011. — 275 p. (Básica de bolsillo Akal; 31).
На испан. яз. Перевод с французского «Морфологии сказки».

2012

Руски аграрни празници: покушај историјско-етнографског истраживања / прев. с рус. Богдан Косановић. Нови Сад; Сремски Карловици: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2012. — 250 c.
На серб. яз. «Русские аграрные праздники».

Morfologija bajke / prev. sa rus. Petar Vujičić. Beograd: Biblioteka XX vek, 2012. — 334 c.
На серб. яз. «Морфология сказки».

Morfologia della fiaba: con un intervento di Claude Lévi-Strauss e una replica dell'autore / a cura di Gian Luigi Bravo. Torino: Einaudi, 2012. — X, 230 p.

На итал. яз. «Морфология сказки»: с комментарием Клода Леви-Страсса и ответом автора».

The Russian folktale / edited and translated by Sibelan Forrester; foreword by Jack Zipes. Detroit: Wayne State University Press, 2012. — XXVI, 387 p. (Series in fairy-tale studies).

На англ. яз. «Русская сказка».

2013

Историјски корени чаробне бајке / превели с руског Марја-Магдалена Косановић, Богдан Косановић. Нови Сад; Сремски Карловици: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2013. — 466 c.

На серб. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

Morphology of the folktale / Wagner, Louis A.; Dundes, Alan. 2. ed., rev., 22 paperback printing. Austin: University of Texas Press, 2013. — XXVI, 158 p. (Publications of the American Folklore Society. Bibliographical and special series; 9). (Publication / Indiana University Research Center in Anthropology, Folklore, and Linguistics; 10).

На англ. яз. «Морфология сказки».

Zgodovinske korenine čarobne pravljice / [prevod Lijana Dejak]; [izdajatelj] Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti, Scientific Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts. Ljubljana: ZRC Publ., 2013. — 343 s. (Studia Mythologica Slavica: Supplementa; 8).

На словен. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

Mindam hyöngt'aeron / [Пер. Yǒng-dae Yu]. Sōul: Saemunsa, 2013.

На корейском яз. «Морфология сказки».

2015

Morfología del cuento. Б/м: Colofon, 2015. – 231 p.

На испан. яз. «Морфология сказки».

Morphologie du conte: suivi de Les transformations des contes merveilleux / E. Mélétienski; traduction du Russe de Marguerite Derrida, Tzvetan Todorov et Claude Kahn. Paris: Éditions du Seuil, [2015]. – 254 p.

На франц. яз. «Морфология сказки» и статья «Трансформации волшебных сказок»; со статьей Е. М. Мелетинского «Структурно-типологическое изучение сказки».

Morphology of the folktale / edited with an introduction by Svatava Pirkova-Jakobson; translated by Laurence Scott. – Mansfield Centre, CT: Martino Publishing, 2015. – X, 134 p.

На англ. яз. «Морфология сказки».

Morphology of the folktale / translated by Laurence Scott; with an introduction by Svatava Pirkova-Jakobson. Austin: University of Texas Press, 2015. – XXVI, 158 p. (Publications of the American Folklore Society, Bibliographical and special series; vol. 9; Indiana University Research Center in Anthropology, Folklore, and Linguistics; vol. 10).

На англ. яз. «Морфология сказки».

2016

Down Along the Mother Volga: An Anthology of Russian Folk Lyrics / transl. and ed. by Roberta Reeder; with an introductory essay by V. Ja. Propp. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016. (Folklore and Folklife).

На англ. яз. «Вдоль по матушке по Волге: Антология русских народных лирических песен».

2017

On the comic and laughter / Jean-Patrick Debbèche, Paul J. Perron. Toronto: University of Toronto Press, 2017. – 224 p.

На англ. яз. «Проблемы комизма и смеха».

Le conte russe / trad. du russe, préf. et annot. par Lise Gruel-Apert. Paris: Auzas éditeur-Imago, 2017. – 306 p.

На франц. яз. «Русская сказка».

Problems of laughter and the comic / translation and introduction by Harish Kumar Vijra. Delhi: Parable International, 2017. — 273 p.
На англ. яз. «Проблемы комизма и смеха».

Le radici storiche dei racconti di fate / introd. di A.M. Cirese; trad. di Clara Coisson. 2 ed. Torino: Bollati Boringhieri, 2017. — 578 p.
На итал. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

2019

Le conte russe / trad. du russe, préf. et annot. par Lise Gruel-Apert. Paris: Auzas éditeur-Imago, 2017. — 237 p.
На франц. яз. «Русская сказка».

Russian agrarian holidays: (an attempt at an historical-ethnographic analysis) / [пер.] Franklin Sciacca. [Clinton, New York: Hamilton College, 2019]. — 125 p.

На англ. яз. «Русские аграрные праздники».

Год неизвестен

She qi gu shi de li shi gen yuan / [пер. Jia Fang yi, Shi Yongqin jiao]. Б/м, б/г. — 484 p. (Series “Wai guo min su wen hua yan jiu ming zhu yi cong”).

На китайск. яз. «Исторические корни волшебной сказки».

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
----------------------	---

I. ИССЛЕДОВАНИЯ

Б. Н. Путилов. От сказки к эпосу (по страницам творческой биографии Владимира Яковлевича Проппа)	6
М. В. Иванов. Жизненный сюжет Владимира Яковлевича Проппа	26
И. И. Земцовский. Следуя Проппу	34
В. Б. Шкловский. Функции героев волшебной сказки	48
Ю. И. Юдин. Последняя книга В. Я. Проппа («Русская сказка». Л., 1984)	65
С. А. Жадовская. На пути к морфологии русских аграрных праздников	72
В. Е. Ветловская. Народные идеалы у Ф. М. Достоевского и их фольклорная основа	89
<u>В. И. Еремина.</u> Идеи «Морфологии сказки» В. Я. Проппа в мировом контексте	134
* * *	
К. Бремон. Структурное изучение повествовательных текстов после В. Я. Проппа	156
Б. Н. Путилов. Второе рождение книги	164
К. Сайто. В. Я. Пропп в Японии	172

II. ЮБИЛЕЙНЫЕ СТАТЬИ

П. Н. Берков. Метод исследования народного творчества в трудах В. Я. Проппа	175
А. А. Горелов. Памяти В. Я. Проппа (1895–1970)	183
Б. Н. Путилов. Живое наследие ученого (к столетию Владимира Яковлевича Проппа)	190

III. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДРУЗЕЙ И УЧЕНИКОВ В. Я. ПРОППА

И. П. Лупанова. Учитель и друг	198
О. Н. Гречина. Человек другой цивилизации	205
А. И. Нутрихин. Из воспоминаний о В. Я. Проппе	219
Ю. И. Юдин. Владимир Яковлевич	224
М. П. Чередникова. Формула счастья	235
А. Ф. Некрылова. О семинаре В. Я. Проппа	239
Л. Э. Найдич. О Владимире Яковлевиче Проппе	250

IV. ПИСЬМА

С. А. Семячко. В. Я. Пропп о «Повести временных лет» ...	258
В. В. Воронов. Несколько писем В. Я. Проппа	267
Письма В. Я. Проппа Л. М. Ивлевой и А. Ф. Некрыловой (подгот. текстов и comment. А. Ф. Некрыловой)	274
Письма В. Я. Проппа А. Ф. Некрыловой (подгот. текстов и comment. А. Ф. Некрыловой)	291
Одно из последних писем В. Я. Проппа (подгот. текста В. И. Ереминой)	299

V. БИБЛИОГРАФИЯ

Основные публикации трудов В. Я. Проппа (сост. Т. Г. Иванова):

Русскоязычные издания (1990–2021 гг.)	300
Иностранные издания (1966–2019 гг.)	305

Научное издание

Печатается по решению Ученого совета
Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
протокол № 6 от 12 июля 2022 г.

Оригинал-макет: К. М. Никулин

Подписано в печать 20.12.2024
Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная.

Тираж 300 экз.
Отпечатано
в Типографии «Арт-Экспресс»
тел. 331-33-22

199155 Санкт-Петербург, В.О., ул. Уральская, 17, к. 3, оф. 4
e-mail: zakaz@art-xpress.ru, www.art-xpress.ru
Заказ 35520